

Журнал основан
в июне 1974 года

СОДЕРЖАНИЕ

XXIV ХАРЧЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ

- 3 ДУДИНА В.И. Концептуализация социальной активности в условиях общественной нестабильности: между микро- и макроуровнями
- 15 КЛУПТ М.А. Демографическое развитие в свете кризисов XXI века: теоретический анализ

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА. СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА

- 25 СУШКО П.Е. Представления россиян о путях развития России: распространенность и специфика
- 38 ЗВОНОВСКИЙ В.Б., ХОДЫКИН А.В. Отражение культурной власти геополитического нарратива в коллективных представлениях россиян о специальной военной операции
- 54 БОРЦЕВСКИЙ Г.А. «Прямая линия с Владимиром Путиным» в зеркале социологии и аксиологии
- 66 ФАРАХУТДИНОВ Ш.Ф., ХАЙРУЛЛИНА Н.Г. Всероссийская перепись населения 2020–2021 гг. глазами переписчика

МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

- 74 САМОЙЛЕНКО Е.С., САВЧЕНКО Т.Н. Социальное сравнение как фактор субъективного благополучия

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ. СОЦИОЛОГИЯ ТРУДА

- 86 ТЕМНИЦКИЙ А.Л. Ресурсный потенциал precarious работников в России
- 100 АНИСИМОВ Р.И. Рабочее время и социальные гарантии прекариев (опыт сравнительного анализа)

СОЦИОЛОГИЯ ПРОФЕССИЙ

- 112 ЯРСКАЯ-СМИРНОВА Е.Р., ЯРСКАЯ-СМИРНОВА В.Н. Жизненный мир помогающей профессии в период пандемии: переосмысление символических границ
-

ВОЕННАЯ СОЦИОЛОГИЯ

- 123 ОБРАЗЦОВ И.В. «Несокрушимая и легендарная» на закате советской эпохи

ПЕРВЫЕ ШАГИ

- 135 ЧЕРНЫШЁВА Н.С., ЧЖАН ЮЙСИНЬ. Молодежная миграция в России: обзор дискуссий

ФАКТЫ. КОММЕНТАРИИ. ЗАМЕТКИ

- 144 НАЗАРОВА И.Б. Социальные предприятия: запрос на поддержку
149 БЕЛОВА Ю.Ю., КОРОТКОВ П.А., ФАДЕЕВА И.М. Факторы риска приобщения к наркотикам (на примере Республики Мордовия)
154 ГАЛКИН К.А. Стратегии здоровьесбережения пожилых людей после пандемии (на примере сел Республики Карелия)

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- 158 ШИЛОВА В.А., БОГДАНОВ В.С. Управление в цифровом обществе (по материалам круглого стола)
161 АДЕЛЬФИНСКИЙ А.С. О кризисе социального порядка в спорте
163 ПЕТРОВА Е.В., АКТАМОВ И.Г. Мир Центральной Азии в новой геополитической реальности

РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД НОВОЙ КНИГОЙ

- 165 БЕЛЯЕВА Л.А. Шансы и риски как критерии социальной стратификации современного российского общества

- 171 КОРОТКО О КНИГАХ

IN MEMORIAM

- 173 С.Н. Иконникова

- 175 CONTENTS

НОВЫЕ КНИГИ ПО СОЦИАЛЬНЫМ НАУКАМ (2-я стр. обл.)

В БЛИЖАЙШИХ НОМЕРАХ (4-я стр. обл.)

При подготовке направляемых в журнал статей просим руководствоваться правилами, указанными на сайте журнала (<http://www.socis.isras.ru/>; <http://www.isras.ru/socis.ru>) или на обложке журнала в № 1 и № 7. Статьи присылать по электронной почте (socis@isras.ru) в формате *.doc. Авторы **несут ответственность** за подбор и достоверность приведенных данных.

Решение о публикации принимается в течение **2-х месяцев** со дня регистрации рукописи. Принятие решения о соответствии/несоответствии поступивших статей профилю, концепции и тематике журнала является прерогативой редколлегии и редакции журнала. На основе рецензирования редакция принимает окончательное решение о публикации (или отклонении) статей.

Полная или частичная перепечатка материалов допускается только после разрешения редакции. Ссылка на источник обязательна. Публикуемые материалы могут не отражать точку зрения учредителей, редколлегии и редакции.

Полнотекстовые версии статей выставляются в свободном доступе на <http://www.socis.isras.ru/>, <http://www.isras.ru/socis.html> через три месяца после выхода печатной версии.

Сообщаем, что для быстрой и удобной подачи статей в журналы РАН можно воспользоваться редакционно-издательским порталом ras.jes.su. См. подробнее: <https://ras.jes.su/submit-paper-ru.html>

По возникающим вопросам обращаться на электронный адрес редакции: socis@isras.ru

© 2022 г.

В.И. ДУДИНА

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ В УСЛОВИЯХ ОБЩЕСТВЕННОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ: МЕЖДУ МИКРО- И МАКРОУРОВНЯМИ

ДУДИНА Виктория Ивановна – доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой прикладной и отраслевой социологии Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия (viktoria_dudina@mail.ru).

Аннотация. Проблема соотношения структуры и деятельности, микро- и макроуровней обретает особую актуальность в периоды социальной нестабильности. Несмотря на существование определенных теоретических решений, эта проблема постоянно воспроизводится на методологическом уровне. В статье ставится задача проследить, как подходы к решению проблемы соотношения двух уровней социальной реальности могут быть реализованы в методологии и какие предпосылки этого создаются в контексте развития цифровых исследовательских инструментов. Рассматриваются подходы к решению проблемы структура/деятельность, микро/макро, предложенные в рамках нового материализма и акторно-сетевой теории. Ставится вопрос, как онтологические и теоретические интенции указанных направлений могут быть реализованы на уровне методологии. В качестве методологического инструмента решения проблемы указанных дихотомий рассмотрен концепт паттерн, описывающий социальную реальность не иерархически. Делается вывод, что анализ паттернов социальной активности позволяет интерпретировать эмпирические данные без апелляции к сущностям разных уровней и снимает проблему дихотомий «микро/макро», «структура/деятельность».

Ключевые слова: структура • деятельность • микро/макроуровни • акторно-сетевая теория • новый материализм • плоская онтология • паттерн

DOI: 10.31857/S013216250021526-1

Введение. В периоды общественной нестабильности, когда многие структурные детерминанты утрачивают значимость, а социальные действия теряют устойчивые ориентиры, проблема концептуализации связей между структурой и действием, макро- и микроуровнями становится особенно актуальной [Сорокин, Фрумин, 2020; Crossley, 2022; Hvinden, 2018; Karasev, 2022; Jensen, Larsen, 2021; Maigari, 2021]. Для объективистской социологии, наследующей позитивистской традиции, проблемой является объяснение того, почему влияние одних и тех же структурных макрофакторов порождает вариативность действий на микроуровне. Для интерпретативной социологии основная трудность состоит в объяснении возникновения общих макроструктур из микровзаимодействий. Если позитивистская социология испытывает трудности с концептуализацией индивидуально-го действия и его субъективного измерения, то для интерпретативных подходов камнем преткновения становится объяснение взаимной скоординированности действий. Попытки решения этой проблемы предпринимались в социологической теории неоднократно. Из

наиболее известных достаточно упомянуть концепции Э. Гидденса, П. Бурдьё, М. Арчер [Бурдьё, 2001; Гидденс, 2005; Archer, 1995; Bourdieu, 1980]. Несмотря на существование более или менее удовлетворительных теоретических решений, указанная проблема постоянно воспроизводится на методологическом уровне.

Социолог, проводя эмпирическое исследование, не может одновременно фокусироваться на двух уровнях социальной реальности, как бы красиво это ни называлось в методологических руководствах – «целостным видением» или «комплексным подходом». На эмпирическом уровне исследователь может собирать макроданные с помощью инструментов количественной социологии и при необходимости дополнять их качественными данными. Или, напротив, идти от качественных микроданных и потом верифицировать выявленные тенденции с помощью количественных методов, делая вывод о макрозакономерностях. В рамках различных стратегий смешивания методов такие алгоритмы работы могут быть реализованы как разведывательный дизайн или последовательный объяснительный дизайн [Creswell et al., 2011]. В обоих случаях социологи в эмпирической работе отталкиваются от базового допущения о существовании двух уровней социальной реальности, концентрируясь исключительно на одном из уровней или объединяя изначально разделенные уровни в рамках смешанной методологии, как правило, на этапе интерпретации данных.

Условием любого научного анализа является определенная идеализация. Разделение социальной реальности на действия/структуры, микро/макроуровни является идеализацией. Такого рода идеализации, априорно навязывая масштаб изучаемым объектам, ведут к редукционизму: сторонники структурного подхода изначально относятся к действиям как к эпифеномену структур, а сторонники деятельностных теорий трактуют структуры в качестве эпифеномена действий. Базовая логика, лежащая в основании микро/макро-разрыва и сопутствующего ему редукционизма, состоит, с одной стороны, в онтологизации единичных действий, сумма которых приводит к общему результату, воспринимаемому как «целое», а с другой стороны, в наделении самостоятельным онтологическим статусом макроструктур и в трактовке их как неких реальностей, превосходящих индивидуальные действия.

Иерархическое представление социальной реальности прочно укоренилось в социальных науках. Деление объекта исследования на уровни разного масштаба стало частью социологической доксы. В то же время изменения в исследовательских инструментах, методах и доступных данных постепенно меняют концептуальный словарь социологов. Очередной всплеск критики редукционистского подхода был в свое время простимулирован работой Б. Латура «Нового времени не было» [Латур, 2006], впервые опубликованной в 1993 г. В русле попыток переосмысления «нововременного» разделения природы и культуры во второй половине 1990-х гг. сформировалось такое философское направление, как «новый материализм», ключевая идея которого состоит в преодолении редукционизма через переопределение базовых дихотомий философского и социального мышления (общество/природа, часть/целое и т.п.). «Постановка дихотомий под вопрос и поиск их оснований – главный принцип теоретической логики “нового материализма”» [Шевченко, 2020: 132]. Инструментом преодоления дихотомий у представителей нового материализма служит концепция плоской онтологии, подразумевающая признание равноправного онтологического статуса объектов, несмотря на различия их пространственного масштаба [Fox, Alldred, 2017].

Критикуя редукционизм социальных наук, один из представителей нового материализма М. Деланда выделяет три разновидности редукционизма: микроредукционизм, макроредукционизм и мезоредукционизм. Для микроредукционизма характерно сведение общества к рациональным индивидуальным действиям (рационалистический индивидуализм), или к рутинным действиям и индивидуальному опыту (феноменологический индивидуализм). В случае рационалистического индивидуализма значение для исследователя имеют только рациональные решения, принимаемые изолированными друг от друга индивидами. В основе феноменологического индивидуализма социального конструктивизма

лежит не рациональность индивида, а рутинные действия и категории, структурирующие индивидуальный опыт. Макроредукционизм, напротив, придает статус реальности макро-структурам, сводя отдельных индивидов до эпифеноменов макроструктур. К мезоредукционистской позиции Деланда относит так называемые теории праксиса – ядро социальной реальности, объединяющее деятельность и структуру [Деланда, 2018: 12–13].

В статье мы рассмотрим, как решения микро/макропроблемы в рамках нового материализма и акторно-сетевой теории могут быть реализованы на методологическом уровне, и остановимся на анализе концепта *паттерн*, который может рассматриваться как замена оппозиции структура/действие в контексте развития цифровых исследовательских инструментов.

Онтологические и методологические аспекты микро/макропроблемы. Одна из ключевых идей акторно-сетевой теории состоит в избавлении от редукционизма путем отказа от априорного навязывания масштаба наблюдаемым сущностям, то есть от деления мира на уровни. «Аналитик не должен навязывать абсолютный масштаб» [Латур, 2014: 257], масштаб не задан априорно, масштаб – это «собственное достижение актора» [там же: 259], повторяет Латур. Отказ от превосходящей точки зрения исследователя состоит в том, что масштаб (уровень анализа) начинает рассматриваться как результат работы актора, а не как нечто, априорно заданное социальным аналитиком. Априорность масштаба предполагает, что есть вещи более крупного (например, общество) и менее крупного масштаба. «Социологи используют масштаб как одну из многочисленных переменных, устанавливаемых еще до начала исследования, хотя масштаб – это то, к чему приходят акторы, масштабируя, располагая в пространстве и контекстуализируя друг друга путем транспортировки конкретными средствами передвижения конкретных следов» [Латур, 2014: 257].

Здесь надо упомянуть важную грань акторно-сетевого подхода, которая часто остается за кадром: сеть не является контекстом существования акторов, а играет роль способа их соединения и находится на том же самом онтологическом уровне. «Актор-сеть очерчивается всегда, когда в ходе исследования принимают решение заменить акторов любого размера локальными и взаимосвязанными местами, вместо того чтобы делить их на “микро” и “макро”. Обе части важны, отсюда и дефис. Первая часть (актор) раскрывает узкое пространство, в котором начинают вынашиваться все грандиозные компоненты мира; вторая часть (сеть) может объяснить, при помощи каких средств передвижения, следов, испытаний, типов информации мир вбирается внутрь этих мест и затем, трансформировавшись в них, выдавливается обратно наружу из их тесных стен» [там же: 252]. В «уплотненной топографии» перенос действия от одного места к другому невозможен без пути и средства передвижения. Как пишет Латур, «помещая локальную точку “внутри” более широкой структуры, вы вынуждены прыгать», а требование «сохранять социальное плоским» состоит в том, чтобы не помещать действие внутри «контекста», «сопротивляться искушению перепрыгнуть к глобальному» [там же: 244], благодаря чему и происходит своего рода «выравнивание ландшафта».

Одним из инструментов преодоления дихотомии действия и структуры, наряду с концептом «сеть», является концепт ассамбляжа, первоначально разработанный Делезом [Делез, Гваттари, 2010] и переосмысленный Деландой в рамках нового материализма. В понятиях система и структура подчеркивается логическая согласованность элементов, подчиненность их общей логике, превосходство целого над частью. Ассамбляж – противоположность системе или структуре, составляющие его части находятся в отношениях экстерииорности, то есть контингентности, необязательности. Деланда подчеркивает контингентный характер ассамбляжа как конгломерата гетерогенных сущностей, которые обладают равноправными онтологическими статусами и потому могут трактоваться как рядоположенные [Деланда, 2018: 20–21]. Будучи разработан в рамках плоской онтологии, концепт ассамбляжа нацелен на то, чтобы ухватить изначальную спутанность, нерасчлененность мира и релятивизировать отношения между частью и целым, между микро- и макроуровнями, связать уровень отдельного человека «с уровнем больших социальных

сущностей (таких как территориальные государства) через встраивание ассамбляжей в непрерывный ряд микро- и макромасштабов» [Деланда, 2018: 27].

Несмотря на то что решения проблемы дихотомий, предлагаемые акторно-сетевой теорией и новым материализмом, приобретают все большую популярность, необходимо признать, что проблема соотношения структуры и действия, микро- и макроуровней не исчерпывается теорией и онтологией, но должна быть рассмотрена с точки зрения исследовательской методологии. По мнению С. Фукса, оппозиция структуры и деятельности обусловлена особенностями исследовательской оптики, которая, в свою очередь, зависит от позиции исследователя. Чем больше исследователь приближен к своему объекту, тем с большей вероятностью он будет использовать микроподходы и словарь агентности, а чем более он дистанцирован от объекта, тем в большей мере он будет склоняться к макроподходам и словарю структуры [Fuchs, 2001]. Несколько другие акценты в методологической интерпретации причин существования микро/макроразрыва расставляет Б. Латур, трактуя выделение двух уровней социальной реальности как производное от уровня развития методических инструментов [Latour et al., 2012]. Причины живучести логической схемы «часть-целое», по его мнению, лежат в особенностях исследовательской практики и ее инструментальном оснащении. Традиционные методы социальных наук не дают возможности быстро переключаться между уровнем единичных действий и агрегированных результатов, проследить сходства в отдельных траекториях, которые складываются в совокупный узор. Переключение с уровня действий на уровень структур в эмпирическом исследовании является медленным и затратным, поэтому социолог вынужден фокусироваться на одном из уровней. Таким образом, изначально инструментально обусловленное эмпирическое выделение двух уровней социальной реальности онтологизируется и распространяется на уровень теории.

Если оппозиция структуры и действия обусловлена методологически и детерминирована спецификой доступных исследовательских инструментов, то ее решение возможно только при соответствующем уровне развития методов. Новые концептуализации не будут работать, пока в распоряжении исследователей не окажется инструментов, которые позволили бы получать данные, необходимые для поддержки этих концептуализаций.

В настоящее время в научной методологии происходят существенные трансформации, которые способствуют решению проблемы, обозначенной Латуром. Благодаря цифровым методам, исследователь может быстро переключаться между микро- и макроуровнями, изменяя масштаб данных, рассматривая и индивидуальные и агрегированные данные на экране монитора, переключаясь между ними в несколько кликов. Визуальной метафорой такого переключения является также работа с цифровыми картами, когда от общей панорамы определенной территории, путём постепенного изменения масштаба мы переходим к рассматриванию в деталях характеристик определенной местности. Одновременная работа с обобщенным представлением наборов данных и в то же время более детальный анализ на уровне единичных объектов применимы и к социологическим данным. Например, анализируя поисковые запросы, мы можем от общих тенденций переходить к конкретным формулировкам индивидуальных запросов. Эти достаточно простые примеры демонстрируют картину реальности, в которой отсутствует методологическая необходимость выделения двух уровней, поскольку цифровые инструменты позволяют наблюдать плавные переходы между микро- и макрофеноменами, формируя представление о множественности уровней, которых не два, не три и даже не десять, а бесконечное множество, а потому дихотомии теряют смысл.

Как пишет Фукс, ошибка дуализма структура/деятельность состоит в том, что деятельность рассматривается как нечто бесструктурное [Fuchs, 2001: 26]. Но, например, этнометодология показала, что взаимодействия высокоструктурированы и эти структуры достаточно прочны и стабильны. Другая ошибка состоит в трактовке «микро» и «макро» как неких противоположных естественных видов, как будто нечто может быть микро или макро по внутренней сущности. На самом деле это различие – вопрос степени,

континуум, на котором располагаются социальные объекты. Микро и макро – относительные термины. Быть микро или макро не является необратимым и несовместимым. Проблема деятельность/структура – фундаментальная мистерия, обусловленная плохими эссенциалистскими привычками. Вместо этого можно спросить, что происходит, когда что-то становится больше или меньше, или когда макроструктура распадается на части. Это эмпирические, а не концептуальные вопросы, рассматривающие любой переход от микро к макро или от структуры к деятельности и обратно не «вообще», а как конкретный эмпирический случай.

Цифровые исследовательские инструменты дают возможность изучать действия и структуры не по отдельности, лишь на этапе интерпретации складывая их в общую картину, а исследовать «структурированные действия» или «действующие структуры» как динамично меняющиеся конфигурации социальной активности, которые превосходят разделение на микро и макро, структуру и деятельность. «Одноуровневые» или «плоские» объяснения предполагают, что действие объясняется не структурным контекстом, а предыдущими действиями; при этом структура трактуется как совокупность повторяющихся действий.

Концепт «паттерн»: неиерархическая концептуализация социальной активности.

Какие концептуальные средства могут поддержать методические возможности цифровых исследовательских инструментов, обещающих нам быстрое переключение масштаба рассматриваемых объектов? Каким образом можно описывать социальную реальность, не деля ее на привычные дихотомии? Плоскостное представление реальности контринтуитивно, поскольку иерархичность заложена в самом способе бинарного мышления. Отказываясь от иерархий в аналитическом языке, мы начинаем искать категории, которые могли бы заменить привычные аналитические пары «действие/структура», «часть/целое», «микро/макро». В этом контексте представляется целесообразным обратить внимание на концепт «паттерн», который все активнее входит в лексикон социальных наук по мере распространения цифровых методов исследования. По мнению Н. Маррес, избыток цифровых данных делает возможным переход от основанного на теории каузального «объяснения» к более эмпирическому стилю «описания» как доминирующему способу социологического анализа, поскольку анализ цифровых данных позволяет детализированно описывать социальную жизнь на микроуровне, а также осуществлять экстраполяцию в направлении более общих «паттернов жизни» (patterns of living) [Marres, 2017].

Концепт паттерн соответствует неиерархическому представлению о социальной реальности. В одноуровневой модели социальной реальности «макро» отличается от «микро» частотой повторений и плотностью связей. Условный «макроуровень» предстает как совокупность сходных действий, регулярно повторяемых и воспроизводимых многими акторами, то есть как совокупность репликаций [Дудина 2021: 9]. Индивидуальные смыслы и единичные действия, бесконечно реплицируясь в социальных взаимодействиях, производят видимость общих структурных свойств, которые могут быть описаны концептом «паттерн». «Концепт паттерн релевантен для социальных ученых не только потому, что он предлагает новые методы или техники, которые могут улучшить существующие, но и потому что предлагает другую концепцию универсума – универсума в процессе становления. Он дает более адекватную космологию, которая не предполагает приоритета субстанции над процессом ... в этой космологии наблюдатель никогда до конца не отделен от наблюдаемого, но всегда остается частью более широкого единства паттерна» [Stenner, 2014: 145].

Обычно «паттерн» определяется как модель для подражания/повторения/воспроизведения, шаблон, образец; закономерная регулярность, повторяемость; типичный способ действия, организации, мышления. Антропологи трактуют культурные паттерны как формальные модели, лежащие в основе организации социальной жизни [Benedict, 2019; Rosenblatt, 2004]; в статистике паттерны представляют собой устойчивые и повторяющиеся сочетания данных [Kubiak, Jonas, 2007]; психологи используют термин паттерн для обозначения шаблонных поведенческих реакций [Barbu, 2013]; математики рассматривают

паттерны как видимое проявление скрытой логики, указывающей на правила и порядок [Jefferies, 2014: 125]. В описательных исследованиях больших данных идентификация паттернов (pattern-identification) подразумевает выявление скрытых свойств системы, обусловленных действием определенных универсальных механизмов. Идентификация паттернов, наряду с компьютерным моделированием и онлайн-экспериментами, является одним из трех основных подходов к исследованию социального мира, предлагаемого вычислительной социальной наукой – мультидисциплинарной областью, претендующей на революцию в эпистемологии и методологии научного познания [Edelmann et al., 2020].

В социологии понятие «паттерн» используется также часто, но, как правило, без особой рефлексии. Этим термином социологи обычно обозначают совокупности сходных действий, с определенной регулярностью осуществляемых социальными акторами. Хотя в социологической литературе мало работ, посвященных анализу паттерна как методологического инструмента [Herskovits, 1925; Stenner, 2014; Zerubavel, 2007], социологи всегда занимались поиском паттернов как устойчивых, повторяющихся, типичных, предсказуемых связей в социуме: «Социологи редко пишут о паттернах прямо, но посвящают всю свою карьеру поиску именно их» [Stenner, 2014: 138]. Концепт паттерн в социологии отвечает на вопрос: каким образом во множестве действий, не координируемых из единого центра, можно увидеть определенную закономерность. По сути дела, это парафраз «вечного» вопроса социологии: как возможен социальный порядок или как из множества действий складываются социальные структуры.

Паттерн фиксирует такие свойства социальной активности, как устойчивость, повторяемость, общность и предсказуемость. Тем самым паттерн снимает противопоставление структуры и действия и ставит акцент на структурированных повторениях или репликациях. При выявлении паттернов обнаруживаемые регулярности действий не выводятся из макроструктур или микрохарактеристик действующих, а рассматриваются сами по себе. Понятие паттерн хорошо вписывается в плоскую онтологию, поскольку фиксирует не отношения иерархии, а отношения рядоположенности, образующие различные модели «совместности», когда одни действия или переменные соседствуют с другими, но не претендуют на роль объясняющего фактора. В этом отношении эвристическая роль понятия паттерн уникальна, поскольку обычно наука больше «изоцряется в анализе, в редукции единого к составным частям, чем в объединении частей в паттерны или в объяснении способа их объединения» [Stenner, 2014: 136].

Ученик И. Гофмана Э. Зерубавель, описывая методологию «анализа социальных паттернов», которую он возводит к формальной социологии Зиммеля, подчеркивает, что подобный подход охватывает различные методы сбора данных и предполагает «безразличие к масштабу», игнорируя разделение между микро- и макросоциологией, а также между качественными и количественными методами [Zerubavel, 2007: 135]. Паттерн находится на границе качественного и количественного подходов, поскольку уделяет внимание не только численным характеристикам, но их конфигурациям.

Каков эпистемический статус концепта «паттерн»? Существует ли паттерн независимо от наблюдающего взгляда и исследовательского метода, или же представляет собой эффект наблюдения и артефакт анализа? Можно выделить две противоположные позиции: (1) трактовка паттерна как продукта навязывания упорядоченности внешнему миру наблюдателем, и (2) понимание паттерна как объективно существующей упорядоченности, которую можно выявить при использовании соответствующих инструментов. «Тенденция человеческого восприятия к обнаружению и усилению контрастов, "вырезанию" упрощенных паттернов из неделимого потока жизни – не что иное, как поиск относительных инвариантов регулярности, повторения и предсказуемости (т.е. паттерна), без которых сложность и новизна исследуемого мира сокрушила бы нас» [Stenner, 2014: 143]. Нахождение паттернов делает мир более понятным, предсказуемым и управляемым. С этой точки зрения можно утверждать, что паттерн – это условная последовательность,

конструируемая из определенной перспективы в зависимости от угла зрения, под которым рассматривается совокупность данных.

В то же время нельзя сводить паттерны только к артефактам восприятия. Рассмотрим этот аспект на примере анализа текстов. Одним из способов выявления паттернов при таком анализе является поиск «тем», которые исследователь выделяет в совокупности текстовых данных. Если в качественном тематическом анализе выделение тем основано на культурной компетенции исследователя [Braun et al., 2019], то при использовании метода тематического моделирования в количественном текстовом анализе тема становится результатом работы алгоритмов классификации. Но даже в этом случае исследователи предлагают определять понятие «тема» не просто как формальное понятие, производное от математических алгоритмов, но как культурный фрейм, отображающий восприятие некоего социального феномена, существующего независимо от классификаций исследователя [DiMaggio et al., 2013].

Нахождение паттернов в данных аналогично извлечению из потока информации отдельных тем. Подобно темам, паттерны могут рассматриваться не просто как аналитически выделяемые последовательности, но как регулярности, укорененные в социальной реальности. Задача исследователя в данном случае в том, чтобы отделить значимые паттерны от случайных констелляций данных. Эта позиция близка к пониманию паттерна Г. Бейтсоном, который рассматривал паттерн как возможность угадать целое по части или распознать общее в единичных проявлениях: «паттерн можно определить как совокупность событий или объектов, которая до некоторой степени позволяет такое угадывание, когда совокупность целиком для исследования недоступна» [Бейтсон, 2000: 371].

Таким образом, паттерны могут трактоваться с точки зрения единства наблюдателя и наблюдаемой реальности, поскольку репрезентируют именно те свойства, которые видны только с определенной наблюдающей позиции. Безусловно, такая трактовка паттерна не исключает возникновения артефактов, обусловленных частичностью и неполнотой любого наблюдения. Подобный подход к категории «паттерн» при исследовании цифровых данных в некоторой степени ограничивает объяснительную силу цифровых следов, но в то же время позволяет учитывать «digital bias» (цифровое смещение) или «platform bias» (смещение, обусловленное особенностями конкретной цифровой платформы), как необходимый компонент анализа [Marres, 2017], поскольку объект в значительной мере конструируется исследовательскими технологиями. Говорим ли мы об анализе цифровых платформ, статистических данных или о построении репрезентативной выборки, предполагается, что объект не может быть отделен от средств своего изучения и выделен в некоем «чистом» виде. Взаимодействие исследователя с объектом – основа познания, объект всегда связан и с особой эпистемической позицией, позволяющей его увидеть, и с набором исследовательских инструментов, делающих возможным его измерение и описание.

Паттерн – это нахождение закономерностей в хаосе, поиск предсказуемости и повторяемости в многообразии. Социальные закономерности действуют как паттерны, т.е. представляют собой не внешние принуждающие механизмы, а складываются из бесконечного множества единичных действий. Каждое единичное действие, с одной стороны, реализуется в рамках паттерна, с другой – вносит вклад его в формирование. Если по какой-то причине большинство действий меняется, меняется и паттерн. Несколько простых правил, применимых на микроуровне ко множеству областей, могут оказать комплексное влияние на макроуровне. В то же время паттерн предполагает не только объединение и унификацию, но и разнообразие, рассеивание, распространение новых образцов [Stenner, 2014: 137]. Изначальная связанность и взаимная ориентированность действий лежит в основе формирования паттерна. При этом индивидуальное действие рассматривается не в связке «мотив – действие», а в координатах «действие – действие» и трактуется как приспособление к действиям других и ответ на них, или как результат отслеживания траекторий других акторов. Изменение паттернов коллективного действия

происходит, когда меняются слагаемые этого паттерна – действия и траектории, которые его конституируют.

При выявлении паттернов исследователей интересуют конфигурации социальной активности, независимые от контекста. Э. Зерубавель подчеркивает кроссконтекстуальность концепта паттерн: использование этого концепта предполагает интеллектуальную готовность исследователя деконтекстуализировать свои поиски. Чтобы увидеть формальный паттерн, необходимо выйти за рамки конкретного контекста, в котором он впервые встречается [Zerubavel, 2007: 142]. Задача поиска паттернов состоит в том, чтобы выявлять общие закономерности в различных социальных контекстах. Вместо того чтобы концентрироваться на различиях между отдельными культурными и историческими конфигурациями, можно рассматривать эти конфигурации как проявления единого паттерна, тем самым подчеркивая формальную общность, наряду с культурной, исторической или ситуативной уникальностью конкретных проявлений паттерна [ibid.: 136].

Объединяя уровень деятельности и структуры, понятие паттерна перекликается с понятиями парадигмы и фрейма. Стеннер проводит параллели между паттерном и парадигмой, подчеркивая, что оба этих термина передают смысл модели, экземпляра, примера или идеала, который заслуживает подражания. Куновская парадигма может быть рассмотрена как паттерн мышления ученых, который собирает разделенное множество в упорядоченное состояние с ясными целями и нормами [Stenner, 2014: 138–139]. Херсковиц описывал паттерны как культурные фреймы, подчеркивая, что люди в обществе реагируют на паттерны поведения этого общества и их поведение можно объяснить, опираясь на изучение культурных элементов, сложившихся в паттерны, и способов, которыми они были скомбинированы обществом в его историческом опыте [Herskovits, 1925].

Паттерн позволяет избежать аналитических спекуляций, когда для объяснения действий социологи привлекают концепты другого уровня – например, макроконцепты: контекст, структура, система, или микроконцепты: мотивы, намерения, цели, демографические характеристики. Нахождение паттернов удерживает анализ на одном уровне без необоснованных апелляций к микрохарактеристикам или к макроконтексту. Один из примеров – постдемографическая трактовка поведения потребителей, когда внимание исследователя направляется на устойчивые паттерны предпочтений и социальных ролей, формируемые потоками информации, проходящей по сетям [Tinati et al., 2014; Дудина, 2016: 27–29]. При таком подходе социальные действия объясняются не демографическими характеристиками или институциональным контекстом, а предыдущими действиями и выборами, что также дает возможность предсказывать будущие модели поведения.

Распознавание повторяющихся паттернов в действиях, текстах, числах или физических объектах не только соответствует требованиям плоской онтологии, снимая противоречия деятельностных и структурных объяснений, микро- и макроподходов, но и объединяет качественные методы с количественными, поскольку выявление паттернов работает как на числовых, так и нечисловых данных. Кроме того, паттерн является концептом, общим для социальных и естественных наук, способствуя решению задачи обоснования общности исследовательских методов независимо от специфики исследуемой реальности. Недаром новый академический журнал, публикующий статьи специалистов в сфере «Науки о данных» (Data science), области знания, которая в настоящее время ломает все дисциплинарные границы, получил название «Паттерны» (Patterns)¹. Представители вычислительной социальной науки настаивают на том, что между законами общества и природы нет разрыва, а для объяснения человеческого поведения не нужно апеллировать к таким сущностям, как смыслы, мотивы, намерения. Проект «социальной физики», предложенный одним из представителей вычислительной социальной науки А. Пентлендом [2018], вызывает ассоциации с позитивистскими построениями XIX в., за тем исключением, что аналогом описания социальных законов в обновленной версии социальной физики

¹ URL: <https://www.cell.com/patterns/home>

выступает не ньютоновская механика, а закономерности современной статистической физики, описывающие поведение стай животных, нейросети или потоки мелких частиц.

Закключение. С развитием цифровых методов исследования появляется возможность оперативно менять масштаб данных, одновременно работая на уровне общего и единичного, что делает излишними иерархические репрезентации социальной реальности и позволяет решить проблему концептуализации социальной активности без редукции действий к структурам или структур к действиям. На смену двухуровневым концептуализациям приходит выявление паттернов социальной активности как совокупностей повторяющихся цифровых следов и переплетений их траекторий. Проследивание следов и ассоциаций ведет к тому, что отношения между «микро» и «макро», между структурой и действием меняются. «Как только указываются локальные места, производящие глобальные структуры, меняется вся топография социального мира. Понятие "макро" уже описывает не более широкое или более обширное место, куда на манер русской матрешки вставляется "микро", а другое, такое же локальное и такое же "микроместо", связанное со множеством других мест посредником, транспортирующим определенные типы следов. Ни о каком месте нельзя сказать, что оно больше любого другого, но о некоторых местах можно сказать, что они выигрывают от гораздо более надежных связей с гораздо большим числом мест, чем другие. Полезность этого шага в том, что он поддерживает ландшафт плоским: то, что раньше – в дореалистической социологии – располагалось "выше" или "ниже", теперь находится рядом, на том же уровне, что и другие места, на которые пытались смотреть сверху вниз и которые включали внутрь» [Латур 2014: 247]. Подобный подход соответствует возможностям цифровых исследовательских инструментов, позволяющих быстро переключаться с агрегированного уровня на уровень единичных характеристик. При этом отправным пунктом исследования становятся не отдельные действия и не структурный контекст, а изначальная связанность и взаимозависимость социальной активности, что позволяет интерпретировать эмпирические данные без апелляции к сущностям разных уровней. Такой исследовательский ракурс снимает проблему дихотомий «микро/макро», «структура/деятельность», поскольку концептуализирует социальную активность не как набор микродействий единичных акторов, ограниченных макроструктурами, а как совокупность паттернов активности, интегрирующих взаимоориентированные выборы, траектории и социальные предпочтения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бейтсон Г. Экология разума. Избранные статьи по антропологии, психиатрии и эпистемологии. М.: Смысл, 2000.
- Бурдые П. Практический смысл. СПб.: Алетейя, 2001.
- Гидденс Э. Устройство общества: Очерк теории структуриации. 2-е изд. М.: Академ. Проект, 2005.
- Деланда М. Новая философия общества: Теория ассамбляжей и социальная сложность. Пермь: Гиле Пресс, 2018.
- Делез Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения. Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2010.
- Дудина В.И. «Пересборка социологии»: цифровой поворот и поиски новой теоретической оптики // Социологические исследования. 2021. № 11. С. 3–11.
- Дудина В.И. Цифровые данные – потенциал развития социологического знания // Социологические исследования. 2016. № 9. С. 21–30.
- Латур Б. Нового Времени не было. Эссе по симметричной антропологии. СПб.: ЕУ в СПб., 2006.
- Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. М.: НИУ ВШЭ, 2014.
- Пентленд А. Социальная физика. М.: АСТ, 2018.
- Сорокин П.С., Фрумин И.Д. Проблема «структура/действие» в XXI в.: изменения в социальной реальности и выводы для исследовательской повестки // Социологические исследования. 2020. № 7. С. 27–36.
- Шевченко В. Что не так с теорией ассамбляжей? // Логос. 2020. № 5 (138). С. 131–164.
- Archer M. Realist social theory: The morphogenetic approach. Cambridge: Cambridge univ. press? 1995.
- Barbu Z. Democracy and Dictatorship: Their Psychology and Patterns. Routledge, 2013.

- Benedict R. Patterns of culture. Routledge, 2019.
- Bourdieu P. Structures, Habitus, Practices. In: The Logic of Practice. Les Editions de Minuit, 1980.
- Braun V., Clarke V., Hayfield N., Terry G. Thematic Analysis // Liamputtong P. (eds) Handbook of Research Methods in Health Social Sciences. Springer, Singapore, 2019. P. 843–860.
- Creswell J.W., Plano Clark V.L. Designing and conducting mixed methods research. Thousand Oaks, CA: Sage, 2011.
- Crossley N. A dependent structure of interdependence: structure and agency in relational perspective. Sociology. 2022. Vol. 56. No. 1. P. 166–182.
- DiMaggio P., Nag M., Blei D. Exploiting Affinities between Topic Modeling and the Sociological Perspective on Culture: Application to Newspaper Coverage of U.S. Government Arts Funding // Poetics. 2013. Vol. 41. No. 6. P. 570–606.
- Edelmann A., Wolff T., Montagne D., et al. Computational social science and sociology // Annual Review of Sociology. 2020. Vol. 46. P. 61–81.
- Fox N.J., Alldred P. Sociology and the New Materialism: Theory, Research, Action. London: SAGE Publications Ltd, 2017.
- Fuchs S. Beyond agency // Sociological theory. 2001. Vol. 19. No. 1. P. 24–40.
- Herskovits M.J. Social Pattern: A Methodological Study // Social Forces. 1925. Vol. 4. No. 1: 57–69.
- Hvinden B., Halvorsen R. Mediating agency and structure in sociology: What role for conversion factors? // Critical Sociology. 2018. Vol. 44. No. 6: 865–881.
- Jefferies J. Pattern, patterning. In: C. Lury and N. Wakeford (ed). Inventive Methods: The Happening of the Social. Abingdon: Routledge, 2012.
- Jensen S.Q., Larsen J.F. Sociological perspectives on Islamist radicalization—bridging the micro/macro gap // European journal of criminology. 2021. Vol. 18. No. 3: 426–443.
- Karasev D. The problem of structure and agency and the contemporary sociology of revolutions and social movements. In: Handbook of Revolutions in the 21st Century. Springer, Cham, 2022. P. 201–217.
- Kubiak T., Jonas C. Applying circular statistics to the analysis of monitoring data: Patterns of social interactions and mood // European Journal of Psychological Assessment. 2007. 23(4). P. 227–237.
- Latour B., Jensen P., Venturini T. et al. 'The Whole is Always Smaller than Its Parts': A Digital Test of Gabriel Tarde's Monads // The British Journal of Sociology. 2012. Vol. 63. No. 4. P. 591–615.
- Maigari M.A. (2021) Micro-macro problem in sociology: Towards a solution // Global Journal of Sociology: Current Issues. Vol. 11. No. 2. P. 98–104.
- Marres N. Digital sociology: The reinvention of social research. John Wiley & Sons, 2017.
- Rosenblatt D. An Anthropology Made Safe for Culture: Patterns of Practice and the Politics of Difference in Ruth Benedict. American Anthropologist. 2004. Vol. 106. No. 3: 459–472.
- Stenner P. Pattern // Lury C., Wakeford N. (ed). Inventive Methods: The Happening of the Social. Abingdon: Routledge, 2012.
- Tinati R., Halford S., Carr L., Pope C. Big Data: methodological challenges and approaches for sociological analysis. Sociology. A journal of BSA. 2014. Vol. 48. No. 4: 663–681.
- Zerubavel E. Generally Speaking: The Logic and Mechanics of Social Pattern Analysis // Sociological Forum. 2007. Vol. 22: 131–145.

Статья поступила: 07.08.22. Финальная версия: 12.09.22. Принята к публикации: 22.09.22.

CONCEPTUALIZING SOCIAL AGENCY IN UNSTABLE SOCIETY: BETWEEN MICRO AND MACRO LEVELS

DUDINA V.I.

St. Petersburg State University, Russia

Victoria I. DUDINA, Dr. Sci. (Sociol.), Prof., Faculty of Sociology, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia (viktoria_dudina@mail.ru).

Acknowledgements. The research was supported by RSF project No. 22-18-00261.

Abstract. The problem of structure/agency, micro/macro is particularly relevant in times of social instability. Despite existence of certain theoretical solutions, this problem is constantly reproduced at the methodological level. The article aims to trace how approaches to solving the micro/macro and structure/agency problem can be implemented in methodology and what prerequisites for this are created in the context of the digitalized research tools and methods. Approaches to solving the problem of structure/ agency, micro/macro within the framework of new materialism and actor-network theory, are discussed. The question is raised of how ontological and theoretical intentions of these approaches can be implemented in research methodology. As a methodological tool for solving the problem of these dichotomies, the concept *pattern* is offered which allows describing social reality in a non-hierarchical manner. This concept reflects such properties of social agency as stability, repetition, generality and predictability. Thus, the pattern removes the structure/agency opposition, and emphasizing structured repetitions or replications. Pattern identification reveals regularities of actions themselves instead of revealing actions limited by macrostructures or determined by individual characteristics of the actors studied. It is concluded that the analysis of social activity patterns allows to interpret empirical data without appealing to entities of different levels and removes “micro/macro”, “structure/agency” dichotomies problem.

Keywords: structure, agency, micro/macro, actor-network theory, new materialism, flat ontology, pattern.

REFERENCES

- Archer M. (1995) *Realist social theory: The morphogenetic approach*. Cambridge: Cambridge univ. press.
- Barbu Z. (2013) *Democracy and Dictatorship: Their Psychology and Patterns*. Routledge.
- Bateson G. (2000) *Ecology of mind. Selected papers on anthropology, psychiatry and epistemology*. Moscow: Smisl. (In Russ.)
- Benedict R. (2019) *Patterns of culture*. Routledge.
- Bourdieu P. (1980) Structures, Habitus, Practices. In: *The Logic of Practice*. Les Editions de Minuit.
- Bourdieu P. (2001) *Practical meaning*. St. Petersburg: Aleteya. (In Russ.)
- Braun V., Clarke V., Hayfield N., Terry G. (2019) Thematic Analysis. In: Liamputtong P. (eds) *Handbook of Research Methods in Health Social Sciences*. Springer, Singapore: 843–860.
- Creswell J.W., Plano Clark V.L. (2011) *Designing and conducting mixed methods research*. Thousand Oaks, CA: Sage.
- Crossley N. (2022) A dependent structure of interdependence: structure and agency in relational perspective. *Sociology*. Vol. 56. No. 1: 166–182.
- Delanda M. (2018) *New Philosophy of Society: The Theory of Assemblages and Social Complexity*. Perm: Giele Press. (In Russ.)
- Deleuze J., Guattari F.A. (2010) *Thousand Plateaus: Capitalism and Schizophrenia*. Yekaterinburg: U-Factoria; Moscow: Astrel. (In Russ.)
- DiMaggio P., Nag M., Blei D. (2013) Exploiting Affinities between Topic Modeling and the Sociological Perspective on Culture: Application to Newspaper Coverage of U.S. Government Arts Funding. *Poetics*. Vol. 41. No. 6: 570–606.
- Dudina V.I. (2021) “Reassembling Sociology”: Digital Turn and Searching for New Theoretical Optics. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 11. P. 3–11. (In Russ.)
- Dudina V.I. Digital data potentialities for development of sociological knowledge. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. 2016. No. 9: 21–30. (In Russ.)
- Edelmann A., Wolff T., Montagne D., et al. (2020) Computational social science and sociology. *Annual Review of Sociology*. Vol. 46: 61–81.

- Fox N.J., Alldred P. (2017) *Sociology and the New Materialism: Theory, Research, Action*. London: SAGE Publications Ltd.
- Fuchs S. (2001) Beyond agency. *Sociological theory*. Vol. 19. No. 1: 24–40.
- Giddens E. (2005) *Organization of society: Essay on the theory of structuration*. 2nd ed. Moscow: Academ. Proekt. (In Russ.)
- Herskovits M.J. (1925) Social Pattern: A Methodological Study. *Social Forces*. Vol. 4. No. 1: 57–69.
- Hvinden B., Halvorsen R. (2018) Mediating agency and structure in sociology: What role for conversion factors? *Critical Sociology*. Vol. 44. No. 6: 865–881.
- Jefferies J. (2012). Pattern, patterning. In: C. Lury and N. Wakeford (ed). *Inventive Methods: The Happening of the Social*. Abingdon: Routledge.
- Jensen S.Q., Larsen J.F. (2021) Sociological perspectives on Islamist radicalization—bridging the micro/macro gap. *European journal of criminology*. Vol. 18. No. 3: 426–443.
- Karasev D. (2022) The problem of structure and agency and the contemporary sociology of revolutions and social movements. In: *Handbook of Revolutions in the 21st Century*. Springer, Cham: 201–217.
- Kubiak T., Jonas C. (2007) Applying circular statistics to the analysis of monitoring data: Patterns of social interactions and mood. *European Journal of Psychological Assessment*. 23(4): 227–237.
- Latour B. (2006) *We have never been modern. Essay on symmetrical anthropology*. St. Petersburg: EU v SPb. (In Russ.)
- Latour B. (2014) *Reassembling the Social. An Introduction to Actor-Network-Theory*. Moscow: NIU VShE. (In Russ.)
- Latour B., Jensen P., Venturini T. et al. (2012) 'The Whole is Always Smaller than Its Parts': A Digital Test of Gabriel Tarde's Monads. *The British Journal of Sociology*. Vol. 63. No. 4: 591–615.
- Maigari M.A. (2021) Micro-macro problem in sociology: Towards a solution. *Global Journal of Sociology: Current Issues*. Vol. 11. No. 2: 98–104.
- Marres N. (2017) *Digital sociology: The reinvention of social research*. John Wiley & Sons.
- Pentland A. (2018) *Social physics*. Moscow: AST. (In Russ.)
- Rosenblatt D. (2004) An Anthropology Made Safe for Culture: Patterns of Practice and the Politics of Difference in Ruth Benedict. *American Anthropologist*. Vol. 106. No. 3: 459–472.
- Shevchenko V. (2020) What is wrong with the theory of assemblages? *Logos*. No. 5 (138): 131–164. (In Russ.)
- Sorokin P.S., Froumin I.D. (2020) "Structure/Agency" Problem in the 21st Century: Changing Social Reality and Research Implications. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 7: 27–36. (In Russ.)
- Stenner P. (2012) Pattern. In: C. Lury, N. Wakeford (ed). *Inventive Methods: The Happening of the Social*. Abingdon: Routledge.
- Tinati R., Halford S., Carr L., Pope C. (2014) Big Data: methodological challenges and approaches for sociological analysis. *Sociology. A journal of BSA*. Vol. 48. No. 4: 663–681.
- Zerubavel E. (2007) Generally Speaking: The Logic and Mechanics of Social Pattern Analysis. *Sociological Forum*. Vol. 22: 131–145.

Received: 07.08.22. Final version: 12.09.22. Accepted: 22.09.22.

М.А. КЛУПТ

ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ В СВЕТЕ КРИЗИСОВ XXI ВЕКА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

КЛУПТ Михаил Александрович – доктор экономических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного экономического университета, Санкт-Петербург, Россия (klupt@mail.ru).

Аннотация. Статья посвящена теоретическому анализу кризисов XXI столетия как составной части демографического развития. Рассматриваемые кризисы являются результатом шоков, внешних по отношению к демографической сфере. В период кризисов ее зависимость от других социальных систем усиливается и она оказывается включенной в цепь каскадных эффектов негативного характера. Стадиальные теории демографического развития, предназначенные для осмысления длительных и плавных процессов, теряют в этот период объяснительную и прогностическую силу. Возникает потребность в системном анализе кризисов, нацеленном на оценку устойчивости демографической сферы к внешним шокам, выявление «узких мест» на ее стыках с природной средой и другими социальными сферами. Анализ предварительных итогов пандемии и миграционных кризисов, проведенный в пространстве бинарных оппозиций, свидетельствует о том, что направление движения между их полюсами в период кризисов меняется. Нарастает конфликтность, вызванная структурной неоднородностью современного мира, и его непредсказуемость. Проекциями этих перемен на демографическое развитие являются снижение продолжительности жизни, многомиллионные потоки вынужденных мигрантов, далеких в своем демографическом поведении от «пост-материалистической» мотивации, низкий уровень рождаемости. В то же время, судя по данным за первые шесть – девять месяцев 2021 г., в развитых странах существенных отличий рождаемости от ее уровня в 2020 г. не наблюдалось, возможно потому, что потенциал ее снижения был исчерпан еще в 2010-е гг.

Ключевые слова: кризис • демографическая система • вынужденная миграция • пандемия COVID-19 • теория эпидемиологического перехода

DOI: 10.31857/5013216250022083-4

Пандемия COVID-19 и миграционные кризисы XXI в. являются предметом преимущественно эмпирического анализа. Их теоретическому осмыслению как составной части демографического развития уделяется значительно меньше внимания. Данная статья представляет собой попытку восполнить этот пробел.

До кризисов: уроки теории эпидемиологического перехода. Поиск новых теоретических подходов неизбежно связан с критикой старых. Судьба теории эпидемиологического перехода представляет интерес уже потому, что выявляет причины, по которым стадиальные теории перехода оказались неспособными предсказать ни пандемию, ни миграционные кризисы последних лет. Речь, разумеется, идет не о предсказании хронологических границ кризиса – подобные требования к любой теории были бы явно избыточными. За рамками теорий перехода, однако, оказались и сама возможность кризисов, и их «анатомия» – взаимодействие в ходе кризисов различных сфер, из которых складывается общество, а также природной среды.

Й. Макенбах, известный нидерландский историк здоровья, в разгар заболеваемости COVID-19 призвал «стиснув зубы и оглянувшись назад, ... признать, что этой пандемии можно было бы избежать, прислушавшись к предыдущим предупреждениям» [Mackenbach, 2021: 1204]. В этой связи вопрос о роли, которую сыграла в подобном ходе событий теория эпидемиологического перехода, полвека назад объявившая устами своего создателя об окончании века пандемий [Omran, 1971], заслуживает внимания.

Отметим, что под общим названием «теория эпидемиологического перехода» существуют, на наш взгляд, три разные по своим задачам, методологии построения и выводам ее версии. Одна – первоначальная, появившаяся на фоне головокружения от успехов. Вторая – скорректированная версия первоначальной – представлена в более поздних работах и учитывает возврат инфекционных болезней. Третья – в наиболее законченной форме представлена А.Г. Вишневским (1935–2021) незадолго до его кончины [Вишневский, 2020].

Разработанная А. Омраном (1925–1999) первоначальная версия теории эпидемиологического перехода описывала три его стадии: век эпидемий и голода, век отступающих пандемий, в котором «их вспышки становятся более редкими или исчезают», и, наконец, век «дегенеративных и антропогенных заболеваний» [Omran, 1971: 737–738]. Говоря об антропогенных (в англоязычном оригинале *man-made*) заболеваниях, Омран вряд ли имел в виду инфекционные болезни, вызванные распространением – случайным или злонамеренным – вирусов, выращенных в биолaborаториях. Во всяком случае при характеристике века «дегенеративных и антропогенных заболеваний» Омран не упоминает о пандемиях вообще.

На протяжении последующих лет трехстадийная схема Омрана использовалась в ее первоначальном виде все реже. В начале 1980-х гг. разгорелась пандемия ВИЧ/СПИД, не прекращалось и появление других новых или резистентных к прежним методам лечения старых болезней. Эйфория, связанная со снижением смертности от «дегенеративных и антропогенных заболеваний», продолжалась, вопреки разгоравшейся пандемии ВИЧ/СПИД, по меньшей мере до середины 1980-х гг. (см., напр.: [Olshansky, Ault, 1986]), затем начала сходить на нет. В результате ряд исследователей, в том числе и сам Омран, прибавили к схеме перехода четвертую, иногда называемую гибридной, стадию, на которой смертность от хронических заболеваний отодвигается на более поздние возрасты, но в то же время возвращаются старые и появляются новые инфекционные болезни [Rogers, Hackenberg, 1987; Omran, 1998].

Р. Баррет и его соавторы увеличили до трех и число самих эпидемиологических переходов. Первый из них, полагают они, происходит в период неолитической революции и сопровождается ростом инфекционных заболеваний; на втором, в период индустриализации, главной причиной смертности становятся хронические, а не инфекционные заболевания; третий переход знаменуется появлением новых и возвратом старых инфекционных заболеваний [Barret et al., 1998]. В.Г. Семенова, осмысливая драматическое снижение продолжительности жизни, деградацию здравоохранения и возврат ранее взятых под контроль болезней в России 1990-х гг., интерпретировала их как обратный демографический переход [Семенова, 2005].

С. Дж. Олшански и его соавторы привели ряд аргументов, позволяющих говорить о пятой стадии эпидемиологического перехода, охватывающей лишь некоторые группы населения. В их статье высказано предположение о том, что возвращение инфекционных болезней на этой стадии затронет определенные группы населения и, в частности, компактно проживающих пожилых людей, чья иммунная система ослаблена хроническими заболеваниями и ранее использованными при их лечении медикаментами [Olshansky et al., 1998: 213]. Это предположение трагически оправдалось в период пандемии COVID-19.

Курс большинства исследователей на примирение концепции эпидемиологического перехода с новыми инфекционными реалиями столь очевиден, что неизбежно вызывает вопрос о том, почему А.Г. Вишневский решительно пошел против течения, заявив, что «все попытки переименовать, раздробить или переименовать ... концепцию [Омрана] или использовать ее не по назначению – это не слишком эффективные попытки женихов Пенелопы натянуть лук Одиссея» [Вишневский, 2020: 42]. Упрека, по мнению Вишневского, заслуживает и сам Омран, который, пойдя навстречу критикам своей первоначальной концепции, отказался от укрупненного видения истории.

В поисках ответа на вопрос о причинах столь существенных расхождений в трактовке эпидемиологического перехода целесообразно обратиться к концепции несоизмеримости научных теорий, введенной в научный оборот Т. Куном [Kuhn, 1962]. Несоизмеримость научных теорий, разумеется, не может быть определена столь же строго, как ее

прототип – известная с античных времен несоизмеримость диагонали квадрата и его стороны. Тем не менее основные составляющие тезиса о несоизмеримости научных теорий обрисованы к настоящему времени достаточно четко.

Одним из них является утверждение об отсутствии абсолютных критериев, с помощью которых можно было бы сравнивать относящиеся к одной науке теории и определять, насколько они хороши или плохи. Поскольку теории исходят из различных онтологических допущений, не может быть и общепризнанного «оселка» для их проверки и сравнения. Утверждается также, что при переходе от старой парадигмы к новой термины меняют свой смысл, вследствие чего ученые, принадлежащие к различным научным школам, часто употребляют один и тот же термин в разных значениях. Кроме того, проблема, которая имела центральное значение для одной теории, может рассматриваться другой как несущественная или вовсе надуманная. В результате эти теории нельзя сравнивать, поскольку они создавались для исследования разных проблем.

Концепция научных революций разрабатывалась Т. Куном для естественных наук, поскольку социальные науки, по его мнению, находились в допарадигмальном периоде развития. Тем не менее понятие парадигмы и тезис о несоизмеримости научных теорий, играющие в концепции Куна важнейшую роль, были быстро подхвачены социальными учеными и прочно вошли в их тезаурус – например, при обсуждении вопроса о применимости теорий, разработанных на материалах западных стран, к изучению незападных обществ.

В нашем случае речь, однако, идет об иных аспектах несоизмеримости – различии в понимании базового для рассматриваемой теории термина «эпидемиологический переход» и вытекающих отсюда последствий. Для Вишневого эпидемиологический переход – это разовый переход, имеющий эпохальное значение и обуславливающий снижение рождаемости в результате включения гомеостатического механизма, который приводит уровень рождаемости в соответствие со снизившейся смертностью.

Западные исследователи, однако, вовсе не стремились «натягивать лук Одиссея» в том понимании, которое вкладывал эту метафору Вишневский, и ограничивались более приземленными задачами. С известной долей упрощения можно сказать, что версия Вишневого тяготела к теоретическому полюсу научного знания, тогда как версии его оппонентов – к эмпирическому и, при всей многозначности этого термина, позитивистскому полюсу.

Й. Макенбах, например, подобно многим историкам, был отнюдь не склонен забывать о деталях ради стройности нарратива. На его взгляд, «отсутствие естественных разделительных линий между более ранними и поздними периодами» [Mackenbach, 2021: 1204] и многократное повторение схемы «наступление – отступление» в истории самых разных болезней ограничивают полезность теории эпидемиологического перехода. В подтверждение своего тезиса Макенбах приводит перечень из нескольких десятков болезней, возникавших, а затем отступавших в Европе со времен средневековья до наших дней [ibid.: 1201].

Олшански и его соавторы приводят перечень из почти трех десятков болезней и их возбудителей, обнаруженных за четверть века между 1973 г. и публикацией их статьи [Olshansky et al., 1998: 209], то есть в период, когда эпидемиологический переход, по версии Вишневого, в развитых странах был уже завершен. Все это приводит к выводу, что версии теории эпидемиологического перехода, разработанные Вишневым и его оппонентами, оказались несоизмеримыми между собой в том смысле, который вкладывал в это понятие Кун.

Причины, по которым теория эпидемиологического перехода не смогла предсказать возникновение пандемии, подобной по своим масштабам и последствиям пандемии COVID-19, как всегда в подобных случаях, многозначны и переплетаются между собой. Все рассмотренные выше версии этой теории оказались плохо приспособленными для прогнозирования грядущей пандемии, однако, по разным причинам. В версии Вишневого эпидемиологический переход – завершенный в развитых странах процесс, уже ставший достоянием истории. Корректировки же первоначальной версии Омрана при всем их внимании к деталям следовали в кильватере событий, а не опережали их. Единственным

известным автору этой статьи исключением в какой-то мере оказалась уже упоминавшаяся выше работа Олшански и его соавторов [Olshansky et al., 1998].

Еще одной, наиболее важной в контексте нашего анализа причиной прогностического провала теории эпидемиологического перехода стали междисциплинарные барьеры, характерные для современной науки. Исследователи, разрабатывавшие концепцию эпидемиологического перехода, оставались в рамках своих научных дисциплин и не вторгались в сферы экономики и политики. Между тем предвидение особенностей пандемии COVID-19 требовало междисциплинарного подхода и системного анализа.

Неспособность теории эпидемиологического перехода предсказать возможность пандемий, подобных COVID-19, является пусть и наиболее яркой, но далеко не единственной иллюстрацией того, что сложившиеся теории демографического развития не предназначены для объяснения и тем более прогнозирования кризисов. Демографическая, эпидемиологическая, гендерная и подобные им революции, являющиеся предметом данных теорий, длятся десятилетиями и в этом отношении разительно отличаются от политических революций, нередко происходящих в считанные дни. В теории кризиса семьи речь идет о долгосрочных изменениях места, занимаемого этим институтом в общественных отношениях. Даже «демографический взрыв», которому в свое время были посвящены сотни работ, растянулся, вопреки своему названию, на всю вторую половину XX в. Между тем кризисы XXI в. – «великая рецессия» конца 2000-х гг., пандемия COVID-19 и миграционные кризисы с их многомиллионными потоками вынужденных мигрантов представляют собой феномены совсем иного рода.

Во время кризисов: нарастание зависимости от внешней среды. К числу центральных проблем демографической теории относятся вопросы о наличии у демографической сферы гомеостатического механизма, обеспечивающего ее устойчивость к шокным воздействиям внешней среды, и – при положительном ответе на данный вопрос – мощности этого механизма, его способности противостоять внешним воздействиям.

Кризисы являются особым периодом исторического и в том числе демографического развития, «ломающим» закономерности спокойных времен. В период кризисов гомеостатические механизмы, обуславливающие определенную автономию демографической сферы от внешней среды, уступают ее напору. Демографическое развитие начинает больше, чем в спокойные времена, зависеть от состояния внешней среды – мутаций вируса в случае пандемии COVID-19, хода вооруженных конфликтов, климата и даже погоды в случае миграционных кризисов. В этом отношении ситуация кризиса является антиподом автономии демографической сферы от внешних воздействий, занимающей центральное место в «гомеостатической» версии теории демографического перехода [Вишневский, 1982].

Важнейшей особенностью пандемии COVID-19, существенно отличавшей ее от пандемии ВИЧ/СПИД, были каскадные эффекты – цепные реакции, в считанные дни дестабилизировавшие одну социальную систему за другой. Реакция на COVID-19 «макрокосма» – общества, удивительным образом напоминала реакцию «микрокосма» – последовательный выход из строя различных систем человеческого организма, неполадки в одной из которых нарушали нормальное функционирование других. Взаимодействие демографической сферы с внешней средой уже не сводилось к демпфированию шоков. Демографическая сфера оказалась включена в сложную сеть обратных связей, в которой она подчас играла и дестабилизирующую по отношению к другим сферам роль.

Необходимость противостоять «агрессии» микромира и стабилизировать демографическую систему – снизить смертность от новой коронавирусной инфекции – включила в процесс политическую сферу, использовавшую потенциал легитимного насилия государства – «локдаунов», ограничения свободы передвижения и т.д. Это в той или иной степени стабилизировало демографическую сферу и воспрепятствовало лавинообразному росту числа заболевших, но привело к дестабилизации экономической сферы.

Объяснение причин пандемий на «чисто демографической» основе вряд ли возможно – это область более общих теорий, охватывающих взаимоотношения человечества

с его средой обитания. То же относится и к миграционным кризисам, возникающим в результате гражданских и международных военных конфликтов, – они являются производными от тектонических подвижек миропорядка и их объяснение лежит в сфере, охватываемой различными концепциями международных отношений и геополитической борьбы. В то же время моделирование взаимодействия демографической и внешних по отношению к ней сфер в ходе кризисов не только возможно, но и необходимо.

Недавнее исследование под патронажем ООН [UNDRR, 2022] хотя и не рассматривает вопросы демографического развития, однако содержит идеи, весьма плодотворные для такого моделирования. В отличие от теории эпидемиологического перехода, в его фокусе находится не многолетний переход от одной стадии к другой, а, напротив, быстро возникающие каскадные эффекты пандемии COVID-19. Другими предметами анализа являются уязвимости социальных систем, а также отдельных групп населения, существовавшие и до пандемии, но ярко проявившиеся в ее ходе. Кроме того, анализируются действия правительств, направленные на преодоление кризиса, и их предвиденные и непредвиденные последствия.

Целью моделирования взаимодействия демографической сферы и ее внешней среды в ходе кризиса является обнаружение уязвимости в структурах, ответственных за быстрое реагирование на кризисы, а также групп населения, находящихся в зоне наибольшего риска. Сам процесс моделирования при этом целесообразно разделить на два этапа. На первом из них создается концептуальная модель такого взаимодействия (попытка обрисовать ее в самых общих чертах была предпринята выше), на втором – разрабатываются модели (эконометрические, имитационные и др.), позволяющие получить на выходе количественные оценки каскадных эффектов, уязвимостей, рисков и потерь, связанных с кризисами. В силу обилия петель обратной связи демографические переменные в таких моделях попеременно выступают в качестве зависимых и независимых.

В настоящее время появилась возможность для предварительных количественных оценок способности демографической сферы противостоять кризисам (табл. 1). Эти оценки далеко не столь оптимистичны, как казалось всего несколько десятилетий тому назад. По данным ВОЗ, в мире в целом пандемия COVID-19 к концу августа 2022 г. унесла уже почти 6,5 млн человеческих жизней, при этом около 1,5 млн смертей пришлось на 2022 г.¹ Впервые за многие десятилетия непрерывный рост продолжительности жизни в развитых странах сменился ее снижением, особенно сильным в 2020 г. В 2021 г. в некоторых странах падение продолжительности жизни сменилось слабым ростом, однако докризисный уровень в подавляющем большинстве стран так и не был достигнут, а перспективы достижения этого уровня в 2022 г. остаются неясными.

Причины значительной межстрановой вариации смертности от COVID-19, и в том числе ее высокого уровня в России, требуют отдельного анализа. В любом случае, однако, эта вариация свидетельствует о том, насколько сильной является в период кризиса зависимость демографической сферы от состояния здравоохранения, его экономических ресурсов и способности быстро реагировать на возникновение экстремальных ситуаций, политической культуры, в том числе законопослушности населения и способности государства эффективно использовать потенциал ограничительных мер, и т.д.

В отличие от смертности, влияние пандемии на рождаемость в развитых странах оказалось, вопреки ожиданиям, относительно слабым. Изменения рождаемости, зафиксированные в первые шесть – девять месяцев 2021 г., были незначительными, небольшой рост наблюдался даже чаще, чем небольшое снижение. Можно предположить, что в большинстве развитых стран потенциал снижения рождаемости был исчерпан еще в 2010-е гг. Дальнейшего спада показателей рождаемости, и без того находящихся на очень низких

¹ URL: <https://covid19.who.int/> (дата обращения: 26.08.2022). Веб-сайт журнала *Nature*, основываясь на данных об избыточной смертности, оценивает действительное число смертей от COVID-19 в мире в 2–4 раза выше оценок ВОЗ. URL: <https://www.nature.com/articles/d41586-022-00104-8> (дата обращения: 26.08.2022).

Таблица 1

Влияние пандемии COVID-19 на демографическое развитие

Страны	Суммарный коэффициент рождаемости				Изменение ожидаемой продолжительности жизни, лет	
	2009	2019	2020	2021*	2020 к 2019	2021 к 2020
Австрия	1,40	1,48	1,46	1,47	-0,7	0
Бельгия	1,84	1,57	1,52	1,54	-1,3	1,1
Венгрия	1,32	1,49	1,58	1,62	-0,8	-1,2
Германия	1,36	1,54	1,52	1,54	-0,2	-0,2
Дания	1,84	1,70	1,67	1,71	0,1	-0,2
Испания	1,38	1,23	1,19	1,22	-1,6	0,9
Италия	1,45	1,29	1,26	1,24	-1,3	0,6
Нидерланды	1,79	1,57	1,55	1,63	-0,8	0,1
Португалия	1,34	1,43	1,42	1,35	-0,8	0,1
Россия	1,54	1,50	1,49	1,50	-1,8	-1,4
США	2,00	1,71	1,64	1,65	-1,9	-0,4
Финляндия	1,86	1,35	1,47	1,47	-0,1	0
Чехия	1,51	1,71	1,72	1,78	-1,0	-0,9
Швеция	1,94	1,71	1,67	1,68	-0,8	0,8
Южная Корея	1,15	0,92	0,84	0,84	0,2	...
Япония	1,37	1,36	1,35	1,31	0,3	...

Примечание. *Оценка автора на основе данных *Human Fertility Data Base*. Данные за 2021 г. для Чехии, США и Японии за январь – июнь, Италии, Португалии и Южной Кореи за январь – август, остальных стран за январь – сентябрь (дата обращения: 26.08.2022).

Источники: Социально-экономические показатели Российской Федерации в 1990–2020 гг. / Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13396>; <https://www.humanfertility.org/cgi-bin/stff.php>; <https://ec.europa.eu/eurostat/web/products-eurostat-news/-/ddn-20220506-2>; https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/DEMO_MLEXPEC/bookmark/table?lang=en&bookmarkId=eb24a8d3-8cc6-483a-b320-b7b0f55064f9; <https://data.oecd.org/healthstat/life-expectancy-at-birth.htm> (дата обращения: 26.08.2022).

отметках, не произошло в силу институциональных причин – поддержки государства и сохраняющих силу даже в драматической ситуации представлений о том, что в «нормальной» семье должен быть хотя бы один ребенок.

После кризисов: уроки истории для теории. Эмпирические данные о влиянии кризисов на демографическое развитие, подкрепляя аргументы в пользу одних теорий, опровергают или ограничивают претензии на общность других. Демографические теории, хотя и не всегда явно, представляют собой проекции на демографическую сферу более широких обществоведческих концепций, вследствие чего аргументы в пользу тех или других взаимосвязаны. Соотнесению кризисов и теоретической дискуссии способствует анализ кризисов в пространстве бинарных оппозиций (табл. 2).

У разочарований в «историях успеха», рассказанных Ф. Фукуямой, А. Омраном и теорией демографического перехода в ее гомеостатической версии, есть общий знаменатель – скепсис в отношении жесткого исторического детерминизма, подкрепляемый кризисами последних лет. В их заре становится очевидным, что спор между «государственниками»

Таблица 2

Кризисы в пространстве бинарных оппозиций

Движение между полюсами бинарных оппозиций в период кризисов	Демографические аспекты изменений
От определенности и предсказуемости будущего к его неопределенности и непредсказуемости	Впервые после Второй мировой войны снизилась продолжительность жизни населения наиболее развитых стран. В Европе возникли многомиллионные потоки беженцев, вызванные военными конфликтами
От внутренней однородности общества к его неоднородности	Потоки беженцев увеличивают численность депривированных групп населения. Различия в системах ценностей иммигрантов и принимающего населения, конфликты вокруг иммиграционной политики
От дискурса сотрудничества к дискурсу конфронтации	Ковид-диссидентство и «национальный эгоизм» при передаче вакцин другим странам; политизация их сертификации. Появление дискурса «оружия массовой миграции»
От «минимального государства» к усилению роли государства	Снижение смертности достигается путем легитимного насилия государства (локдауны и ограничение свободы перемещений). Государственные фонды играют важнейшую роль в помощи вынужденным мигрантам. Государственная помощь семьям с детьми как инструмент противодействия дальнейшему снижению рождаемости, вызванному кризисами
От «постматериалистической» системы ценностей к «материалистической»	Увеличение доли депривированных групп в общей численности населения ведет к повышению значимости «материалистических» факторов рождения ребенка или отказа от рождения
От определенности повседневной жизни к ее прекаризации	Низкий уровень рождаемости как результат нарастающей тревоги

и сторонниками минимального государства, поспешившими объявить о скорой кончине гоббсовского Левиафана, все так же далек от разрешения. Защита личности и семьи от вмешательства государства быстро отступила под угрозой полной потери контроля над пандемией, а помощь беженцам без участия государства и его финансовых ресурсов оказалась просто немыслимой. Социальная база «культурной эволюции» по Р. Инглхарту и производной от нее теории второго демографического перехода Д. Ван де Каа и Р. Лестага сжимается под воздействием прекаризации занятости, а вслед за ней и других сфер жизни [Шевченко, Шевченко, 2022]. Миллионы беженцев руководствуются в своем демографическом поведении вполне материалистической мотивацией, далекой от «постматериализма».

Последствие кризисов проявляется на протяжении многих лет после их окончания. Рано или поздно показатели рождаемости могут вернуться к докризисным трендам, возобновится и рост продолжительности жизни. На какое-то время, как это произошло после миграционного кризиса 2015 г. в Евросоюзе, могут стабилизироваться и показатели миграции. Однако шрамы, оставленные кризисами, останутся. Дискурс конфронтации, порожденный кризисами, не исчезает с их окончанием.

Болезни приходят и уходят, но подозрения в использовании вирусов в качестве биологического оружия остаются. Традиционный дискурс миграции как и ранее фокусирует внимание на том, что успешная интеграция мигрантов в принимающее общество стабилизирует не только политическую, но благодаря омоложению населения и притоку рабочей силы и экономическую сферу. Однако наряду с ним набирает силу дискурс дестабилизирующей миграции. Появляется термин «оружие массовой миграции» [Greenhill, 2010], сначала использованный западными авторами для обвинений Турции в его применении против Евросоюза [Jennequin, 2020], а затем и Белоруссии, принявшей в 2021 г. иракских граждан, пытавшихся проникнуть в ЕС.

Вынужденные мигранты становятся не только объектом гуманной заботы, но и эксплуатации, а также резервуаром человеческих ресурсов для будущих вооруженных конфликтов.

Миллионы людей, травмированных необходимостью экстренно поменять место жительства, искалеченных и потерявших близких в ходе военных конфликтов, становятся фактором, способным вновь дестабилизировать международные отношения, внутривнутриполитическую и экономическую сферы. Дискурс последствий кризиса перетекает в дискурс общества травмы.

Век многих феноменов, возникающих на стыке демографической и других социальных систем, недолго – этим и обусловлена подвижность мира демографических теорий, одни из которых «входят в моду, другие забываются, некоторые меняются до неузнаваемости» [Andreev, 2019: 8]. Снижение рождаемости в большинстве развитых стран в 2010-е гг. перечеркнуло, например, надежды на то, что «развитие обращает спад рождаемости вспять», высказанные в [Myrskylä et al., 2009] на основе анализа данных за 2005 г. Та же судьба, опять-таки из-за снижения рождаемости в 2010-е гг., ожидала и теорию дивиденда гендерной справедливости. Не успела она появиться на свет [Anderson, Kohler, 2015], как растаял феномен, лежащий в ее основе, – активное участие отцов в семейных заботах в скандинавских странах в сочетании с более высокой по сравнению с другими развитыми странами рождаемостью.

Кризисы при всем их трагизме – лишь часть истории. По их окончании движение между полюсами одной или нескольких бинарных оппозиций могут менять свое направление на противоположное. «Перерывы постепенности» в развитии завершаются либо возвращением к прежнему тренду, либо переходом развития на новую траекторию, либо, что представляется наиболее вероятным, гибридными вариантами дальнейшего хода событий, новыми в одной своей части и старыми в другой.

Историческому, следовательно, и демографическому развитию свойственны неперiodические колебания, иногда не совсем точно именуемые маятниковыми. Метафора, уподобляющая исторический поток реке с блуждающим руслом, хотя и не нова, но по-прежнему актуальна. Течение блуждающей реки не вполне произвольно и меняет свое направление лишь в определенных пределах. Однако игнорировать возможность таких блужданий крайне опасно – они способны смывать с берегов целые поселения.

Заключительные замечания. В отличие от социологии, для которой всегда была свойственна множественность теорий, демография долгое время выстраивалась вокруг стержня, сформированного стадийными теориями демографического и эпидемиологического перехода. Постепенно, однако, становится очевидно, что демографическое развитие слишком сложно для того, чтобы описывать, объяснять и прогнозировать его, опираясь только на эти теории. Кризисы, рассмотренные в данной статье, стали дополнительным и весьма мощным аргументом в пользу этого вывода.

Это начинают ощущать и сами демографы. Э. Дзагени, анализируя кризис, вызванный пандемией COVID-19, справедливо замечает, что в фокусе демографических теорий оказывается возникновение порядка из хаоса, тогда как возникновение хаоса из порядка остается без должного внимания [Zagheni, 2021]. Ф. Биллари говорит о «парадигме медленной демографии, культивирующей взгляд на динамику населения как на инерционный, предсказуемый и автономный процесс», и указывает на потребность наряду с «медленной» развивать и другую, «быструю», демографию, способную реагировать на неожиданные повороты событий [Billari, 2022: 9]. По мнению М. Ливи-Баччи, «неладно что-то в нарративе истории населения в Европе» [Livi-Bacci, 2021: 579]. В этом нарративе, полагает он, доминируют темы демографической революции, прогресса в области здоровья и продолжительности жизни, но уделяется мало внимания травмам и кризисам.

В период кризисов стадийные концепции демографического развития теряют объяснительную силу и практическую полезность. Получить адекватное теоретическое отражение кризисов, оставаясь в рамках взгляда на демографическую сферу как на в высокой степени автономную от остальных социальных сфер, становится невозможным, поскольку ее зависимость от внешней по отношению к ней среды в период кризисов резко усиливается. Ключевое значение приобретают петли обратных связей и каскадные эффекты, адекватное отражение которых требует междисциплинарного подхода. От теории требуются оценка

уроков кризиса и рекомендации по достижению обществом и его отдельными системами способности быстро и эффективно адаптироваться к шоковым воздействиям.

Некогда популярный взгляд на демографическое развитие как на движение из «царства необходимости» в «царство свободы», инициированное первым демографическим переходом, а затем ускоренное вторым, плохо согласуется с сегодняшней кризисной реальностью. Ей более соответствует представление об истории, а значит, и демографическом развитии как о нелинейном и изобилующем смертельно опасными кризисами процессе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ [REFERENCES]

- Вишневский А.Г. Воспроизводство населения и общество. История, современность, взгляд в будущее. М.: Финансы и статистика, 1982. [Vishnevsky A.G. (1982) Reproduction of population and society. History, modernity, look into the future. Moscow: Finansy i statistika. (In Russ.)]
- Вишневский А.Г. Эпидемиологический переход и его интерпретации // Демографическое обозрение. 2020. Т. 7. № 3. С. 6–50. [Vishnevsky A.G. (2020) Epidemiological transition and its interpretation. *Demographicheskoye obozrenie* [Demographic Review]. Vol. 7. No. 3: 6–50. (In Russ.)]. DOI: 10.17323/demreview.v7i3.11635.
- Семенова В.Г. Обратный эпидемиологический переход в России. М.: ЦСП, 2005. [Semenova V.G. (2005) *Reversed Epidemiological Transition*. Moscow: CSP. (In Russ.)]
- Шевченко И.О., Шевченко П.В. От прекаризации занятости – к прекаризации жизни? // Социологические исследования. 2022. № 7. С. 63–75. [Shevchenko I.O., Shevchenko P.V. (2022) From employment precarization to life precarization? *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 7: 63–75. (In Russ.)]. DOI: 10.31857/S013216250018464.
- Anderson Th., Kohler H.-P. (2015) Low Fertility, Socioeconomic Development, and Gender Equity. *Population and Development Review*. Vol. 41. No. 3: 381–407.
- Andreev E.M. (2019) Reflections on demographic theories. *Population and Economics*. Vol. 3. No. 2: 1–9. DOI: 10.3897/popecon.3.e37965.
- Barrett R., Kuzawa C.W., McDade T., Armelagos G.J. (1998) Emerging infectious disease and the third epidemiological transition. *Annual Review of Anthropol.* Vol. 27: 247–271.
- Billari F. (2022) Demography: Fast and Slow. *Population and Development Review*. Vol. 48. No. 1: 9–30. DOI: 10.1111/padr.12464.
- Greenhill K. (2010) *Weapons of Mass Migration: Forced Displacement, Coercion, and Foreign Policy*. Ithaca, New York: Cornell University Press.
- Jennequin A. (2020) *Turkey and Weaponization of Syrian Refugees*. Brussels: Brussels International Center.
- Kuhn Th. (1962) *The Structure of Scientific Revolutions*. Chicago.
- Livi-Bacci M. (2021) Nature, Politics, and the Traumas of Europe. *Population and Development Review*. Vol. 47. No. 3: 579–609. DOI: 10.1111/padr.12429.
- Mackenbach J. (2021) The rise and fall of diseases: reflections on the history of population health in Europe since ca. 1700. *European Journal of Epidemiology*. Vol. 36: 1199–1205. DOI: 10.1007/s10654-021-00719-7.
- Myrskylä M., Kohler H.-P., Billari F. (2009) Advances in Development Reverse Fertility Declines. *Nature*. Vol. 460: 741–743.
- Olshansky S., Ault B. (1986) The Fourth Stage of the Epidemiologic Transition: The Age of Delayed Degenerative Diseases S. *The Milbank Quarterly*. Vol. 64. No. 3: 355–391.
- Olshansky S., Carnesb B., Rogers R., Smith L. (1998) Emerging infectious diseases: the Fifth stage of the epidemiologic transition? *World Health Statistics. Quarterly*. Vol. 51: 207–217.
- Omran A. (1971) The Epidemiologic Transition: A Theory of the Epidemiology of Population Change. *The Milbank Memorial Fund Quarterly*. Vol. 49. No. 4. Pt. 1: 509–538.
- Omran A. (1998) The epidemiologic transition theory revisited thirty years later. *World Health Statistics Quarterly*. Vol. 51: 99–119.
- Rogers R., Hackenberg R. (1987) Extending epidemiologic transition theory: A new stage. *Social Biology*. Vol. 34. No. 3–4: 234–243. DOI: 10.1080/19485565.1987.9988678.
- UNDRR & UNU-EHS (2022) *Understanding and managing cascading and systemic risks: lessons from COVID-19*. Geneva, Bonn.
- Zaghene E. (2021) Covid-19: A Tsunami That Amplifies Existing Trends in Demographic Research. In: MacKellar L., Friedman R. (eds) *COVID-19 and the Global Demographic Research Agenda: 77–82*. New York: Population Council.

DEMOGRAPHIC DEVELOPMENT IN LIGHT OF THE 21st CENTURY CRISES: A THEORETICAL ANALYSIS

KLAPT M.A.

St. Petersburg State University of Economics, Russia

Mikhail A. KLAPT, Dr. Sci. (Econ.), Prof., St. Petersburg State University of Economics, St. Petersburg, Russia (klapt@mail.ru).

Abstract. The article discusses demographic development through the lens of COVID-19 pandemic and migration crises of the 21st century. During such crises homeostatic mechanisms built in the demographic system cannot withstand exogenic shocks. Interdependence between demographic system and its social and natural environment intensifies. To comprehend development in the period of crisis it is necessary to apply systemic approach that focuses on feedback loops, cascade effects and vulnerabilities. The reasons why epidemiological transition theory failed to predict possibility of the pandemics similar in the scope and impacts to COVID-19 are analyzed. While one of the versions of this theory views epidemiological transition as a process completed in the developed countries, others, in the wake of events, added new stages to epidemiological transition and failed to predict unexpected dramatic changes. This failure of epidemiological transition theory shows that pandemics and migration crises cannot be comprehended by stadial demographic theories for they are intended to describe smooth and long-term processes. In the period of crises, the discourse of weaponization of mass migration become more influential. Increasing flows of refugees do not fit well with ideas of extending 'post-material' and shrinking 'material' motivation of behaviour in general and demographic behaviour in particular. Pandemic, armed conflicts and large-scale forced migrations challenge the success stories so popular among social theorists in the last decades.

Keywords: crisis, demographic system, forcible migration, COVID-19 pandemic, epidemiological transition theory.

Received: 02.09.22. Accepted: 05.10.22.

Социальная политика. Социальная структура

© 2022 г.

П.Е. СУШКО

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РОССИЯН О ПУТЯХ РАЗВИТИЯ РОССИИ: РАСПРОСТРАНЕННОСТЬ И СПЕЦИФИКА

СУШКО Павел Евгеньевич – кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия (sushkope@mail.ru).

Аннотация. Анализируются мировоззренческие установки россиян относительно приоритетного вектора развития российского общества на фоне СВО на Украине. На данных общероссийского репрезентативного исследования, проведенного Институтом социологии ФНИСЦ РАН в марте 2022 г. (N = 2000), показано, что в российском обществе существуют две качественно разные позиции. Большинство (54%) составляют россияне, убежденные в необходимости реализации самобытного, отличного от западной модели, вектора развития РФ, меньшинство (19%) – сторонники сближения с западными странами и ориентации на их пример в будущем. Эти две группы значимо различаются не только с точки зрения социально-демографических характеристик и ценностного профиля, но и в восприятии решения о проведении СВО на Украине, а также видении ключевых акторов этих событий. Данные группы не являются полными антиподами: они солидарны в необходимости разделения ответственности за конфликт на Украине между разными странами, не готовы к ограничениям, способным существенно ухудшить их социально-экономическое положение, и не демонстрируют готовности к публичному выражению недовольства. Окончательный цивилизационный выбор будет определяться мнением большинства, которое пока формирует свою идентичность по модели противопоставления себя «значимому другому».

Ключевые слова: мировоззрение россиян • национальная идентичность • общественное сознание • будущее России • цивилизационный выбор

DOI: 10.31857/S013216250021403-6

К постановке проблемы. Начало специальной военной операции (СВО) на Украине ознаменовало новый виток дискуссий о глобальности и локальности российской цивилизации. Это происходит на фоне ее противопоставления западной цивилизации, которая исторически для россиян выступает в роли «значимого другого» и с которой так или иначе связана система смыслов, задающих характерные для российской ментальности картины мира [Андреев, 2009]. Процесс цивилизационного самоопределения для россиян отнюдь не завершен, что во многом определяется неясностью статуса страны в международной политической иерархии и особенностями распространенных в России нормативно-ценностных систем и взглядов [Горшков, 2017]. На этом фоне резкое ухудшение международной обстановки и масштабная санкционная политика ряда западных государств не только определили реальных соперников и стратегических партнеров РФ на мировой арене, но и наметили новые внутренние вызовы по формированию устойчивой

к кризисам экономики. Вместе с этим обозначилась и другая не менее важная задача, связанная с сохранением внутреннего единства российской нации, предотвращением ценностных и мировоззренческих расколов среди россиян.

Беспрецедентное усиление информационного давления на умы и настроения россиян спровоцировало значительный рост социальной напряженности в обществе, пиковые показатели которой пришлось именно на весну текущего года, когда в марте до 88% респондентов заявляли о незначительном или существенном ее росте. На тревожность наших граждан повлияло и распространение фейковой информации о действиях нашей армии и политического руководства страны. Ведь с подобными сведениями, согласно данным апрельского опроса ВЦИОМ, регулярно сталкивалось около 60% россиян¹. Если учесть, что после начала спецоперации количество граждан, ежедневно интересующихся ходом СВО, в отдельные периоды достигало 70%², то появляются существенные риски трансформации мировосприятия россиян и усугубления ценностного раскола в обществе.

Отличительной особенностью происходящих вокруг Украины событий является их высокая эмоциональная нагруженность и способность порождать среди населения самые крайние по своему диапазону чувства – от эйфории до депрессии и разочарованности, что увеличивает риски дестабилизации и атомизации общества, проявления неадекватных реакций. В этой связи наша задача заключалась в том, чтобы отойти от эмоциональных реакций и сконцентрироваться на восприятии событий на Украине и их последствий в связке с ценностно-нормативными и мировоззренческими характеристиками россиян, позволяющими зафиксировать векторы возможных общественных расколов. Ведь учитывая, что молодые поколения россиян социализировались в качественно иных условиях и под влиянием иного рода ценностей, нежели старшие поколения, взгляды молодежи могут входить в противоречие с традиционными российскими ценностями [Тихонова, 2018].

В течение последних трех десятилетий в ценностном поле россиян происходили определенные сдвиги, которые фиксировали отечественные исследователи. Они заключались, прежде всего, в нарушении баланса между ценностями конкурентного индивидуализма и солидарности [Магун, Руднев, 2010] в сторону чрезмерной роли социально-экономических прав, а также снижения роли политических свобод для россиян [Тихонова, 2018]. Такой дисбаланс свидетельствует о специфичном преломлении ценностей западного модерна в российском обществе, с одной стороны, и значимых предпосылках для изменений традиционного ценностного кода – с другой.

В этой связи целью данной статьи стало определение соотношения численности носителей разных типов мировоззрения – ориентированных на условно пророссийский и прозападный вектора развития страны, а также поиск качественных различий этих групп. В качестве эмпирической базы исследования выступили данные опроса Института социологии ФНИСЦ РАН, проведенного в марте 2022 г. по общероссийской выборке ($N = 2000$), репрезентирующей население страны по региону проживания, а внутри него – по полу, возрасту, уровню образования и типу поселения³.

Методика исследования. Для выявления групп, различающихся их ориентацией на западную модель развития либо сохранение сложившейся исторической самобытности, использовался специальный индекс западноориентированности (далее по тексту – Индекс ЗО), учитывающий установки в отношении того, по какому курсу должна развиваться Россия. При построении Индекса учитывались следующие взгляды россиян:

1) индивидуализм, либерализм и западная демократия представляют собой подходящие для нашей страны ценности (32% по массиву в целом);

¹ Информационная война вокруг специальной военной операции // ВЦИОМ. 08.04.2022. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/informacionnaja-voina-vokrug-specialnoi-voennoi-operacii> (дата обращения: 10.08.2022).

² События недели // ФОМ. URL: <https://fom.ru/hvost.html> (дата обращения: 10.08.2022).

³ Важно отметить, что в данной статье речь идет о массовых слоях населения без учета элитных и субэлитных групп или люмпенизированных слоев населения (бомжей, заключенных и т.п.).

Таблица 1

Распространенность различных аспектов отношения к западному пути развития в группах россиян с разными показателями Индекса ЗО
(2022 г., % от групп с разными показателями Индекса ЗО)

Индикаторы	Последовательные сторонники само-бытного пути России (0 баллов)	Сторонники скорее самобытного пути России (1 балл)	Сторонники скорее западноориентированного пути (2 балла)	Последовательные сторонники западноориентированного пути (3–4 балла)	Россияне в целом
Индивидуализм, либерализм и западная демократия представляют собой ценности, которые россиянам не подходят	100	40	22	6	68
Россия должна жить по тем же правилам, что и западные страны	–	28	74	97	23
Россия должна быть активным партнером Запада, современных развитых стран	–	10	39	90	14
Западная модель развития наиболее эффективна, надо твердо ей следовать	–	2	9	46	5

2) Россия должна жить по тем же правилам, что и западные страны, – 23% (следует сразу отметить, что данная установка оказалась базовой для сторонников прозападного пути);

3) Россия должна быть активным партнером Запада (14%);

4) западная модель развития наиболее эффективна и надо твердо ей следовать (5%).

За выбор каждого из четырех указанных признаков присваивался один балл, после чего полученные показатели агрегировались.

Сконструированный таким образом индекс позволил выделить среди российских граждан группу, убежденную в необходимости смены выбранного курса развития России и перехода на рельсы прозападного пути развития. Группа с наиболее прозападными ориентациями (набравшие в совокупности по Индексу ЗО 4 балла) оказалась малочисленной (менее 2% от выборки) и объединена с группой, набравшей 3 балла, поскольку наблюдалась мировоззренческая общность групп с показателями в 3 и 4 балла по Индексу ЗО по ряду ключевых вопросов.

Показатели данного индекса позволяют выделить четыре отличающиеся по своим мировоззренческим установкам группы россиян. Наиболее многочисленную группу (имеющие 0 баллов по Индексу ЗО – 54%) представляют россияне, считающие, что ценности индивидуализма, либерализма и западной демократии России не подходят, а также не разделяющие остальные суждения, использованные при расчетах Индекса ЗО (табл. 1). Представители близкой к ней по указанным характеристикам группы (имеющие 1 балл – 27%) чуть чаще, чем россияне в среднем, допускают, что Россия должна жить по тем же правилам, что и западные страны, хотя в целом не согласны с ориентацией на западную модель развития. Доля россиян с более высокими показателями Индекса ЗО (2 балла), в массе своей выступающих за принятие западных правил жизни в качестве базовых, составила 12%. Они формируют периферию группы сторонников прозападного пути развития. Доля же его последовательных сторонников, т.е. ядра данной группы (показатели Индекса ЗО – 3–4 балла), составила 7% респондентов.

Специфика россиян с разными показателями Индекса западноориентированности. Охарактеризуем социально-демографический портрет четырех выделенных групп и дополним его их ценностным профилем.

Наиболее существенные различия между ними обусловлены возрастом. 42% россиян в возрасте до 25 лет декларируют приверженность западной модели развития, а среди тех, кто старше 55 лет, таких не более 12% (табл. 2). Однако большинство во всех возрастных группах составляют сторонники самобытного вектора развития России (включая периферийную часть данной группы).

Таблица 2

Показатели Индекса 3О в разных возрастных группах россиян
(2022 г., % от возрастных групп)

Индекс 3О	До 25 лет	26–35 лет	36–45 лет	46–55 лет	56–65 лет	Свыше 66 лет
0 баллов	27	48	54	55	68	66
1 балл	31	29	29	26	21	22
2 балла	24	13	10	14	8	8
3–4 балла	18	10	7	5	3	4

Представляется, что различия в показателях Индекса 3О во многом связаны с условиями становления тех или иных поколенческих групп. В 1990–2000-х «западные ценности» культивировались на деидеологизированной российской почве [Петухов, 2020]. Их усваивала в первую очередь именно современная молодежь, проходившая социализацию в условиях довольно тесного сотрудничества с западными странами и активно пользовавшаяся различными благами западной цивилизации.

Рассматривая специфику выделенных групп с точки зрения их экономического положения, отметим, что среди последовательных сторонников западного пути развития относительно чаще встречаются высокообеспеченные в материальном отношении россияне⁴ (16 против 7% в среднем по выборке). Другой отличительной их особенностью является то, что в их составе больше, чем среди остальных россиян, предпринимателей и самозанятых (11 против 5%), а также лиц с высшим образованием (41 против 36%). Однако эти различия не носят качественного характера и количественно не очень велики. Тип поселения, в котором они проживают, вообще не демонстрирует никакой значимой взаимосвязи с установками на пророссийскую или прозападную модель развития.

Особенности формирования мировоззрения анализируемых групп отчасти определяются спецификой их медиапотребления. В последние годы Интернет и социальные сети стали для многих россиян главными источниками информации о важнейших событиях в России и мире. Цифровые ресурсы перехватили пальму первенства в информировании граждан и в значительной степени отодвинули телевидение и прочие традиционные СМИ на второй план⁵. Однако даже на фоне этого сторонники западной модели развития используют Интернет и социальные сети чаще (98 и 94% соответственно) в сравнении с теми, кто отдает предпочтение российской самобытности (86 и 75% соответственно).

Одним из ключевых становится вопрос доверия сведениям, которые транслируются через различные информационные источники, а также их роли в формировании духовно-психологической атмосферы в российском обществе. Ведь зачастую СМИ существенно искажают восприятие объективной реальности, порождая противоречия между картиной виртуальной и реальной [Латов, 2020]. Так, в контексте постепенного снижения доверия россиян к телевидению (с 44% в 2014 г.⁶ до 33% в 2022 г.) группы с условно про-

⁴ С доходами от 2-х поселенческих медиан и выше. В данном случае речь идет о величине среднедушевых доходов, соотносённых с типом поселения, в котором проживает человек.

⁵ ВЦИОМ рассказал, когда интернет победил телевидение // ВЦИОМ. 2021.08.08. URL: <https://ria.ru/20210808/internet-1744954477.html> (дата обращения: 04.04.2022).

⁶ Использовались данные опроса Института социологии РАН, проведенного в октябре 2014 г. по общероссийской репрезентативной выборке (N = 4000).

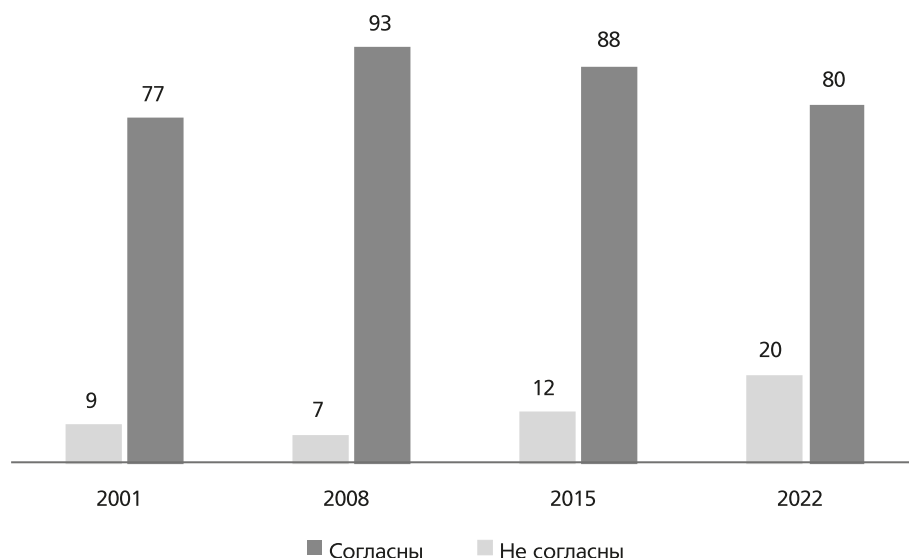

Рис. 1. Динамика отношения россиян к суждению, что государство всегда должно отстаивать интересы всего народа перед интересами отдельной личности, 2001–2022 гг., % от опрошенных

Примечание. В разные годы данный вопрос задавался в разной конфигурации. На представленном рисунке приведены сведения из вопросов с идентичными формулировками и закрытиями.

Источники: Использованы данные репрезентативных общероссийских исследований ИКСИ РАН «Новая Россия: десять лет реформ глазами россиян» 2001 г. ($N = 1750$), ИС РАН «Как живет в современной России: ваше мнение» 2008 г. ($N = 1750$) и третьей волны мониторинга ИС РАН 2015 г. ($N = 4000$).

западными установками по большей части убеждены, что ТВ негативно сказывается на духовной атмосфере в обществе (51 против 21% у группы с нулевым Индексом ЗО – это уже *качественные* различия). Даже сторонники самобытного пути развития неоднозначно оценивают телевизионное освещение событий (45% заявляют об их противоречивом характере), хотя и относительно чаще признают позитивный вклад ТВ в формирование общественной атмосферы (27 против 8% у имеющих прозападные установки). Таким образом, сторонники прозападного пути относительно чаще видят позитив в цифровой среде и негатив в ТВ, а представители традиционных взглядов, наоборот, благоприятнее оценивают телевидение, чем интернет-среду.

Еще одной (во многом неожиданной) стороной, характеризующей специфику выделенных групп, являются их религиозные убеждения. Так, чаще всего сторонники западного пути обнаруживаются среди россиян, называющих себя атеистами, – 34 против 15% среди православных. Это важно, поскольку среди молодежи набирает популярность тенденция отказа от каких-либо идеологических конструктов. Так, среди россиян до 25 лет фактически каждый четвертый считает себя атеистом (24%), а среди тех, кто старше 35 лет, их уже гораздо меньше – примерно каждый десятый.

Обращает на себя внимание и еще одно различие между рассматриваемыми группами, связанное с их оценкой соотношения приоритетов интересов государства и личности. Если взглянуть на трансформацию этих представлений за последние 20 лет (рис. 1), то обнаруживается, что для населения страны в целом характерен тренд на постепенный рост значимости интересов отдельной личности [Тихонова, 2021]. Эта тенденция перекликается с утратой доминирования нормы о приоритетности интересов государства по отношению к правам отдельного человека. При этом подавляющее большинство (более $\frac{3}{4}$) все

же пока не оспаривает обязанности государства выражать и отстаивать общие интересы даже в ущерб интересам отдельных людей или групп.

Одновременно отмечается заметное сокращение доли согласных с тем, что каждый гражданин в любой ситуации имеет право отстаивать свои интересы при помощи забастовок и демонстраций (с 90% в 2014 г. до 66% в 2020 г.). Это свидетельствует, что россияне испытывают определенную усталость от и без того турбулентного состояния общества, которое характеризовало его в последние годы, и не готовы «раскачивать лодку» даже для защиты собственных интересов. Нынешние события на Украине тоже оказали сильное влияние: по мнению более чем трети населения, далеко не любая ситуация может быть поводом к публичному выражению своего недовольства. Однако пока мы можем говорить лишь об определенной направленности данной тенденции, но не об ее устойчивости. Вполне может быть, что по мере стабилизации общей ситуации мнения россиян о правомерности протестного поведения вернутся в прежнее русло.

Анализируя динамику установок россиян относительно приоритетного вектора развития страны, можно обнаружить принципиальные изменения, касающиеся постепенного оформления ценностного профиля «ядра» сторонников прозападного пути. Ранее, когда исследователи ФНИСЦ РАН предпринимали попытку определить группы поддерживающих западную модель развития общества, то условное ядро этой группы фиксировалось в российском обществе по крайней мере с начала 2000-х гг.⁷ Однако тогда позиции его представителей, особенно по вопросу соотношения интересов личности и государства, были более противоречивыми. В настоящее же время они стали более гомогенны: по данным 2022 г., более половины сторонников западного пути развития (52%) однозначно выступают за доминирование интересов личности перед государственными интересами.

Поскольку подобные представления слабо стыкуются с традиционными для российского социума взглядами и характерным для страны типом государственного устройства, это сдерживает расширение группы «прозападников», особенно в условиях нарастающего противостояния РФ с западными странами. Так, с 2000-х по начало 2010-х гг. хотя и фиксировался постепенный прирост числа сторонников мнения, что Россия должна жить по модели западных стран (с 27% в 2005 г. до 32% в 2011 г.), однако после «Крымской весны» 2014 г. и последовавших за ней антироссийских санкций их доля сократилась до 28%. Затем она вновь увеличилась, достигнув в 2021 г. 35% опрошенных, но под влиянием СВО на Украине и новых санкций тренд еще раз переломился: в марте 2022 г. подобную ключевую для «прозападников» позицию разделял менее чем каждый четвертый россиянин (23%).

Отношение россиян к СВО на Украине. Рассмотрим теперь, как россияне в целом и представители групп российского общества с различными установками о будущем развитии России оценивают проведение на Украине специальной военной операции (рис. 2).

В целом доля россиян, так или иначе одобряющих решение руководства страны о проведении спецоперации, более чем вдвое превышает долю группы, выступающей против этого решения (47 против 21%). При этом последовательные сторонники западного пути развития России, как и значительная доля их периферийной группы, в массе своей не одобряют проведение СВО (72 и 41% соответственно). Эта же тенденция проявилась и в контексте вопроса о том, можно ли было и вовсе ее избежать, – 66% среди них ответили на этот вопрос утвердительно (рис. 3). Среди россиян в целом так считали в марте 2022 г. всего 22%, а 48% были уверены в неизбежности проведения СВО.

Как видим, условные «прозападники» последовательны в своей позиции – они не одобрили самого факта начала СВО и не считают ее неизбежной. Соответственно, в этой группе фиксируются одни из самых высоких показателей недоверия президенту РФ

⁷ Российская идентичность в социологическом измерении. Аналитический доклад. 2007 // Институт социологии ФНИСЦ РАН. URL: https://www.isras.ru/files/File/Doklad/Doclاد_Rus_Identity.pdf (дата обращения: 30.06.2022).

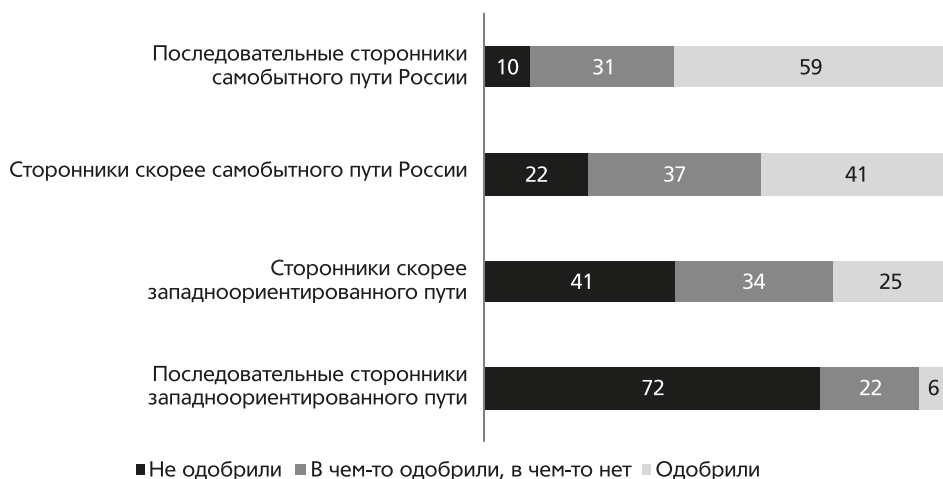

Рис. 2. Отношение россиян с различным Индексом 30 к решению о проведении СВО на Украине, 2022 г., % от групп с разными показателями Индекса 30

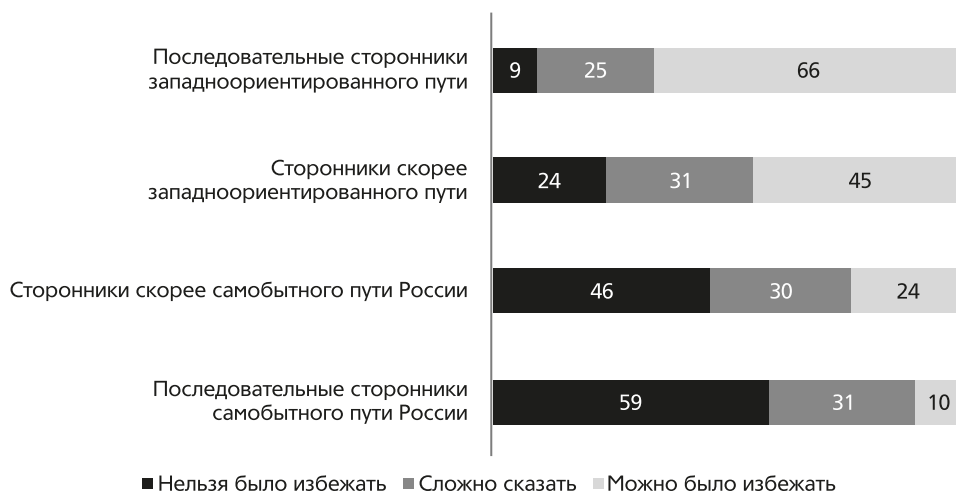

Рис. 3. Распределение ответов на вопрос, можно ли было избежать проведения Россией СВО на Украине, 2022 г., % от групп с разными показателями Индекса 30

и российской армии, 66 и 75% соответственно, против 13% по каждому из этих двух пунктов у последователей самобытного пути развития России.

Массовое доверие российских граждан ключевым символическим институтам власти, наблюдавшееся и до 2014 г., подкрепляется эффектом «сплочения вокруг флага»⁸. На «прозападников» этот эффект действует гораздо слабее, поскольку они очень часто

⁸ Так, по данным ВЦИОМ, в середине марта 2022 г. вслед за началом СВО на Украине наметился спад индекса протестного потенциала с 30 пунктов до 28. К 10 апреля этот же показатель снизился уже до 24 пунктов. См. подробнее: Протестный потенциал // ВЦИОМ: [сайт]. 30.06.2022. URL: <https://wciom.ru/ratings/protestnyi-potencial> (дата обращения: 10.07.2022).

Таблица 3

Отношение россиян с различными показателями Индекса 30 к перспективам страны
(2022 г., % от групп с разными показателями Индекса 30)

Варианты	0 баллов	1 балл	2 балла	3–4 балла
<i>Путь, по которому идет современная Россия, ведет страну в тупик</i>				
Выбрано	16	27	63	76
Не выбрано	84	73	37	24
<i>Нынешняя власть должна быть заменена во что бы то ни стало</i>				
Выбрано	12	24	48	66
Не выбрано	88	76	52	34

Примечание. Здесь и далее фоном выделены показатели, охватывающие более 50% группы.

сомневаются в правомерности того пути национального развития, который осуществляется под этим «флагом». Так, 76% «ядра» данной группы и 63% периферийной ее части полагают, что современная Россия идет в тупиковом направлении. Соответственно, значительно чаще являются они и сторонниками мнения, что нынешняя власть в России должна быть заменена во что бы то ни стало (табл. 3).

Похожие тенденции проявились и в оценке степени ответственности разных стран за боевые действия на Украине. Ключевыми сторонами конфликта россияне признают, конечно, Украину и США (рис. 4), хотя возлагают ответственность за конфликт не только на них. Это позволяет говорить, что текущее противостояние России и Запада в восприятии населения страны распространяется в политическом и экономическом отношении на многие страны «коллективного Запада», хотя и в разной степени.

Если взглянуть на данный вопрос в разрезе групп, ориентированных на разные модели развития российского социума, то не менее половины представителей каждой из них

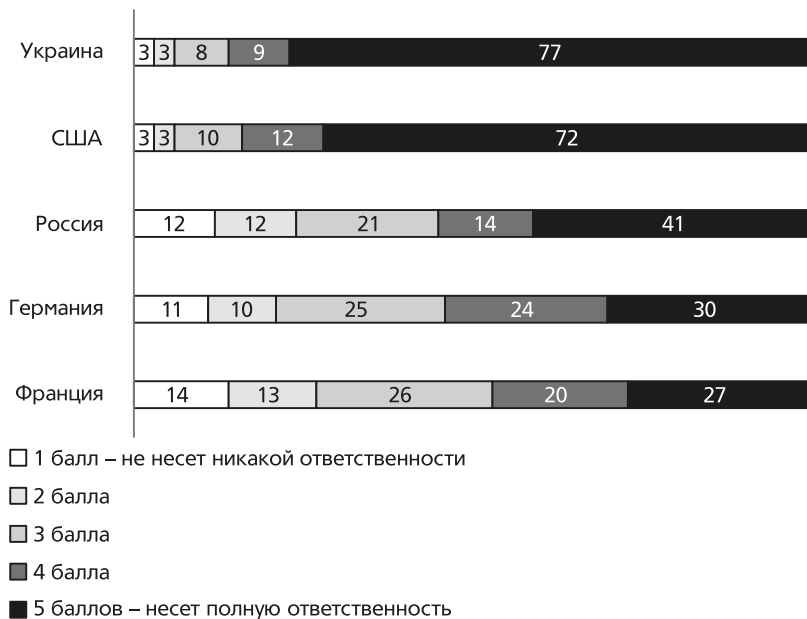

Рис. 4. Распределение ответов на вопрос, в какой степени разные страны несут ответственность за военные действия на Украине, 2022 г., % от опрошенных

признают довольно высокий уровень ответственности за события на Украине за всеми указанными на рисунке 5 странами. Это свидетельствует о том, что вне зависимости от представлений об оптимальном векторе движения страны и личных убеждений наши сограждане осознают комплексность и масштабность текущего противостояния и не склонны искать в данном конфликте единственного виноватого.

При этом сторонники самобытного российского пути развития ожидаемо чаще не возлагают ответственность за конфликт на Украину на Россию (ее считают «виноватой» только 17% из них), а ключевыми его виновниками признают США (80%) и саму Украину (80%). В этом с ними солидарны представители периферийной группы условных «прозападников» (57 и 67% соответственно о «вине» США и Украины). Последовательные же сторонники прозападного пути развития в массе своей склонны возлагать всю тяжесть ответственности за проведение СВО на Россию (69%) и на Украину (54%), а также на США (50% считают их виновными частично, еще 43% – полностью).

Таким образом, события на Украине и последовавшие за ними антироссийские санкции западных стран, с одной стороны, существенно повлияли на представления россиян о характере современных источников внешних угроз, с другой – помогли определиться, какие из стран скорее дружественны России, а к каким следует относиться если и не отрицательно, то по крайней мере настороженно. Тем самым среди россиян укореняется убеждение, проявившееся в ходе социологических замеров после событий 2014 г., что враждебный России «Запад» – это не только США, но и Европа.

Вместе с этим произошел поворот в массовом сознании россиян к странам с отличной от Запада ценностной спецификой. Так, на сегодняшний день пятерку государств, к которым жители России настроены преимущественно положительно, формируют Белоруссия (91%), Китай (73%), Казахстан (72%), Армения (71%) и Азербайджан (63%). Четыре из пяти указанных стран – бывшие республики в составе СССР, продолжающие и в настоящее время состоять в тесных партнерских связях с РФ. Китай же попадает в эту группу в силу статуса крупнейшего стратегического и экономического партнера, по отношению к которому по мере усиления межгосударственного сотрудничества улучшаются и мнения россиян (фактически вдвое с 2001 г.⁹). В этом свете приведенные данные подтверждают тезис, что большинство россиян выступает за международное сотрудничество, но только такое, которое в их понимании позитивно сказывается на жизни внутри страны [Горшков, Петухов, 2015].

Готовы ли россияне к социально-экономическим ограничениям? Обратимся теперь к тому, как события последних месяцев сказались на установках россиян и их готовности изменить привычный образ жизни.

Рассматриваемые группы имеют существенные отличия в части отношения к возможным ограничениям, опосредованным масштабной санкционной политикой западных государств. С ростом показателей Индекса ЗО увеличивается и количество ограничений, к которым не готовы более половины представителей соответствующих групп (табл. 4).

Важно, что во всех четырех группах существует консенсус относительно роста цен, замораживания на ближайший год заработных плат, повышения налогов и утраты рабочего места: это не приемлют свыше 70% в каждой из групп. Данная неготовность, очевидно, слабо связана с нормативно-ценностными факторами, скорее, это сигнал о желании сохранить имеющийся уровень достатка. Однако при переходе от базовых социально-экономических составляющих жизни российского человека к тем ее компонентам, которые имеют отношение к привычному образу жизни, различия рассматриваемых групп становятся очевиднее. Так, убежденные в необходимости для России следовать самостоятельным путем в разы чаще готовы отказаться от продуктов питания западного производства, импортных товаров длительного пользования, карт международных платежных систем, туристических поездок в страны ЕС и США, а также хранения денег в иностранной валюте.

⁹ Данные репрезентативного общероссийского исследования ИКСИ РАН «Новая Россия: десять лет реформ глазами россиян» 2001 г. (N = 1750).

Таблица 4

Готовность групп россиян с разными показателями Индекса ЗО к ограничениям ради укрепления безопасности России и ее суверенитета
(2022 г., % тех, кто НЕ готов к соответствующим ограничениям, от групп с разными показателями Индекса ЗО, проранжированно по группе с 3–4 баллами Индекса ЗО)

Ограничения	0 баллов	1 балл	2 балла	3–4 балла
Согласиться с дальнейшим ростом цен	90	86	85	94
Согласиться с замораживанием на ближайший год заработных плат и пенсий	85	88	84	92
Согласиться с повышением налогов для граждан	85	90	88	90
Согласиться, что на какое-то время они могут оказаться без работы	73	79	80	90
Отказаться от свободного пользования Интернетом и некоторыми социальными сетями	46	59	74	87
Отказаться от товаров длительного пользования, произведённых на Западе (гаджеты, одежда, бытовая и компьютерная техника и др.)	24	41	58	81
Отказаться от использования банковских карт систем Visa и MasterCard	13	25	39	49
Отказаться от туристических и деловых поездок в страны Евросоюза и США	5	13	30	48
Отказаться от продуктов питания из стран Запада	7	12	29	45
Отказаться от хранения денег в иностранной валюте	5	13	26	40

Большинство же сторонников западной модели развития (около 80%) не готовы мириться с половиной таких ограничений, а свыше 15% выступают против них всех.

В этом свете закономерны и различия в протестных умонастроениях наших граждан весной 2022 г. Данные опроса ИС ФНИСЦ РАН согласуются с показателями, фиксируемыми другими социологическими центрами, демонстрирующими существенное снижение декларируемых протестных настроений на фоне скачкообразного роста консолидации общества за счет «сплочения вокруг флага». Схожее падение протестных умонастроений фиксировалось еще в 2014 г. под влиянием событий в Крыму и на Украине. Так, выступить против нахождения российских вооруженных сил на Украине были готовы в марте 2022 г. не более 7% опрошенных, причем только 3% из них имели в виду свою безусловную готовность к этому. Впрочем, и до событий 2022 г. протестные умонастроения россиян были весьма умеренны и формировались преимущественно под воздействием факторов социально-экономического (не политического) порядка.

Рассматривая уровень протестного потенциала в зависимости от убежденности в необходимости для России следовать самостоятельному или прозападному пути развития, отметим, что на фоне низкой общей протестной активности более половины состава каждой из рассматриваемых групп скорее не стали бы принимать участия ни в каких формах протестов. Тем не менее с увеличением показателей Индекса ЗО наблюдается тенденция постепенного нарастания доли желающих публично заявить о недовольстве по тому или иному поводу (табл. 5).

Итак, несмотря на общий низкий уровень протестного потенциала, в российском обществе все же есть группы, аккумулирующие недовольство как по гражданско-правовым и социально-экономическим поводам, так и в отношении развернувшегося противостояния на Украине. Как показало исследование, это недовольство предопределяется

Таблица 5

Готовность групп россиян с разными показателями Индекса ЗО к массовым выступлениям
(2022 г., % от групп с разными показателями Индекса ЗО)

Готовность	0 баллов	1 балл	2 балла	3–4 балла
<i>Митинги и демонстрации в защиту демократических прав и свобод</i>				
Безусловно да / скорее да	4	11	11	18
Пока не знаю	13	14	18	25
Скорее всего нет / безусловно нет	83	75	71	57
<i>Митинги и демонстрации в защиту экономических и социальных прав граждан</i>				
Безусловно да / скорее да	11	16	13	24
Пока не знаю	13	15	21	22
Скорее всего нет / безусловно нет	76	69	66	54
<i>Митинги и демонстрации против нахождения российских вооруженных сил на Украине</i>				
Безусловно да / скорее да	3	10	13	20
Пока не знаю	11	12	16	26
Скорее всего нет / безусловно нет	86	78	71	54

скорее факторами нормативно-ценностного и социально-психологического свойства, нежели объективными причинами.

Выводы. Развернувшееся военное противостояние с Украиной, а также экономическая и политическая борьба со странами «коллективного Запада» обострили поляризацию двух мировоззренческих векторов населения страны. Первый из них предполагает, что «условно западные» ценности России не подходят и она должна развиваться по своему уникальному пути. Его поддерживает большинство россиян. Второй свидетельствует о поддержке прозападного вектора развития России или, по крайней мере, сближения ее и западных стран. Его сторонники хотя и составляют меньшинство, все же значительны по своей численности (вместе с периферией – почти 20%) и имеют довольно четкое, хотя и немногочисленное (7%), ядро.

Ключевые особенности групп, характеризующихся этими нормативно-ценностными установками, определяются прежде всего возрастом. Чем моложе человек, тем выше вероятность, что он будет склоняться к «прозападному» вектору. Соответственно, чем он старше, тем чаще у него можно встретить установку на самобытный российский путь развития. Эта тенденция вполне объяснима, поскольку молодежь является наиболее гибкой, мобильной и восприимчивой к внешнему влиянию социально-демографической группой. Тем не менее ни в одной возрастной группе, включая молодежь, приверженцы западного пути развития не составляют большинства. Кроме того, среди сторонников западного пути развития относительно чаще встречаются наиболее обеспеченные и образованные россияне, а также предприниматели и самозанятые. Однако и среди этих доходных, образовательных и профессиональных групп большинство составляют приверженцы самобытного пути развития России.

В связи с полученными результатами неизбежно возникает вопрос о том, является ли ориентация на западные модели развития признаком враждебности, безусловного неприятия традиционной нормативно-ценностной модели российского общества. Судя по всему, в отношении большинства сторонников западной модели развития ответ на этот вопрос должен быть отрицательным. Конечно, это во многом будет зависеть от сценария взаимодействия с теми, кто иначе, чем большинство россиян, представляет оптимальную

модель развития общества, точнее, от корректного «считывания» запросов членов данной группы и грамотного реагирования на них. В противном случае сохраняются риски ее радикализации.

В целом же проведенный анализ доказывает, что, с учетом масштабов и последствий конфронтации с западными странами, Россия все больше дрейфует в сторону осознания себя как самостоятельной уникальной цивилизации. Похожие тенденции фиксировались и в 2014 г. на фоне «Крымской весны». В то же время пока этот дрейф происходит по большей части на декларативном уровне с целью более четко противопоставить себя «значимому другому».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Андреев А.Л. Образ России и образ Запада в сознании россиян (середина 1990-х – 2007 годы) // Историческая психология и социология истории. 2009. № 1. С. 110–128.
- Горшков М.К. Российское общество в контексте новой реальности. К итогам и продолжению социологического мегапроекта. М.: Весь Мир, 2017.
- Горшков М.К., Петухов В.В. Внешнеполитические ориентации россиян на новом переломе // Полис. Политические исследования. 2015. № 2. С. 10–34.
- Латов Ю.В. «Духовная атмосфера» 2020 года: опыт анализа социально-эмоционального самочувствия россиян // Социологические исследования. 2020. № 12. С. 139–150. DOI: 10.31857/S013216250012511-5.
- Магун В.С., Руднев М.Г. Базовые ценности россиян в европейском контексте // Общественные науки и современность. 2010. № 3. С. 5–22.
- Петухов В.В. Идеино-политические предпочтения россиян: смена дискурса // Социологическая наука и социальная практика. 2020. Т. 8. № 4. С. 25–43. DOI: 10.19181/snsp.2020.8.4.7654.
- Тихонова Н.Е. Соотношение интересов государства и прав человека в глазах россиян: эмпирический анализ // Полис. Политические исследования. 2018. № 5. С. 134–149. DOI: 10.17976/jpps/2018.05.11.
- Тихонова Н.Е. Динамика представлений россиян о соотношении интересов индивида и государства: эмпирический анализ // Полис. Политические исследования. 2021. № 6. С. 155–170. DOI: 10.17976/jpps/2021.06.11.
- Merton R.K. Social Theory and Social Structure. N.Y.: The Free Press, 1968.

Статья поступила: 02.08.22. Финальная версия: 02.09.22. Принята к публикации: 05.09.22.

RUSSIANS' IDEAS ABOUT POSSIBLE WAYS OF RUSSIA'S DEVELOPMENT: PREVALENCE AND SPECIFICITY

SUSHKO P.E.

Institute of Sociology of FCTAS RAS, Russia

Pavel E. SUSHKO, Cand. Sci. (Soc.), Leading Research Fellow, Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia (sushkope@mail.ru).

Acknowledgements. Work on this paper was supported by Russian Science Foundation project No. 20-18-00505.

Abstract. The article is devoted to the analysis of the ideological attitudes of Russians regarding the priority vector of the Russian society development against the background of SMO in Ukraine. Based on the data of an all-Russian representative study conducted by the Institute of Sociology of FCTAS RAS in March 2022, it is shown that there are two significantly different points of view in Russian society on this score. The majority are Russians who are convinced of the non-necessity of implementing an original, different from the Western model, vector of development of the Russian Federation, the minority are supporters of rapprochement with Western countries and orientation to their example in the future. Each of these groups has its own core and its conditional periphery. These two groups differ significantly not only in terms of the socio-demographic characteristics of their members and their values profile, but also in the context of the perception of the decision to launch a SMO in Ukraine, as well as the vision of the key actors of these events. At the same time, these groups are not complete antipodes indicating a potential for reconciliation of existing ideological differences. In particular, they are in solidarity on the need to share responsibility for the conflict in Ukraine between different countries, are not ready for restrictions that can significantly worsen their socio-economic situation, do not demonstrate readiness for public expression of discontent. It is also shown that the final civilizational choice will be determined by the opinion of the majority, which is still forming its identity according to the model of contrasting itself with the "significant other". This is the "cornerstone" at this stage, the situation around which will determine the further vector of formation and rooting of Russians' civilizational identity.

Keywords: the worldview of Russians, national identity, public consciousness, the future of the country, civilizational choice.

REFERENCES

- Andreev A.L. (2009) Image of Russia and the West in the Russians' Minds (mid-1990s – 2007). *Istoricheskaya psihologiya i sociologiya istorii* [Historical Psychology & Sociology]. No. 1: 110–138. (In Russ.)
- Gorshkov M.K. (2017) *Russian Society in the Context of a New Reality. To the Results and Continuation of the Sociological Megaproject*. Moscow: Ves' Mir. (In Russ.)
- Gorshkov M.K., Petukhov V.V. (2015) Foreign Policy Orientations of the Russians: a New Turn. *POLIS. Politicheskie issledovaniya* [POLIS. Political Studies]. No. 2: 10–34. (In Russ.)
- Latov Yu.V. (2020) "Spiritual Atmosphere" 2020: Experience of Analysis of the Socioemotional Self-sense of Russians. *Sotsiologicheskie Issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 12: 139–150. DOI: 10.31857/S013216250012511-5. (In Russ.)
- Magun V.S., Rudnev M.G. (2010) Basic Values of Russians in the European Context. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Modernity]. No. 3: 5–22. (In Russ.)
- Merton R.K. (1968) *Social Theory and Social Structure*. New York: The Free Press.
- Petukhov V.V. (2020) Ideological and Political Preferences of the Russians: Changing of the Discourse. *Sociologicheskaya nauka i social'naya praktika* [Sociological Science and Social Practice]. Vol. 8. No. 4: 25–43. DOI: 10.19181/snsp.2020.8.4.7654. (In Russ.)
- Tikhonova N.E. (2018) Balance of State Interests and Human Rights in Perception of Russians: Empirical Analysis. *POLIS. Politicheskie issledovaniya* [POLIS. Political Studies]. No. 5: 134–149. DOI: 10.17976/jpps/2018.05.11. (In Russ.)
- Tikhonova N.E. (2021) Russians' Perceptions of the Relationship between the Individual and State Interests: an Empirical Analysis of Dynamics. *POLIS. Politicheskie issledovaniya* [POLIS. Political Studies]. No. 6: 155–170. DOI: 10.17976/jpps/2021.06.11. (In Russ.)

Received: 02.08.22. Final version: 02.09.22. Accepted: 05.09.22.

В.Б. ЗВОНОВСКИЙ, А.В. ХОДЫКИН

ОТРАЖЕНИЕ КУЛЬТУРНОЙ ВЛАСТИ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО НАРРАТИВА В КОЛЛЕКТИВНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ РОССИЯН О СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ

ЗВОНОВСКИЙ Владимир Борисович – доктор социологических наук, профессор кафедры социологии и психологии Самарского государственного экономического университета (zvb@socio-fond.com); ХОДЫКИН Александр Владимирович – кандидат социологических наук, социолог Фонда социальных исследований (a.khodykin@socio-fond.com). Оба – Самара, Россия.

Аннотация. Военные конфликты – травмирующие и мобилизующие события, вокруг значения которых разгораются политические споры и противостояния. Государства, ведущие военные действия, создают мобилизующие и объясняющие их необходимость нарративы, борющиеся с антивоенными контрнарративами за символическую власть «правильного» описания военного конфликта как события. Ввод российских войск на Украину вызвал политическое противостояние сторонников и противников данного решения не только в политическом, но и в символическом поле. Для повышения общественной поддержки проведения специальной военной операции (СВО) российскими властями активно используется геополитический нарратив, получивший наибольшую символическую власть после присоединения Крыма. В статье сделана попытка с помощью теоретического языка Йельской школы культурсоциологии описать отражение культурной власти геополитического нарратива в общественном мнении относительно СВО. Используются результаты опроса, проведённого исследовательской группой Russian Field 23–26 мая 2022 г. (N = 1600). В зависимости от характера отношения к СВО респонденты классифицированы на шесть групп: четыре группы сторонников спецоперации, группа её противников и группа потенциальных противников. Сделаны следующие выводы: 1) культурная власть геополитического нарратива обширна, но не фундаментальна; 2) адаптация к доминированию официального нарратива выражена сильнее, чем его воздействие на коллективные представления россиян; 3) поддержка президента России в массовом сознании воспринимается более значимой, чем достижение целей спецоперации; 4) нынешний военный конфликт на Украине довольно редко воспринимается россиянами как травмирующее событие; 5) гипотеза о влиянии качества жизни в регионе на отношение его жителей к СВО подтверждена частично, гипотеза о связи протестного потенциала региона с отношением его жителей к спецоперации не подтвердилась.

Ключевые слова: военные действия • Украина • нарратив • культурная власть • Йельская школа • культурсоциология • опрос

DOI: 10.31857/S013216250021524-9

Методологическая рамка исследования. Военные конфликты, массовые репрессии и утрата территорий создают наиболее сильные травматические нарративы, определяющие восприятие событий в массовом сознании. Социологическая оптика для их исследования наиболее полно представлена теорией культурной травмы в культурсоциологии Д. Александера и его коллег из Йельской школы. Он проанализировал, как осмысление события в качестве травматического в СМИ и общественных дискуссиях создаёт коллективные представления, опирающиеся на нарратив культурной травмы, делающий данное событие основой для кодировки базовых этических различий (добра и зла, добродетели и порока и т.д.) [Александр, 2013]. Александр показывает, что травматический нарратив не сразу осмысливается и определяется в качестве такового в общественном

Авторы выражают благодарность компании Russian Field и её руководителю А.М. Введенскому за регулярную публикацию опросных данных в открытом доступе.

сознании: для формирования культурной травмы нужны некоторое время и усилия со стороны СМИ и общественности по её формированию и интеграции в существующую в коллективных представлениях систему культурных кодов.

Конструирование нарратива, кодирующего событие как осквернение сакрального (в том смысле, в котором это понимал Э. Дюркгейм [2018]), становится залогом победы в символической борьбе за коллективные представления о данном событии. Опираясь на Н. Смелзера [Smelser, 1959, 1963], Александер приводит иерархию трёх уровней, на которых можно рассматривать социальные факты: целей, норм, ценностей. В обыденном режиме политика осуществляется на нижнем уровне целей. «Политика, выходящая за пределы обыденного, начинается, когда между уровнями ощущается напряжение либо из-за изменений в природе политической активности, либо из-за перемен в общих обязательствах более сакрального характера, которые, как считается, регулируют данные уровни. В такой ситуации возникает напряжение между целями и более высокими уровнями» [Александер, 2012: 78–79]. Ритуальное обновление после затрагивающего общественные основы кризиса становится возможным, когда выполняются следующие условия: 1) событие должно быть сочтено оскверняющим; 2) оно должно восприниматься общественным мнением как угроза осквернения «центра» общества; 3) должны быть задействованы методы институционального социального контроля; 4) должна активизироваться борьба элит и групп общественности, возникнуть условия для формирования контрцентров; 5) должен состояться процесс символической интерпретации как ритуализации и очищения.

Коллективные представления о травмирующем событии и его отражение в культурных кодах становятся результатами борьбы конкурирующих нарративов за культурную власть формировать ценности и предписывать социально одобряемые нормы поведения [Smith, 1994]. Культурная власть формирует положенные в основу социальной солидарности моральные нормы, кодируя события в системе базовых этических различий [Александер, 2014]. Результаты борьбы нарративов за культурную власть определяют перспективы, направления и динамику социальных изменений [Alexander, 2011]. Травмирующее событие может укреплять действующие ценности и нормы, вписываться в них, в различной степени и в том или ином направлении изменять их, формируя тем самым новые культурные коды.

Официальная риторика обоснования специальной военной операции (СВО) на Украине переносит политическое решение о ее начале с уровня профанных политических целей на уровни сакральных норм и ценностей. *«Наша страна, взвалившая на себя вторично – после Великой Отечественной войны – груз ответственности за освобождение соседней Украины от нацизма в его нынешнем, пусть и современном, но не менее страшном, обличье, не ожидает и ожидать не собирается ни международной поддержки своих действий, ни их одобрения в лице либеральной и прогрессивной (оба прилагательных, разумеется, в кавычках) европейской общественности»*¹. Введение войск на Украину оправдывается при помощи нарратива «несправедливо разделённого русского мира», который нужно объединять вокруг России и защищать от осквернения (со стороны НАТО, «чуждых ценностей» и т.д.): *«У нас нет и не может быть альтернативы собиранию русских земель, восстановлению утраченного»*². В качестве базового политического различия выбран предложенный К. Шмидтом антагонизм «друг-враг» [Шмидт, 2016]. В последние годы данный нарратив приобрёл в России культурную власть, позволяющую получать общественную поддержку действий российского руководства [Поляков, 2015]. Проследим уровень общественной поддержки действий государства, оправдываемых нарративом защиты «русского мира».

¹ Полная и окончательная денацификация Украины: Россия вновь поможет Европе // РИА Новости от 26.02.2022. URL: <https://ria.ru/20220226/denatsifikatsiya-1775160162.html> (дата обращения: 02.07.2022).

² Россия отвечает за Украину // РИА Новости от 26.03.2022. URL: <https://ria.ru/20220326/otvetstvennost-1780162615.html> (дата обращения: 02.07.2022).

Культурная власть геополитического нарратива в свете опросов общественного мнения. Наиболее популярным решением властей за всю историю постсоветской России остаётся присоединение Крыма, одобрение которого держится на очень высоком уровне на протяжении всех 8 лет³. Однако столь массовую поддержку, как СВО (от 53 до 81% одобрения по различным данным), получают не все подобные решения руководства страны. Многие законы вызывают неоднозначную реакцию населения. На пике информационной поддержки закона «об иностранных агентах», в период его принятия большинство его одобряло, однако в 2021 г. люди чаще стали говорить, что основная его цель в оказании давления на независимые общественные организации (40 против 37%, считающих, что закон призван оградить Россию от негативного западного влияния)⁴. Резонансные законы о «неуважении к власти» и о «фейкньюз» встретили наибольшее неодобрение россиян. Если закон о «фейкньюз» 55% респондентов одобрили, то закон о «неуважении к власти» поддержали только 39%, тогда как 53% высказались против него⁵. Наиболее ожесточённую борьбу нарративов на уровне ценностей вызвало принятие «закона Димы Яковлева», запрещающего гражданам США усыновление российских детей. Общественное мнение разделилось: 50% поддерживали этот закон, 31% были против него.

В представленных опросах основными дифференцирующими факторами являются возраст, тип потребления медиа и уровень поддержки действующей власти. «Спорные» законы и решения руководителей государства поддерживают пожилые люди, узнающие информацию из государственного телевидения и поддерживающие деятельность В. Путина. Против таких решений и законов чаще выступает молодёжь, узнающие новости из интернет-ресурсов респонденты и реже поддерживающие деятельность президента россияне. Практики потребления информации со временем изменяются, усиливается влияние социальных медиа, предлагающих потребителям альтернативные официальному нарративу. Молодые люди, в большей степени способные к поиску альтернативной информации в Интернете, в меньшей степени подвержены влиянию официального нарратива, позиции которого, однако, по-прежнему довольно сильны во всех социальных группах.

Больше всего сторонников имеют решения, кодируемые в официальном нарративе как укрепление суверенитета и возвращение исконных территорий. Чем органичнее решение укладывается в официальный геополитический нарратив, тем большую поддержку оно получает, что свидетельствует о достаточно сильной культурной власти данного нарратива. Стремление к возрождению «великой державы» и усиление влияния России на другие государства и мировую политику встречает наибольшую общественную поддержку, невзирая на личные экономические издержки, которыми россияне готовы платить за геополитическое могущество: во-первых, оценки воздействия санкций на экономику России не влияют или слабо влияют на уровень поддержки геополитических решений; во-вторых, респонденты склонны преуменьшать последствия санкций. К началу марта только 45% не ощутили влияния санкций, однако поддержка спецоперации осталась столь же высокой, а эмоциональное состояние 60% респондентов – положительным⁶. Стремление к возрождению великой державы после присоединения Крыма вытеснило стремление к повышению личного комфорта и благополучия. Действия России в военных конфликтах воспринимаются положительно: резко растёт рейтинг органов власти и лично Путина и улучшается социальное самочувствие россиян. Так было после «операции по

³ Крым // Пресс-выпуск Левада-Центра*. URL: <https://www.levada.ru/2021/04/26/krym/> (дата обращения: 02.07.2022). * Признан иноагентом РФ.

⁴ Закон об иностранных агентах // Пресс-выпуск Левада-Центра*. URL: <https://www.levada.ru/2021/08/02/zakon-ob-inostrannyh-agentah/> (дата обращения: 02.07.2022).

⁵ Законы о «неуважении к власти» и «фейкньюс» // Пресс-выпуск Левада-Центра*. URL: <https://www.levada.ru/2019/04/08/zakony-o-neuvazhenii-k-vlasti-i-fejknyus/> (дата обращения: 02.07.2022).

⁶ «Специальная военная операция» на Украине: отношение россиян. Вторая волна (5–7 марта). Результаты опроса. URL: <https://russianfield.com/zamir> (дата обращения: 02.07.2022).

принуждению к миру» в Грузии в августе 2008 г. и присоединения Крыма в 2014 г.⁷, похожая ситуация сложилась сейчас. На третий месяц СВО 66% россиян сообщили, что у них окрепла удовлетворённость, самоутверждение (в прошлом году – 55%)⁸.

Для геополитического нарратива большое значение имеет цель возрождения, т.е. возвращение утраченного и героизация прошлого. Данный нарратив предлагает конструирование политических целей на базе ретроспективной утопии, идейной основой которой стала ностальгия по СССР, получившая большую культурную власть в современной России. Слова В. Путина о распаде СССР как «крупнейшей геополитической катастрофе XX в.» нашли отклик в массовом сознании: 65% россиян сожалеют о распаде Советского Союза и столько же уверены, что этого можно было избежать. Этот показатель довольно стабилен на протяжении всех 30 лет без СССР. 52% объясняют это сожаление потерей чувства принадлежности к великой державе⁹. Если сравнить данные ответов на вопрос о том, чем для россиян является советская эпоха, в опросах 2008 – 2019 гг., то увидим, что в разы выросли доли одобрительных вариантов: «забота государства о простых людях» (59% в 2019 г. против 29% в 2008 г.); «постоянное улучшение жизни людей» (39 против 14%), тогда как доли критических вариантов уменьшились: «очереди, дефицит, карточки» в 2019 г. вспомнили 24% (в 2008 г. – 42%); «направляющую роль коммунистической партии» – 29 против 43%; «изоляция страны от внешнего мира, невозможность выезжать за рубеж и возвращаться» – 17 против 24%¹⁰. Т.е. чем дальше от нас советские времена, тем сильнее влияние советской мифологии, распространять которую становится легче в условиях смены поколений и постепенного стирания из актуальной памяти людей реальных событий советского периода. Советские лидеры имеют в общественном мнении большую поддержку. По данным на 2021 г., 60% россиян относятся к Сталину с уважением, восхищением или симпатией, только 11% испытывают к нему негативные чувства. 56% согласны с тем, что «Сталин был великим вождём», 14% придерживаются обратной точки зрения¹¹. Сталин лидирует в рейтинге самых выдающихся людей всех времён и народов – в топ-10 таковых его внесли 39% россиян, второе место занял Ленин (30%); Ленин и Сталин занимали лидирующие позиции в этом рейтинге с 1999 г.¹² Таким образом, распад СССР воспринимается в массовом сознании как культурная травма утраты былого величия, необходимость возрождения которого обосновывает и легитимизирует обладающий сегодня культурной властью геополитический нарратив объединения и защиты «русского мира». Не получившая достаточного общественного обсуждения культурная травма продолжает тревожить людей и не позволяет им пережить её, невзирая на прошедшие годы.

На уровне ценностей отношение к советскому периоду ставит перед обществом аксиологический выбор между ставшими антагонистичными социетальным (величием государства) и индивидуальным (жизнь человека) уровнями оценок политических решений: что важнее, чтобы с нами в мире все считались, или иметь высокий уровень жизни и гарантию защиты прав человека? Официальный нарратив предлагает выбор в пользу величия государства, в коллективных представлениях россиян доминирует та же позиция:

⁷ Хотят ли русские войны. Война и террор в восприятии россиян // Пресс-выпуск Левада-Центра*. URL: <https://www.levada.ru/2016/03/23/hotyat-li-russkie-voyny-vojna-i-terror-v-vospriyatii-rossiyan/> (дата обращения: 02.07.2022).

⁸ Оценки социального самочувствия // Пресс-выпуск Левада-Центра*. URL: <https://www.levada.ru/2022/05/18/otsenki-sotsialnogo-samochuvstviya/> (дата обращения: 02.07.2022).

⁹ Человек советский: как менялись восприятие россиянами самих себя и их отношение к СССР // Полит.ру от 10.01.2021. URL: <https://polit.ru/article/2021/01/10/soveticus/> (дата обращения: 02.07.2022).

¹⁰ Человек советский: как менялись восприятие россиянами самих себя и их отношение к СССР // Пресс-выпуск Левада-Центра*. URL: <https://www.levada.ru/2021/01/14/chelovek-sovetskij-kak-menyalis-vospriyatie-rossiyanami-samih-sebya-i-ih-otnoshenie-k-sssr/> (дата обращения: 02.07.2022).

¹¹ Отношение к Сталину: Россия и Украина // Пресс-выпуск Левада-Центра*. URL: <https://www.levada.ru/2021/06/23/otnoshenie-k-stalinu-rossiya-i-ukraina/> (дата обращения: 02.07.2022).

¹² Самые выдающиеся личности в истории // Пресс-выпуск Левада-Центра*. URL: <https://www.levada.ru/2021/06/21/samye-vydayushiesya-lichnosti-v-istorii/> (дата обращения: 02.07.2022).

ценности геополитического доминирования обладают большей культурной властью в России, чем комфорт и благополучие, собственный и других людей. Данное культурное доминирование оказывается более сильным в периоды военных конфликтов.

Данные исследований общественного мнения позволяют прийти к выводу о доминировании в коллективных представлениях официального геополитического нарратива общенационального объединения и защиты «русского мира». Но насколько устойчиво это доминирование? И насколько устойчива его культурная власть? С одной стороны, участие России в военных конфликтах стабильно поднимает рейтинги президента и других органов власти, геополитическое мышление, авторитарные и имперские ценности десятилетиями остаются популярными среди россиян, устойчивость изменения культурного пространства России после присоединения Крыма позволила исследователям говорить о консервативном повороте в нашей стране [Илюн, 2016]. С другой стороны, российское общественное мнение способно меняться на противоположное за короткий срок.

Все опросы показали высокий уровень общественной поддержки введения российских войск на Украину. Публикации результатов этих измерений вызывают острую критику применённых методов сбора данных, вероятно, делающих невозможным корректное измерение общественного мнения¹³. Высказывается позиция, что необходимо вовсе остановить проведение социологических опросов (как вариант – не публиковать полученные результаты), поскольку они либо (1) не отражают реального соотношения мнений, либо (2) подкрепляют транслируемый государственными СМИ тезис о всенародном одобрении операции, которого «на самом деле» нет. Другие специалисты пытаются найти инструменты, позволяющие обойти защитные механизмы сознания респондентов и получить от них информацию об их «реальном» отношении к событиям на Украине. К примеру, результаты списочного эксперимента показали более низкий на тот момент уровень поддержки спецоперации по сравнению с прямым вопросом: 53% по данным списочного эксперимента Ф. Чапковского и М. Шауба¹⁴ против 68% – по результатам прямого опроса ВЦИОМ¹⁵.

Многие эксперты, оценивая результаты проведённых опросов, склоняются к тому, что респонденты дают ответы о поддержке спецоперации из-за стремления разделять социально одобряемую позицию или опасения издержек от принятия противоположной точки зрения¹⁶ [Комин, Рогов, 2022]. Работающие с результатами опросов специалисты предпринимают большие усилия, чтобы отделить собственное мнение респондента от транслируемой им социально одобряемой, коммуникативно комфортной и безопасной позиции. Нам такие попытки представляются бесперспективными: собственное мнение человека так или иначе формируется под влиянием культурных кодов, к которым относятся и социальные нормы. Большинство людей не в состоянии отделить свои свободно возникшие убеждения от собственных мнений, сформированных под доминирующим влиянием социальных норм [Ходыкин, 2021]. Специфика культурной власти состоит в её имплицитном характере: её влияние не рефлексивируется попавшими под её действие индивидами. Однако устойчивость доминирующего влияния культурной власти можно измерить на уровне её отражения в коллективных представлениях, сегментируя население на различные группы в зависимости от характера выраженного мнения.

¹³ ExtremeScan. URL: <https://clck.ru/rc85f> (дата обращения: 02.07.2022).

¹⁴ Chapkovski Ph., Schaub M. Do Russians tell the truth when they say they support the war in Ukraine? Evidence from a list experiment. 2022. URL: <https://blogs.lse.ac.uk/europpblog/2022/04/06/do-russians-tell-the-truth-when-they-say-they-support-the-war-in-ukraine-evidence-from-a-list-experiment/> (accessed: 25.06.2022).

¹⁵ Специальная военная операция в Украине: отношение и цели // Аналитический обзор ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/specialnaja-voennaja-operacija-v-ukraine-otnoshenie-i-celi> (дата обращения: 02.07.2022).

¹⁶ Комин М., Рогов К. Навязанный консенсус: что говорят опросы о поддержке войны и можно ли им верить. URL: <https://re-russia.org/6c314cc0da9d4f2686718cdf22f61037> (дата обращения: 25.06.2022).

Сегментация населения России на основании оценок спецоперации. Исследовательская группа Russian Field 23–26 мая 2022 г. провела опрос взрослого населения России ($N = 1600$)¹⁷. Несмотря на то что данное измерение имело значимое смещение (в частности, доли опрошенных представителей старшей возрастной группы и жителей центральных регионов страны значимо меньше их долей в генеральной совокупности), специалисты задали ряд ключевых вопросов, позволяющих произвести сегментацию сторонников СВО.

Отношение к СВО измерено вопросом: «Поддерживаете ли вы военную операцию российских войск на территории Украины?» Устойчивость мнения о необходимости боевых действий протестирована вопросом: «Если завтра Владимир Путин подпишет мирное соглашение и остановит военную операцию, вы поддержите его решение?» Положительный ответ на этот вопрос в сочетании с поддержкой операции в предыдущем вопросе означает готовность довериться решению вопросов, касающихся жизни всех россиян и жителей Украины, одному человеку, пусть и самому влиятельному. В опросе также измерена готовность российских мужчин принять участие в СВО: «Если вам лично представится возможность принять участие в военной операции на территории Украины, вы воспользуетесь такой возможностью?» (для женщин этот вопрос звучал следующим образом: «Поддержали бы вы желание своего родственника принять участие в военной операции на территории Украины?»).

Комбинация ответов на эти вопросы позволяет нам сделать предварительную сегментацию российского населения по его отношению к СВО (рис. 1). Прежде всего выделим группу «твёрдых противников спецоперации», то есть тех, кто не поддерживает военную операцию (23% среди всего населения страны)¹⁸. Представители этой группы не попали под культурную власть официального нарратива и разделяют или формируют контрнарративы и закладывают идеинные основания для формирования контрцентров интерпретации военных событий.

Группу сторонников специальной военной операции (тех, кто её поддерживает) по типу воздействия на них официального нарратива можно разделить на четыре части. В первую группу входят ответившие, что поддерживают спецоперацию, но при этом согласятся с решением о её прекращении вне зависимости от достижения её целей, если такое решение примет Путин. Эти люди поддерживают любые внешнеполитические решения президента России вне зависимости от достижения их целей и задач. Они образуют дальнюю периферию сторонников спецоперации. Основным мотивом их поддержки военных действий является не принятие официального нарратива защиты и объединения «русского мира», а адаптация к доминированию этого нарратива в коллективных представлениях россиян через согласие с действиями власти и потребность принадлежать к большинству, разделяющему «правильную» точку зрения. Они отказываются от собственной политической субъектности и ответственности за решения политического руководства страны и принимают адаптационную стратегию в условиях больших издержек и рисков. Официальный нарратив имеет над этой группой в большей степени политическую, чем культурную, власть: политическое доминирование вынудило их адаптироваться к транслируемой государственными СМИ позиции, но её символическое значение не побудило их к сакрализации ценностей, представленных официальным нарративом для обоснования военных действий. Доля дальней периферии сторонников спецоперации составила 40%.

Вторую группу образуют респонденты, поддерживающие спецоперацию, но не готовые однозначно ни поддержать, ни стать противниками решения о её прекращении, если его сегодня примет Путин. Эта группа составляет ближнюю периферию сторонников спецоперации. Она немногочисленна (4%) и занимает промежуточную позицию между дальней периферией и ядром сторонников спецоперации. Официальный нарратив имеет над этой группой не только политическую, но и культурную власть: они разделяют ценности спецоперации и не готовы от них отказываться даже под влиянием решения главнокомандующего и допускают своё несогласие с его столь важным решением о войне и мире.

¹⁷ «Военная операция» на Украине: отношение россиян. Седьмая волна (23–26 мая). Результаты опроса. URL: <https://russianfield.com/mozhetmir> (дата обращения: 02.07.2022).

¹⁸ Здесь и далее доли рассчитаны по взвешенному массиву данных.

Рис. Сегментация взрослого населения РФ в отношении к военной операции на Украине
($N = 1600$, 23–26 мая 2022 г.), в %

Третью группу составляют сторонники спецоперации, которые не поддержат решения Путина о её немедленном прекращении, но сами участвовать в ней не готовы. Эта группа в 10% от всех опрошенных – ядро сторонников спецоперации. Официальный нарратив защиты и объединения «русского мира» оказал большое влияние на её представителей. Его культурная власть для них превышает политическую: эти люди готовы выступить против решения главнокомандующего, если оно противоречит их пониманию транслируемых ценностей спецоперации, воспринятых ими как свои собственные, формирующие их коллективные представления. Они не готовы доверить Путину вопросы войны и мира, имеющие для них сакральное аксиологическое значение.

В четвертую группу входят сторонники спецоперации, готовые сами принять в ней участие, но не готовые поддержать решение Путина о её немедленном прекращении (13%). Они составляют центр ядра сторонников спецоперации. Культурная власть официального геополитического нарратива для этой группы респондентов не только превышает политическую, но настолько велика, что они, по крайней мере на словах, готовы защищать транслируемые данным нарративом ценности, рискуя собственной жизнью или, в случае женщин, жизнью ближайших родственников. Ценности официального нарратива интегрированы в культурные коды данной группы, формируют их национальную идентичность и имеют для них сакральное значение. Решение о немедленном прекращении военных действий может быть воспринято ими как осквернение ценностей нарратива защиты и объединения «русского мира». По-видимому, носители такой наиболее радикальной позиции составили ядро воспринявших отступление российской армии в начале апреля как предательство национальных интересов России. Теоретически они не только не поддержат мир, если сочтут его условия невыгодными, но и могут использовать оружие для решения вопроса так, как сочтут нужным. Поэтому сильное культурное влияние официального нарратива может обернуться отрицательными политическими последствиями для создавшей его власти. Но не стоит забывать, что декларируемые на словах позиции не всегда подкрепляются соответствующими реальными действиями.

Число твёрдых противников СВО потенциально может быть пополнено за счёт перетекания из периферии. В эту группу входят готовые поддержать немедленное решение президента о прекращении военных действий, но не дающие определённого ответа на вопрос о поддержке спецоперации (6%). Они не подвержены культурной власти официального нарратива, но попали под его политическую власть. Скорее всего, этим людям не очень нравится ввод войск на Украину, но высказаться против него они не решаются, однако охотно готовы поддержать немедленное прекращение В. Путиным военных

действий. Для них не важны транслируемые официальным нарративом оправдывающие спецоперацию ценности, но поддерживать контрнарративы они пока не желают.

4% россиян имеют сложную суперпозицию оценок, но чаще всего это те, кто не имеет определенного мнения по каждому вопросу. Таким образом, для 23% респондентов культурная власть официального нарратива защиты и объединения «русского мира» имеет большее значение, чем политическая власть действующего президента, имеющего наибольший рейтинг доверия среди всех государственных деятелей. Декларируемые для обоснования спецоперации ценности имеют для них сакральный статус, формирующий их коллективные представления и национальную и культурную идентичность. Более половины из них (13% от всех опрошенных) готовы защищать эти ценности с оружием в руках или поддержать решение ближайших родственников делать это. Для таких респондентов официальный нарратив имеет доминирующее аксиологическое значение.

У представителей ближней и дальней периферии сторонников спецоперации (в сумме 44%) преобладает адаптационная стратегия присоединения к «правильной» точке зрения. Культурная власть официального нарратива для них не так важна, как политическая власть решений президента, аксиологическое значение официального нарратива для этих групп второстепенно. Есть основание полагать, что периферия сторонников спецоперации поддержит любое решение руководства страны относительно её завершения.

Помимо 23% россиян, не согласных с началом СВО, еще 6% сомневаются в этом решении и готовы поддержать немедленное решение Путина о прекращении. Официальный нарратив не имеет на их позицию никакого влияния, но поддерживать контрнарративы периферия её противников сегодня не готова. Личные издержки могут иметь решающее значение для поддержки такими респондентами военных действий. Вероятно, такие респонденты хотят, чтобы побыстрее наступил мир, но не готовы давать оценок решениям о начале военных действий. Эту группу можно назвать резервом противников спецоперации, поскольку они не подвержены влиянию официального нарратива, не способного формировать их ценности.

Гендерные различия показывают большее неприятие женщинами военных действий. Доля твёрдых противников введения войск на Украину среди них выше (26%), среди мужчин больше представителей ядра сторонников спецоперации и его центра (15 и 18% соответственно) (табл. 1). Женщины чаще входят в дальнюю периферию сторонников

Таблица 1

Сегменты отношения к действиям ВС РФ на Украине среди различных гендерных и возрастных групп (в % от опрошенных)

Половозрастные характеристики	Всего (общая доля в выборке)	Твёрдые противники спецоперации	Периферия противников спецоперации	Дальняя периферия сторонников спецоперации	Ближняя периферия сторонников спецоперации	Ядро сторонников спецоперации	Центр ядра сторонников спецоперации
Всего	100	23	6	40	4	10	13
Мужчины	45	20	5	35	4	15	18
Женщины	55	26	8	46	3	6	7
18–29 лет	15	33	8	42	3	4	4
30–44 лет	31	24	7	43	4	9	9
45–59 лет	27	19	3	34	4	15	21
60 лет и старше	27	11	5	43	1	15	21

Таблица 2

Сегменты отношения к действиям ВС РФ на Украине среди различных групп по доходу и занятости (в % от опрошенных)

Группы по доходу и занятости	Всего (общая доля в выборке)	Твёрдые противники спецоперации	Периферия противников спецоперации	Дальняя периферия сторонников спецоперации	Ближняя периферия сторонников спецоперации	Ядро сторонников спецоперации	Центр ядра сторонников спецоперации
Всего	100	23	6	40	4	10	13
<i>Группы по доходу</i>							
Низкий доход	28	26	8	39	3	10	9
Низкий средний доход	28	22	7	44	2	11	11
Верхний средний доход	25	24	6	38	5	12	13
Высокий доход	13	19	3	43	3	9	19
<i>Группы по социально-экономической занятости</i>							
Госсектор	18	17	5	45	3	9	17
Частный сектор	37	22	6	38	4	13	15
Пенсионеры	22	15	4	43	2	14	18
Не работают	11	24	7	36	5	13	10
Самозанятые, ИП	5	26	7	35	4	12	11

СВО (46%). Т.е. можно говорить о меньшей подверженности женщин влиянию официального поддерживающего спецоперацию нарратива.

Чем старше возраст, тем сильнее влияние официального нарратива на коллективные представления россиян. 33% молодых не поддерживают решения о начале СВО. 8% входят в периферию противников спецоперации. К твердым сторонникам СВО чаще относятся старшие поколения наших соотечественников: 21% из них готовы отправиться в зону боевых действий.

Данные подтверждают связь между уровнем дохода и поддержкой СВО: россияне, относящие себя к высокодоходным, чаще поддерживают – 19% среди них готовы отправиться с оружием в руках на фронт (табл. 2). Но представителей этой группы заметно меньше среди твёрдых противников спецоперации (19%). Низкодоходные группы россиян реже готовы лично участвовать в боевых действиях (9%) и чаще возражают против них (26%).

Уровень дохода, религиозная принадлежность и география проживания как дифференцирующие факторы. В опросе Russian Field, как и в других исследованиях, уровень дохода респондента отмечен с его слов. Консорциумом независимых исследовательских компаний с участием авторов проведён ряд опросов общественного мнения о поддержке СВО на Украине по репрезентирующей население России выборке с общим объёмом выборок 8159 чел.¹⁹ Массивы с ответами на вопросы о поддержке СВО и уровне доходов были объединены, на базе общего массива измерена связь поддержки спецоперации с уровнем доходов. Эта связь также оказалась положительной: чем выше доходы, тем выше уровень поддержки. Чтобы подкрепить субъективную оценку респондентами их доходов объективным показателем, мы взяли данные Банка России о средней

¹⁹ Массивы данных опросов выложены в открытом доступе по адресу: <https://github.com/ExtremeScan/open-data/tree/main/data/athena> (дата обращения: 02.07.2022).

величине вклада на душу населения²⁰ по регионам на 01.05.2022 и измерили на базе данных нашего массива связь между уровнем поддержки военной операции жителями региона и средней величиной банковских вкладов на душу населения в данном регионе. Поскольку более обеспеченных россиян больше в более богатых регионах, где средняя величина вклада на душу населения выше, предполагалось, что уровень поддержки СВО жителями таких регионов будет выше. Однако результаты расчета критерия U Манна Уитни для групп, поддерживающих и не поддерживающих спецоперацию²¹, показали, что средний ранг значений величины вклада на душу населения значимо выше в группе не поддерживающих военные действия, чем в группе поддерживающих их, т.е. имеется значимая отрицательная связь между поддержкой военной операции жителями региона и средней величиной банковского вклада на душу населения в нём. Иными словами, в более богатых регионах люди реже поддерживают СВО. Данное противоречие может свидетельствовать о недостаточной валидности субъективных оценок собственного дохода. Респонденты, поддерживающие СВО, оптимистично воспринимающие произошедшие после её начала изменения и связывающие с ней надежды на позитивные изменения в жизни, могут начать ощущать себя более состоятельными, чем являются на самом деле, тогда как те, кто негативно воспринял начало военных действий, с большой вероятностью ощущают себя обедневшими и будут оценивать собственное материальное положение ниже, чем оно есть в реальности. Соперничество описывающих военные события нарративов отражается на субъективных оценках собственного материального положения россиян.

Мелкие предприниматели (самозанятые и ИП) реже готовы лично воевать на Украине. Это объяснимо: если есть собственное дело, которое любишь и которое считаешь успешным, нет смысла его бросать и, рискуя жизнью, решать государственные проблемы. Бюджетники и занятые на государственных предприятиях чаще готовы принять личное участие в боевых действиях.

На ценностный уровень интерпретации социальных фактов сильное влияние оказывает религиозная принадлежность человека. С одной стороны, формируемое религиозными учениями мировоззрение определяет восприимчивость к нарративам, затрагивающим принятие аксиологически обусловленных решений. С другой – транслируемые религиозными институтами нарративы обладают для верующих людей большей культурной властью и принимаются менее критично, чем любые транслируемые государством точки зрения. Россияне, относящие себя к православным, реже не поддерживают СВО (17%), но чаще готовы поддержать решение Путина о её прекращении (47%) (табл. 3). По-видимому, оправдывающая проведение спецоперации позиция верховных иерархов РПЦ в сочетании с транслируемыми церковью консервативными нарративами повлияла на мнения православных. Среди мусульман, агностиков и атеистов больше твёрдых противников спецоперации (28, 40 и 68% соответственно) и меньше её сторонников различного вида. Конфессиональная самоидентификация, отражающая ценностные установки и мировоззрение в целом, влияет на отношение человека к СВО, миру и властям, начавшим боевые действия.

Регион проживания имеет значимое влияние на отношение к военному конфликту. Среди жителей Центрального федерального округа (без Москвы) реже всего можно встретить твёрдых противников СВО (13%) (табл. 4). Возможно, это связано с тем, что именно в этот округ входят регионы, непосредственно примыкающие к театру военных действий (Белгородская, Брянская, Курская и Воронежская области). Здесь же больше всего объёмы долей ядра и центра ядра сторонников (15 и 20% соответственно). Соседний и отчасти также прилегающий к зоне боев ЮФО куда миролюбивее: лишь 9% готовы лично отправиться на фронт. Здесь же, как и в Уральском ФО, больше доли готовых

²⁰ Средняя величина вклада на душу населения в регионе – это сумма всех вкладов жителей данного региона, разделённая на число всех жителей региона.

²¹ Варианты ответов на вопрос о поддержке спецоперации сгруппированы с пятичленной шкалы до трёхчленной: поддерживающие, сомневающиеся и не поддерживающие военную операцию.

Таблица 3

**Сегменты отношения к действиям ВС РФ на Украине среди различных
конфессиональных групп (в %)**

Показатели	Всего (общая доля в выборке)	Твёрдые противники спецоперации	Периферия противников спецоперации	Дальняя периферия сторонников спецоперации	Ближняя периферия сторонников спецоперации	Ядро сторонников спецоперации	Центр ядра сторонников спецоперации
ВСЕГО	100	23	6	40	4	10	13
Православные	72	17	5	47	4	11	14
Мусульмане	5	28	14	40	2	2	8
Атеисты	10	40	8	23	2	13	10
Агностики	2	68	10	13	–	8	3

Таблица 4

Сегменты отношения к действиям ВС РФ на Украине в различных регионах страны (в %)

Регион	Всего (общая доля в выборке)	Твёрдые противники спецоперации	Периферия противников спецоперации	Дальняя периферия сторонников спецоперации	Ближняя периферия сторонников спецоперации	Ядро сторонников спецоперации	Центр ядра сторонников спецоперации
Всего	100	23	6	40	4	10	13
Северо-Западный	11	24	5	39	2	8	14
Центральный	16	13	6	38	5	15	20
Приволжский	19	19	5	44	4	11	15
Южный	10	21	3	46	3	14	9
Северо-Кавказский	4	22	20	37	2		15
Уральский	8	14	7	50	1	8	17
Сибирский	11	21	6	39	3	11	13
Дальневосточный	5	11	5	47	4	13	20
Москва	17	31	5	32	3	15	12

в любое время поддержать решение Путина о прекращении военных действий (46 и 50% соответственно).

В столице отношение к введению войск на Украину полярное. С одной стороны, 31% москвичей считают, что это решение было неверным, с другой – больше доля ядра сторонников (15%). Готовых поддержать решение Путина о немедленном прекращении военных действий в Москве, напротив, меньше – 32%.

Влияние качества жизни и протестного потенциала региона на оценки спецоперации. Проверим гипотезы о влиянии качества жизни и протестного потенциала регионов на сегментацию населения по его отношению к конфликту на Украине. Предполагалось, что население регионов с более низким качеством жизни в большей степени будет поддерживать СВО и выражать готовность принять в ней участие, поскольку

сочетание более жёсткого государственного давления, более низкого влияния контр-нарративов и более сильной мотивации к получению выплат за участие в военных действиях должно повысить уровень одобрения и желания принять участие. Расследование «Медиазоны» (признана иноагентом РФ) показало, что беднейшие регионы служат основным источником для рекрутинга участников боевых действий на Украину²². Для проверки гипотезы о влиянии качества жизни в регионе на поддержку военных действий и готовность участвовать в них проанализирован Рейтинг регионов России по качеству жизни за 2021–2022 гг.²³ Он составлен экспертами на основе комплексного учета 67 показателей, фиксирующих фактическое состояние условий жизни и ситуации в социальной сфере. Регионы из рейтинга разделены нами на четыре группы: лидеры (топ 20 регионов), регионы с относительно высоким качеством жизни (21–40 места), регионы с относительно низким качеством жизни (41–60 места) и регионы-аутсайдеры (61–85 места) (табл. 5). Сравнение регионов в данной классификации лишь частично подтвердило гипотезу о связи качества жизни с поддержкой введения войск на Украину. С одной стороны, твёрдых противников СВО в самых богатых регионах, действительно, немного больше (26%), в регионах с относительно низким качеством жизни их меньше (19%), а представителей ядра сторонников спецоперации больше (15%). В регионах-аутсайдерах, высказавших несогласие с началом СВО, тоже немного меньше (20%). С другой стороны, наибольшей поддержкой военных действий выделяются регионы с относительно высоким качеством жизни: в них живёт меньше всего твёрдых противников (17%) и больше всего самых ярых сторонников, готовых лично воевать (19%). Большой вклад сюда внесли регионы ЦФО.

Вторым предположением было наличие связи протестного потенциала региона с отношением к СВО. Предполагалось, что в протестных регионах влияние официально поддерживающего СВО нарратива будет меньше, а их жители критически отнесутся к военным действиям. Для проверки гипотезы о влиянии протестной активности на отношение к конфликту на Украине использована Карта рейтинга протестной активности,

Таблица 5

Региональные сегменты отношения к СВО (в %)

Регионы	Твёрдые противники спецоперации	Периферия противников спецоперации	Дальняя периферия сторонников спецоперации	Ближняя периферия сторонников спецоперации	Ядро сторонников спецоперации	Центр ядра сторонников спецоперации
ВСЕГО	23	6	40	4	10	13
Самые протестные регионы (топ-15)	24	8	43	2	8	11
Остальные регионы	23	6	40	4	11	13
Регионы-лидеры по качеству жизни	26	6	39	3	9	12
Регионы с относительно высоким качеством жизни	17	5	42	6	9	19
Регионы с относительно низким качеством жизни	19	5	43	3	15	13
Регионы-аутсайдеры	20	7	42	4	11	12

²² Кто гибнет на войне с Украиной // Медиазона от 25.04.2022. URL: <https://zona.media/article/2022/04/25/bodycount> (дата обращения: 02.07.2022).

²³ Рейтинг регионов России по качеству жизни 2021–2022 по данным РИА Новости. URL: <https://top-rf.ru/places/110-rejting-regionov.html> (дата обращения: 02.07.2022).

составленная авторами канала «Незыгарь» в Телеграм²⁴. Нами проведено сравнение отношения к спецоперации жителей 15 самых протестных регионов России за 2021 г. с отношением к боевым действиям жителей всех остальных регионов. По результатам сравнения гипотеза не подтвердилась: протестные регионы не выделяются на фоне остальных по отношению их жителей к вводу войск на Украину.

Обсуждение результатов. Для обеспечения поддержки общественным мнением СВО российские власти обратились к геополитическому нарративу объединения и защиты «русского мира». В нём использованы отсылки к историческим культурным кодам победы в Великой Отечественной войне («борьба с нацизмом», «денацификация»), культурная травма «утраты великой державы» после распада СССР («русский мир», «разделённый народ», «возрождение великой страны», «построение многополярного мира»), риторика экспликации угроз («защита от НАТО», «защита национальных интересов»), собирания земель («на нашу долю тоже выпало возвращать и укреплять») и мотивы защиты от осквернения («защита Донбасса», «чуждые западные ценности»). Данный нарратив имеет длительную историю, но особую популярность получил после присоединения Крыма в 2014 г. Нами проанализирована специфика культурной власти этого нарратива над общественным мнением относительно нынешних событий на Украине по сравнению с рядом похожих решений российской власти, измеренных социологическими опросами. Результаты исследования позволяют сделать следующие выводы.

Официальный геополитический нарратив доминирует в российском культурном пространстве и имеет обширное влияние на коллективные представления и национальную идентичность россиян, однако его влияние на общественное мнение не столь фундаментально. С одной стороны, чем лучше инициативы власти вписываются в указанный нарратив, тем больший уровень общественного одобрения они получают. Высокий уровень общественной поддержки СВО вписывается в эту тенденцию. С другой стороны, эта поддержка базируется в большей степени не на транслируемых официальным нарративом ценностях, а на адаптации населения к доминированию данного нарратива: после окончания информационных кампаний относительно инициатив власти их поддержка демонстрирует тенденцию к снижению, а одобряющие СВО чаще всего готовы хоть сегодня согласиться с ее прекращением, если такое решение примет В. Путин.

Культурная власть контрнарративов в России выражена значительно слабее как из-за влияния советского прошлого, так и из-за сильной нехватки ресурсов распространения информации. Неотрефлексированные в массовом сознании травмирующие события XX в. обусловили латентное воздействие наполненной культурными травмами истории советского периода на нынешние коллективные представления россиян, в результате чего власти через свои информационные ресурсы получают возможность интегрировать в официальный нарратив или, напротив, исключить из него и подавлять воздействие тех или иных культурных травм на общественное мнение. Нынешний официальный геополитический нарратив черпает историческую и аксиологическую легитимизацию в травмирующих событиях распада СССР и преступлений нацистов в годы Великой Отечественной войны, которые создали в российском политическом дискурсе «драму травмы» по Дж. Александру, «вечное возвращение» к которой служит в массовом сознании гарантией, что эти преступления больше не повторятся [Александр, 2013]. Однако мифологизация и сакрализация событий позволяют доминирующим в информационном поле политическим силам более эффективно использовать их аксиологический потенциал в конструировании собственных нарративов. Созданные данными историческими событиями культурные коды используются доминирующим геополитическим нарративом в объясняющем необходимости военной операции дискурсе («денацификация», «борьба с нацизмом», «конец

²⁴ Карта рейтинга протестной активности ТГК Незыгарь в регионах России в 2021 году. URL: <https://vybory-91.livejournal.com/3076656.html> и Канал «Незыгарь»: <https://t.me/s/russica2> (дата обращения: 02.07.2022).

однополярного мира», «возвращать и укреплять» и т.д.), что увеличивает культурную власть этого нарратива. С другой стороны, попытка контрнарративов осуществить символическое расширение и психологическое соотнесение массового сознания с мнениями и страданиями жителей Украины оказывается не столь удачной – нынешние военные действия чаще воспринимаются в России как «справедливая война», чем как новая культурная травма: доли испытывающих позитивные чувства в разы больше долей ощущающих травмирующее воздействие данных военных действий. Ключевой причиной доминирования официального нарратива над контрнарративами представляется не слабость последних, а большое неравенство ресурсов распространения информации – результаты борьбы за средства производства символов пока в пользу официального нарратива. Как отмечает Дж. Александер, «правительства обладают значительной властью над процессом травмы» [Александер, 2013: 296]. Опросы показывают, что в группах населения, имеющих доступ к альтернативным источникам информации, культурная власть официального нарратива значимо меньше, а группы, где она велика, чаще всего вовсе не получают альтернативной информации.

Наибольшую культурную власть геополитический нарратив получил под влиянием присоединения Крыма в 2014 г. Последующим решениям властей, включая нынешнюю военную операцию, не удалось приобрести столь же сильное символическое значение: доли одобрения сопоставимы, но его интенсивность намного ниже. Значительная часть одобряющих СВО соглашается с решениями власти и поддерживают «своих в противостоянии с чужими», но не имеют чёткого образа будущего после ее проведения и не готовы держаться за него, они перекладывают ответственность за решения на руководство страны и лично В. Путина. Однако готовность соглашаться с любыми решениями руководства страны и поддерживать «своих» против «чужих», не особо вдаваясь в размышления о смыслах и подробностях противостояния, – тоже показатель доминирующей власти официального нарратива.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Александер Дж. «Уотергейт» как демократический ритуал // Социологическое обозрение. 2012. Т. 11. № 3. С. 77–104.
- Александер Дж. Мораль как культурная система: о солидарности гражданской и негражданской // Социальная солидарность и альтруизм: Социологическая традиция и современные междисциплинарные исследования: Сб. науч. тр. / Отв. ред. Д.В. Ефременко. М.: ИНИОН РАН, 2014. С. 101–108.
- Александер Дж. Смыслы социальной жизни: Культурсоциология / Пер. с англ. Г.К. Ольховикова, под ред. Д.Ю. Куракина. М.: Праксис, 2013.
- Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни / Пер. с франц. В.В. Земсковой, под ред. Д.Ю. Куракина. М.: Элементарные формы, 2018.
- Поляков Л.В. Консерватизм в России: политтехнологический симулякр или исторический выбор? // *Russie. Nei. Visions*. 2015. № 90. С. 1–20.
- Ходыкин А.В. Недоминируемый выбор как атрибут узкого коридора свободы // Культура, наука, образование: проблемы и перспективы: материалы IX Междунар. науч.-практ. конф. Нижневартовск, 10 нояб. 2021 г. / Отв. ред. Д.А. Погонишев. Нижневартовск: НВГУ, 2021. С. 224–229. DOI: 10.36906/KSP-2021/32.
- Шмидт К. Понятие политического. СПб.: Наука, 2016.
- Alexander J. Performative revolution in Egypt: An essay in cultural power. N.Y.: Bloomsbury academic, 2011. P. XV.
- Ilyin V. Anatomy of the Russian Conservative Turn // *Globalization and New Socio-Political Trends* / Ed. by F. Saccà. Roma: Eurilink, 2016. P. 103–124.
- Smelser N. Social change in the industrial revolution. Chicago: University of Chicago Press, 1959.
- Smelser N. Theory of collective behavior. N.Y.: Free Press, 1963.
- Smith Ph. The Semiotic Foundations of Media Narratives: Saddam and Nasser in the American Mass Media // *Journal of Narrative and Life History*. 1994. Vol. 4. No. 1–2. P. 89–118.

Статья поступила: 08.08.22. Финальная версия: 20.09.22. Принята к публикации: 26.09.22.

REFLECTION OF THE CULTURAL POWER OF THE GEOPOLITICAL NARRATIVE IN THE COLLECTIVE PERCEPTIONS OF RUSSIANS ABOUT THE MILITARY OPERATION IN UKRAINE

ZVONOVSKIY V.B.*, KHODYKIN A.V.**

**Samara State University of Economics, Russia; **Social Research Institute, Russia*

Vladimir B. ZVONOVSKIY, Dr. Sci. (Sociol.), Prof. of the Department of Sociology and Psychology of Samara State University of Economics (zvb@socio-fond.com); Alexander V. KHODYKIN, Cand. Sci. (Sociol.), Sociologist of the Social Research Institute (a.khodykin@socio-fond.com). Both – Samara, Russia.

Abstract. Military conflicts are traumatic and mobilizing events, around the meaning of which political disputes and confrontations flare up. States conducting military actions create narratives that mobilize and explain their necessity, fighting with anti-war counter-narratives for the symbolic power of the “correct” description of a military conflict as an event. The entry of Russian troops into Ukraine caused a political confrontation between supporters and opponents of this decision not only in the political, but also in the symbolic field. To increase public support for the military campaign, the Russian authorities are actively using the geopolitical narrative that received the greatest symbolic power after the annexation of Crimea. This article attempts to use the theoretical language of the Yale School of Cultural Sociology to describe the reflection of the cultural power of the geopolitical narrative in public opinion regarding the military operation in Ukraine. The cultural power of this narrative in the periods preceding the outbreak of hostilities was analyzed on the basis of a set of sociological surveys measuring the attitude of Russians to state actions, qualified by the Council of Europe and other international organizations as a violation of human rights or international law. The impact of the cultural power of the geopolitical narrative on the collective perceptions of Russians about the military operation in Ukraine was investigated by analyzing the results of a public opinion poll on the special operation in Ukraine conducted by the Russian Field research group on May 23–26, 2022 (N=1600). Depending on the superposition of the attitude to the military operation, respondents are classified into 6 groups: a group of opponents of the special operation, a group of its potential opponents and 4 groups of its supporters. According to the results of the study, following conclusions were made: 1) the cultural power of the geopolitical narrative is extensive, but not fundamental; 2) adaptation to the dominance of the official narrative is more pronounced than its impact on the collective perceptions of Russians; 3) support for the President of Russia in the mass consciousness is perceived as more significant than achieving the goals of a special operation; 4) the current military conflict in Ukraine is rarely perceived by Russians as traumatic event; 5) the hypothesis about the influence of the quality of life in the region on the attitude of its residents to the military operation has been partially confirmed, while the hypothesis about the connection of the protest potential in the region with the attitude of its residents to the special operation has not been confirmed.

Keywords: war, Ukraine, narrative, cultural power, yale school, cultural sociology, survey.

REFERENCES

- Alexander J. (2011) *Performative revolution in Egypt: An essay in cultural power*. New York: Bloomsbury academic: XV.
- Alexander J. (2012) "Watergate" as a democratic ritual. *Sociologicheskoe obozrenie* [Sociological Review]. Vol. 11. No. 3: 77–104. (In Russ.)
- Alexander J. (2013) *The meanings of social life: Cultural sociology*. Transl. from the Eng. by G.K. Olkhovikova, ed. by D.Y. Kurakin. Moscow: Praxis. (In Russ.)
- Alexander J. (2014) Morality as a cultural system: on civil and non-civil solidarity. In: *Social solidarity and altruism: A sociological tradition and modern interdisciplinary research*. Ed. by D.V. Efremenko. Moscow: INION RAN: 101–108. (In Russ.)
- Durkheim E. (2018) *Elementary forms of religious life*. Transl. from Fr. by V.V. Zemskova; ed. by D.Y. Kurakin. Moscow: Elementarnye formy. (In Russ.)
- Ilyin V. (2016) Anatomy of the Russian Conservative Turn. In: *Globalization and New Socio-Political Trends*. Ed. by F. Saccà. Roma: Eurilink: 103–124.
- Khodykin A.V. (2021) Non-dominant choice as an attribute of a narrow corridor of freedom. In: *Culture, science, education: problems and prospects: materials of the IX International Scientific – practical conf.* Nizhnevartovsk, November 10, 2021. Ed. by D.A. Pogonyshchev. Nizhnevartovsk: NVGU: 224–229. DOI: 10.36906/KSP-2021/32. (In Russ.)
- Polyakov L.V. (2015) Conservatism in Russia: a political technological simulacrum or a historical choice? *Russie. Nei. Visions*. No. 90: 1–20. (In Russ.)
- Schmidt K. (2016) *The concept of the political*. St. Petersburg: Nauka. (In Russ.)
- Smelser N. (1959) *Social change in the industrial revolution*. Chicago: University of Chicago Press.
- Smelser N. (1963) *Theory of collective behavior*. New York: Free Press.
- Smith Ph. (1994) The Semiotic Foundations of Media Narratives: Saddam and Nasser in the American Mass Media. *Journal of Narrative and Life History*. Vol. 4. No. 1–2: 89–118.

Received: 08.08.22. Final version: 20.09.22. Accepted: 26.09.22.

Г.А. БОРЩЕВСКИЙ

«ПРЯМАЯ ЛИНИЯ С ВЛАДИМИРОМ ПУТИНЫМ» В ЗЕРКАЛЕ СОЦИОЛОГИИ И АКСИОЛОГИИ

БОРЩЕВСКИЙ Георгий Александрович – доктор политических наук, профессор Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия (borshchevskiy-ga@ranepa.ru).

Аннотация. Дан анализ выраженности различных аксиологических ценностей в дискурсе «прямых линий с В.В. Путиным» в 2001–2021 гг. на основе модифицированной методики Р. Инглхарта с использованием методов контент-анализа и дискурсивного анализа. Сопоставление частот озвучивания президентом определенных ценностей с результатами социологических опросов россиян, посвященных аналогичным ценностям (отношение к Конституции, восприятие патриотизма и справедливости, одобрение институтов, оценка положения дел в стране), выявило разнонаправленные статистические связи. Для их объяснения высказана гипотеза, что официальный дискурс о тех или иных ценностях активизируется в периоды «дефицита» этих ценностей в реальной жизни, чтобы обратить на это внимание граждан и стимулировать желательные изменения. Сделан вывод, что в ходе «прямых линий» власть транслирует обществу определенные ценности, однако нельзя утверждать, что при этом происходит согласование ценностей политической элиты и российского общества.

Ключевые слова: ценности • дискурс • президент • общественное мнение • Всемирное исследование ценностей • контент-анализ

DOI: 10.31857/S013216250021247-4

«Прямая линия с Владимиром Путиным» (далее – прямая линия)¹ за два десятилетия стала традиционным форматом для выражения официальной позиции по актуальным вопросам внутренней и внешней политики, публичного целеполагания, а также своего рода «сверки» ценностей политической элиты и российского общества. Хотя подобные форматы применяются в различных странах², данная передача в России является уникальной по регулярности, разнообразию вопросов и вовлеченности первого лица. Предметом обсуждения становятся наиболее злободневные темы, президент дает прямые указания по решению проблем конкретных граждан. Для самого В.В. Путина прямая линия «является самым мощным социологическим опросом», дающим «очень верный срез того, что на данный момент времени волнует и интересует общество»³. В этой связи представляет

¹ «Прямая линия с Владимиром Путиным» – теле- и радиопередача, в ходе которой глава государства отвечает на вопросы граждан, проводится ежегодно с 2001 г. (кроме 2004, 2012 и 2020 гг.). В 2008–2011 гг., когда Путин являлся председателем Правительства РФ, программа выходила под названием «Прямой разговор с Владимиром Путиным». Вопросы принимаются предварительно по телефону, смс- и ммс-сообщениями, а также через сайт программы. В 2008–2019 гг. часть вопросов задавали гости в студии. С 2016 г. вопросы принимаются в социальных сетях. Также практикуются прямые включения из различных точек страны и зарубежья. С 2018 г. к ответам на вопросы привлекаются министры и главы регионов. Ежегодно на прямую линию поступает от 2 до 4 млн вопросов, из которых президент успевает ответить на 60–90 вопросов. Продолжительность программы варьирует от 2,5 часов (2001) до почти 5 часов (2013). За все годы эфир программы превысил 60 часов, состоялось более 120 прямых включений, В.В. Путин ответил на 1,3 тысячи вопросов.

² Формат общения главы государства с населением в прямом радиоэфире впервые применил в США Ф.Д. Рузвельт в 1930-е гг. («Беседы у камина»). Позднее аналогичные программы получили распространение в странах Латинской Америки. Главы западных стран сегодня предпочитают записывать видеообращения и общаться с гражданами в социальных сетях.

³ Путин В.В. Прямая линия с Владимиром Путиным. 25.04.2013. URL: <http://moskva-putinu.ru/> (дата обращения: 28.03.2022).

научный интерес аксиологический (ценностный) аспект дискурса прямой линии. Ведь ее участники, говоря о наиболее значимых темах, формулируют набор ценностей, которые публичный характер мероприятия позволяет считать ценностями всего социума.

В этой статье мы изучаем дискурсивные практики участников прямой линии на предмет выявления в них ценностных коннотаций и оцениваем их изменение в динамике в 2001–2021 гг. Мы предполагаем, что аксиологическая функция прямой линии состоит, во-первых, в согласовании ценностей политической элиты и российского общества и, во-вторых, в транслировании обществу определенного набора ценностей. Для проверки этой гипотезы мы выясняем, в какой мере ценности, озвучиваемые в ходе прямой линии, соответствуют ценностным установкам представителей социума, фиксируемым репрезентативными опросами.

Опыт социологического исследования ценностей. Изучение мировоззрения, культуры, ценностей имеет большое научное и практическое значение. В экономике эти факторы под именем неформальных норм исследует новый институционализм, а в социальных науках для количественного анализа ценностей разных народов (культур) применяются этнометрические методики. Наиболее распространенные среди них предложены Г. Хофстедом («Модуль исследования ценностей», Values Survey Modules, VSM), Ш. Шварцем (Schwartz Value Survey, SVS), Р. Хаусом («Анализ эффективности глобального лидерства и организационного поведения», Global leadership and organizational behavior effectiveness, GLOBE) и Р. Инглхарт («Всемирное исследование ценностей», World Values Survey, WVS). Одни методики изучают ценности на индивидуальном уровне, другие – на уровне этнических и национальных групп. Смысл большинства из них состоит в кросс-культурном сопоставлении ценностей, однако, как отмечает Н.В. Латова [2016: 170], «этнометрические методики дают широкие возможности не только для кросс-культурных и межстрановых сопоставлений (etic-подход), но и для исследований на уровне отдельно взятой страны (emic-подход)».

Исследователи, сопоставляя различные этнометрические методики, отмечают акцент в их большинстве на ментальные ценности индивидуализма и иерархичности, что дает во многом сходные результаты кластеризации стран [Kaasa, 2021; Скипин, 2022]. В то же время распространенными недостатками являются нивелирование гетерогенности этносов/наций и неоднозначность многих описываемых ценностей. Справедливо подчеркивается необходимость дополнения количественных исследований ценностей качественным анализом для получения более валидных результатов [Storr, John, 2018].

В международном контексте, на основе данных Всемирного исследования ценностей, отмечается, что «предпочтения авторитарного управления положительно связаны с предполагаемой угрозой войны и отрицательно связаны с ВВП на душу населения» [Nettle, Saxe, 2021]. Принадлежность стран к полюсам спектра по методике Инглхарта «тесно связана с (не)коммунистическим прошлым и уровнем социально-экономического развития» [Pavlović, Todosijević, 2020: 603]. Также указывается, что ценностный «постматериализм и институты оказывают значительное влияние на экономическое развитие» [Jordaan, Dima, 2020].

В России также существуют исследования на основе Всемирного исследования ценностей. В них показан поколенческий сдвиг ценностей в сторону большей эмансипации [Алмакаева, Мавлетова, 2018]. И.М. Кузнецов констатирует сохранение традиционалистских установок в ценностных ориентирах и, полемизируя с Инглхартом, описывает ценностный дрейф как постепенное наполнение прежних ценностей новыми смыслами [Кузнецов, 2021]. А.Л. Машкова [2022: 90] обосновала «значительную степень корреляции между доходами, политическими оценками и нормами жителей».

Для своей объективации ценности нуждаются в вербализации и артикуляции в дискурсе. Прямая линия ранее уже становилась объектом исследования с точки зрения, например, их освещения в СМИ [Wrońska, 2020]. Рассматривались особенности использования в публичном дискурсе России понятий, характеризующих ценности различных идеологий [Lewis, 2020]. В частности, западные эксперты склонны связывать публичный дискурс эпохи Путина с такими ценностями, как «державность», «суверенитет», «статус», «национальная идентичность», «государство» [Tynkkynen, Tynkkynen, 2018]. При этом ни отечественные, ни зарубежные

авторы не рассматривали ценностные аспекты дискурса прямых линий с президентом России и не привлекали для анализа социологические данные. Восполним этот пробел.

Методология и данные. Источниками данных в нашем исследовании служат стенограммы прямых линий 2001–2021 гг., размещенные на официальном сайте передачи⁴, включающие 445,2 тыс. словоупотреблений⁵. Для их изучения мы применяем методы контент-анализа и дискурс-анализа. Единицами анализа являются слова, соответствующие ценностям, рассматриваемым во Всемирном исследовании ценностей под руководством Р. Инглхарта. Использование этой методики обусловлено, во-первых, ее широкой апробацией, во-вторых, акцентом на общественных ценностях, в-третьих, учетом политических ценностей (для нас это важно, так как прямая линия – политическое мероприятие), в-четвертых, рассмотрением ценностей в динамике, в-пятых, наличием эмпирической базы в виде семи волн исследования, позволяющих сопоставить данные о дискурсе прямых линий с общей динамикой ценностных изменений в России⁶.

Оригинальная методика Инглхарта предполагает интервьюирование респондентов. Изучаемые при этом ценности разделены на группы традиционные/рациональные и выживание/самовыражение [Inglehart, 2018]. Каждая группа включает ряд показателей, которые респонденты оценивают по шкале. Для целей нашего исследования методика адаптирована следующим образом: 1) развернутые вопросы преобразованы в близкие по смыслу слова-ценности; 2) вместо ранжирования по шкале предложены пары ценностей-антагонистов; 3) неспецифичные для российского дискурса темы (аборты, гомосексуализм, петиции) заменены эвентуально обоснованными ценностями (табл. 1).

Таблица 1

Модификация анализируемого набора ценностей

Вопросы по методике Р. Инглхарта	Слова-ценности	
	Традиционные	Рациональные
Важность бога	Религия	Наука
Послушание	Закон	Свобода
Национальная гордость	Патриотизм	Открытость
Уважение к власти	Власть	Гражданин
(Не)одобрение аборт	Традиция	Развитие
	Выживание	Самовыражение
(Не)доверие к другим людям	Контроль	Доверие
(Не)готовность подписывать петиции	Стабильность	Выбор
(Не)одобрение гомосексуализма	Семья	Личность
Субъективное ощущение счастья	Безопасность	Экология
Борьба с ростом цен / борьба за свободу слова	Благосостояние	Справедливость
Поддержание порядка в стране / предоставление народу возможности влиять на принятие важных решений	Порядок	Демократия

Источник: составлено автором на основе [Inglehart, 2018].

⁴ Прямая линия с Владимиром Путиным: архив стенограмм 2001–2021 гг. URL: <http://moskva-putin.ru/archive/> (дата обращения: 28.03.2022).

⁵ Данное понятие означает здесь совокупность слов, используемых в анализируемом тексте во всех грамматических формах и смысловых значениях. Словоупотребления являются счетными единицами, из которых при контент-анализе выявляются слова-ценности.

⁶ Первая волна Всемирного исследования ценностей (1981–1984) не охватывала Россию (СССР). В ходе второй волны (1990–1994) в РСФСР в 1990 г. был опрошен 1961 респондент. Третья волна (1995–1998) предполагала опрос в РФ 2040 респондентов в 1995 г. Четвертая волна (1999–2004) не охватывала РФ. В пятой волне (2005–2009) участвовали 2033 респондента из РФ в 2006 г. Шестая волна (2010–2014) вовлекла 2500 респондентов из РФ в 2011 г. В рамках седьмой волны (2017–2022) в РФ опрошены 1810 респондентов в 2017 г. Источник: отчеты Всемирного исследования ценностей // WVS Database. URL: <https://www.worldvaluessurvey.org/> (дата обращения: 31.05.2022).

Предложенные показатели неплохо коррелируют в соответствующих группах. Так, в группе традиционных ценностей статистически особенно тесно связаны в массиве текстов прямых линий такие понятия, как «религия», «закон» и «власть» (коэффициенты корреляции Пирсона – 0,56, 0,84 и 0,79 при $p < 0,01$). Среди рациональных ценностей связаны понятия «гражданин» и «развитие» (0,73 и 0,61), среди ценностей выживания – «контроль», «стабильность», «семья» (0,62, 0,5 и 0,54). В группе самовыражения взаимосвязаны ценности «выбора», «справедливости» и «демократии» (0,73, 0,56, 0,75 соответственно). Это подтверждает обоснованность формирования групп и возможность рассмотрения обобщенных трендов в данных группах.

Для нас важно определить не только то, какие именно ценности власть транслирует обществу, но и насколько они соотносятся с представлениями граждан, отраженными в массовом сознании. Поэтому контент-анализ проводится в отношении как ответов президента, так и вопросов к нему. Количественный анализ частоты употребления слов-ценностей дополняет качественное изучение контекста, в котором использованы данные слова: дискурсивный анализ позволяет выделить смысловые уровни и контекст словоупотребления для каждой из ценностей.

Для сопоставления ценностных посылов прямых линий В.В. Путина с ментальностью россиян далее мы обобщаем результаты проведенных ведущими российскими социологическими организациями опросов, тематика которых соотносится с политическими ценностями: о Конституции РФ, об одобрении институтов власти, о доверии партиям, об уровне справедливости общества, о патриотизме, об оценке развития страны. Данные собраны за годы, в которые проходили прямые линии. Если один и тот же вопрос или близкие по смыслу вопросы задавались более чем одной организацией, мы используем данные, представленные за большее число лет. За годы, когда тот или иной опрос не проводился, недостающие данные получены методом экстраполяции имеющихся значений. Распределение ответов респондентов опросов мы сопоставляем с данными о частоте встречаемости аналогичных аксиологем в стенограммах прямых линий и рассчитываем уровень статистического соответствия между отношением россиян к ценностям и упоминаниями этих ценностей в публичном дискурсе прямых линий.

Также мы оценивали связь между политическими ценностями и факторами общественно-экономического развития страны, исходя из того, что определяющее влияние на формирование ценностей оказывает общественно-экономическая среда [Nettle, Saxe, 2021; Pavlović, Todosijević, 2020: 603; Jordaan, Dima, 2020; Машкова, 2022]. Для этого мы сопоставляем перечисленные выше слова-ценности с динамикой ряда макроэкономических показателей – ВВП на душу населения, реальных располагаемых денежных доходов населения, среднемесячной зарплаты работников организаций, средней продолжительности жизни и уровня безработицы (по данным Федеральной службы государственной статистики).

Результаты исследования. Эмпирические данные о распределении слов-ценностей в текстах прямых линий в анализируемые годы показаны на рис. 1.

Чаще других упоминались *рациональные* слова-ценности (сумма долей за 18-летний период – 6,7% словоупотреблений, т.е. в среднем 0,37% ежегодно); среди них наиболее часто встречались «развитие» и «гражданин». Рассмотрим контекст использования выделенных слов-ценностей для лучшего понимания смысловых акцентов.

Ценность «развития» ассоциируется в дискурсе прямых линий с различными сферами, но главным образом речь обычно идет об экономическом развитии. Например: «*Наша экономика находится на сложном отрезке времени своего **развития***» (В. Путин, 2002 г.)⁷. «В целом я бы сказал, что мы можем быть удовлетворены тем, как *развивалась* страна, тем, как *развивается* наша экономика» (В. Путин, 2006 г.).

⁷ Цит. по: Прямая линия с Владимиром Путиным: архив стенограмм 2001–2021 гг. URL: <http://moskva-putinu.ru/archive/> (дата обращения: 28.03.2022). Здесь и далее выделение шрифтом сделано автором.

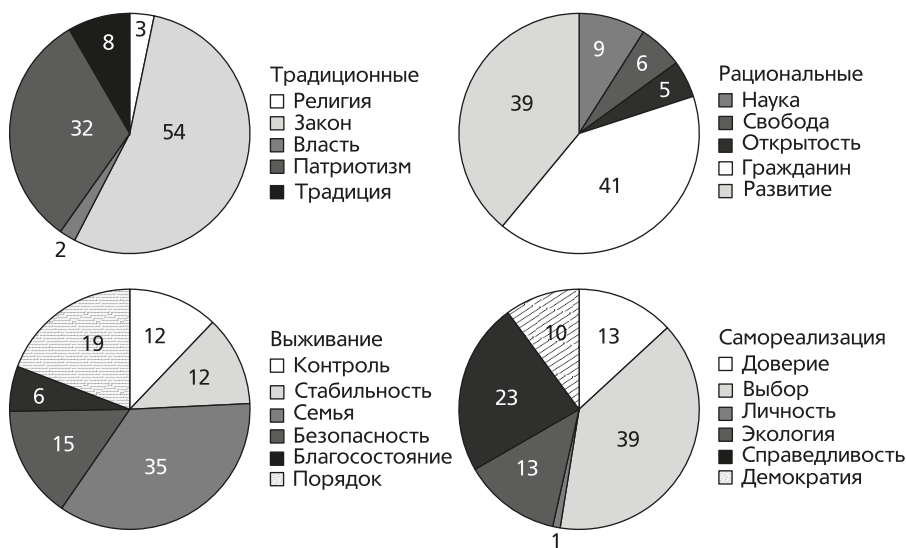

Рис. 1. Распределение слов-ценностей по группам, % в целом за период

В ряде случаев обыгрывается дихотомия «развитие – стабильность» или «развитие – справедливость»: «**Стабильность** – это не стояние на месте, не топтание на месте, **стабильность** – это **стабильное развитие**, вот что такое в моем понимании **стабильность**» (В. Путин, 2011 г.). «Страна стремится к **развитию**..., но такой рывок может осуществить консолидированный народ... **Развитие** и **справедливость** – это синонимы» (писатель и журналист А. Проханов, 2013 г.).

Ценность «гражданственности» описывает взаимоотношения гражданина и государства: «Если мы имеем в распоряжении **законы** прямого действия, тогда ...ясно, чего может требовать **гражданин** от **государства**» (В. Путин, 2001 г.). «Если говорить о взаимоотношениях общества и **государства, власти** и **гражданина**, то Вы сами неоднократно видели, что в этой части мы никак не можем найти общий язык» (адвокат А. Кучерена, 2011 г.).

В ряде случаев гражданин упоминается как объект воздействия со стороны государства, например: «Нужно, чтобы инновация, модернизация проникла в мозг каждого конкретного нашего **гражданина**» (В. Путин, 2011 г.). «Можно и нужно, на мой взгляд, понять, что является главным для того, чтобы обеспечить нам такое прорывное **развитие**... и чего мы должны добиться... чтобы поднять уровень жизни **граждан**» (В. Путин, 2018 г.).

Несколько реже в дискурсе прямых линий упоминались традиционные ценности (суммарно 4,9% словоупотреблений, 0,27% в среднем). В данной группе по частоте упоминаний лидировали «закон» и «власть».

Говоря о «законе», участники чаще имели в виду какой-либо конкретный закон, актуальный в текущий момент, например: «Речь идёт о возможности введения экспортной пошлины ...на поставку нефтепродуктов на экспорт. Для этого подготовлен соответствующий проект **закона**, который мы в ближайшее время готовы внести в Государственную Думу» (В. Путин, 2018 г.). В ряде случаев речь шла о законодательстве в целом, и тут прослеживается связь с ценностями экономики и развития, например: «Нужно, чтобы это наше **законодательство** стимулировало **развитие** так называемой новой **экономики**, то есть **экономики**, основанной на информационных технологиях» (В. Путин, 2002 г.).

Слово «власть» часто используется для обозначения различных властных структур: «Ни одно цивилизованное государство не может и не должно жить без законодательного органа **власти**» (В. Путин, 2003 г.).

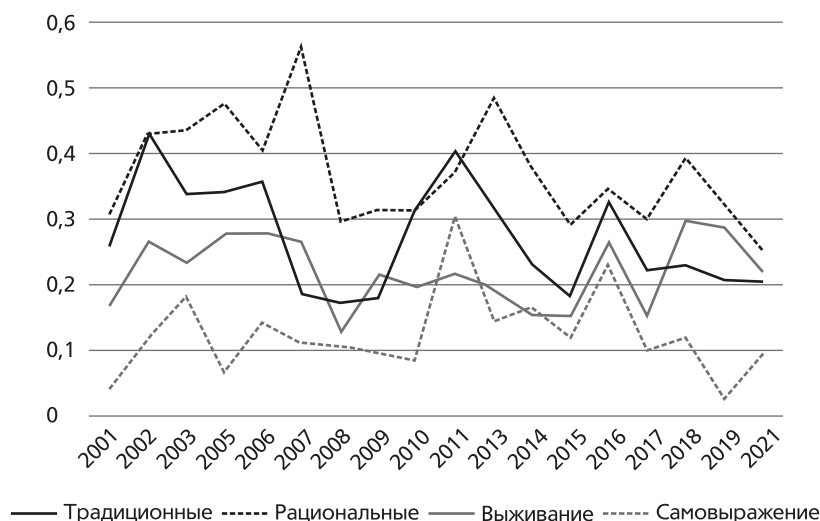

Рис. 2. Динамика частот упоминаний слов-ценностей, %

Другой распространенный контекст связан с критическими оценками власти как авторами вопросов, так и президентом: «Вообще, нужна ли такая **власть**, и что нам делать, обыкновенным жителям, в данной ситуации, когда местная **власть** не может нас защитить, и она сегодня очень слаба?» (директор дома творчества детей Т. Конашкова, 2006 г.). «**Власть** никак не реагирует на наши проблемы, просьбы. Мы устраиваем акции, петиции. **Власть** мимо проходит» (Екатерина, г. Омск, 2016 г.). «Несогласие с тем, что **власть** делает – да. Потому что **власть** далеко не всегда правильно себя ведет... Часто люди сталкиваются с **несправедливостью**, и на это тоже можно и нужно реагировать» (В. Путин, 2011 г.).

Несколько меньшая доля (суммарно 3,9% упоминаний, в среднем 0,22%) относится к ценностям выживания; среди них с отрывом лидирует слово «семья». Данное понятие ассоциировано с двумя контекстами – дети и поддержка от государства: «Почему наше государство очень мало уделяет внимания таким **семьям**, как моя, таким **семьям**, которые хотят взять еще детей, усыновить, удочерить (Ирина, г. Мичуринск, 2003 г.). «Миллион рублей должен быть выплачен **семьям** погибших» (В. Путин, 2015 г.).

Относительно реже в дискурсе прямых линий использовались ценности самовыражения (суммарно 2,2%, в среднем ежегодно 0,12%); среди них наиболее употребимым было слово «выбор». Его контекст часто обусловлен электоральными процессами: «Мы 18 марта сделали такой большой **выбор**, вся страна за Вас проголосовала» (Алексей, г. Санкт-Петербург, 2018 г.). «Каждый **гражданин**, когда идет на **избирательный** участок, особенно при **выборе** руководителей местного уровня, должен понимать, что **выборы** должны идти по личным и деловым качествам, прежде всего, а не по пустым обещаниям» (В. Путин, 2010 г.). Использование данного понятия отмечено и в более широком контексте: «Это стратегический **выбор** России – привлечение на постоянное жительство в Российскую Федерацию тех людей, которые выбирают Россию в качестве своей родины» (В. Путин, 2005 г.).

На рис. 2 представлена динамика частот упоминания в ходе прямых линий тезаурусных слов, соответствующих ценностям по Р. Инглхарту.

Сравним результаты анализа ценностей в дискурсе прямых линий с исследованиями политических ценностей россиян в опросах общественного мнения. При сопоставлении ответов респондентов на вопросы о Конституции в опросах ВЦИОМ

Таблица 2

Связи дискурса прямых линий и общественного мнения россиян о Конституции (2001–2021)

Вариант(ы) ответа	Слова-ценности	Коэффициенты корреляции
<i>Читали ли вы Конституцию?</i>		
Да / Нет	Гражданин	–0,62** / 0,62**
<i>Как вы оцениваете Конституцию?</i>		
Хорошая	Благосостояние	–0,7**
<i>С какими из следующих мнений о роли Конституции вы бы скорее согласились?</i>		
Гарантирует права и свободы граждан	Гражданин	–0,53*
Поддерживает порядок в деятельности государства	Власть	–0,64**
Не играет значительной роли в жизни страны	Закон	0,54*
<i>Какие из основных прав и свобод, провозглашенных Конституцией, представляются наиболее важными для вас лично?</i>		
Право на социальное обеспечение	Доверие	–0,7**
	Справедливость	–0,53*

Примечание. Здесь и далее *** $p < 0,001$; ** $p < 0,01$; * $p < 0,1$.

с анализируемыми словами-ценностями⁸ выявлен ряд связей с высокими коэффициентами корреляции (табл. 2).

Доля респондентов, заявивших, что читали Конституцию, увеличилась с 30% в 2002 г. до 59% в 2020 г., т.е. практически вдвое. При этом с 28 до 54% увеличилась доля тех, кто считает Конституцию хорошей. Среди ключевых прав и свобод, провозглашенных конституцией, респонденты больше всего ценят охрану здоровья и право на образование (рост за 20 лет с 44 до 49% и с 25 до 45% соответственно). В то же время снизилась значимость прав на жизнь (с 46 до 36%), на свободу и личную неприкосновенность (с 39 до 29%), на труд (с 46 до 40%). Важно отметить, что негативные по смыслу ответы респондентов коррелируют с частотой упоминания позитивных ценностей в дискурсе прямых линий (например, между оценками роли Конституции и ценностью «закон»).

Обратим внимание теперь на социологические данные, посвященные уровню одобрения институтов власти. В частности, доля граждан, одобряющих деятельность президента, согласно опросам Левада-центра (признан иноагентом РФ), в 2001–2021 гг. сократилась с 73 до 65%, в до время как одобряющих работу правительства выросла с 42 до 49%, а Государственной думы – с 27 до 41%. В отношении же политических партий существенно упрочилась поддержка «Единой России» (с 21 до 28%) и ЛДПР (с 5 до 11%), но сократилась доля поддерживающих КПРФ (с 20 до 13%)⁹. Как видно из табл. 3, наблюдаются

⁸ См.: Конституция России: наши права и свободы. ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/konstitucziya-rossii-menyat-ili-ne-menyat> (2000, 2002, 2009, 2012 гг.); <https://old.wciom.ru/index.php?id=236&uid=486> (2002, 2004, 2005, 2009, 2010, 2013, 2016 гг.); <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/cto-my-znaem-o-rossijskoj-konstituczii> (2003, 2005 гг.); <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/konstitucziya-rf-nashi-prava-i-svobody> (2016, 2018 гг.); <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/konstitucziya-izmenit-ili-ostavit> (2017 г.); <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/konstitucionnye-popravki-rejting-predpochtenij-rossiyan> (2020 г.); <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/popravki-k-konstituczii-znachenie-i-otnoshenie> (2020 г.) (дата обращения: 26.09.2022).

⁹ См.: Одобрение деятельности Президента РФ, Председателя Правительства РФ, Правительства РФ, Государственной Думы. Левада-Центр*. Признан иноагентом РФ. URL: <https://www.levada.ru/indikatory/> (1999–2021 гг.) (дата обращения: 26.09.2022).

Таблица 3

Связи дискурса прямых линий и общественного мнения россиян о политических институтах (2001–2021)

Вариант(ы) ответа	Слова-ценности	Коэффициенты корреляции
<i>Одобрение деятельности Правительства РФ</i>		
Одобрю	Закон	–0,55**
<i>Одобрение деятельности Государственной Думы</i>		
Одобрю	Гражданин	–0,52*
<i>За какую из партий, если бы выборы в Госдуму состоялись в ближайшее воскресенье, стали бы вы голосовать на этих выборах?</i>		
«Единая Россия»	Закон	–0,6**
КПРФ	Закон	0,56**
	Благополучие	0,72***
	Человек	0,53*
ЛДПР	Семья	0,51*
	Экология	0,63*
Другие	Семья	0,87***
Не стал бы голосовать	Выбор	–0,5*

Таблица 4

Связи дискурса прямых линий и общественного мнения россиян о патриотизме (2001–2021)

Вариант(ы) ответа	Слова-ценности	Коэффициенты корреляции
<i>Как бы вы сами себя охарактеризовали – как патриота своей страны или нет?</i>		
Скорее нет	Закон	0,5*
	Власть	0,55**
	Выбор	0,6**
	Справедливость	0,54*
	Демократия	0,7***
<i>Как вы думаете, является ли Россия сегодня «великой державой»?</i>		
Да	Семья	0,56**
	Порядок	–0,56**
Скорее да	Патриотизм	0,58**
	Доверие	0,55**
Скорее нет / Определенно нет	Закон	0,57**/ 0,54**
	Гражданин	0,59**/ 0,66**

позитивные корреляции по Пирсону различных слов-ценностей с уровнем одобрения оппозиционных партий (КПРФ и ЛДПР) и негативные – с одобрением правящей партии¹⁰.

Если рассмотреть отношение россиян к патриотизму, постоянной теме прямых линий с В.В. Путиным, то за 2000–2020-е гг. доля граждан, называющих себя патриотами,

¹⁰ См.: Политические партии перед выборами. ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/promezhutochnyi-finish> (2001, 2002); <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/partijnye-rejtingi-v-pervom-polugodii> (2005); <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/idejno-politicheskie-simpatii> (2006); <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/vybory-2007-byli-li-oni-chestnymi-svobodnymi-i-demokraticnymi> (2003, 2007); <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/vlast-na-fone-krizisa-fevral'skie-rejtingi> (2009 г.); <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/regionalnye-vybory-i-rejtingi-partij> (2009, 2010); <https://old.wciom.ru/index.php?id=236&uid=1505> (2011); <https://old.wciom.ru/index.php?id=236&uid=1240> (2012); <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rejtingi-partij-retrospektiva-pyati-nedel-oseni> (2013); <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rejtingi-politicheskikh-partij> (2015, 2016); <https://old.wciom.ru/index.php?id=236&uid=3626> (2017); <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rejtingi-doveriya-politikam-odobreniya-raboty-gosudarstvennykh-institutov-rejtingi-partij-25> (2018); <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/default-402e3320c1> (2021) (дата обращения: 26.09.2022).

Таблица 5

**Связи дискурса прямых линий и общественного мнения россиян о справедливости
(2001–2020)**

Вариант(ы) ответа	Слова-ценности	Коэффициенты корреляции
<i>Считаете ли вы российское общество социально справедливым?</i>		
Да / Нет	Контроль	0,64**/–0,63**
	Семья	0,51*/–0,5*
	Благосостояние	–0,61**
	Порядок	–0,5*/0,55**
	Справедливость	–0,57**/–
<i>По вашему мнению, политика российских властей сегодня способствует или препятствует укреплению социальной справедливости в нашем обществе?</i>		
Да / Нет	Контроль	0,57**/0,66**
	Семья	0,5*/–
	Благосостояние	–0,65**
	Экология	0,55**/–0,55**
	Справедливость	–0,54**/–
<i>Дела в стране сегодня в целом идут в правильном направлении?</i>		
Да	Закон	–0,56**
	Власть	–0,53**
	Гражданин	–0,64**
Нет	Гражданин	0,6**

согласно данным ВЦИОМ¹¹, снизилась с 84 до 78%, хотя одновременно сильно увеличилась доля респондентов, считающих Россию великой державой, с 40 до 71%¹². Как показано в табл. 4, частота упоминания ценности «патриотизм» отрицательно коррелирует по Пирсону с восприятием патриотизма респондентами опросов в соответствующие годы.

Для понимания динамики отношения к справедливости отметим, что российское общество считали справедливым, согласно опросам ВЦИОМ и ФОМ¹³, лишь 16% опрошенных в 2001 г. и 24% в 2020 г., параллельно увеличилась с 19 до 29% доля считающих, что политика российских властей способствует социальной справедливости. Из табл. 5 следует существование умеренно отрицательных статистических связей между количеством упоминаний о справедливости в ходе прямых линий и согласием респондентов общероссийских опросов с утверждениями о справедливости российского общества. Данные опросов Левада-центра (признан иноагентом РФ) о том, считают ли респонденты, что дела в стране идут в правильном направлении, тоже демонстрируют рост одобрения (с 35 до 48%)¹⁴. По данному критерию также выявлены разнонаправленные связи с анализируемыми ценностями.

В заключение мы оценили связи между рассмотренными ценностями и факторами общественно-экономического развития страны¹⁵ (табл. 6).

Наиболее значимые корреляции выявлены для ценности благосостояния; все они – отрицательны по отношению к тем индикаторам, для которых позитивно оценивается рост (ВВП, денежные доходы, заработная плата, средняя продолжительность жизни), и положительны с негативным показателем уровня безработицы. Интерпретировать это

¹¹ См.: Патриотизм сегодня. ВЦИОМ. URL: <https://old.wciom.ru/index.php?id=236&uid=10324> (2000, 2005, 2006, 2008, 2010, 2014, 2018, 2020 гг.) (дата обращения: 26.09.2022).

¹² См.: Международное влияние РФ. ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheski-obzor/rossiya-velikaya-derzhava> (2003, 2005, 2007, 2008, 2010, 2013, 2014, 2016, 2017, 2018 гг.); <https://old.wciom.ru/index.php?id=236&uid=10779> (2021 г.) (дата обращения: 26.09.2022).

¹³ См.: О справедливости и несправедливости в российском обществе. ФОМ. URL: <https://fom.ru/TSennosti/13279> (2001, 2007, 2011, 2014, 2017, 2018, 2020 гг.) (дата обращения: 26.09.2022).

¹⁴ См.: Оценка текущего положения дел в стране. Левада-центр (признан иноагентом РФ). URL: <https://www.levada.ru/indikatory/polozhenie-del-v-strane/> (1996–2022 гг.) (дата обращения: 26.09.2022).

¹⁵ См.: Россия в цифрах: статистический сборник. М.: Госкомстат, 2001–2004, Росстат, 2005–2021. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/12993> (дата обращения: 26.09.2022).

Таблица 6

Связи дискурса прямых линий и макроэкономических индикаторов РФ (2001–2020)

Показатель	Слова-ценности	Коэффициенты корреляции
ВВП на душу населения, долл. США	Гражданин	–0,52*
	Контроль	0,53*
	Благосостояние	–0,74***
Реальные располагаемые денежные доходы населения, % к 1991 г.	Благосостояние	–0,72***
	Доверие	0,53*
Среднемесячная заработная плата работников организаций, долл. США	Благосостояние	–0,67**
Средняя продолжительность жизни, лет	Гражданин	–0,56**
	Контроль	0,52*
	Благосостояние	–0,77***
Уровень безработицы, %	Контроль	–0,54**
	Благосостояние	0,63**
	Экология	–0,5*

можно так, что в условиях экономического роста значимость большинства перечисленных ценностей снижается, но она возрастает в периоды кризисов. Полярная ситуация выявлена с ценностями «контроль» и «доверие».

Выводы и их обсуждение. Итак, исследование проведено по модифицированной методике Р. Инглхarta, где развернутые вопросы преобразованы в аналогичные по смыслу слова-ценности (аксиологемы). Контент-анализ выявил в дискурсе прямых линий частоту упоминания следующих групп ценностей в порядке убывания: рациональные (из них чаще всего упоминались слова «развитие», «гражданин»), традиционные («закон», «власть»), выживания («семья») и самовыражения («выбор», «экология»). Качественный дискурс-анализ продемонстрировал вариативность употребления слов-ценностей. Так, о «развитии» упоминается как для описания процессов в экономике, так и в дихотомии со стабильностью и справедливостью. В то же время значимых смысловых различий в употреблении анализируемых понятий между президентом и иными участниками прямых линий не выявлено, что указывает на относительную гомогенность ценностного дискурса в России.

Различия в частоте упоминания всех групп ценностей несущественны, что говорит об их неантагонистическом характере. Это может объясняться как недостатками методики Инглхarta, смешивающей, по мнению критиков, ценности с аттитюдами и поведенческими паттернами, так и возможным неоптимальным выбором исследуемых слов-ценностей. Однако внутри каждой из четырех групп существуют положительные корреляции, что доказывает корректность формирования этих групп.

Изучение динамики аксиологем показало увеличение в 2001–2021 гг. частоты упоминания ценностей выживания и самовыражения, одновременно реже стали звучать слова, соответствующие рациональным и традиционным ценностям. Это противоречит мнению о сохранении традиционалистских установок в ценностных ориентирах россиян в 2010–2020-е гг. [Кузнецов, 2021] и подтверждает тезис о поколенческом сдвиге в сторону эмансипации ценностей [Алмакаева, Мавлетова, 2018], при котором «у современной российской молодежи происходит трансформация от материалистических ценностей к постматериалистическим» [Скипин, 2022: 162].

Мы предположили существование связи между дискурсом прямых линий и ценностями россиян, что предполагает согласование в ходе данных мероприятий ценностей власти и общества. Для проверки такого предположения проведено сопоставление частот встречаемости анализируемых слов-ценностей в стенограммах прямых линий с результатами массовых социологических опросов о ряде политических ценностей. Подтверждением исходной гипотезы стало бы выявление *положительных* связей между данными параметрами (хотя бы умеренных). Однако количественный анализ обнаружил *разнонаправленные* связи, например, между оценками роли Конституции и ценностью «закон», восприятием

патриотизма и ценностью «патриотизм», восприятием справедливости и ценностью «справедливость». Это интерпретировано так, что официальный дискурс фиксируется на тех или иных ценностях (например, власть, патриотизм, закон) [Tynkkynen, Tynkkynen, 2018] в те периоды, когда в обществе наблюдается уменьшение выраженности этих ценностей, чтобы обратить на это внимание и простимулировать желательные изменения. Кроме того, полученные результаты можно с известной осторожностью интерпретировать и как латентный конфликт между политическим дискурсом и массовым сознанием.

Сопоставление ценностного дискурса прямых линий и электоральных предпочтений респондентов выявило позитивные корреляции ряда ценностей с одобрением россиянами оппозиционных партий и негативные корреляции этих ценностей с одобрением правящей партии. Это может указывать на отсутствие ярко выраженных идеологических различий в современном обществе [Lewis, 2020].

Кроме того, мы рассмотрели корреляции между дискурсом прямых линий и рядом макроэкономических показателей развития России. Ранее уже была описана связь позиций стран во Всемирном исследовании ценностей по методике Инглхарта с уровнем их социально-экономического развития [Pavlović, Todosijević, 2020]. В этой связи показательно выявление снижения встречаемости слов-ценностей всех групп в периоды кризисов в экономике. Также отмечено существование статистически значимой обратной связи между частотой упоминания имеющей экономическую коннотацию ценности благосостояния и динамикой исследуемых показателей (ВВП, доходы населения, заработная плата, продолжительность жизни). Связь с негативным по смыслу показателем уровня безработицы оказалась, напротив, положительной.

Ранее утверждалось, что выраженность постматериалистических ценностей зависит от развития экономических институтов [Jordaan, Dima, 2020] и от уровня доходов [Машкова, 2022]. Существование подобной связи подтверждается нашими данными о том, что 1) постматериалистические ценности самовыражения наименее востребованы в дискурсе прямых линий; 2) постматериалистические ценности («доверие», «экология») положительно коррелируют с показателем уровня доходов и отрицательно – с уровнем безработицы. Сам Инглхарт в недавнем исследовании констатирует ослабление постматериалистического тренда на фоне «снижения гарантий занятости и роста неравенства» в большинстве стран мира [Inglehart, 2018].

Проведенное исследование подтвердило наше предположение, что в ходе прямых линий власть транслирует обществу определенный набор ценностей, однако нельзя утверждать, что через них происходит согласование ценностей политической элиты и российского общества. Создается впечатление, что публичный дискурс о ценностях – как экономических, так и политических – восполняет их дефицит в реальной жизни россиян. Такой вывод опосредованно подтверждает фиксируемый социологами массовый запрос на перемены, понимание которого дает возможность предотвращать предпосылки социального взрыва.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ [REFERENCES]

- Алмакаева А.М., Мавлетова А.М. Модернизационные процессы в России: ожидать ли сдвига в сторону эмансипативных ценностей? // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2018. № 6. С. 91–112. [Almakayeva A.M., Mavletova A.M. (2018) Modernization processes in Russia: should we expect a shift towards emancipative values? *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny* [Monitoring of public opinion: economic and social changes]. No. 6: 91–112. (In Russ.)]
- Кузнецов И.М. Основания ценностной консолидации россиян: традиционализм и обновление // Социологические исследования. 2021. № 8. С. 93–102. [Kuznetsov I.M. (2021) The Foundations of the Value Consolidation of Russians: Traditionalism and Renovation. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 8: 93–102. (In Russ.)]
- Латова Н.В. Культурная специфика россиян (этнометрический анализ на основе концепции Г. Хофстеда) // Вестник Института социологии. 2016. № 4. С. 155–179. [Latova N.V. (2016) Cultural specificity

- of Russians (ethnometric analysis based on the concept of G. Hofstede). *Vestnik instituta sotziologii* [Bulletin of the Institute of Sociology]. No. 4: 155–179. (In Russ.)]
- Машкова А.Л. Прогнозирование распространения норм и ценностей в России с использованием агент-ориентированного подхода // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2022. Т. 15. № 1. С. 90–109. [Mashkova A.L. (2022) Forecasting the spread of norms and values in Russia using an agent-based approach. *Ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and social changes: facts, trends, forecast]. Vol. 15. No. 1: 90–109. (In Russ.)]
- Скипин Н.С. Сюжетно-идеологический подход к изучению ценностей: модель и результаты // Государственное управление. Электронный вестник. 2022. № 91. С. 162–172. [Skipin N.S. (2022) Plot-Ideological Approach to the Study of Values: Model and Results. *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik* [Public Administration. Electronic Bulletin]. No. 91: 162–172. (In Russ.)]
- Inglehart R.F. (2018) *Cultural Evolution: People's Motivations are Changing, and Reshaping the World*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Jo J.-I., Choi H.J. (2019) Enigmas of grievances about inequality: effects of attitudes toward inequality and government redistribution on protest participation. *International Area Studies Review*. Vol. 22. No. 4: 348–368.
- Jordaan J.A., Dima B. (2020) Post materialism and comparative economic development: do institutions act as transmission channel? *Social Indicators Research*. Vol. 148. No. 2: 441–472.
- Kaasa A. (2021) Merging Hofstede, Schwartz, and Inglehart into a single system. *Journal of Cross-Cultural Psychology*. Vol. 52. No. 4: 339–353.
- Lewis D.G. (2020) *Russia's New Authoritarianism: Putin and the Politics of Order*. Edinburgh: Edinburgh University Press.
- Nettle D., Saxe R. (2021) If men were angels, no government would be necessary: The intuitive theory of social motivation and preference for authoritarian leaders. *Collabra: Psychology*. Vol. 7. No. 1: 33–51.
- Pavlović Z., Todosijević B. (2020) Global cultural zones the empirical way: value structure of cultural zones and their relationship with democracy and the communist past. *Quality and Quantity*. Vol. 54. No. 2: 603–622.
- Storr V.H., John A. (2018) Why use qualitative methods to study culture in economic life? *Research in Experimental Economics*. Vol. 20. No. 1: 25–51.
- Tynkkynen V.P., Tynkkynen N. (2018) Climate denial revisited: (Re)contextualising Russian public discourse on climate change during Putin 2.0. *Europe-Asia Studies*. Vol. 70. No. 7: 1103–1120.
- Wrońska M. (2020) Direct Line with Vladimir Putin as a Subject of News from the Polish Media. *Studia Russologica*. Vol. 13. No. 1: 84–91.

Статья поступила: 11.07.22. Финальная версия: 26.09.22. Принята к публикации: 28.09.22.

"DIRECT LINE WITH VLADIMIR PUTIN" IN THE MIRROR OF SOCIOLOGY AND AXIOLOGY

BORSHCHEVSKIY G.A.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Russia

Georgy A. BORSHCHEVSKIY, Dr. Sci. (Polit.), Prof., Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia (borshchevskiy-ga@ranepa.ru).

Abstract. In the article we examine the values in discourse of the "Direct Line with Vladimir Putin" in 2001–2021. We modified the World Values Survey by Ronald Inglehart using the methods of content analysis and discourse analysis. We compared the frequency of voicing values with the results of sociological surveys devoted to similar values (e.g. attitude towards the Constitution, perception of patriotism and justice, approval of power institutions, affairs in the country assessment) revealing multidirectional statistical relationships. The official discourse about certain values is activated during periods of "deficiency" of these values in real life, perhaps in order to draw attention to this fact and stimulate desired changes. We also examined the links between the Direct Lines' discourse and macroeconomic indicators. We found that post-materialist values correlate positively with the income level of the population and negatively with the unemployment rate. The hypothesis was confirmed that the authorities convey certain values to society during the Direct Lines, but it cannot be argued that the values of the political elite and Russian society are harmonized in this case.

Keywords: social values, discourse, president, public opinion, World Values Survey, content analysis.

Received: 11.07.22. Final version: 26.09.22. Accepted: 28.09.22.

Ш.Ф. ФАРАХУТДИНОВ, Н.Г. ХАЙРУЛЛИНА

ВСЕРОССИЙСКАЯ ПЕРЕПИСЬ НАСЕЛЕНИЯ 2020–2021 гг. ГЛАЗАМИ ПЕРЕПИСЧИКА

ФАРАХУТДИНОВ Шамиль Фаритович – кандидат социологических наук, доцент, старший научный сотрудник Института проблем освоения Севера ТюмНЦ СО РАН; старший научный сотрудник, Западно-Сибирский филиал ФНИСЦ РАН (fshamil@mail.ru); ХАЙРУЛЛИНА Нурсафа Гафуровна – доктор социологических наук, профессор кафедры маркетинга и муниципального управления Тюменского индустриального университета (nursafa@inbox.ru). Оба – Тюмень, Россия.

Аннотация. Представлен взгляд на Всероссийскую перепись населения 2020–2021 гг. с точки зрения переписчика. Охарактеризован социально-экономический и политический фон переписи. На основании эмпирического материала фокус-групп описаны ключевые моменты работы переписчика. Дана оценка таких условий работы, как безопасность, обеспечение инструментарием. Выделена ключевая проблема – низкий уровень лояльности населения к переписи. Представлена социально-демографическая специфика мотивов участия/неучастия в переписи различных групп населения. Показаны адаптационные стратегии переписчиков, направленные на снижение организационных и психологических сложностей в работе.

Ключевые слова: перепись • население • мотивация • социально-демографические группы • пандемия • фокус-группа • цифровизация

DOI: 10.31857/S013216250019105-8

Особенности Всероссийской переписи населения 2020–2021 гг. Учёт населения тесно связан со становлением государственности. Попытки проведения общенациональных переписей населения стали возникать в европейских странах с середины XVIII в. Ранние переписи осуществлялись в военных и фискальных целях, носили эпизодический характер, осуществлялись разрозненно, без опоры на жёсткую методологию. На Руси первое подобие переписи было проведено в 1245 г.¹, первая полноценная прошла в России в 1897 г. В СССР было семь всесоюзных переписей, в постсоветской России – три. Отдельная перепись прошла в 2014 г. после вхождения Крыма в состав РФ. Перепись 2021 г. из-за пандемии была перенесена сначала на апрель 2021 г., затем на октябрь. В труднодоступных регионах (северные районы, часть Сибири, Дальнего Востока, Северного Кавказа) перепись населения началась в октябре 2020 г.

В общественном дискурсе высказывается мнение об утрате смысла проведения «традиционных» переписей в связи с масштабной информатизацией и цифровизацией. По сведениям Росстата, за последние два года была серьезно затронута методология получения данных. Одним из прорывов стал запуск цифровой системы, позволяющей сопоставлять данные переписи с показателями предыдущих и с новыми результатами регулярных статистических исследований, что позволит создавать неограниченные вариации сравнения информации и точные прогнозы на их основе².

Отличительной особенностью переписи 2021 г. стало включение новых технологий: использование аналитической платформы, позволяющей отслеживать и контролировать

¹ История переписей населения в России / Сборник информационных материалов / Под ред. Н.С. Колотовой. Челябинск: Челябинскстат, 2009.

² Росстат показал новые возможности цифровой переписи населения // Министерство государственного управления, информационных технологий и связи Астраханской области. 2020. URL: <https://mingos.astrobl.ru/activity/vserossiiskaya-perepis-naseleniya-2020-goda/rosstat-pokazal-novye-vozmozhnosti-cifrovoi-perepisi-naseleniya> (дата обращения: 28.02.2022).

все этапы ее проведения, применение переписчиками планшетов, возможность самостоятельной переписи через портал госуслуг, что позволило организаторам сократить число переписчиков почти в два раза. В переписи 2010 г. были привлечены 600 тыс. переписчиков, в 2021 г. – 270 тыс. Общее количество задействованных в переписи 2021 г. составило 314 тыс. человек. По сравнению с 2010 г. претерпел изменение переписной лист: в него добавили ряд вопросов, касающихся, например, географической удалённости места работы от дома, источников дохода респондента. В графе о национальности появилась возможность указания более одной национальности. Всего переписной лист включал 33 вопроса.

Общие результаты переписи отражают сумму данных, полученных из четырех источников: от переписчиков, с портала «Госуслуги», сведения о специализированном контингенте (военные части, тюрьмы), административные данные (сведения ЗАГСов, МВД и других ведомств), которые по международной методологии всегда используются для дополнения собранной информации.

Об исследовании. Настоящая работа призвана представить перепись населения как процесс социального взаимодействия. Субъективная сторона этого процесса представлена смыслами, которыми наделяют свои действия переписчики и респонденты в ходе переписи, объективная – факторами, независимыми от взаимодействующих субъектов (условия работы переписчика и социально-политический фон, предшествовавший переписи). Предметом исследования можно считать анализ особенностей работы переписчиков на фоне широкого социального контекста, позволяющего описать состояние российского общества. Объект исследования – перепись как процесс коммуникации переписчиков и населения. Статья базируется на эмпирическом материале, собранном авторами в период проведения переписи населения. В октябре 2021 г. были проведены три фокус-группы по 10 человек среди студентов-социологов Тюменского государственного университета, участвовавших в переписи населения в качестве переписчиков. В сентябре 2021 г. в рамках инициативного проекта, посвящённого социальной солидарности, был проведён опрос 20 экспертов, представляющих государственное управление и науку. В первую категорию вошли сотрудники органов власти: заместители руководителей областных департаментов, отделов и комитетов; заместители глав муниципалитетов по социальным вопросам. Эксперты второй категории представлены сотрудниками двух региональных вузов и региональных филиалов академических структур. Ввиду предстоящей Всероссийской переписи населения в анкету эксперта были внесены вопросы, направленные на оценку готовности регионального социума к предстоящему мероприятию.

Портрет переписчика. В реализации переписи населения ключевая роль принадлежит переписчику. Для рядовых граждан переписчик является олицетворением государства, отношение к нему – показатель отношения общества к власти. Несмотря на то что перепись 2021 г. подразумевала возможность самостоятельного внесения сведений о себе через портал «Госуслуги», переписчиками был осуществлён обход всех российских домохозяйств. Каждому переписчику выделялся участок около 500 домохозяйств. Координацию работы переписчиков осуществляли контролеры – люди, имеющие опыт аналогичной деятельности.

Формально стать переписчиком может любой гражданин РФ старше 18 лет, прошедший трехдневное обучение и заключивший договор с региональным отделением Росстата. Фактически в числе переписчиков оказывается несколько категорий населения. Состав переписчиков будет варьироваться в зависимости от типа населённого пункта, географического расположения территории, уровня её социально-экономического развития. Нам удалось выделить четыре основных типа переписчиков.

Первая группа – студенты. Широкому вовлечению студентов в эту работу способствовали рекомендации Минобрнауки России вузам страны работу студентов на переписи засчитывать как практику. В преддверии переписи Росстат распространил видеоклип, главным героем которого стал вежливый молодой человек – студент-переписчик,

который сталкивается с нестандартными ситуациями и находит из них выход³. Респонденты отмечали, что одновременная возможность заработка, прохождения практики и лояльность преподавателей университета к посещению занятий сделали для них участие в переписи привлекательным.

Вторая группа переписчиков представлена безработными гражданами, которых нельзя отнести к категории социально неблагополучных. Основной мотив их участия – возможность гарантированного, пусть небольшого заработка. Часто они проживали не в городе, переписчики осуществляли ежедневные маятниковые перемещения из близлежащих населённых пунктов на пригородном транспорте. Типичный представитель этой группы – женщины в возрасте от 30 до 50 лет. *«Я часто сталкивалась с приезжими из соседних деревень – это крепкие женщины, для которых перепись – хорошая подработка»* (Мария, переписчик).

Третья группа – люди раннего пенсионного возраста, которые прекратили трудовую деятельность, но обладают энергией и желанием активной деятельности. Работа в качестве переписчика для них – это возможность реализовать свой потенциал. В ходе фокус-групп участниками высказывалось мнение, что если бы перепись проходила не глухой осенью, а, например, в дачный сезон, представителей этой группы среди переписчиков было бы значительно меньше.

Четвёртая группа – энтузиасты, основной мотив которых участие в событии национального масштаба, чтобы получить новый опыт, эмоции. *«Один мужчина для переписи специально выходит в отпуск по основному месту работы. Он ждал этого с нетерпением. У него даже по голосу было слышно, что он рад. Этот мужчина с понедельника планирует плотно заниматься переписью»* (Артём, контролёр).

Таким образом, переписчики представлены разными категориями населения и существенно различаются мотивами своего участия. Для одних это рутинная работа с прагматичными целями, для других – событие, позволяющее удовлетворить любопытство, получить новые эмоции, для третьих – реализация потребности в бескорыстном служении обществу.

Условия работы переписчика. Вопросы безопасности являются ключевыми в переписи 2021 г. Наряду с информационной, актуализировалась проблема обеспечения эпидемиологической безопасности. Несмотря на обеспечение средствами индивидуальной защиты (масками, перчатками, антисептиками), в ходе мероприятия заболели более 5 тыс. переписчиков. Более чем у 3 тыс. из них подтвержден коронавирус⁴. Для обеспечения физической безопасности переписчиков сотрудниками МВД России был реализован комплекс мер, включающий усиленное патрулирование территории, дежурство сотрудников в переписных участках, привлечение участковых в места проживания социально неблагополучного населения. Среди переписчиков проводился инструктаж на случай возникновения ситуаций, затрудняющих сбор сведений или угрожающих их личной безопасности. Все переписчики на период выполнения своих обязанностей были бесплатно застрахованы дочерними компаниями банков Сбер и ВТБ.

О потенциально опасных ситуациях наибольшую озабоченность выражали девушки-студентки, которым доставались неблагополучные районы или частный сектор. Однако они решали эти вопросы, проявляя осторожность и предусмотрительность. В неблагополучных районах пытались заранее узнать у соседей, где проживают пьющие соседи, в частный сектор старались ходить в дневное время. *«Вот у меня такая ситуация: мне соседи сказали, что напротив живут пьяницы, туда лучше одной не ходить. Вот я думаю, что в скором времени мы договоримся с участковым и пойдём туда вместе»* (Елена, переписчик).

Респонденты в ходе фокус-групп практически не упоминали ситуации, прямо угрожавшие их безопасности и здоровью, но отмечали случаи, которые можно назвать потенциально

³ Росстат представил портрет переписчика 2021 года // РИАМО. 2021. 29 июня. URL: <https://riamo.ru/article/500548/rosstat-predstavil-portret-perepischika-2021-goda.xl> (дата обращения: 28.02.2022).

⁴ Глава Росстата назвал число заразившихся коронавирусом переписчиков // РБК. 2021. 15 ноября. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreeneews/61925c499a7947fdef1c7a4c> (дата обращения: 28.02.2022).

опасными. Например, встречи с бродячими собаками на улицах и дворовыми собаками, агрессивно реагирующими на чужих, в частных домохозяйствах: *«Мы ходим в частном секторе и там очень много собак, которые ходят просто так по улицам. Плюс, когда стучишь, очень громко лают дворовые собаки, и они в основном все огромные. И ты стоишь "дразнишь" собаку, которая, возможно на тебя выбежит и кусает»* (Анастасия, переписчик).

Домашние собаки, проживающие с хозяевами в квартирах, менее опасны, но они могут сорвать опрос. *«Мне постоянно мешают собаки эти маленькие, которые живут в квартирах. Открывается дверь и вот она лает на весь подъезд. Я пытаюсь работать, а меня человек вообще не слышит из-за этого лая. Пытается её успокоить, но не помогает. После трёх попыток хозяева уже раздражаются и машут рукой, мол, "всё ладно, до свидания"»* (Наталья, переписчик).

Каждый переписчик для выполнения своих функций в начале первого рабочего дня получал комплект экипировки и инструментарий – удостоверение, планшет, портфель для переписного инструментария, шарф, жилет со светоотражающими элементами и фонарь. Серьёзных нареканий экипировка респондентов не вызвала, но некоторые замечания были. Чаще всего критике подвергался планшет, по мнению студентов, тяжёлый. Выяснилось, что проблема не в весе мобильного устройства, а в том, что переписчикам в течение дня приходилось долго держать на сгибе локтевого сустава, а также носить аккумулятор. Отмечалось, что брендированные шарф и жилетка помогали установить первый контакт с человеком.

Таким образом, данные свидетельствуют о достаточности предпринятых организаторами мер для обеспечения безопасности и нормальной работы переписчиков.

Проблемы проведения переписи. Главной задачей нашего исследования стала оценка реакции населения на процесс переписи. Рассуждая о том, следовало ли переносить Всероссийскую перепись с 2020 на 2021 г., более половины экспертов посчитали перенос необходимой и оправданной мерой. Аргументы в пользу переноса связаны с объективно высоким риском распространения COVID-19: *«Слишком высока степень угрозы заражения, непонимание протокола лечения ковида и отсутствие вакцины»*; субъективно негативным восприятием обществом пандемии и её социально-экономических последствий: *«Так как ситуация была сложная и население было напугано, перепись населения вызвала бы негодование и непонимание действиями власти»*. В другом вопросе экспертам предлагалось оценить влияние переноса переписи населения на желание населения принять в ней участие. Две трети экспертов отметили, что такого влияния нет. В комментариях отмечалась индифферентность людей к мероприятию: *«Людям без разницы. Многие не знают, что она вообще проводится»*; *«Мало информации, перепись не интересует людей»*. Эксперты, посчитавшие, что перенос снижает желание населения участвовать в переписи, полагают, что причина этого в снижении доверия к власти: *«Социальные настроения за год только ухудшились»*.

Вполне закономерно, что одной из ключевых проблем, с которой столкнулись переписчики, стала проблема низкого охвата населения. Участники фокус-групп часто говорили о нежелании большинства потенциальных респондентов идти на контакт. *«Нам контролёр говорит, что мало проходит людей. Вот, у меня из 238, по-моему, квартир, из них пройдено где-то 60, остальные все либо сказали, что перепишутся сами (на Госуслугах), либо просто не открыли, либо отказались»* (Наталья, переписчик).

В опросе Левада-центра был зафиксирован 57%-ный уровень охвата, ставящий под сомнение получение достоверного знания о населении страны. С.В. Захаров и Е.В. Чурилова отмечают, что 42%, которые не сообщили никаких сведений о себе, – это беспрецедентно высокий процент, чего не было в 2002 г. и в 2010 г. Административные источники, которыми дополнялись данные переписи, не позволяют получить полноценный социально-демографический портрет жителей России⁵.

⁵ Участие россиян в переписи // Пресс-выпуск Левада-Центра (признан иноагентом РФ) от 21.12.2021. URL: <https://www.levada.ru/2021/12/21/uchastie-rossiyan-v-perepisi/> (дата обращения: 21.07.2022).

Ситуации, при которых население отказывается от участия в переписи, самые разные. Чаще всего представители домохозяйств попросту игнорируют переписчиков. «Дверь не открывают в большинстве случаев. Вот они могут просто дверь закрыть при тебе. Или посмотреть в глазок, не спрашивать, кто там, что нужно, просто уйти от двери и продолжать заниматься своими делами» (Елена, переписчик). В ряде случаев респонденты шли на контакт, но отказывались от участия в переписи, проявляя индифферентность: «У меня была такая ситуация: я захожу, начинаю представляться. Женщина открывает, зовет своего мужа и говорит: "Саш, ты хочешь проходить?" – а он говорит: "Да нет, что-то не хочу". И она отвечает: "Ну, нет, мы не хотим, мы не будем проходить". Я начинаю объяснять, что это важно, они отвечают, что им всё равно» (Анастасия, переписчик). Другие открыто проявляли своё пренебрежение: «Я приходила к одной женщине, говорю: это перепись населения, она такая "я рада за вас!" и закрыла передо мной дверь» (Анастасия, переписчик). Некоторые жильцы отказывались открывать дверь, перекладывая ответственность на других членов семьи: «У меня случаев пять было, что отвечала женщина и говорила, что муж запрещает ей открывать дверь» (Камиль, переписчик). «У меня ситуация забавная была. Я стучусь в квартиру, и мне отвечают таким грубым басом: "Это кто там?", отвечаю: "Я из переписи населения". Пауза. "Мамы нет дома". "Хорошо, поняла"» (Анастасия, переписчик).

Наблюдения переписчиков показали наличие социально-демографических различий, оказывающих влияние на желание людей участвовать в переписи. Владельцы дорогостоящего жилья чаще принимали участие в переписи, чем жильцы недорогих квартир. «У нас жилой комплекс "Правобережный" состоит из двух частей, одна – закрытая, с очень дорогими квартирами, другая – обычные дома. В элитных домах жители довольно доброжелательные. В обычных – намного чаще не открывают и грубят» (Камиль, переписчик). По мнению участников фокус-групп, небогатые более озлоблены и не настроены на сотрудничество. «Складывается такое ощущение, будто богатые люди доброжелательнее, чем люди статусом ниже» (Екатерина, переписчик).

Различия в желании участия в переписи проявлялись в возрастном разрезе. По наблюдениям студентов-переписчиков, чаще на контакт идут люди пенсионного возраста, реже – молодёжь до 30 лет, чаще всех отказываются от участия в переписи представители среднего возраста. «Ещё есть такая закономерность. Молодые люди до 30–35 лет и старики они с легкостью открывают дверь, а те, кто посередине, они напрочь говорят, что не хотят открывать дверь и что не доверяют правительству» (Камиль, переписчик).

Участники фокус-групп, отмечая случаи нежелания переписываться пенсионеров, указывали, что, услышав через дверь, как переписчик работает с соседями, сами открывали дверь и приглашали к себе: «Пенсионеры всегда открывают, они очень доброжелательные, если они не открыли, то все же потом увидят, что я соседей переписала и уже сами открывают двери. Они всегда предложат, и водички, и присесть» (Наталья, переписчик). Встречались случаи, когда люди старших возрастов помогали переписчикам в проведении переписи, заранее информируя соседей о важности мероприятия и об отсутствии угрозы. «Женщина, у которой я проводила перепись, говорит, что вот там живёт бабушка, она никому не открывает, давайте я постучу, скажу, что вы из переписи, и тогда она вам откроет, я ещё рядом могу постоять, чтобы она получше относилась» (Анастасия, переписчик). Переписчики связывали позитивный настрой пенсионеров с доверием к государству, социальной активностью и коллективизмом, присущим людям, воспитанным в СССР: «Мне кажется, что желание поучаствовать связано еще с уровнем доверия к государству. Видно, что взрослые, когда открывают, они такие счастливые, им кажется, что они внесли какой-то огромный вклад в развитие страны» (Наталья, переписчик).

Наиболее ярко возрастные различия были продемонстрированы в следующем кейсе. «У меня была такая ситуация. Я зашла в одну квартиру, там была бабушка. Она там не живет, просто за внуками пришла присмотреть. Я начала ее расспрашивать, она мне отвечала. Потом, чтобы уточнить ответы на некоторые вопросы, которые она не знала, позволила своей дочери, и дочь на меня наорала через телефон и сказала: "Выходите отсюда,

нам вообще не нужны никакие ваши эти опросы”, и мне пришлось уйти» (Ольга, переписчик). В данном случае показательное поведение отсутствовавшей дома хозяйки квартиры. Ей не пришлось устанавливать контакт с незнакомым человеком, тратить своё время на ответы, безопасность её семьи в момент звонка не вызвала сомнений. Она разрушила установленную коммуникацию, что нельзя объяснить лишь желанием «отмахнуться» от навязываемого государством мероприятия. Нам представляется, что причины подобного поведения кроются в нескольких плоскостях. Во-первых – это тотальное недоверие поколения, которое проходило основные стадии социализации в 1990–2000-е гг. – периоды экстремальной нестабильности. Нынешняя средневозрастная когорта – поколение, не привыкшее доверять государству. Во-вторых, средний возраст – это период максимальной социально-экономической активности человека. Большинство обращений в банки за ипотечными кредитами осуществляются гражданами в возрасте 35–44 лет. В этот период возрастают потребности детей, требующих материального обеспечения, качественного образования, психологической поддержки, условий для самоактуализации. 30–45 лет – это этап интенсивного продвижения и пик деловой карьеры. В возрасте 35–45 лет у человека начинают появляться первые возрастные изменения, негативно отражающиеся на здоровье человека. Средневозрастная когорта максимально погружена в «свои проблемы» и активно противодействует любому дополнительному внешнему воздействию, особенно со стороны государства. «А вот начиная с 30 лет... Они вообще почти не открывают двери, а кто открывают, чаще всего агрессивные, им не нравится, что к ним приходят, и считают, что потом это будет использоваться против них» (Наталья, переписчик).

Социально-демографическая специфика желания/нежелания населения участвовать в переписи дополняется особенностями их коммуникативного поведения, которое связано с наличием свободного времени. У пенсионеров, составляющих сегодня основу телеаудитории и обладающих достаточным ресурсом времени, информированность о переписи выше. Основным источником официальной информации и позиции российских властей остаются центральные телевизионные каналы. Молодёжь «замкнута» на своих каналах, куда официальная государственная информация практически не проникает, средневозрастная когорта в силу дефицита времени старается абстрагироваться от любой посторонней информации. «Многие молодые не знают. Пожилые знают, потому что по телевизору очень много это все везде» (Ольга, переписчик).

К числу факторов коммуникативного характера, влияющих на поведение населения в процессе переписи, можно отнести соседские взаимоотношения. Участники фокус-групп отмечали факты участия ранее отказавшихся от переписи граждан после рекомендации соседей или после наблюдения (подслушивания) за переписью квартиры соседей. «Я к одной зашла, она говорит: “Ой перепись, давайте заходите”. Захожу, к ее соседке, она говорит: “Вы кто такая вообще?”. Первая соседка говорит, что это перепись, ничего страшного, и вторая: ну ладно, и сразу начинает отвечать на вопросы» (Ольга, переписчик). В новых домах жильцы зачастую сами информировали переписчиков о том, какие квартиры ещё не заселены: «Что самое интересное, что жильцы сразу говорят, какие квартиры сданы или нет. Это сильно облегчает задачу» (Камиль, переписчик).

Информационно-разъяснительная работа представляет собой одно из главных направлений подготовки к переписи населения [Мерзлякова и др., 2020: 78]. Перепись 2021 г. характеризовалась низкой информированностью населения о предстоящем мероприятии, что трудно объяснить общественными настроениями, социально-демографическими характеристиками или коммуникативными особенностями населения. Четверть экспертов отметили низкую доступность либо отсутствие для населения информации о переписи. «В общественном пространстве информация о деталях переписи практически не циркулирует. В целом люди знают, что она будет в этом году, но никак к ней не готовятся – когда начнётся, тогда и примут участие. Так же, как и с выборами». Эксперты, посчитавшие, что информация в общественном пространстве всё же циркулировала,

отмечали небольшое количество информации, доступной жителям региона: сведения о возможности лично заполнить переписной лист через электронные госуслуги и дата начала переписи.

На низкую информированность населения указывают результаты фокус-группового исследования. *«Основная проблема, что люди не знают, что такое перепись и для чего она нужна. Люди старшего возраста более лояльно к этому относятся, потому что они уже через это проходили одиннадцать лет назад»* (Анастасия, переписчик). Эту проблему переписчики пытались решить самостоятельно, обращаясь в домовые чаты, предварительно расклеивали листовки у подъездов и раскладывали их по почтовым ящикам. *«Я так делаю, потому что я поняла, что мне никто не поможет. Мне надо срочно закончить эти квартиры, и я просто написала письмо и разложила по всем квартирам»* (Ольга, переписчик). В некоторых случаях листовки заблаговременно вкладывались переписчиками в двери квартир, что позволяло определить пустующие квартиры. Подобная инициатива зачастую вызывала негативную реакцию жильцов: *«Листовки не только положительно влияли. Я приклеила на втором этаже и спустилась на нижний. Пока проводила перепись на первом этаже, женщина поднялась на второй этаж, и я слышала, как она на весь подъезд стоит и прямо ругается очень сильно, что мы мусорим»* (Наталья, переписчик). Таким образом, формирование позитивного отношения и стимулирование участия населения в мероприятии были реализованы организаторами неудовлетворительно.

Выявленные в ходе фокус-групп случаи позволяют констатировать серьёзное психологическое давление, которое испытывают переписчики, осуществляя свою деятельность. Ситуация усугубляется требованиями контролёров о более тщательной работе с населением с целью снижения отказов: *«На нас ругаются, что мало проходят»* (Наталья, переписчик). В этих условиях переписчики вырабатывают механизмы, позволяющие снизить давление и выполнить свою задачу. К числу таких «лайфхаков» студенты относили психологические приёмы, направленные на расположение людей к себе: проявляли учтивость, включали личное обаяние: *«Я не просто долблю в дверь, а я такой музыкальный мотив стараюсь делать, чтобы они не подумали, что я какой-то взломщик. Потом я улыбаюсь в этот глазок просто от всего сердца. Когда они спрашивают, кто это, то я мягким-мягким голоском говорю: “Всероссийская перепись населения”. Прямо ухаживаешь за ними сквозь дверь»* (Ольга, переписчик). Сомневающимся жильцам переписчики предлагали договориться, чтобы пройти перепись в удобное для них время. В некоторых случаях более эффективным оказывался командный тон общения: *«Я обычно не спрашиваю: “А давайте пройдем опрос?!”; я говорю: “Здравствуйте, это перепись населения, я переписчик, и нам необходимо описать ваше домохозяйство” и всё. Они такие: “Ну раз необходимо, то давайте”»* (Ольга, переписчик).

Выводы. Для современной России перепись населения остаётся важным государственным мероприятием в интересах общества. Инструменты сбора данных, которые появились с момента проведения переписи 2010 г. в результате цифровизации, пока не позволили в полной мере заменить существующий традиционный формат переписи. Ключевым действующим лицом переписных мероприятий является переписчик – посредник между государством и населением страны. Отношение граждан к переписчикам отражает их отношение к государству в целом, что делает переписчиков самостоятельным и информативным объектом исследования. Переписчики представляют собой разнородную группу, различающуюся мотивами своего участия в мероприятии. В крупных городах значительная часть из них – студенты вузов, привлекаемые в счёт прохождения учебной практики. Условия для реализации функции переписчика в части обеспечения безопасности, укомплектованности необходимым инвентарём и методическими указаниями можно считать адекватными потребностям.

Всероссийская перепись населения 2020–2021 гг. реализовывалась в сложных социально-экономических и политических условиях, обусловленных негативной эпидемиологической обстановкой с ограничительными мерами и сопротивлением части населения

вакцинации. Проведению мероприятия препятствовали низкий уровень информированности населения о переписи и невысокое доверие граждан к власти. Основная проблема, с которой столкнулись переписчики в ходе осуществления своей работы, связана с нежеланием населения участвовать в переписи. Выявлена различная степень активности населения в зависимости от возраста и уровня материального благосостояния. Выяснилось, что дополнительным фактором, усиливающим различия в поведении социально-демографических групп, является набор используемых каналов коммуникации и наличие либо отсутствие свободного времени.

Психологическое давление, испытываемое переписчиками в ходе осуществления своей работы, компенсировалось приспособительной стратегией, которая проявлялась в приёмах расположения людей к себе, поиске способов договориться о времени переписи с представителями отдельных домохозяйств, предварительном информировании жильцов о визите переписчика. Перепись населения является отражением тех проблем, которые накопились в российском социуме к моменту её проведения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ [REFERENCES]

Мерзлякова Г.В., Данышина С.А., Михалёва Е.И., Чернышева И.В. Опыт информационно-разъяснительной работы по подготовке Всероссийской переписи населения на территории Удмуртской республики в 2008–2010 годах // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». 2020. № 1. С. 78–87. [Merzlyakova G.V. et al. (2020) Experience of information and explanatory work on the preparation of the All-Russian population census on the territory of the Udmurt Republic in 2008–2010. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Serija «Istorija i filologija»* [Bulletin of the Udmurt University. Series "History and Philology"]. No. 1: 78–87. (In Russ.)]

Статья поступила: 02.03.22. Финальная версия: 07.08.22. Принята к публикации: 27.09.22.

ALL-RUSSIAN POPULATION CENSUS 2020–2021: CENSUSISTS' POINT OF VIEW

FARAKHUTDINOV Sh.F.***, KHAIRULLINA N.G.***

*Institute of Problems of the Development of the North of the Tyumen Scientific Center SB RAS, Russia; **West-Siberian Branch of FCTAS RAS, Russia; ***Tyumen Industrial University, Russia

Shamil F. FARAKHUTDINOV, Cand. Sci. (Sociol.), Senior Researcher, Institute of Problems of the Development of the North of the Tyumen Scientific Center SB RAS; Senior Researcher, West-Siberian Branch of FCTAS RAS (fshamil@mail.ru); Nursafa G. KHAIRULLINA, Dr. Sci. (Sociol.), Prof. Tyumen Industrial University (nursafa@inbox.ru).

Abstract. The article presents a look at the All-Russian Population Census 2020–2021 from the censusists' point of view. General information about the population census as most important state event is given: history, state of uncertainty and prospects are shown. The socio-economic and political background that accompanied the census is characterized based on empirical material obtained by the authors during a series of focus groups on the key points of the censusist' work. A portrait of the census taker was compiled, an assessment was made of such conditions of his work as security, tools for providing. The key problem is highlighted – a low level of population loyalty to the census. The socio-demographic specificity of motives and the inequality of positions in relation to participation/non-participation in the census of various groups of the population are presented. The adaptation strategies of census takers aimed at reducing mental and organizational difficulties, their occurrence in work were revealed. A general conclusion is made about censusists as a valuable object of research, a way of reflecting social problems.

Keywords: census, population, motivation, socio-demographic groups, focus group, pandemic, digitalization.

Received: 02.03.22. Final version: 07.08.22. Accepted: 27.09.22.

Методология и методы социологических исследований

© 2022 г.

Т.Н. САВЧЕНКО, Е.С. САМОЙЛЕНКО

СОЦИАЛЬНОЕ СРАВНЕНИЕ КАК ФАКТОР СУБЪЕКТИВНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ

САВЧЕНКО Татьяна Николаевна – кандидат психологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник (SavchenkoTN@ipran.ru); САМОЙЛЕНКО Елена Станиславовна – доктор психологических наук, главный научный сотрудник, заведующая лабораторией (SamoylenkoES@ipran.ru). Обе – Институт психологии РАН, Москва, Россия.

Аннотация. Рассматриваются представления в социологии и психологии о субъективном благополучии, проводится его сопоставление с субъективным качеством жизни и психологическим благополучием, обсуждается проблема их взаимосвязи с социальным сравнением. Показано, что особый интерес представляет изучение этой взаимосвязи в социальных сетях. При этом особое значение приобретает анализ исследований влияния «восходящего» и «нисходящего» онлайн-сравнения на уровень субъективного и психологического благополучия, а также промежуточных переменных, опосредующих это влияние.

Ключевые слова: субъективное благополучие • психологическое благополучие • субъективное качество жизни • социальное сравнение • социальные сети

DOI: 10.31857/S013216250023036-2

Введение. На протяжении последних десятилетий субъективное благополучие (СБ) изучается на стыке социальной психологии, социологии, экономики, философии, геронтологии. Существует множество подходов к исследованию и пониманию СБ, поиск его эмпирических индикаторов стал одной из центральных задач социологии [Троцук, Королева, 2020]. Выделяются ценности, определяющие его ядро, полупериферию и периферию [Шилова, 2020]; предложена типологизация и «целевой показатель субъективного благополучия» [Татарова, Кученкова, 2016]; изучается влияние на него значимых жизненных событий, ключевых социально-демографических и культурных факторов, этногрупповых ценностей (напр., см.: [Лысухо, 2020; Кученкова, Татарова, 2019; и др.]).

В каждой из дисциплин, изучающих СБ, выбирается соответствующий исследовательский ракурс и принимается определенное понимание его содержания. Суть социологического анализа благополучия составляют субъективные оценки качества жизни в связи с важностью изучения представлений людей о здоровье, доходах и жизни в контексте анализа групповых процессов (см., напр., спецномер журнала «Мониторинг общественного мнения» с вводной статьей [Алмакаева, Гашенина, 2020]). В результате мы имеем дело с палитрой интерпретаций смысла субъективного благополучия и с разными представлениями о его взаимосвязи с близкими по значению понятиями (напр., см.: [Савченко, Головина, 2019]), что, в свою очередь, связано с многообразием направлений его

эмпирических исследований. Среди таких исследований особый интерес представляют, с нашей точки зрения, те, которые проводятся в последние два десятилетия и касаются взаимосвязи СБ и социального сравнения (напр., [Carrieri, 2012; Kleinke, Miller, 1998]).

В статье сопоставляются представления о СБ через смежные понятия – субъективное качество жизни и психологическое благополучие. Анализируются некоторые закономерности влияния на СБ социального сравнения, реализуемого, в частности, в контексте социальных сетей.

Субъективное благополучие: обзор смежных понятий. Понятие СБ отражает оценку качества жизни человека с его собственной точки зрения [Diener et al., 2018: 1]. По мнению К. Рифф, СБ – интегральный многомерный конструкт, по которому можно судить о положительном функционировании личности [Ryff, 1989]. Наиболее дискуссионным является, с нашей точки зрения, вопрос о его составляющих.

Согласно общему представлению, в СБ два главных когнитивных компонента: воспринимаемый уровень жизни, который отражает удовлетворение материальным доходом, и удовлетворенность жизнью, которая «относится к оценке людьми условий их жизни и является ключевым показателем субъективного благополучия» [McCardle, Speck, 2019: 70].

Существует более дифференцированное представление о СБ как конструкте, в составе которого выделяют: 1) глобальную удовлетворенность жизнью, в частности желание изменить свою жизнь, удовлетворенность текущей жизнью, ее прошлыми этапами и жизненными перспективами; 2) удовлетворенность конкретными сферами жизни (работой, семьей, досугом, здоровьем, финансовым положением, самим собой и группой, к которой принадлежит человек); 3) аффективные состояния людей (положительные – радость, экзальтация, гордость удовлетворенности, привязанность, счастье, экстаз, и отрицательные – чувство вины и стыда, печаль, тревога и беспокойство, гнев, стресс, депрессия, зависть) [Diener et al., 1999; Pavot, 2018].

Наиболее широкое представление о СБ [Gerson et al., 2016] подразумевает включение в него эвдемонии (eudaimonia), состоящей как из субъективного переживания чувства самовыражения, так и объективных компонентов, касающихся видов поведения, связанных с достижением целей самореализации, сопровождающейся развитием личного потенциала и реализацией этого потенциала способами, придающими смысл жизни [Waterman et al., 2010]. По мнению К. Шелдона [Sheldon, 2016], предложившего иерархическую динамическую модель СБ, эвдемонии стоит рассматривать не как его компонент, а как предиктор, активную, порождающую переживания СБ. В модели эвдемонической активности С. Любомирски и К. Шелдона, получившей название «модель пирога», выделены три группы факторов, определяющих индивидуальные различия в оценке людьми их собственного СБ, отождествляемого авторами со счастьем: 1) внешние факторы (условия), не зависящие от людей; 2) факторы, связанные с устойчивыми характеристиками личности; 3) цели, которые люди ставят и достигают, а также отношения, которые они выстраивают с другими людьми [Sheldon, Lyubomirsky, 2019].

Одним из понятий, часто соотносимых или рассматриваемых во взаимосвязи с СБ, и прежде всего в социологических исследованиях, является измеряемое на объективном и субъективном уровнях *качество жизни* (КЖ). КЖ выражает целостность человеческого бытия, а степень зрелости общества определяется тем, насколько качество жизни становится определяющим фактором развития [Субетто, 2004]. В качестве одного из показателей КЖ предложен индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП), характеризующий один из аспектов жизнедеятельности людей: формирование человеческого потенциала (повышение уровня здоровья, приобретение знаний и навыков) [Зараковский, 2009]. В структуре КЖ выделяют субъективное экономическое благополучие, субъективное психологическое благополучие и др.

Субъективный аспект качества жизни или «субъективное качество жизни» (СКЖ) рассматривается некоторыми авторами как синоним СБ. СКЖ – это многомерный конструкт, его смыслообразующая функция заключается в том, что он имеет для личности

ценностное значение, придает смысл и определяет цели будущего развития и жизнедеятельности. Субъективная оценка КЖ включает аффективный, когнитивный и ценностно-побудительный компоненты психики [Папура, 2014]. Основными оценочными показателями субъективного КЖ являются «счастье» (аффективный компонент качества жизни) и «удовлетворенность жизнью» (когнитивный компонент) [Давыдова, Давыдов, 1993]. Т.Н. Савченко и Г.М. Головина рассматривают СКЖ как интегральный конструкт и один из компонентов КЖ, описываемый системой объективных и субъективных показателей: качество природной среды, качество социальной среды и субъективное КЖ [Савченко, Головина, 2019]. СКЖ определяется как отношение человека к наиболее значимым и важным в данный момент аспектам его жизнедеятельности.

Понятие СБ соотносится с понятием *психологическое благополучие (ПБ)*, введенным Н. Брэдберном для обозначения «субъективного ощущения счастья и общей удовлетворенности жизнью» [Bradburn, 1969]. ПБ – баланс позитивных и негативных эмоций, его важный компонент – устойчивые межличностные отношения и возможности общения. ПБ обычно операционализируется понятиями самооценка, выраженность депрессивных состояний, удовлетворенность, психическое здоровье и т.д. [Hanna et al., 2017; Ranzijn, Luszcz, 2000]. В нем выделяют шесть основных размерностей: автономия; экологическое мастерство (способность человека выбирать или создавать среду, подходящую для его психических состояний); личностный рост; позитивные отношения с людьми; наличие цели в жизни; принятие себя [Ryff, 1989]. Некоторые авторы считают ядром ПБ положительный и отрицательный аффект [Ranzijn, Luszcz, 2000], другие отождествляют его с эвдемонией [Diener et al., 2018].

В научной литературе нет общепринятого понимания того, как именно соотносятся СБ и ПБ. Ряд авторов рассматривают ПБ как компонент СБ [Бенко, 2016; Куликов, 2000], другие утверждают, что второе составляет часть первого [Ширяева, 2008; Ryff, 1989], третьи отождествляют эти понятия [Шевеленкова, Фесенко, 2005]. Полагаем, что оба термина используются для обозначения субъективного аспекта КЖ. ПБ сходно по значению с СБ и СКЖ, но включает некоторые специфичные конструкты, например психическое здоровье и образ своего тела. Что касается изучения социального сравнения как фактора формирования данных конструктов, в эмпирических исследованиях чаще всего фигурируют СБ и ПБ, понимаемые идентичным образом и нередко измеряемые идентичными инструментами.

Влияние социального сравнения в социальных сетях на субъективное/психологическое благополучие. Социальное сравнение, понимаемое как соотнесение себя с реальными или воображаемыми людьми, – один из важных источников формирования представления о себе. Согласно классической теории социального сравнения [Festinger, 1954], у человека есть потребность в оценке собственных мнений и способностей, и при отсутствии объективных способов такой оценки он прибегает к сравнению себя с другими людьми.

В контексте проблематики СБ особый смысл приобретают такие понятия, как «восходящее» и «нисходящее» сравнение. Применительно к оценке человеком собственных способностей, Л. Фестингер сформулировал представление о так называемом однонаправленном стремлении вверх: человек, руководствуясь общим принципом сравнения себя с людьми, имеющими сходный уровень оцениваемой способности, выбирает для сопоставления с собой тех, чей уровень несколько выше его собственного. В дальнейших исследованиях однонаправленное сравнение с кем-то, кто лучше по определенным параметрам, было обозначено как «восходящее» сравнение.

Что касается «нисходящего» сравнения с кем-то, кто хуже по некоему параметру, оно, согласно одноименной теории [Wills, 1981], может позволить улучшить собственное СБ. При этом, чем хуже показатели по некоему параметру у референта сравнения (человека, с кем осуществляется сравнение) и у сравнивающего субъекта, тем более существенным будет казаться последнему его реальное преимущество в плане собственного благополучия. Однако эта теория содержит уточнения. Если позиция референта сравнения слишком

плоха, результатом сравнения с ней будет не улучшение субъективного представления о собственном благополучии, а эмпатия. Если сравнивающий субъект понимает, что велика вероятность того, что он станет в будущем таким, как тот человек, который находится по сравнению с ним в худшей ситуации, его представление о собственном благополучии изменится в худшую сторону. Наконец, в теории присутствует принцип амбивалентности, согласно которому люди при необходимости улучшения представления о себе прибегают не только к «нисходящему», но и к «восходящему» сравнению [Wills, Suls, 1991]. Этот принцип получил подтверждение в современных эмпирических исследованиях, в которых, кроме того, показано, что для СБ важны не только направленность социального сравнения, но и степень близости по социальному статусу или доходу референта сравнения и осуществляющего это сравнение субъекта (напр., [Barcena-Martin, 2017; Kraus, 2018]), а также особенности контекста осуществления социального сравнения.

Одним из таких контекстов являются социальные сети, которые предоставляют людям возможности взаимодействовать и получать информацию друг о друге, и, соответственно, сравнивать себя с другим по уровню благополучия, статусу, достижениям и т.д. (напр., [Haferkamp, Krämer, 2011; Sabatini, Sarracino, 2018]). При этом социальные сети чаще представляют собой контекст «восходящего» сравнения [Wang et al., 2017], так как содержат идеализированную информацию, от которой пользователи не всегда могут отстраниться, и, соответственно, оценивают себя негативно по сравнению с другими. «Восходящее» сравнение зачастую приводит к снижению СБ, порождает такие коррелирующие с СБ феномены, как ревность, зависть, депрессия, беспокойство, негативное восприятие собственной привлекательности и своего тела. Социальное сравнение в социальных сетях иногда сопровождается возникновением у пользователей ощущения отсутствия у себя положительных моментов, наблюдаемых у других (the fear of missing out, FoMO) [Przybylski et al., 2013]. Ключевым элементом этого феномена считается зависть.

Важно также, что человек, сравнивая себя с другими пользователями онлайн-платформ, может делать разные выводы и, соответственно, переживать различные эмоции, что, в свою очередь, может влиять на его СБ и ПБ [Batenburg, Das, 2015]. Это положение соответствует разработанной Б.П. Буунком модели дихотомического сравнения [Buunk, Ybema, 1997], согласно которой социальное сравнение служит основой формирования самооценки и уровня СБ. В соответствии с такой моделью, как в результате «восходящего», так и в результате «нисходящего» сравнения у человека может возникать либо идентификация (ощущение близости или похожести), либо контраст (ощущение различия) в отношении того, с кем он себя сравнивает. Эмоциональный эффект как восходящего, так и нисходящего сравнения может быть различным в зависимости от того, как человек использует информацию сравнительного плана [Buunk et al., 1990]. То есть, совершая «восходящее» сравнение и получая информацию о том, что кто-то лучше, чем он, человек может сделать, в зависимости от личностных особенностей или обстоятельств, вывод, что он не так хорош, как тот, с кем он себя сравнивает (ощущение контраста с ним), и испытывать отрицательные эмоции, либо, что он может стать лучше, наподобие того, с кем он себя сравнивает (ощущение идентификации с ним), и испытывать положительный настрой. И наоборот, при «нисходящем» сравнении себя с кем-то, кто хуже, человек также может сделать вывод о том, что он в лучшей позиции, чем другой (ощущение контраста с ним), и испытывать положительный настрой, или же вывод о том, что он может оказаться в худшей позиции, аналогичной той, в которой находится человек, с которым он себя сравнивает (ощущение идентификации с ним), и испытывать отрицательные эмоции.

Положения модели представляются нам релевантными для исследования того, какое влияние на уровень СБ и ПБ оказывает сравнение, осуществляемое в социальных сетях, в контексте которых СБ и ПБ исследуются во взаимосвязи и с общей ориентированностью на социальное сравнение, и с его определенным направлением («восходящим»/«нисходящим»).

В современных работах показано, что взаимосвязь между выраженностью социального сравнения и СБ может быть не прямой [Wang et al., 2017]. Примерами могут служить два исследования, объединяемые идеей о том, что влияние социального сравнения в Facebook¹ на СБ и ПБ может различаться в зависимости от направления сравнения (восходящего или нисходящего) и сопряженных феноменов идентификации и контраста, а в качестве промежуточной переменной данного влияния может выступать эмоциональное состояние, возникающее у человека в отношении пользователей социальных сетей. В одном из них, проведенном на американских подростках, использующих Facebook [Kang et al., 2013], в качестве показателей СБ оценивались уровень удовлетворенности жизнью, склонность к депрессивным состояниям и субъективные оценки собственной социальной значимости (собственной внешности и степени принятия себя социальной группой). Выраженность «восходящей» и «нисходящей» форм сравнения, приводящих к феноменам идентификации и контраста, оценивалась с помощью шкалы, адаптированной к социальному сравнению в Facebook. Согласно иерархическому линейному регрессионному анализу, положительным предиктором выраженности депрессивного состояния оказалась склонность к «восходящему» сравнению, сопряженному с переживанием «контраста», и к «нисходящему» сравнению, сопряженному с «идентификацией», а отрицательным предиктором – «восходящее» сравнение, сопряженное с идентификацией. Выраженность «нисходящего» сравнения, сопряженного с идентификацией, выступала в качестве положительного предиктора величины субъективной оценки собственной социальной значимости. В качестве положительного предиктора удовлетворенности жизнью выступала выраженность «восходящего» сравнения, сопряженного с идентификацией, а в качестве отрицательного предиктора – выраженность «восходящего» сравнения, сопряженного с контрастом, и «нисходящего» сравнения, сопряженного с идентификацией. Для подростков, имеющих низкую субъективную оценку собственной социальной значимости и склонность к более интенсивному использованию Facebook, была характерна меньшая склонность к депрессии и большая удовлетворенность жизнью. Таким образом, было показано, что СБ подростков может зависеть от того, как они сравнивают себя с другими людьми в Facebook.

Второе исследование, проведенное с участием корейских пользователей Facebook, касалось анализа взаимосвязи ПБ, оцениваемого по шкале удовлетворенности жизнью, с выраженностью ориентированности на сравнение мнений и способностей при учете такой переменной, как эмоциональное состояние пользователей социальной сети [Park, Baek, 2018]. Исходя из предложенной Р. Смитом классификации эмоций, вызываемых социальным сравнением [Smith, 2000], анализировались эмоции, которые возникают при «восходящем» социальном сравнении, – контрастные (например, зависть и депрессивность) и ассимилятивные (например, оптимизм и воодушевление), а также эмоции, возникающие при соответствующем «нисходящем» сравнении, – контрастные (например, гордость и злорадство) и ассимилятивные (например, беспокойство и сочувствие). Показано, что на ПБ косвенно влияла ориентированность пользователей социальных сетей на социальное сравнение способностей или мнений. Это влияние было опосредовано четырьмя видами эмоций, вызываемых социальным сравнением. С увеличением ориентированности пользователей Facebook на сравнение способностей их ПБ снижалось в случаях, когда у них возникали характерные для «восходящего» сравнения эмоции депрессивности и зависти, и повышалось при возникновении характерных для «нисходящего» сравнения эмоций беспокойства и сочувствия. И наоборот, с увеличением ориентированности пользователей Facebook на сравнение мнений их ПБ увеличивалось при большей выраженности возникающих при «восходящем» сравнении эмоций оптимизма и воодушевленности или меньшей выраженности возникающих при «нисходящем» сравнении переживаний депрессии или зависти. То есть влияние социального сравнения на ПБ пользователей социальных сетей оказывалось

¹ Facebook – продукт группы Meta, деятельность которой запрещена на территории РФ.

положительным или отрицательным в зависимости от того, была ли у них более выражена ориентированность на сравнение мнений или ориентированность на сравнение способностей, а также в зависимости от того, какие эмоции возникали у них при сравнении себя с другими пользователями Facebook.

В качестве другой переменной, опосредующей взаимосвязь между выраженностью социального сравнения и уровнем СБ, могут выступать индивидуально-психологические характеристики. Так, в исследовании [Gerson et al., 2016] изучалась взаимосвязь между особенностями социального сравнения в Facebook (выраженность положительного и отрицательного восприятия себя по сравнению с другими пользователями сети), интенсивностью использования этой социальной сети и СБ, под которым понимались и удовлетворенность жизнью, и эвдемония. Индивидуально-психологические характеристики, изучавшиеся в качестве переменной, опосредующей эту взаимосвязь, касались выраженности «наступательного» поведения, торможения поведения и поведения избегания опасности. Были обнаружены отрицательные взаимосвязи между степенью отрицательного восприятия себя в сравнении с другими пользователями Facebook, с одной стороны, и удовлетворенностью жизнью и эвдемонией – с другой. При этом интенсивность использования Facebook (количество друзей и время, проводимое в Facebook) оказалась положительно связанной с обоими показателями СБ. Кроме того, у респондентов, характеризующихся более «наступательным» поведением (настойчивым стремлением к цели, потенциально связанной с наградой), отмечена положительная взаимосвязь между социальным сравнением в Facebook и эвдемонией.

В качестве еще одной личностной характеристики, изучаемой во взаимосвязи с онлайн-сравнением и СБ и ПБ, выступает возникающее у человека чувство упускаемых возможностей, имеющихся у других людей. Показано, что люди, у которых сильно выражено это чувство, ощущают постоянную потребность получать информацию о том, что происходит с другими, склонны чаще использовать социальные сети и при этом имеют более низкий уровень ПБ. Так, например, в недавнем исследовании [Reer et al., 2019] немецких пользователей социальных сетей изучалась связь между выраженностью чувства упускаемых возможностей, ПБ (выраженность чувства одиночества, депрессии и тревоги), ориентированностью на социальное сравнение и интенсивностью использования социальных сетей. Ориентированность на социальное сравнение оказалась важным предиктором чувства упускаемых возможностей и опосредовала его связь с психосоциальным благополучием. Согласно авторам исследования, люди с более высокой склонностью к социальному сравнению, возможно, чаще сталкиваются с приукрашенной информацией, которую другие выкладывают о себе в сетях, и, следовательно, чаще делают вывод о том, что у других дела идут лучше.

Интересны исследования, в которых показано, что социальное сравнение встраивается в качестве дополнительного фактора во взаимосвязь между интенсивностью использования социальных сетей и уровнем СБ и ПБ их пользователей. В одном из них [Wang et al., 2017] изучалась взаимосвязь выраженности у китайских пользователей социальных сетей Qzone и WeChat «восходящего» социального сравнения, ориентированности на социальное сравнение, степени СБ, уровня самооценки и интенсивность пассивного использования социальных сетей. Было показано, что «восходящее» сравнение и самооценка опосредуют взаимосвязь между использованием сайта социальной сети и СБ пользователей. Ориентированность на социальное сравнение опосредовала взаимосвязь между пассивным использованием сайта и «восходящим» социальным сравнением пользователей. «Восходящее» сравнение оказалось положительно связанным с «хвастливой» информацией в социальных сетях, что, в свою очередь, связано с низким уровнем удовлетворенности жизнью.

Другим примером является изучение [Hanna, 2017] того, как ориентированность на социальное сравнение опосредует взаимосвязь между частотой использования Facebook и тремя составляющими ПБ: самооценкой, психическим здоровьем и самообъективацией (объективированным телесным сознанием). Частота использования Facebook оказалась

связанной с более выраженной ориентированностью на социальное сравнение и самообъективацией, что, в свою очередь, связано с более низкой самооценкой, ухудшением психического здоровья и большим чувством стыда за собственное тело. Таким образом, самообъективация и ориентированность на социальное сравнение опосредовали связь между использованием Facebook и всеми тремя показателями ПБ.

Закключение. Обобщая вышесказанное, можно констатировать, что в психологии и социологии понятие СБ используется в широком смысле и в одних случаях включает в себя, наряду с воспринимаемым уровнем жизни и удовлетворенностью жизнью, такие конструкты, как эмоциональное состояние и эвдемония, а в других рассматривает последние только как его предикторы.

СБ ближе всего по смысловому содержанию к ПБ и СКЖ. ПБ, более сфокусированное на аспектах психического здоровья, может рассматриваться как синоним, как компонент и как более общее по отношению к СБ понятие. СКЖ используется в качестве синонима СБ в случаях, когда последнее понимается в широком смысле, как многомерный конструкт, состоящий не только из когнитивного, но и из аффективного компонентов.

К настоящему времени мало исследований собственно влияния социального сравнения на СБ и, в частности, в контексте социальных сетей. Вопрос о характере взаимосвязей СБ и социального сравнения в социальных сетях еще не получил однозначного решения. При этом можно сделать несколько выводов. Во-первых, влияние склонности к социальному сравнению на уровень СБ пользователей социальных сетей зависит от того, касается ли такое сравнение мнений или способностей. Этот факт, как нам кажется, подтверждает идею Фестингера о разных закономерностях в отношении сравнения способностей и мнений. Во-вторых, СБ по-разному взаимосвязано с «восходящим» и «нисходящим» сравнением и сопряженными феноменами идентификации и контраста, отмечаемыми у человека в отношении тех, с кем он себя сравнивает. В-третьих, влияние склонности к социальному сравнению в социальных сетях на СБ и ПБ может быть не прямым. Примером опосредующих переменных являются эмоциональные состояния у человека в процессе сравнения себя с пользователями социальных сетей, а также некоторые его личностные черты, например склонность переживать чувство упускаемых возможностей, ключевым элементом которого является зависть, или индивидуально-психологические характеристики, выделяемые в соответствии с нейрофизиологическими системами. В-четвертых, социальное сравнение может само встраиваться в качестве дополнительного фактора во взаимосвязь между интенсивностью использования социальных сетей и уровнем СБ и ПБ их пользователей.

Стоит отметить, что перспектива аналитического исследования данной проблематики может касаться сопоставительного анализа разных методических подходов к оценке СБ и социального сравнения. Это может быть связано с изучением соответствующих закономерностей применительно к широкому кругу сайтов и социальных сетей, с проведением лонгитюдных исследований, а также с более широким вовлечением участников разных возрастных и социальных категорий, что делает данную тематику актуальной для психологии и социологии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алмакаева А.М., Гашенина Н.В. Субъективное благополучие: концептуализация, измерение и российская специфика // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2020. No. 1. С. 4–13. DOI: 10.14515/monitoring.2020.1.01.
- Бенко Е.В. Психодиагностика структуры субъективного благополучия // Интернет-журнал «Мир науки». 2016. Т. 4. № 4. URL: <http://mir-nauki.com/PDF/03PSMN416.pdf>
- Давыдова Е.Е., Давыдова А.А. Измерение качества жизни. М.: РАН, Институт социологии, 1993.
- Зараковский Т.М. Качество жизни населения России: психологические составляющие. М.: Смысл, 2009.
- Куликов К.В. Здоровье и субъективное благополучие личности // Психология здоровья / Под ред. Г.С. Никифорова. СПб.: СПбГУ, 2000. С. 405–442.

- Кученкова А.В., Татарова Г.Г. «Этап жизненного цикла» как детерминанта субъективного благополучия личности // Социологические исследования. 2019. № 8. С. 30–43.
- Лысухо А.С. Обзор российских исследований по теме «социальное благополучие»: основные исследования и результаты // ИНАБ Информационно-аналитический бюллетень: Субъективное и объективное благополучие в современном российском обществе: результаты эмпирического исследования. 2020. № 1. С. 7–18.
- Папура А.А. Категория «качество жизни» в психологических исследованиях // Прикладная психология и психоанализ: электрон. науч. журн. 2014. № 3. С. 3.
- Савченко Т.Н., Головина Г.Н. Субъективное качество жизни: подходы, измерение // Разработка понятий в современной психологии. Т. 2 / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко, Н.Е. Харламенкова, Г.А. Виленская. М.: Институт психологии РАН, 2019. С. 595–614.
- Субетто А.И. Качество жизни: грани проблемы. СПб.– Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2004.
- Татарова Г.Г., Кученкова А.В. Показатели субъективного благополучия как типобразующие признаки // Социологические исследования. 2016. № 10. С. 21–32.
- Троцук И.В., Королева К.И. Субъективное благополучие – качество жизни или счастье? // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. № 9. С. 57–62.
- Шевеленкова Т.Д., Фесенко П.П. Психологическое благополучие личности (обзор основных концепций и методик исследования) // Психологическая диагностика. 2005. № 3. С. 95–129.
- Шилова В.А. Субъективное благополучие в понимании россиян: оценки уровня, связь с другими показателями, субъективные характеристики и модели // ИНАБ. Информационно-аналитический бюллетень: Субъективное и объективное благополучие в современном российском обществе: результаты эмпирического исследования. 2020. № 1. С. 18–39.
- Ширяева О.С. Психологическое благополучие личности в экстремальных условиях жизнедеятельности: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Хабаровск: КамГУ им. В. Беринга, 2008.
- Bárcena-Martín E., Cortés-Aguilar A., Moro-Egido A.I. Social Comparisons on Subjective Well-Being: The Role of Social and Cultural Capital // J. Happiness Stud. 2017. Vol. 18. No. 4. P. 1121–1145.
- Batenburg A., Das E. Virtual support communities and psychological well-being: The role of optimistic and pessimistic social comparison strategies // Journal of Computer-Mediated Communication. 2015. Vol. 20. No. 6. P. 585–600. DOI: 10.1111/jcc4.12131.
- Bradburn N.M. The structure of psychological well-being. Chicago, 1969.
- Carrieri V. Social Comparison and Subjective Well-Being: Does the Health of Others Matter? // Bulletin of economic research. 2012. Vol. 64. No. 1. P. 31–55.
- Buunk B.P., Collins R.L., Taylor S.E., van Yperen N.W., Dakof G.A. The affective consequences of social comparison: either direction has its ups and downs // Journal of personality and social psychology. 1990. Vol. 59. No. 6. P. 1238–1249.
- Buunk B.P., Ybema J.F. Social comparisons and occupational stress: The identification-contrast model // Health, coping, and well-being: Perspectives from social comparison theory. 1997. P. 359–388.
- Diener E., Suh E.M., Lucas R.E., Smith H.L. Subjective well-being: Three decades of progress // Psychological Bulletin. 1999. Vol. 125. No. 2. P. 276–302.
- Diener E., Lucas R.E., Oishi S. Advances and Open Questions in the Science of Subjective Well-Being // Collabra. Psychology. 2018. Vol. 4. No. 1. P. 15. DOI: 10.1525/collabra.115.
- Festinger L. A Theory of social comparison processes // Human relations. 1954. Vol. 7. No. 2. P. 117–140.
- Gerson J., Plagnol A.C., Corr Ph.J. Subjective well-being and social media use: Do personality traits moderate the impact of social comparison on Facebook? // Computers in Human Behavior. 2016. Vol. 63. P. 813–822.
- Hanna E., Ward L.M., Seabrook R.C., Jerald M., Reed L., Giaccardi S., Lippman J.R. Contributions of social comparison and self-objectification in mediating associations between Facebook use and emergent adults' psychological well-being // Cyberpsychology, Behavior, and Social networking. 2017. Vol. 20. No. 3.
- Haferkamp N., Krämer N.C. Social comparison 2.0: Examining the effects of online profiles on social networking sites // Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking. 2011. Vol. 14. No. 5. P. 309–314.
- Kang S., Chung W.J., Mora A.R., Chung Y.K. Facebook comparisons among adolescents: How do identification and contrast relate to wellbeing? // Asian Journal of Information and Communications. 2013. Vol. 5. No. 2. P. 1–21.
- Kleinke C.L., Miller W.F. How comparing oneself favorably with others relates to well-being // Journal of Social and Clinical Psychology. 1998. Vol. 17. No. 1. P. 107–123.
- Kraus M.W. Beggars do not envy millionaires: Social comparison, socioeconomic status, and subjective well-being // Handbook of well-being / Ed. by E. Diener, S. Oishi, L. Tay. Salt Lake City, UT: DEF Publishers. 2018. P. 1–10.

- McCardle J.G., Speck S.A. Comparative Study of Social Comparison, Materialism, and Subjective Well-Being in the US., China, Croatia, and India // *Journal of Business Diversity*. 2019. Vol. 19. No. 5. P. 68–87. DOI: 10.33423/jbd.v19i5.2646.
- Park S.Y., Baek Y.M. Two faces of social comparison on Facebook: The interplay between social comparison orientation, emotions, and psychological well-being // *Computers in Human Behavior*. 2018. Vol. 79. P. 83–93.
- Pavot W. The cornerstone of research on subjective well-being: Valid assessment methodology // *Handbook of well-being* / Ed. by E. Diener, S. Oishi, L. Tay. Salt Lake City, UT: DEF Publishers. 2018. P. 1–11. DOI: nobascholar.com.
- Przybylski A.K., Murayama K., De Haan C.R., et al. Motivational, emotional, and behavioral correlates of fear of missing out // *Computers in Human Behavior*. 2013. Vol. 29. No. 4: 1841–1848. DOI: 10.1016/j.chb.2013.02.014.
- Ranzijn R., Luszcz M. Measurement of subjective quality of life of elders // *The International Journal of Aging and Human Development*. 2000. Vol. 50. No. 4. P. 263–278.
- Reer F., Tang W.Y., Quandt Th. Psychosocial well-being and social media engagement: The mediating roles of social comparison orientation and fear of missing out // *New Media & Society*. 2019. Vol. 21. No. 7. P. 1486–1505.
- Ryff C.D. Happiness is everything, or is it? Explorations on the meaning of psychological well-being // *Journal of personality and social psychology*. 1989. Vol. 57. No. 6. P. 1069–1081. DOI: 10.1037/0022-3514.57.6.1069.
- Sabatini F., Sarracino F. Keeping up with the e-Joneses: Do online social networks raise social comparisons? // *Economics Discussion Papers*. 2018. No. 43. P. 1–25.
- Sheldon K. Putting Eudaimonia in its Place: On the Predictor, Not the Outcome, Side of the Equation // *Handbook of Eudaimonic Well-Being* / Ed. by J. Vittersø. Cham: Springer, 2016. P. 531–541.
- Sheldon K., Lyubomirsky S. Revisiting the Sustainable Happiness Model and Pie Chart: Can Happiness Be Successfully Pursued? // *The Journal of Positive Psychology*. 2019. P. 1–10.
- Smith R.H. Assimilative and contrastive emotional reactions to upward and downward social comparisons // *Handbook of social comparison* / Ed. by J. Suls, L. Wheeler. New York: Plenum. 2000. P. 173–200.
- Wang J.L., Wang H.Z., Gaskin J., Hawk S. The Mediating Roles of Upward Social Comparison and Self-esteem and the Moderating Role of Social Comparison Orientation in the Association between Social Networking Site Usage and Subjective Well-Being // *Frontiers in Psychology*. 2017. Vol. 8. P. 1–9.
- Waterman A.S., Schwartz S.J., Zamboanga B.L., Ravert R.D., Williams M.K., Bede Agocha V., Brent Donnellan M. The questionnaire for eudaimonic wellbeing: Psychometric properties, demographic comparisons, and evidence of validity // *The Journal of Positive Psychology*. 2010. Vol. 5. No. 1. P. 41–61.
- Wills T.A. Downward comparison principles in social psychology // *Psychological Bulletin* 1981. Vol. 90. P. 245–271.
- Wills A., Suls J. Commentary: Neo-social comparison theory and beyond. Social comparison // *Contemporary theory and research* / Ed. by J. Suls, A. Wills. New York: Lawrence Erlbaum, 1991. P. 395–410.

Статья поступила: 21.06.21. Финальная версия: 22.08.22. Принята к публикации: 13.10.22.

SOCIAL COMPARISON AS A FACTOR OF SUBJECTIVE WELL-BEING

SAVCHENKO T.N.*, SAMOYLENKO E.S.*

* Institute of Psychology of RAS, Russia

Tatyana N. SAVCHENKO, Cand. Sci. (Psychol.), Leading Researcher, Institute of Psychology of RAS, Moscow, Russia (SavchenkoTN@ipran.ru); Elena S. SAMOYLENKO, Dr. Sci. (Psychol.), Head of the laboratory, Institute of Psychology of RAS, Moscow, Russia (SamoylenkoES@ipran.ru).

Acknowledgements. This research was carried out in accordance with the State Task No. 0138-2022-0007.

Abstract. The ideas of subjective well-being in sociology and psychology are discussed, and its comparison with such close concepts as subjective quality of life and psychological well-being is carried out. It is shown that of particular interest is the study of this relationship in the context of social comparison in social networks, which provide their users with a variety of opportunities to exchange information about each other. At the same time, the analysis of studies of the influence of "upward" and "downward" online comparison on the level of subjective and psychological well-being, as well as intermediate variables mediating this influence, is of particular importance.

Keywords: subjective well-being, psychological well-being, subjective quality of life, social comparison.

REFERENCES

- Almakaeva A.M., Gashenina N.V. (2020) Subjective WellBeing: Conceptualization, Assessment and Russian Specifics. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i social'nye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]. No. 1: 4–13. DOI: 10.14515/monitoring.2020.1.01. (In Russ.)
- Bárcena-Martín E., Cortés-Aguilar A., Moro-Egido A.I. Social comparisons on Subjective Well-Being: The Role of Social and Cultural Capital // *J. Happiness Stud.* 2017. Vol. 18. No. 4. P. 1121–1145.
- Batenburg A., Das E. (2015) Virtual support communities and psychological well-being: The role of optimistic and pessimistic social comparison strategies. *Journal of Computer-Mediated Communication*. Vol. 20. No. 6: 585–600. DOI: 10.1111/jcc4.12131.
- Benko E.V. (2016) Psychodiagnostics of the structure of subjective well-being. In: *Online magazine "World of Science"*. Vol. 4. No. 4. <http://mir-nauki.com/PDF/03PSMN416.pdf> (In Russ.)
- Bradburn N.M. (1969) *The structure of psychological Well-being*. Chicago: Aldine.
- Buunk B.P., Collins R.L., Taylor S.E., VanYperen N.W., Dakof G.A. (1990) The affective consequences of social comparison: either direction has its ups and downs. *Journal of personality and social psychology*. Vol. 59. No. 6: 1238.
- Buunk B.P., Ybema J.F. (1997) Social comparisons and occupational stress: The identification-contrast model. In: *Health, coping, and well-being: Perspectives from social comparison theory*: 359–388.
- Carrieri V. (2012) Social Comparison and Subjective Well-Being: Does the Health of Others Matter? *Bulletin of economic research*. Vol. 64. No. 1: 31–55.
- Davydova E.E., Davydova A.A. (1993) *Measuring the quality of life*. Moscow: RAS, Institute of Sociology. (In Russ.)
- Diener E., Lucas R.E., Oishi S. (2018) Advances and Open Questions in the Science of Subjective Well-Being. *Collabra. Psychology*. Vol. 4. No. 1: 15. DOI: 10.1525/collabra.115.
- Diener E., Suh E.M., Lucas R.E., Smith H.L. (1999) Subjective well-being: Three decades of progress. *Psychological Bulletin*. Vol. 125. No. 2: 276–302. DOI: 10.1037//0033-2909.125.2.276.
- Festinger L.A. (1954) Theory of social comparison processes. *Human relations*. Vol. 7. No. 2: 117–140. DOI: 10.1177/001872675400700202.
- Gerson J., Plagnol A.C., Philip J. Corr. (2016) Subjective well-being and social media use: Do personality traits moderate the impact of social comparison on Facebook? *Computers in Human Behavior*. Vol. 63: 813–822. DOI: 10.1016/j.chb.2016.06.023.
- Haferkamp N., Krämer N.C. (2011) Social comparison 2.0: Examining the effects of online profiles on social networking sites. *Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking*. Vol. 14. No. 5: 309–314. DOI: 10.1089/cyber.2010.0120.

- Hanna E., Ward L.M., Seabrook R.C., Jerald M., Reed L., Giaccardi S., Lippman J.R. (2017) Contributions of social comparison and self-objectification in mediating associations between Facebook use and emergent adults' psychological well-being. *Cyberpsychology, Behavior, and Social networking*. Vol. 20. No. 3. DOI: 10.1089/cyber.2016.0247.
- Kang S., Chung W.J., Mora A.R., Chung Y.K. (2013) Facebook comparisons among adolescents: How do identification and contrast relate to wellbeing? *Asian Journal of Information and Communications*. Vol. 5. No. 2: 1–21.
- Kleinke C.L., Miller W.F. (1998) How comparing oneself favorably with others relates to well-being. *Journal of Social and Clinical Psychology*. Vol. 17. No. 1: 107–123. DOI: 10.1521/jscp.1998.17.1.107.
- Kraus M.W. (2018) Beggars do not envy millionaires: Social comparison, socioeconomic status, and subjective well-being. In: *Handbook of well-being* / Ed. by E. Diener, S. Oishi, L. Tay. Salt Lake City, UT: DEF Publishers: 1–10.
- Kuchenkova A.V., Tatarova G.G. (2019) "The stage of the life cycle" as a determinant of the subjective well-being of the individual. *Sotsiologicheskie Issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 8: 30–43. DOI: 10.31857/S013216250006135-1. (In Russ.)
- Kulikov K.V. (2000) Health and subjective well-being of the individual. In: *Health Psychology* / Ed. G.S. Nikiforov. St. Petersburg: St. Petersburg State University: 405–442. (In Russ.)
- Lysukho A.S. (2020) Review of Russian research on the topic "Social well-being": basic research and results. In: *INAB. Information and Analytical Bulletin: Subjective and objective well-being in modern Russian society: results of an empirical study*. No. 1: 7–18. (In Russ.)
- McCardle J.G., Speck S.A. (2019) Comparative Study of Social Comparison, Materialism, and Subjective Well-Being in the U. S., China, Croatia, and India. *Journal of Business Diversity*. Vol. 19. No. 5: 68–87. DOI: 10.33423/jbd.v19i5.2646.
- Papura A.A. (2014) Category "quality of life" in psychological research. In: *Applied psychology and psychoanalysis: electron. Scientific journal*. No. 3. URL: <http://ppip.idn.ru> (accessed 03.04.2019). (In Russ.)
- Park S.Y., Baek Y.M. (2018) Two faces of social comparison on Facebook: The interplay between social comparison orientation, emotions, and psychological well-being. *Computers in Human Behavior*. Vol. 79: 83–93.
- Pavot W. (2018) The cornerstone of research on subjective well-being: Valid assessment methodology. In: *Handbook of well-being* / Ed. by E. Diener, S. Oishi, L. Tay. Salt Lake City, UT: DEF Publishers: 1–11. DOI: nobascholar.com.
- Przybylski A.K., Murayama K., De Haan C.R., et al. (2013) Motivational, emotional, and behavioral correlates of fear of missing out. *Computers in Human Behavior*. Vol. 29. No. 4: 1841–1848. DOI: 10.1016/j.chb.2013.02.014.
- Ranzijn R., Luszcz M. (2000) Measurement of subjective quality of life of elders. *The International Journal of Aging and Human Development*. Vol. 50. No. 4: 263–278. DOI: 10.2190/4B0W-AMGU-2NDX-CYUQ.
- Reer F., Tang W.Y., Quandt Th. (2019) Psychosocial well-being and social media engagement: The mediating roles of social comparison orientation and fear of missing out. *New Media & Society*. Vol. 21. No. 7: 1486–1505.
- Ryff C.D. (1989) Happiness is everything, or is it? Explorations on the meaning of psychological well-being. *Journal of personality and social psychology*. Vol. 57. No. 6: 1069–1081. DOI: 10.1037/0022-3514.57.6.1069.
- Sabatini F., Sarracino F. (2018) Keeping up with the e-Joneses: Do online social networks raise social comparisons? *Economics Discussion Papers*. No. 43: 1–25.
- Savchenko T.N., Golovina G.N. (2019) Subjective quality of life: approaches, measurement. In: A.L. Zhuravlev, E.A. Sergienko, N.E. Kharlamenkova, G.A. Vilenskaya (eds). *Development of concepts in modern psychology*. Moscow: Institute of Psychology RAS. T. 2: 595–614. (In Russ.)
- Sheldon K. (2016) Putting Eudaimonia in its Place: On the Predictor, Not the Outcome, Side of the Equation. In: *Handbook of Eudaimonic Well-Being* / Ed. by J. Vittersø. Cham: Springer: 531–541. DOI: 10.1007/978-3-319-42445-3_36.
- Sheldon K., Lyubomirsky S. (2019) Revisiting the Sustainable Happiness Model and Pie Chart: Can Happiness Be Successfully Pursued? *The Journal of Positive Psychology*: 1–10. DOI: 10.1080/17439760.2019.1689421.
- Shevelenkova T.D., Fesenko P.P. (2005) Psychological well-being of the individual (review of the main concepts and research methods). *Psychological diagnostics*. No. 3: 95–129. (In Russ.)
- Shilova V.A. (2020) Subjective well-being in the understanding of Russians: level assessments, connection with other indicators, subjective characteristics and models. In: *INAB Information and Analytical Bulletin: Subjective and objective well-being in modern Russian society: results of an empirical study*. No. 1: 18–39. (In Russ.)

- Shiryaeva O.S. (2008) *Psychological well-being of the individual in extreme conditions of life*: Abstract of the thesis ... cand. psychological sciences. Khabarovsk: KamSU named after V. Bering. (In Russ.)
- Smith R.H. (2000) Assimilative and contrastive emotional reactions to upward and downward social comparisons. In: *Handbook of social comparison* / Ed. by J. Suls, L. Wheller. New York: Plenum: 173–200.
- Subetto A.I. (2004) *Quality of life: facets of the problem*. St. Petersburg, Kostroma: N.A. Nekrasov KSU. (In Russ.)
- Tatarova G.G., Kuchenkova A.V. (2016) Indicators of subjective well-being as type-forming signs. *Sotsiologicheskie Issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 10: 21–32. (In Russ.)
- Trotsuk I.V., Koroleva K.I. (2020) Subjective well-being-quality of life or happiness? *Humanities, socio-economic and social sciences*. No. 9: 57–62. (In Russ.)
- Wang J.L., Wang H.Z., Gaskin J., Hawk S. (2017) The Mediating Roles of Upward Social Comparison and Self-esteem and the Moderating Role of Social Comparison Orientation in the Association between Social Networking Site Usage and Subjective Well-Being. *Frontiers in Psychology*. Vol. 8: 1–9. DOI: 10.3389/fpsyg.2017.00771.
- Waterman A.S., Schwartz S.J., Zamboanga B.L., Ravert R.D., Williams M.K., Bede Agocha V., Brent Donnellan M. (2010) The questionnaire for eudaimonic wellbeing: Psychometric properties, demographic comparisons, and evidence of validity. *The Journal of Positive Psychology*. Vol. 5. No. 1: 41–61. DOI: 10.1080/17439760903435208.
- Wills A., Suls J. (1991) Commentary: Neo-social comparison theory and beyond. Social comparison. In: Suls J., Wills A. (eds) *Contemporary theory and research*. New York: Lawrence Erlbaum: 395–410.
- Wills T.A. (1981) Downward comparison principles in social psychology. *Psychological Bulletin*. Vol. 90: 245–271. DOI: 10.1037/0033-2909.90.2.245
- Zarakovsky T.M. (2009) *The quality of life of the population of Russia: psychological components*. Moscow: Sense. (In Russ.)

Received: 21.06.21. Final version: 22.08.22. Accepted: 13.10.22.

Экономическая социология. Социология труда

© 2022 г.

А.Л. ТЕМНИЦКИЙ

РЕСУРСНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ПРЕКАРНЫХ РАБОТНИКОВ В РОССИИ

ТЕМНИЦКИЙ Александр Лазаревич – кандидат социологических наук, доцент Московского государственного института международных отношений (университета) МИД России, старший научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия (taleksandr@list.ru).

Аннотация. В статье на основе обобщения научной дискуссии по проблеме прекариата и результатов вторичного анализа объединенного массива данных Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения (RLMS-HSE) за 1994–2020 гг. раскрываются социально-демографические и деятельностные характеристики категорий прекарных работников в их сравнении с типичными работниками. На базе соотношения неофициального оформления на работу и продолжительности рабочего времени выделяются две типологические категории прекарных работников (с неполной и чрезмерной занятостью), обосновывается необходимость их раздельного анализа. Проверка гипотезы о том, что прекарные работники, находясь в заведомо худших условиях труда в сравнении с типичными работниками, добиваются важных для них результатов в достижении материального благополучия, основывается на разработке концепта ресурсного потенциала работника. В его основу закладываются индивидуально-личностные (возраст, здоровье) и деятельностные характеристики (уверенность в занятости на рынке труда). Показано, что по ресурсному потенциалу прекарии не только не уступают типичным работникам, но и превосходят их, в основном за счет большей уверенности в занятости. Прекарная занятость по сравнению с типичной в большей мере способствует формированию востребованных временем деловых качеств, накоплению предпринимательского опыта, в целом содержит в себе конструктивный потенциал, чтобы справиться с новыми вызовами. Результаты анализа показали, что модальная группа прекарных работников с чрезмерной занятостью и практиками неофициальной оплаты труда сосредоточена в сфере торговли и бытового обслуживания. Именно этот сектор экономики, в котором преобладают частные предприятия без участия государства, требует неотложных мер по их возвращению в правовое поле деятельности.

Ключевые слова: прекарные работники • прекариат • прекарная занятость • неполная занятость • чрезмерная занятость • ресурсный потенциал • вторичный анализ данных

DOI: 10.31857/S013216250021065-4

Прекариат как предмет научной дискуссии. В настоящее время количество работ, посвященных прекариату, резко возросло и затмило по своему объему и актуализируемому интересу другие направления в отечественной социологии труда и занятости. Помимо многочисленных статей в журналах, в названиях которых используются термины «прекариат», «прекарная занятость», «прекаризация»¹, вышло в свет несколько монографий [Тощенко, 2018; Прекариат..., 2020; Прекарная..., 2021; Попов, Соловьева, 2022].

¹ За период с 2014 по 2021 г. в системе РИНЦ зафиксировано около 250 статей.

Проблема прекарности труда стала центральной для двух последних конференций по социологии труда [Бочаров, Климова, 2022]. Опубликованные результаты исследований, научная дискуссия по затрагиваемым проблемам позволяют сделать ряд предварительных обобщений по объекту и предмету исследования.

Объектом внимания отечественных исследователей является прекариат, который, вслед за Г. Стэндингом [2014], часто стал рассматриваться как становящийся новый класс эксплуатируемых работников вследствие нестабильности и неуверенности в занятости. Полемика развернулась главным образом вокруг адекватности использования понятия «класс» применительно к категории работников, выделяемой на основе определенных форм занятости, таких как временная, случайная, сезонная, вторичная, неполная, а также самозанятость, платформенная занятость и заемный труд, и характерных для них ненадежных и небезопасных условий организации и оплаты труда (неофициальное оформление на работу, переработка, снижение и задержки заработной платы, оплата труда в «конвертах», вынужденные неоплачиваемые отпуска, отсутствие социального пакета и т.п.).

Является ли (может ли стать) прекариат новым социальным классом, или это исследовательский конструкт, обслуживающий базовое ключевое понятие (концепт) – «прекарность». Сразу скажем, что мы на стороне тех, кто рассматривает прекариат как исследовательский конструкт или, по крайней мере, как конгломерат людей, типологическую категорию работников, создаваемую в исследовательских целях на основе объединения подходящих признаков.

Прекариат рассматривают как сконструированную категорию потому, что границы социальной группы «прекариат» чрезмерно размыты, довольно сложно описать ее социальный состав, и большинство людей в российском обществе не мыслит себя через принадлежность к тому или иному социальному классу [Тартаковская, Ваньке, 2019: 102]. «Прекариат это не один из многих других слоев в стратификационной иерархии, а другая альтернативная структура, он сам настолько многослойный, что нет никакой возможности их различать» [Гасюкова и др., 2016: 52]; «прекаризация естественный процесс, а прекариат – исследовательский конструкт» [там же, 2016: 51]. Многообразие вариантов форм прекаризации труда и занятости, включенность в них самых разнообразных групп приводят к невозможности провести операционализацию понятия «прекариат». Именно это объясняет, почему в западной литературе дискурс о прекариате быстро прекратился [Сизова и др., 2017: 16].

Итак, будем придерживаться точки зрения, что прекариат – скорее исследовательский конструкт, чем реальная группа, общность людей, тем паче класс. Таким же конструктом может быть, к примеру, «проактиват» как категория занятых, предпринимающих самостоятельные активные действия по улучшению своего положения и достижению материального благополучия, а не надеющихся на государство в решении жизненных проблем.

Ведущим предметом исследования прекариата является рассмотрение разных сторон положения наемных работников, связанного с условиями прекарной занятости. Как правило, такое положение рассматривается как бесправное, особенно работников, занятых в сфере торговли и бытового обслуживания [Тихонова, Каравай, 2017]. По сути, характеристикам положения прекарных работников в различных производственных (промышленность, строительство, транспорт), а также непроизводственных отраслях (здравоохранение, образование, наука и культура) посвящена новейшая коллективная монография под редакцией Ж. Тощенко [Прекарная..., 2021]. Раскрываемая по результатам исследований статистика, множество приводимых примеров негарантированного, нестабильного и незащищенного труда показывают, по мнению авторов, все возрастающую зависимость работника от диктата работодателя, требуют принятия неотложных мер по решению этих проблем официальными структурами.

Набирает силу тренд по использованию термина «прекаризация» как процесса дестабилизации трудовых отношений применительно не только к сфере труда и занятости, но и по отношению к различным демографическим и профессиональным группам:

прекаризация молодежи [Воробьева, 2021], умственного труда [Корнилов, 2021], научно-педагогических работников [Камарова, 2020], гендерная прекаризация [Маковская, 2020], а также к статусным позициям: прекаризация среднего класса [Аникин, 2019], родительского труда [Ильвес, 2019], труда осужденных [Чернышов, 2015].

Все это говорит не только об актуальности изучения феномена прекарной занятости, но и о большом потенциале нового для российских исследователей понятия «прекариат» и связанных с ним производных понятий, и даже о складывающейся моде на его использование.

Намного меньше внимания уделяется отношению (ценностным диспозициям, установкам, поведению) самих работников к прекарным формам и условиям занятости. «Голос» работника почти не слышен в абсолютном большинстве исследований, в которых основным предметом является раскрытие содержания и особенностей положения работника. А если и рассматривается прекарность занятости на индивидуальном уровне, то речь идет, как правило, об оценках со стороны работника реальных и возможных ухудшений в занятости, опасностей потери самой работы, значимых ущербов при ее выполнении [Сизова и др., 2017: 16]. Исходя из того, что прекарная занятость – это всегда ухудшение положения работника, его оценки и восприятие условий труда рассматриваются лишь как дополнительный материал к построению различных индексов и коэффициентов прекарности. Так, в процедуру расчета коэффициента прекарности включаются субъективные оценки работника о возможности оказывать влияние на важные решения в своей производственной организации, о соответствии образования/квалификации содержанию выполняемой работы [Шевченко, Шевченко, 2019: 87].

При рассмотрении положения работников в качестве предмета исследования, как правило, не учитывается, имеет ли для самого работника важность участие в управлении, стремится ли он к тому, чтобы работать по специальности, не принимается во внимание, что прекарная занятость может быть как вынужденной, так и добровольной. Деление прекарной занятости на вынужденную и добровольную – то первое ограничение, которое следует учитывать при разработке как инструментария исследования, так и рекомендаций по регулированию процессов прекаризации. Исследователи, которые обращают на это внимание, выделяют отличительные особенности в поведении прекариата – добровольцев и вынужденного прекариата, подчеркивают их разное отношение к своему статусу [Рахлис и др., 2017: 60], показывают, что вынужденная прекарность характерна скорее для работников старших возрастов (для советского поколения), а добровольная – для работников, относящихся к постсоветскому поколению [Тартаковская, Ваньке, 2019: 99], приходят к выводу, что методологически неверно включать в состав прекариата работников, добровольно выбравших для себя нестандартную форму занятости [Маслова, 2017: 180].

Следует учитывать, что неопределенность, неустойчивость рынка труда и нестабильность занятости становятся для определенного типа личности работника благом, зоной комфорта, предоставляют возможность не быть привязанным к конкретной организации с довлеющими требованиями корпоративной этики, позволяют осваивать новые профессиональные знания и навыки на протяжении всей жизни, помогают избежать боязни перспективы устойчивой и глубокой профессиональной колеи [Ильин, 2015: 521].

Исследовательские вопросы и база данных. Насколько характерны для городских наемных работников², которые на момент опроса имели оплачиваемую работу, признаки прекарной занятости? По каким социально-демографическим и статусным характеристикам можно провести различия между работниками с прекарной и со стандартной

² Выбор городских работников основывался на предположении об их более высокой трудовой активности. Из анализа исключались проживающие в селах, а также военнослужащие, законодатели, крупные чиновники, руководители высшего и среднего звена, квалифицированные работники сельского, лесного хозяйства и рыболовства.

занятостью? Различает ли precarious и стандартно занятых работников их личностный ресурсный потенциал, и какую роль он играет в адаптации к новым вызовам, в оценках достижения материального благополучия?

Для ответа на эти вопросы используется база данных объединенного массива РМЭЗ – ВШЭ за 1994–2020 гг.³ Обращение к объединенному массиву позволяет рассмотреть временную динамику изменений состояния выделенных факторов⁴, раскрыть социально-демографический портрет разных категорий precarious работников. Ограничения в анализе задаются наличием интересующих нас переменных в объединенном массиве в разные годы опроса.

Концепт ресурсного потенциала работника. Обращение к концепту «ресурсный потенциал работника» связано с акцентом на возможность применения деятельно-активистского подхода к исследованию экономического положения и трудового поведения различных категорий наемных работников [Ядов, 2001]. Предполагается, что precarious работники, находясь в заведомо худших условиях труда в сравнении с типичными работниками, тем не менее обладают признаками деятельностной субъектности, позволяющими им не только «оставаться на плаву», но и добиваться важных для них результатов в профессиональной деятельности и достижении материального благополучия.

Из всех возможных признаков ресурсоемкости работника выделялись те, которые являются индивидуально-личностными, а не обусловленными средой (организацией, регионом, отраслью) и домохозяйством. С учетом имеющихся переменных в массивах РМЭЗ и наличия корреляций между ними категория «ресурсный потенциал» была образована на основе использования трех базовых переменных: возраста, оценок здоровья и уверенности на рынке труда. Собирательную типологическую категорию работников с высоким ресурсным потенциалом составили респонденты не старше 49 лет (18–49 лет, 91830 чел.), оценивающие свое здоровье как очень хорошее и хорошее (47339 чел.), уверенные (скорее и полностью), что они в случае увольнения или закрытия предприятия найдут работу не хуже имеющейся⁵ (44733 чел.). Отметим, что предположение о высокой роли образования в повышении ресурса работника не оправдалось, так как и при отсутствии высшего образования демонстрируется высокая уверенность на рынке труда, а работники пожилого возраста (старше 60 лет) чаще имеют высшее образование, чем более молодые. Количество респондентов, соответствующих всем трем критериям, составило 19274 чел.

Показатели стандартной и стабильной занятости. Предлагаемый исследователями набор характеристик работников, занятых на условиях precarious занятости, позволяет вычислить противоположную им группу работников со стабильной и стандартной занятостью. К показателям стандартной занятости (с учетом их наличия в базе РМЭЗ) были отнесены: работа в организациях, официальное оформление условий занятости, отсутствие долгов по зарплате и случаев ее снижения, продолжительность рабочей недели в диапазоне нормативной (36–40 часов в неделю), отсутствие случаев вынужденной отправки в неоплачиваемый отпуск. О стабильности занятости свидетельствуют отсутствие профессиональной и трудовой мобильности за последний год и отсутствие вторичной занятости.

Изменения в проявлениях занятости в динамике 2000–2020 гг.⁶ заметны только по показателям наличия долгов по зарплате и смены мест работы и профессии. К 2020 г.

³ «Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE)» проводится Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии РАН. URL: <http://www.hse.ru/rlms>

⁴ Для этого были отобраны три массива данных с 10-летним периодом, начиная с 2000 г.

⁵ Формулировка вопроса: «Представьте себе не очень приятную картину: предприятие, организация, где вы работаете, по каким-то причинам завтра закрывается, и все работники будут уволены. Насколько вы уверены в том, что сможете найти работу не хуже той, на которой работаете сейчас?».

⁶ За точку отсчета брались данные по 2000 г. с учетом того, что по некоторым вопросам (уменьшение зарплаты, принудительное сокращение рабочего времени) в массиве РМЭЗ есть данные только начиная с этого года.

Таблица 1

Показатели стандартной и стабильной занятости наемных работников
(данные РМЭЗ-ВШЭ, 2000, 2010, 2020 гг., % от утвердительных ответов)

Показатели	Годы опроса		
	2000	2010	2020
Работают на предприятии, в организации, в учреждении, на фирме	93	92	92
Оформлены официально*	96	92	93
Предприятие не имеет долгов по зарплате	77	95	98
В течение последних 12 месяцев не уменьшали зарплату (принудительно не сокращали часы работы)	93	93	84
В течение последних 12 месяцев не отправляли в вынужденный неоплачиваемый отпуск	97	97	90
Не перерабатывают (работают не более 40 часов в неделю)	61	60	60
Не меняли место работы или профессию за последние 12 месяцев**	67	81	88
Не имели дополнительной оплачиваемой работы	94	96	97
Количество опрошенных	3080	6925	5378

Примечания. *По трудовой книжке, трудовому контракту, соглашению. **Формулировка вопроса: «Пожалуйста, вспомните и скажите, вы сменили место работы или профессию по сравнению с ноябрем предыдущего года или все осталось по-прежнему?» Подсказки: 1) профессия и место работы остались прежними; 2) сменили профессию, но не сменили место работы; 3) сменили место работы, но не сменили профессию; 4) сменили и место работы, и профессию.

существенно (на 20%) снизилась доля работников, указавших на задолженность по зарплате, и почти на столько же повысилась доля указавших на отсутствие признаков трудовой и профессиональной мобильности. В целом можно утверждать, что для абсолютного большинства работников России (за исключением ситуации с рабочим временем) характерны признаки стандартных и стабильных условий занятости (табл. 1).

Несомненно, что по показателям занятости в организациях, ее официального оформления данные РМЭЗ существенно расходятся с результатами специальных социологических исследований, посвященных прекариату. Здесь следует учитывать ограничения, заданные отбором респондентов (только городские наемные работники, не моложе 18 лет, имевшие оплачиваемую работу на момент опроса), а также то, что неформально занятые (такие группы, как вахтовики, сезонные работники, с временной регистрацией и т.п.) в своем большинстве не попадают в число респондентов по панельным выборкам, либо, возможно, что в силу нелегальной деятельности отказываются отвечать.

Прекарные и типичные работники в сравнительном анализе. Дальнейший анализ основывался на вычислении и сравнительном анализе двух целевых групп работников: с признаками прекарной (*прекарные*) и стандартной занятости (*типичные*). В качестве первого признака отнесения к работникам с прекарной занятостью бралось неофициальное трудоустройство, которое чаще всего рассматривается как определяющее при эмпирическом определении прекариата [Голенкова, Голиусова, 2015: 122, Прекариат..., 2020: 82] и может рассматриваться как его базовая характеристика.

Остальные признаки отбирались с учетом их корреляционных связей с базовым, а также статистической наполненности для проведения количественного анализа. Наиболее сильные связи обнаружены между показателями оформления на работу и фактической продолжительностью рабочего времени в неделю, а также мобильностью (табл. 2).

При неофициальном оформлении на работу доля работников со стандартной продолжительностью рабочей недели оказалась вдвое меньше, чем при официальном (27 и 54%), а с неполной (до 35 часов) и чрезмерной (51–84) существенно больше. Кроме того, у неофициально оформленных работников существенно выше трудовая и профессиональная мобильность и ниже уровень стабильности занятости (60 и 83%). Эти три

Таблица 2

**Продолжительность рабочего времени и мобильность
занятости работников в зависимости от формы найма**
(%, данные по объединенному массиву РМЭЗ-ВШЭ, 1994–2020 гг.)

Показатели	Оформлены официально	
	да	нет
<i>Продолжительности рабочего времени (час. в неделю)</i>		
До 35	11	16
36–40	54	27
41–50	25	29
51–84	10	28
<i>Козф. Крамера –0,171 при $p \leq 0,01$.</i>		
<i>Мобильность за последние 12 месяцев</i>		
Профессия и место работы остались прежними	83	60
Сменили профессию, но не сменили место работы	2	1
Сменили место работы, но не сменили профессию	7	17
Сменили и место работы, и профессию	8	22
<i>Козф. Крамера –0,163 при $p \leq 0,01$.</i>		

признака рассматриваются как необходимые и достаточные для вычисления целевых категорий.

Поскольку по отклонению от стандартной величины рабочего времени (36–40 часов) диапазон 41–50 часов существенно не отличает официально и неофициально оформленных работников, то для усиления эффекта различий в состав precarious работников были включены только те, у кого фактическая продолжительность рабочего времени превышает 51 час. По показателю мобильности в состав прекариев были включены те, кто менял место работы и/или профессию за последние 12 месяцев. Симметрично вычислена типологическая категория работников со стандартной занятостью (табл. 3).

Следует учитывать, что только для немногим более половины (54%) работников неофициальное оформление на работу является вынужденным (работодатель не захотел оформлять), для остальных – либо по собственной инициативе (26%), либо по согласованной с работодателем (20%).

Сравнительный анализ целевых категорий проводился по социально-демографическим (пол, возраст, образование) и статусным характеристикам (профессиональный статус, отраслевая принадлежность, форма собственности предприятия, ресурсный потенциал).

Результаты анализа во многом подтверждают выводы, полученные по другим исследованиям прекариата. Среди *precarious* работников по сравнению с типичными выше

Таблица 3

Используемые в анализе признаки precarious и стандартной занятости
(данные по объединенному массиву РМЭЗ-ВШЭ, 1994–2020 гг.)

Precarious занятость	N (чел.)	Стандартная занятость	N (чел.)
Нет официального оформления	7212	Наличие официального оформления	91683
Фактическая продолжительность рабочей недели превышает 51 час.	13428	Фактическая продолжительность рабочей недели в диапазоне 36–40 час.	53303
Меняли место работы и/или профессию за последние 12 месяцев	20177	Не меняли место работы или профессию за последние 12 месяцев	88734
Всего*	977	Всего	38755

Примечание. *Указывается количество респондентов, соответствующих всем трем критериям по объединенным данным 1994–2020 гг.

доля мужчин (64 и 43%), молодых в возрасте 18–35 лет (46 и 34%) и ниже доля представителей старшей возрастной группы 50–65 лет (19 и 27%), существенно выше доля имеющих общее среднее образование (46 и 28%) и ниже – с высшим образованием (12 и 37%).

Прекарные работники в основном сосредоточены в сферах торговли, бытового обслуживания, строительства, транспорта и связи. В то же время работники со стандартной занятостью примерно равномерно (за исключением торговли) рассредоточены по всем отраслям. Среди прекарных работников по сравнению с типичными почти нет специалистов высшего уровня квалификации, но существенно больше работников сферы торговли и услуг и квалифицированных рабочих. Как правило, прекарии работают на частных предприятиях без участия государства (см. табл. 4).

Уже из различий в социально-демографических и статусных характеристиках складывается портрет прекарного работника. Чаще всего это мужчины наиболее работоспособного возраста со средним образованием, квалифицированные рабочие в сфере торговли и услуг, строительной отрасли, а также в сфере транспорта и связи, стремящиеся больше заработать и поэтому чаще занятые на предприятиях с частной формой собственности с плохо регулируемой продолжительностью рабочего времени и слабой социальной защищенностью. Конечно, если в создание типологической категории работников закладываются другие признаки (продолжительность рабочей недели менее 35 часов и отсутствие официального оформления), мы выходим на иной образ прекарного работника. Тогда это, как правило, женщины (67%), в возрасте 18–35 лет (46%), со средним общим образованием (37%), относящиеся чаще всего к неквалифицированным рабочим (36%), работающие в сфере торговли и услуг (50%) на частных предприятиях (93%). Все это еще раз подчеркивает обоснованность рассмотрения прекариата как исследовательского конструкта, по-разному выстраиваемого в зависимости от тех или иных задач.

Ресурсный потенциал, замеренный по указанным ранее признакам, выше у прекарных работников, а из его составляющих наиболее заметны отличия по уровню уверенности в занятости на рынке труда.

Замечена связь уверенности в занятости и показателей мобильности. Во все годы опроса более высокий уровень уверенности на рынке труда демонстрировали те работники, которые сменили место работы, но не сменили профессию, либо сменили и место работы, и профессию. Можно даже утверждать, что уверенность в занятости является органическим продолжением мобильности. Полученный на практике опыт смены работы или профессии способствует большей уверенности в том, что в случае необходимости эти люди смогут найти работу не хуже той, на которой работают сейчас. То, что уверенность в занятости у групп прекарных работников, вне зависимости от того, образованы они на основе неполной или чрезмерной занятости, выше, чем у типичных работников, показывает, что первым легче дается как потеря работы, так и ее нахождение. Напрашивается предположение, что у прекарных работников выше уверенность в занятости, поскольку они занимают менее квалифицированные рабочие места, которые в случае потери легче найти. Действительно, для модальных групп прекарных работников с чрезмерной занятостью (43%) и с неполной занятостью (38%) для выполнения их нынешней работы не нужно никакого профессионального образования, тогда как среди типичных работников таких только 17%. Однако сравнение роли мобильности и наличия профессионального образования для выполнения работы в формировании чувства уверенности в занятости показывает более сильное влияние мобильности (45 и 37%)⁷.

Предполагалось, что прекарные работники с большим опытом трудовой и профессиональной мобильности демонстрируют не только более высокую уверенность в занятости, но и деловые качества, важные для работника рыночного типа (опыт предпринимательской деятельности, ориентацию на работу у частного хозяина, а не на государство).

С учетом того, что данные по такого рода вопросам имеются лишь по отдельным годам исследования, с целью повышения количественной наполненности для вычисления

⁷ При сравнении фактор прекарности не учитывался.

Таблица 4

Социально-демографические и статусные характеристики прекарных и типичных работников
(%, данные по объединенному массиву РМЭЗ-ВШЭ, 1994–2020 гг.)

Характеристики	Категории работников	
	прекарные	типичные
Доля мужчин	64	43
<i>Возрастные группы</i>		
18–35	46	34
36–49	34	37
50–65	19	27
66 лет и старше	1	2
Доля со средним общим образованием	46	28
Доля с высшим образованием	12	37
<i>Принадлежность к отдельным профессиональным группам</i>		
Специалисты высшего уровня квалификации	1	26
Специалисты среднего уровня квалификации; чиновники	11	24
Служащие офисные и по обслуживанию клиентов	2	7
Работники сферы торговли и услуг	35	8
Квалифицированные рабочие, занятые ручным трудом	26	18
Квалифицированные рабочие, использующие машины и механизмы	18	12
<i>Занятость в отдельных отраслях*</i>		
Гражданское машиностроение	0	6
Военно-промышленный комплекс	0	5
Строительство	20	7
Транспорт и связь	15	9
Образование	1	9
Здравоохранение	0	9
Торговля, бытовое обслуживание	44	13
<i>Форма собственности предприятия **</i>		
Государственные	1	45
Частные с участием государства	2	11
Частные без участия государства	97	44
<i>Ресурсный потенциал</i>		
Возраст (18–49 лет)	79	71
Оценки здоровья (хорошее и отличное)	40	39
Уверенность в занятости на рынке труда (полностью и скорее уверены)	51	36
В целом, имеют высокий ресурсный потенциал	18	16

Примечания. *Указываются только те отрасли и профессиональные группы, по которым имеются существенные различия (не менее 5%). **Форма собственности предприятия определялась исходя из ответов на вопросы о том, кто является владельцем, совладельцем предприятия, на котором работают респонденты. Первый тип предприятий – «государственные», основан на положительных ответах об участии государства в их собственности и отрицательных – об участии российских частных лиц, коллектива предприятия или российских частных фирм. Второй тип предприятий – «частные с участием государства», базировался на основе положительных ответов об участии в собственности как государства, так и частных лиц, коллектива предприятия или российских частных фирм. Третий тип – «частные без участия государства» предприятия, сформирован на основе положительных ответов об участии в собственности частных лиц, коллектива предприятия или российских частных фирм и отрицательных – государства.

Таблица 5

Отдельные характеристики поведения на рынке труда прекарных и типичных работников (%)

Характеристики	Прекарные работники		Типичные работники
	с неполной занятостью	с чрезмерной занятостью	
Оценка наличия качеств, которые ценятся в сегодняшней ситуации*			
Скорее есть	58	60	48
Скорее нет	42	40	52
Пытались организовать свое собственное предприятие, начать свое собственное дело?**			
Никогда не пытались	85	79	94
Пытались, но ничего из этого не вышло	9	12	4
Пытались и это удалось	6	9	2
Согласие с тем, что лучше работать на частного хозяина, чем на государство***			
Согласны (полностью и скорее)	62	70	33
Не согласны	38	30	67

Примечания. *По имеющимся данным опроса 1996–2009 гг. **По данным опроса 1998–2020 гг. ***По данным опроса 1996–2002 гг.

групп прекарных работников использовались только два признака: неофициальное трудоустройство и продолжительность рабочего времени (табл. 5).

Не только среди прекарных работников с чрезмерной занятостью по времени работы, но и при неполной занятости в условиях неофициального оформления чаще по сравнению с типичными работниками демонстрируется наличие качеств, востребованных рыночной

Таблица 6

Размер заработной платы и удовлетворенность различными сторонами труда у прекарных и типичных работников
(%, данные по объединенному массиву РМЭЗ-ВШЭ, 1994–2020 гг.)

Характеристики	Прекарные работники		Типичные работники
	с неполной занятостью	с чрезмерной занятостью	
Размер получаемой зарплаты (рублей в месяц)*			
Среднее значение	19470	31025	31806
Медиана	15000	28000	28100
Удовлетворенность оплатой труда			
Полностью и скорее удовлетворены	34	31	32
Среднее значение**	2,79	2,81	2,79
Удовлетворенность продолжительностью рабочего дня***			
Полностью и скорее удовлетворены	85	25	78
Среднее значение	4,06	2,71	3,86
Удовлетворенность работой			
Полностью и скорее удовлетворены	55	47	67
Среднее значение	3,40	3,29	3,66
Удовлетворенность жизнью в целом****			
Полностью и скорее удовлетворены	44	34	45
Среднее значение	3,13	2,95	3,12

Примечания. *Используются данные за 2020 г., формулировка вопроса: «Сколько денег в течение последних 30 дней вы получили по основному месту работы после вычета налогов?». ** 1 – минимум, 5 – максимум. ***По данным 2009 г. **** По данным 2003–2005 гг.

ситуацией, опыт успешной предпринимательской деятельности, ориентация на работу у частного хозяина. Еще выше (в среднем на 10%) возрастают указанные оценки, если обратиться к ответам работников с высоким уровнем ресурсного потенциала. Все это свидетельствует о том, что precarious занятость актуализирует и активизирует ресурсный потенциал, является своеобразной школой жизни, инструментом адаптации к новым вызовам.

В заключение рассмотрим оценки материального благополучия и удовлетворенности различными сторонами труда и жизни precarious работников (табл. 6).

По размеру получаемой зарплаты, так же как и по удовлетворенности ею, precarious работники с продолжительностью рабочего времени, превышающей 51 час в неделю, почти не отличаются от типичных работников. Однако, учитывая тот факт, что примерно равный с зарплатой типичных работников размер зарплаты прекариев обеспечивается за счет больших (не менее 10 дополнительных часов в неделю) затрат рабочего времени, говорить о нормальности такой ситуации не приходится. К этому следует добавить, что абсолютное большинство precarious работников (81% с чрезмерной и 88% с неполной занятостью) получают эти деньги неофициально, т.е. без уплаты налогов, тогда как среди типичных работников таких не более 8%. Тем не менее далекие от правовых условия организации и оплаты труда не вызывают у precarious работников повышенной по сравнению с типичными неудовлетворенности оплатой труда. Более высокий уровень неудовлетворенности по сравнению с типично занятыми наблюдается только у работников с чрезмерной занятостью по отношению к продолжительности рабочего времени, работе и жизни в целом.

Заключение. То, что занятость большинства современных наемных работников имеет признаки precariousности (неустойчивости, нестабильности, негарантированности), *не вызывает сомнений*. В этой связи precarious занятость может рассматриваться как базовая категория (концепт) по отношению к другим, близким к ней производным понятиям (прекариат, прекаритет, проактиват, прекаратура⁸ и т.п.), которые выполняют роль исследовательского конструкта, создаваемого и эмпирически вычисляемого под цели и задачи того или иного исследования.

Вызывает сомнения афишируемая в множестве публикаций актуальность и плодотворность понятия «прекариат» как ключевого для понимания и рассмотрения процессов в сфере труда и занятости российских работников. Сомнения появляются не только потому, что прекариат трудно назвать социальным классом. Большей частью они возникают из-за неубедительности исследовательского потенциала этого понятия, способного адекватно отражать происходящие процессы в сфере труда и занятости. Эти сомнения вызывают следующие соображения:

1. Поскольку у абсолютного большинства наемных работников вне зависимости от формы, места и статуса их занятости можно найти хотя бы один признак precariousности, то контекст неустойчивой и нестабильной занятости становится равнодействующим фактором (данностью) и теряет признаки переменной.

2. Обращение к прекариату как объекту исследования скорее «прикрывает» реальные проблемы в сфере труда и занятости, нежели их «обнажает». Теперь исследователь вместо того, чтобы целенаправленно изучать различные стороны труда, такие как вторичная занятость, гибкая занятость, фрилансерство и т.п., должен соподчинять и связывать их с ведущим понятием «прекариат», рассматривать как одно из его проявлений. Или, иначе говоря, как за лесом не видно деревьев, так и за прекариатом трудно различать важные сами по себе отдельные стороны труда и занятости.

3. Обращение к прекариату можно рассматривать и как новую исследовательскую моду (см.: [Гофман, 2013]), и как продолжение многолетнего тренда (начиная с 1992 г.) на выявление новых социальных болезней общества без рекомендаций по их лечению.

⁸ Прекаратура как отражение формы непрямого диктата власти работодателя над работником на основе манипуляции формами и условиями найма – термин предложен автором.

Прекариат как модное понятие может разделить судьбу понятия «средний класс»⁹. Лишь в незначительном числе работ указывается, что прекарная занятость во многих случаях носит заведомо неправовой характер. Следовательно, помимо раскрытия ее многочисленных, угнетающих личность и статус работника проявлений и вычисления индексов, необходимо разрабатывать рекомендации и положения по введению в правовое поле деятельности частных предприятий, прежде всего в сфере торговли и услуг.

Проведенный вторичный анализ базы данных РМЭЗ показал следующее.

1. При вычислении типологических категорий прекарных работников помимо неофициального оформления на работу необходимо учитывать продолжительность рабочего времени. Остальные признаки (трудовая и профессиональная мобильность) являются важными, но не обязательными. С учетом фактической величины продолжительности рабочего времени за неделю важно выделять и отдельно анализировать две группы прекарных работников: с неполной занятостью (до 35 часов в неделю) и чрезмерной занятостью (свыше 51 часа).

2. По объективным показателям ресурса работника (профессиональный статус, уровень образования) прекарии существенно уступают работникам с признаками стандартной занятости.

3. По ресурсному потенциалу работников, в основу которого закладываются индивидуально-личностные (возраст, здоровье) и деятельностные характеристики (уверенность в занятости на рынке труда), прекарии не только не уступают типичным работникам, но и превосходят их, в основном, за счет большей уверенности в занятости.

4. Обращение к анализу характеристик, адекватных работнику рыночного типа (деловые качества, предпринимательский опыт, ориентация на работу у частного хозяина), позволяет утверждать, что прекарная занятость активизирует ресурсный потенциал, является своеобразной школой жизни, инструментом адаптации к нестабильным условиям труда.

Складывающаяся ситуация на российском рынке труда с учетом влияния цифровизации, последствий пандемии, новых геополитических вызовов требует работника, обладающего не только высокими профессиональными компетенциями, но и готового к быстрой смене рабочих мест, к профессиональному переобучению, работника, способного комбинировать в своих стратегиях трудового поведения разные формы занятости, управлять своим рабочим временем; актуализирует качества самодостаточности и уверенности в себе, в своих ресурсах. Предполагается, что потенциал прекарной занятости, в отличие от стандартной занятости в бюджетных организациях, в этом случае существенно выше.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аникин В.А. Прекаризация среднего класса в новой России: о чем говорят результаты исследования гетерогенных средних слоев? // Социологическая наука и социальная практика. 2019. № 4. С. 39–54.
- Бочаров В.Ю., Климова С.Г. Готова ли российская социология труда реагировать на новые вызовы? (Аналитический обзор двух научных конференций) // Социологический журнал. 2022. Т. 28. № 2. С. 178–191.
- Воробьева И.В. Прекаризация молодежи в сфере социально-трудовых отношений // Знание. Понимание. Умение. 2021. № 3. С. 100–112.
- Гасюкова Е.Н., Карачаровский В.В., Ястребов Г.А. Разный прекариат: об источниках и формах нестабильности социального статуса индивидов и групп // Общественные науки и современность. 2016. № 3. С. 48–63.
- Голенкова З.Т., Голиусова Ю.В. Прекариат как новое явление в современной социальной структуре // Наемный работник в современной России / Отв. ред. З.Т. Голенкова. М.: Новый Хронограф, 2015. С. 121–138.

⁹ Так, за период 2007–2013 гг. количество статей в системе РИНЦ, в названии которых используется средний класс, составило 576, а за 2014–2021 гг. – только 112.

- Гофман А.Б. О модах в современной теоретической социологии // Социологические исследования. 2013. № 10. С. 21–28.
- Ильвес Э.В. Динамика прекаризации родительского труда по видам трудового процесса // Экономика труда. 2019. Т. 6. № 1. С. 637–646.
- Ильин В.И. Профессия как индивидуальная жизненная колея: концептуализация категории // Журнал исследований социальной политики. 2015. Т. 13. № 4. С. 515–528.
- Камарова Т.А. «Цифровая прекаризация» научно-педагогических работников в условиях социально-экономической турбулентности // Вестник Омского университета. Серия: Экономика. 2020. Т. 18. № 3. С. 72–83.
- Корнилов М., Корнилов А. Новое в подходах к прекаризации умственного труда в условиях торжества неофеодального строя // Общество и экономика. 2021. № 3. С. 52–63.
- Маковская Н.В. Гендерная прекаризация занятости в Беларуси // Социально-трудовые исследования. 2020. № 3. С. 44–55.
- Маслова Е.В. К вопросу о методике выявления слоя прекариев на основе анализа стандартной и нестандартной форм занятости // Вестник ВИБТ. 2017. № 2. С. 175–182.
- Попов А.В., Соловьева Т.С. Прекаризация занятости: угрозы дестабилизации положения работников для развития России. Вологда: ВолНЦ РАН, 2022.
- Прекариат: становление нового класса: кол. монография / Под ред. Ж.Т. Тощенко. М.: ЦСП и М, 2020.
- Прекарная занятость: истоки, критерии, особенности / Под ред. Ж.Т. Тощенко. М.: Весь Мир, 2021.
- Рахлис Т.П., Скворцова Н.В., Коптякова С.В. Прекаризация как следствие трансформации социально-экономических систем // Вектор науки ТГУ. Серия: Экономика и управление. 2017. № 1. С. 57–62.
- Сизова И.Л., Леонова Л.А., Хензе А. Прекаритет занятости и доходов в России и Германии: самовосприятие наёмными работниками // Экономическая социология. Т. 18. № 4. Сентябрь 2017. С. 14–59.
- Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс. М.: Ад Маргинем Пресс, 2014.
- Тартаковская И.Н., Ваньке А.В. Трудовые траектории precarious работников и формирование прекарного габитуса // Социологический журнал. 2019. Т. 25. № 2. С. 99–115. DOI: 10.19181.
- Тихонова Н.Е., Каравай А.В. Влияние экономического кризиса 2014–2016 годов на занятость россиян // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2017. № 2. С. 1–17.
- Тощенко Ж.Т. Прекариат: от протокласса к новому классу. М.: Наука, 2018.
- Чернышов И.Н. К вопросу о прекаризации труда осужденных // Труд и социальные отношения. 2015. Т. 26. № 3. С. 82–93.
- Шевченко И.О., Шевченко П.В. Гендерные особенности прекарности // Социологические исследования. 2019. № 9. С. 84–95.
- Ядов В.А. Социальный ресурс индивидов и групп как их капитал: возможность применения универсальной методологии исследования реального расслоения в российском обществе // Кто и куда стремится вести Россию? / Под общ. ред. Т.И. Заславской. М.: МВШСЭН, 2001. С. 310–318.

Статья поступила: 07.07.22. Финальная версия: 29.07.22. Принята к публикации: 29.08.22.

RESOURCE POTENTIAL OF PRECARIOUS EMPLOYEES IN RUSSIA

TEMNITSKIY A.L.

MGIMO University, Russia; Institute of Sociology of FCTAS RAS, Russia

Alexandr L. TEMNITSKIY, Cand. Sci. (Sociol.), Assoc. Prof., Sociological Department, MGIMO University; Senior Research Fellow, Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia (taleksandr@list.ru).

Abstract. This paper presents a substantiation of the precariat as a research construct developed by the researcher for a specific purpose. This conclusion is based on a generalization of the scientific discussion on the issue of precariat and is confirmed by the results of a secondary analysis of the combined data set of the Russia Longitudinal Monitoring Survey – Higher School of Economics (RLMS-HSE) for 1994–2020. It is focused on typological categories of precarious employees in comparison with typical employees. Based on the ratio of informal employment and duration of working hours, we have distinguished two typological categories of precarious employees (part-time and over-employed) and shown fundamental differences in their social and demographic profile. Verifying the hypothesis that precarious employees, being in obviously worse working conditions as compared to typical employees, achieve results that are important to them in terms of material well-being, is based on the development of the concept of employee's resource potential. It is based on individual and personal (age, health) and activity characteristics (confidence in employment in the labor market). We have shown that, in terms of their resource potential, precarious employees are not only not inferior to typical employees, but also surpass them, mainly due to their greater confidence in employment. Precarious employment, as compared to the typical employment, contributes largely to the formation of time-demanded business qualities, accumulation of entrepreneurial experience; as a whole, it contains a constructive potential to cope with new challenges. The results of our analysis showed that the modal group of over-employed precarious employees with informal wage practices is concentrated in the field of trade and consumer services. It is this sector of the economy, which is dominated by private businesses without the participation of the state, that requires urgent measures to bring them back to the legal field of activity.

Keywords: precarious employees, precariat, precarious employment, part-time employment, over-employment, resource potential, secondary data analysis.

REFERENCES

- Anikin V.A. (2019) Precarization of the middle class in the new Russia: what do the results of the study of heterogeneous middle strata say? *Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika* [Sociological science and social practice]. No. 4: 39–54. (In Russ.)
- Bocharov V.Yu., Klimova S.G. (2022) Is the Russian sociology of labor ready to respond to new challenges? (Analytical review of two scientific conferences). *Sotsiologicheskii Zhurnal* [Sociological journal]. Vol. 28. No. 2: 178–191. (In Russ.)
- Chernyshov I.N. (2015) On the issue of precarization of labor of convicts. *Trud i sotsial'nyye otnosheniya* [Labor and social relations]. Vol. 26. No. 3: 82–93. (In Russ.)
- Gasyukova E.N., Karacharovskiy V.V., Yastrebov G.A. (2016) Different precariat: about the sources and forms of instability of the social status of individuals and groups. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'* [Social sciences and modernity]. No. 3: 48–63. (In Russ.)
- Gofman A.B. (2013) About fashions in modern theoretical sociology. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 10: 21–28. (In Russ.)
- Golenkova Z.T., Goliusova Yu.V. (2015) Precariat as a new phenomenon in the modern social structure. In: *Hired worker in modern Russia* / Ed. Z.T. Golenkova. Moscow: Novyi Hronograf. 121–138. (In Russ.)
- Ilyes E.V. (2019). Dynamics of precarization of parental labor by types of labor process. *Ekonomika truda* [Labor Economics]. Vol. 6. No. 1: 637–646. (In Russ.)
- Ilyin V.I. (2015) Profession as an individual life track: conceptualization of the category. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki* [Journal of Social Policy Research]. Vol. 13. No. 4: 515–528. (In Russ.)
- Kamarova T.A. (2020) "Digital precarization" of scientific and pedagogical workers in the conditions of socio-economic turbulence. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Ekonomika* [Bulletin of the Omsk University. Series: Economy]. Vol. 18. No. 3: 72–83. (In Russ.)

- Kornilov M., Kornilov A. (2021) New approaches to the precarization of mental labor in the conditions of the triumph of the neo-feudal system. *Obshchestvo i ekonomika* [Society and Economics]. No. 3: 52–63. (In Russ.)
- Makovskaya N.V. (2020) Gender Precarization of Employment in Belarus. *Sotsial'no-trudovyye issledovaniya* [Social and Labor Research]. No. 3: 44–55. (In Russ.)
- Maslova E.V. (2017) On the technique of revealing a stratum of precarias by the analysis of standard and non-standard types of employment. *Vestnik VIVT* [Bulletin of VIVT]. No. 2: 175–182.
- Popov A.V., Solovyova T.S. (2022) *Precarization of employment: threats to destabilize the situation of workers for the development of Russia*. Vologda: VoINC RAN. (In Russ.)
- Precarious employment: origins, criteria, features*. (2021) Ed. by Zh.T. Toshchenko. Moscow: Ves Mir. (In Russ.)
- Rakhlis T.P., Skvortsova N.V., Koptyakova S.V. (2017). Precarization as a consequence of the transformation of socio-economic systems. *Vektor nauki TGU* [Vector of science TSU. Series: Economics and Management]. No. 1: 57–62. (In Russ.)
- Shevchenko I.O., Shevchenko P.V. (2019) Gender features of precarity. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 9: 84–95. (In Russ.)
- Sizova I.L., Leonova L.A., Henze A. (2017) Precarity of employment and income in Russia and Germany: self-perception by employees. *Ekonomicheskaya sotsiologiya* [Economic sociology]. Vol. 18. No. 4: 14–59. DOI: 10.17323/1726-3247-2017-4-14-59. (In Russ.)
- Standing G. (2014) *Precariat: a new dangerous class*. Moscow: Ad Marginem Press. (In Russ.)
- Tartakovskaya I.N., Vanke A.V. (2019) Labor trajectories of precarious workers and the formation of precarious habitus. *Sotsiologicheskii zhurnal* [Sociological journal]. Vol. 25. No. 2: 99–115. DOI: 10.19181/socjour.2019.25.2.6388. (In Russ.)
- The Precariat: The Rise of a New Class*. (2020) Ed. by Zh.T. Toshchenko. Moscow: TsSP i M. (In Russ.)
- Tikhonova N.E., Karavay A.V. (2017) The impact of the economic crisis of 2014–2016 on the employment of Russians. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny* [Public opinion monitoring: Economic and social changes]. No. 2: 1–17. DOI: 10.14515/monitoring.2017.2.01. (In Russ.)
- Toshchenko Zh.T. (2018) *Precariat: from protoclass to new class*. Moscow: Nauka. (In Russ.)
- Vorobieva I.V. (2021) Precarization of youth in the sphere of social and labor relations. *Znaniye. Ponimaniye. Umeniye* [Knowledge. Understanding. Skill]. No. 3: 100–112. (In Russ.)
- Yadov V.A. (2001) The social resource of individuals and groups as their capital: the possibility of applying a universal methodology for studying real stratification in Russian society. In: *Who and where is striving to lead Russia?* Ed. by T.I. Zaslavskaya. Moscow: MVShSEN: 310–318. (In Russ.)

Received: 07.07.22. Final version: 29.07.22. Accepted: 29.08.22.

Р.И. АНИСИМОВ

РАБОЧЕЕ ВРЕМЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ ГАРАНТИИ ПРЕКАРИЕВ (ОПЫТ СРАВНИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА)

АНИСИМОВ Роман Иванович – кандидат социологических наук, декан социологического факультета Российского государственного гуманитарного университета, Москва, Россия (ranisimov@list.ru).

Аннотация. Статья посвящена сравнительному анализу продолжительности рабочего времени ядра прекариата – неофициально трудоустроенных работников – с работниками, оформленными на условиях бессрочного договора. На основе данных эмпирических исследований выявлено, что прекарии имеют более продолжительное рабочее время, которое скорее всего компенсируется более высокой заработной платой малоквалифицированных групп прекариев. Однако прекарии, в отличие от официально трудоустроенных наемных работников, исключаются из системы социальных гарантий. Эта социальная эксклюзия качественно отличает эту группу от других наемных работников. Работодатель в случае с неофициально трудоустроенными работниками извлекает дополнительный доход, перекладывая социальные обязательства по отношению к ним на общество. Автор полагает, что наиболее релевантным термином, обозначающим эту ситуацию, является понятие «рента» – как доход без трудовой деятельности. Процесс извлечения ренты работодателем, с одной стороны, сопровождается прекаризацией работника, с другой – имеет социальную природу и характеризует новую стадию капитализма, при которой идет целенаправленное снятие институциональных ограничений на выполнение основной функции капитализма – извлечение прибыли.

Ключевые слова: рабочее время • прекарии • прекариат • работодатель • наемный работник • социальная эксклюзия • рента • капитализм

DOI: 10.31857/S013216250021071-1

Постановка проблемы. В последнее время возрастает интерес к исследованиям неустойчивой, прекарной занятости [Стэндинг, 2014; Прекариат..., 2020; Прекарная..., 2021; Неустойчивая..., 2018; Попов, Соловьева, 2020; Wright, 2016; Jørgensen, 2016; Melin, Blom, 2015]. Исследователи анализируют положение прекариата в отдельных странах [Mikołajczak, Tzika, 2022; Livanos, 2022], распространенность неустойчивых трудовых отношений в различных сферах труда [Шевченко, 2021] или у отдельных социально-демографических групп [Кученкова, 2022]. Появляются исследования, анализирующие влияние пандемии COVID-19 на материальное положение и трудовые практики прекарных работников [Юрасов и др., 2021]. Можно утверждать, что тема прекарной занятости вошла в научный дискурс и активно развивается.

Однако отмечается дефицит исследований, посвященных влиянию прекарной занятости на трудовую деятельность. Как правило, авторы сосредотачивают внимание на уточнении параметров измерения прекарной занятости [Кученкова, 2019; Попов, 2020] или выявлении масштабов прекарной занятости [Анисимов, 2019; Тощенко, 2020]. В статье мы рассмотрим влияние прекарного статуса работника на его трудовую деятельность, а конкретно на продолжительность рабочего времени. Мы предполагаем, что прекарные (нестабильные) трудовые отношения способствуют увеличению рабочего времени работника. Попытаемся также ответить на вопрос, компенсируется ли избыточная продолжительность рабочего времени прекария, если она существует, увеличением заработной

Статья выполнена при поддержке гранта РФФИ № 18-18-00024.

Автор выражает признательность Анне Владимировне Кученковой, к. социол. н., старшему научному сотруднику Центра методологии социологических исследований Института социологии ФНИСЦ РАН за помощь в исследовании.

платы? В заключительной части работы мы постараемся ответить на вопрос о том, существуют ли качественные отличия между стандартно и precarious занятыми работниками. Ведь различная продолжительность рабочего времени – количественная характеристика, не позволяющая выделять precarious занятых в отдельную группу, а само понятие «precarious» в таком случае возможно использовать лишь как метафору, применимую к более эксплуатируемым наемным работникам¹, не выделяя precarious в отдельную реально существующую группу.

Рабочее время – это время, в течение которого работник должен исполнять трудовые обязанности. Законодательно устанавливается нормальная продолжительность рабочего времени – 40 часов². Наш анализ направлен на сравнение рабочего времени работников, не оформленных официально, с трудящимися, занятыми по бессрочным договорам. Неофициально трудоустроенных работников мы считаем основной группой precarious (его ядром), и в ней в наибольшей степени отражены ключевые характеристики данного социального класса (подробнее о работающих без трудовых договоров как ядре precarious и обосновании его как социального класса см.: [Precaariat..., 2020]). Особенно наглядно эти характеристики выступают в сравнении с занятыми по бессрочным договорам. Все оставшиеся группы (работающие по срочным договорам, договорам гражданско-правового характера) так или иначе воплощают в себе гибридные характеристики как бессрочно занятых, так и работников без трудовых договоров, и их анализ не позволит выявить существенных признаков precarious. Соответственно, сравнив продолжительность рабочего времени у этих групп наемных работников, на первом этапе исследования мы можем выявить, работают ли precarious больше, чем бессрочно занятые работники. На втором этапе, сравнив средние заработные платы precarious и бессрочно занятых работников, мы сможем выявить, компенсируется ли рабочее время заработной платой. На третьем этапе мы попытаемся обнаружить характеристики, качественно отличающие precarious от других групп наемных работников.

Эмпирической базой стали два исследования 2019 и 2020³ гг. (далее в тексте П-2019 и П-2020). В 2019 г. опрошены работники строительства, транспорта и торговли как наиболее precarious сфер экономики, в 2020 г. – работники промышленности

¹ Понятие эксплуатация не сводится лишь к рабочему времени работника, в то же время мы полагаем, что рабочее время является основным эмпирически верифицируемым показателем эксплуатации, который позволяет достаточно точно установить, какие группы эксплуатируются в большей или меньшей степени. Однако введение данного понятия требует углубленного теоретико-методологического обоснования, что не является целью данной работы. Поэтому в настоящей статье используется понятие продолжительности рабочего времени – как более нейтральное и не связанное с определенной парадигмой.

² Трудовой кодекс РФ. Статья 91. Понятие рабочего времени. Нормальная продолжительность рабочего времени.

³ В мае – июне 2019 г. проведен общероссийский репрезентативный опрос занятого населения России в возрасте 18 лет и старше в трех отраслях экономики: строительство, транспорт, торговля и сфера услуг ($N = 900$). Опрос проводился в восьми федеральных округах, в 22 субъектах РФ, в пяти типах поселений: мегаполисы (Москва и Санкт-Петербург), административные центры субъектов РФ, административные центры районов, поселки городского типа (пгт), села (пропорции вычислены по Росстату). Соблюдались квоты по трем социально-профессиональным группам населения: работники строительства, транспорта, торговли и сферы услуг. В октябре 2020 г. проведен всероссийский опрос трудоспособного населения России в возрасте 18 лет и старше в трех сферах: промышленность, сельское хозяйство и наука ($N = 900$, по 300 чел. в каждой). Из анализа были исключены работники науки, так как неофициально трудоустроенных в этой сфере, по данным нашего опроса, 4,7% (или 14 человек в абсолютных цифрах) и проведение сравнительного анализа с таким количеством респондентов некорректно. Исследование проводилось в восьми федеральных округах, в 21 субъекте РФ. При формировании выборки происходило районирование объектов, квоты соблюдались на двух ступенях пропорционально статистической численности населения в возрасте 18 лет и старше по федеральным округам и по пяти типам поселений; на последней ступени – по социально-профессиональным группам. Полевую стадию исследований обеспечил Центр социального прогнозирования и маркетинга (рук. Ф.Э. Шереги).

и сельского хозяйства. В совокупности во всех этих отраслях экономики трудятся свыше 51% всех российских работников, а в наших исследованиях в целом приняло участие 1500 респондентов, из них 736 респондентов (49% от всех опрошенных) имеют бессрочный договор работы, 333 человека (22% от всех опрошенных) работают без оформления трудового договора. В разных экономических сферах – разная продолжительность рабочего времени, что обусловлено спецификой труда в них, поэтому данные представлены в разрезе по отраслям экономики, а также в целом, по всей совокупности опрошенных в зависимости от их формы занятости.

Для осуществления процедуры триангуляции проведено сравнение с данными RLMS-HSE 29-й волны (октябрь 2020 – январь 2021)⁴. Были отобраны только работающие респонденты (6865 человек), из них трудоустроены официально 6423 человека (93,6%), работают неофициально – 426 человек (6,2%). В исследовании RLMS-HSE тип договора (бессрочный, срочный) не указан.

В ходе анализа данных для оценки статистической значимости отличий между сравниваемыми группами использованы статистические критерии (χ^2 , t), для определения тесноты взаимосвязи между рассматриваемыми признаками – коэффициент V Крамера.

Продолжительность рабочего времени прекариев. Вопросы, касающиеся ненормированного рабочего времени, различались в исследованиях 2019 и 2020 гг. (см. табл. 1, 2).

Прежде всего, мы видим, что стандартная занятость «уходит в историю», 42% работников с бессрочным трудовым договором и 71% работающих неофициально трудятся больше 8 часов ежедневно. Это говорит о широком распространении прекарной занятости среди работающего населения России, одним из проявлений которой является сверхзанятость. Понятно, что в некоторых отраслях получает распространение сменный график работы, который может влиять на увеличение рабочего дня, но в целом он не отклоняется от

Таблица 1

Продолжительность рабочего времени в зависимости от формы занятости по отраслям, 2019 г. (в % по строке)

Вопрос: «Обычно сколько времени вы трудитесь на вашей основной работе?»	Группы работников	Меньше 8 рабочих часов	Стандартно, 8 рабочих часов	Больше 8 рабочих часов	Статистический критерий, V Крамера
Строительство	Работники с БД*	2	69	29	$\chi^2 = 35,5$, df=2, p<0,001, V = 0,41
	Работники без ТД**	4	25	71	
Транспорт	Работники с БД	1	46	53	$\chi^2 = 13,4$, df=2, p=0,001, V = 0,27
	Работники без ТД	9	25	67	
Торговля, бытовое обслуживание	Работники с БД	2	51	47	$\chi^2 = 32$, df = 2, p < 0,001, V = 0,38
	Работники без ТД	9	14	77	
Всего	Работники с БД	1,8	56,3	41,9	$\chi^2 = 76,4$, df = 2, p<0,001, V = 0,35
	Работники без ТД	7,5	21,1	71,4	

Примечание. Здесь и далее в таблицах обозначено: * Работники с бессрочным договором, ** Работники без трудового договора.

⁴ «Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE)», проводимый НИУ «Высшая школа экономики» и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии ФНИСЦ РАН (URL: <http://www.hse.ru/rlms>; <https://rlms-hse.cpc.unc.edu>) (дата обращения: 24.03.2022).

Таблица 2

**Продолжительность рабочего времени в зависимости
от формы занятости по отраслям, 2020 г. (в % по столбцу)**

Вопрос: «Какой у вас график работы?»	Промышленность		Сельское хозяйство		Всего	
	бессрочный договор	без договора	бессрочный договор	без договора	бессрочный договор	без договора
Неполная занятость 4–5 часов в день	1,9	7,0	2,7	2,0	2,3	4,7
Стандартный 8-часовой рабочий день, пятидневная рабочая неделя	69,6	26,3	51,6	10,2	60,7	18,9
Посменная работа при 40-часовой рабочей неделе (12 через 12, сутки через двое, сутки через трое...)	16,7	12,3	16,8	8,2	16,8	10,3
Посменная работа свыше 40 часов в неделю	5,0	24,6	8,2	26,5	6,7	25,5
Ненормированный рабочий день	6,8	29,8	20,7	53,1	14,2	40,6
Статистический критерий, V Крамера	$\chi^2 = 50,9$, df = 4, p < 0,001, V = 0,48		$\chi^2 = 43,2$, df = 4, p < 0,001, V = 0,43		$\chi^2 = 84,6$, df = 4, p < 0,001, V = 0,43	

стандартной продолжительности рабочей недели (36–40 часов в неделю в зависимости от отрасли), поэтому в исследовании 2020 г. этот вопрос был скорректирован (табл. 2).

Мы видим, что в исследуемых отраслях доля официально оформленных работающих стандартно восемь часов – 60,6%, но при этом всего 18,9% неоформленных работников, трудящихся по такому же графику. При этом 40,6% имеют ненормированный рабочий день, а каждый четвертый работает свыше 40 часов в неделю. Разрыв по этим показателям от бессрочно трудоустроенных работников составляет три раза в первом случае и 3,8 раза во втором. Здесь также важно отметить, что наши респонденты работают в одних отраслях, и обосновывать такую разницу в рабочем времени спецификой различных отраслей не является корректным.

Сравнение по данным RLMS-HSE также показывает более продолжительный рабочий день у неофициально трудоустроенных работников (табл. 3).

Таблица 3

Продолжительность рабочего времени в зависимости от формы занятости (в часах)

Способ оформления трудоустройства	Значение	Сколько в среднем часов и минут продолжается ваш обычный рабочий день на этой работе? (часов)	Сколько часов в среднем продолжается ваша обычная рабочая неделя?
Оформлены официально	Среднее	9,45	42,86
	Медиана	8	40
Не оформлены официально	Среднее	10,65	48,41
	Медиана	10	48

Примечание. Разница между средними значениями по обоим вопросам (1,2 час. для продолжительности рабочего дня, 5,5 час. – недели) является статистически значимой (t = –4,8, df = 419, p < 0,001 и t = –5,6, df = 397, p < 0,001 соответственно).

Источник: RLMS-HSE, 29-я волна, 2020–2021.

Таблица 4

**Соотношение средних заработных плат в различных отраслях экономики
в зависимости от формы найма (в руб.)**

Отрасль	Группы работников	Среднее	Разница средних, статистический критерий	5% усеченное среднее	Медиана
Промышленность (2020)	Работники с БД	38782,80	6870,8 руб. $t = 3,28, p < 0,001$	37550	35000
	Работники без ТД	31912,00		31969	32000
Сельское хозяйство (2020)	Работники с БД	23162,00	844,6 $t = 0,51, p = 0,305$	22247	21800
	Работники без ТД	22317,40		21693	21500
Строительство (2019)	Работники с БД	43275,59	538,3 руб. $t = 0,121, p = 0,452$	39513	38000
	Работники без ТД	42737,29		39383	35000
Транспорт (2019)	Работники с БД	34241,05	-5300,6 руб. $t = 1,922, p = 0,028$	32812	30000
	Работники без ТД	39541,67		38164	35000
Торговля, бытовое обслуживание (2019)	Работники с БД	27738,69	2179,2 руб. $t = 1,15, p = 0,126$	26345	25000
	Работники без ТД	25559,46		24676	23600
Всего	Работники с БД	33440,03			
	Работники без ТД	32413,56			

Примечание. Полу жирным шрифтом выделены статистически значимые критерии.

Исходя из полученных данных можно сделать следующие выводы. (1) Несмотря на слабость защиты наемного работника со стороны государства и профсоюзов, а также преобладание неформальных договоренностей между работниками и работодателями [Капелюшников, 2001: 9], бессрочный трудовой договор снижает уровень манипулирования рабочим временем, официальное оформление все-таки защищает человека от произвола работодателя. (2) Продолжительность рабочего времени у неофициально трудоустроенных респондентов выше, чем у работников, имеющих бессрочный трудовой договор, что подтверждает наши предположения.

Конечно, мы не можем обойти вопрос о заработной плате, так как, возможно, неофициально трудоустроенные получают более высокую заработную плату за более длительный рабочий день, чем официально трудоустроенные работники. Сравнительный анализ средних заработных плат этих групп работников показывает, что работающие неофициально зарабатывают в целом меньше, чем трудоустроенные бессрочно, за исключением работников транспорта (табл. 4).

Статистическая значимость полученных данных (разницы в средних заработных платах работников с бессрочным договором и без договора) обнаружена только у работающих в промышленности и на транспорте, поэтому экстраполировать наши выводы на генеральную совокупность работников мы не можем, и для подтверждения наших выводов необходимо проводить дополнительное исследование на большем объеме выборочной совокупности.

Вместе с тем данные RLMS-HSE также показывают, что работники, занятые неофициально, получают в среднем на 5 500 рублей меньше, чем официально трудоустроенные (табл. 5).

Таблица 5

Соотношение средних заработных плат в зависимости от формы найма (в руб.)

Вопрос: «Вы оформлены на этой работе официально, то есть по трудовой книжке, трудовому соглашению, контракту?»	Вопрос: «За последние 12 месяцев какова была ваша среднемесячная зарплата на этом предприятии после вычета налогов – независимо от того, платят вам ее вовремя или нет?»
Оформлены официально	30825,07
Не оформлены официально	25361,51

Примечание. Разница между средними статистически значима ($t = 4,8$, $df = 6448$, $p < 0,001$).

Источник: RLMS-HSE, 29-я волна, 2020–2021.

Из полученных данных можно было бы сделать вывод, что работники, не имеющие трудового договора, имеют более продолжительный рабочий день, который не компенсируется повышенной заработной платой. Однако не все так однозначно. На размер заработной платы также оказывает влияние уровень образования работника. Неофициальное трудоустройство преобладает там, где требуется малоквалифицированный труд и сравнение заработных плат малоквалифицированных прекариев и высококвалифицированных официально трудоустроенных вполне возможно показывает не влияние формы договора на заработную плату, а влияние на нее уровня образования. Мы сравнили заработные платы прекариев и официально трудоустроенных, имеющих один и тот же уровень образования, и обнаружили, что неформальное трудоустройство приносит относительные выгоды малоквалифицированным работникам, они получают на руки в среднем больше (на 18% – работники с неполным средним образованием, на 5% – работники со средним образованием), чем официально трудоустроенные работники с таким же образованием, и совсем невыгодна работникам с высшим образованием (они получают в среднем на 21% меньше, чем трудоустроенные официально с таким же образованием), но в целом получается, что прекарии получают меньше (см. табл. 4, 5). Мы предполагаем, что работники-прекарии с высшим образованием, как правило, работают не по специальности, полученной в вузе, и поэтому их заработная плата не зависит от полученной квалификации. Таким образом, сравнивая прекариев и работающих официально, можно предполагать, что более продолжительный рабочий день компенсируется более высокой заработной платой у малоквалифицированных работников-прекариев, однако требуются дополнительные исследования для подтверждения этой гипотезы.

Отсутствие социальных гарантий как ключевое отличие прекариев. Различная продолжительность рабочего времени, разный уровень заработных плат и влияние на этот уровень образования работника не позволяют выделять работников-прекариев в отдельную группу, а уж тем более называть их отдельным классом. Результаты наших исследований говорят о том, что прекарии просто больше работают; получают они меньше, потому что в массе своей работают на малоквалифицированных рабочих местах, в отличие от работников с официальным трудоустройством, хотя и здесь не все так однозначно (см. выше). Иными словами, это такие же наемные работники, но работающие на «плохих работах». Для выделения прекариев в отдельную группу необходимы другие критерии, которые имеются у этой группы и отсутствуют у других. Наше исследование показало, что, помимо более продолжительного рабочего дня, работники без трудового договора лишаются доступа к общественным фондам потребления, или, иначе говоря, на них не распространяются социальные обязательства, гарантируемые трудовым законодательством (табл. 6).

На наш взгляд, эта социальная эксклюзия качественно отличает прекариев от других наемных работников. Работник, занятый официально, даже если он имеет более низкую заработную плату и такой же по продолжительности рабочий день, как и неофициально трудоустроенный работник, защищен хотя бы в минимальной степени от произвола

Таблица 6

Социальные гарантии в зависимости от формы занятости по отраслям
(в % по строке)

Вопрос: «Гарантирует ли вам организация, в которой вы работаете...» (вариант ответа – гарантирует)	Промышленность		Сельское хозяйство		Строительство		Транспорт		Торговля, бытовое обслуживание		Всего	
	работники с БД	работники без ТД	работники с БД	работники без ТД	работники с БД	работники без ТД	работники с БД	работники без ТД	работники с БД	работники без ТД	работники с БД	работники без ТД
Оплата больничных листов	89,4	33,3	83,7	18,4	78	4	65	7	72	9	77,6	14,3
Статистический критерий, V Крамера	$\chi^2 = 72,8$, df = 2, p < 0,001, V = 0,58		$\chi^2 = 80,6$, df = 2, p < 0,001, V = 0,59		$\chi^2 = 100$, df = 1, p < 0,001, V = 0,69		$\chi^2 = 63,8$, df = 1, p < 0,001, V = 0,59		$\chi^2 = 80,6$, df = 1, p < 0,001, V = 0,6			
Оплата отпуска	90,1	40,4	77,7	24,5	80	6	64	7	73	6	77	16,8
Статистический критерий, V Крамера	$\chi^2 = 63,8$, df = 2, p < 0,001, V = 0,54		$\chi^2 = 50,6$, df = 2, p < 0,001, V = 0,47		$\chi^2 = 102,7$, df = 1, p < 0,001, V = 0,7		$\chi^2 = 61,9$, df = 1, p < 0,001, V = 0,58		$\chi^2 = 89,1$, df = 1, p < 0,001, V = 0,63			
Оплата за время вынужденной остановки работы	62,1	5,3	51,6	4,1	44	6	32	6	38	6	55,5	5,5
Статистический критерий, V Крамера	$\chi^2 = 55,7$, df = 2, p < 0,001, V = 0,51		$\chi^2 = 39,7$, df = 2, p < 0,001, V = 0,41		$\chi^2 = 30,8$, df = 1, p < 0,001, V = 0,38		$\chi^2 = 18,2$, df = 1, p < 0,001, V = 0,31		$\chi^2 = 25,3$, df = 1, p < 0,001, V = 0,34			
Уход за ребенком	80,7	10,5	79,9	14,3	59	6	44	5	58	3	64,3	7,8
Статистический критерий, V Крамера	$\chi^2 = 89,8$, df = 2, p < 0,001, V = 0,64		$\chi^2 = 76$, df = 2, p < 0,001, V = 0,57		$\chi^2 = 53$, df = 1, p < 0,001, V = 0,5		$\chi^2 = 35,6$, df = 1, p < 0,001, V = 0,44		$\chi^2 = 64,9$, df = 1, p < 0,001, V = 0,54			
Возможность взять отгул при необходимости	83,2	31,6	75,5	49	78	37	60	44	68	53	72,9	42,9
Статистический критерий, V Крамера	$\chi^2 = 55$, df = 2, p < 0,001, V = 0,5		$\chi^2 = 13,8$, df = 2, p < 0,001, V = 0,24		$\chi^2 = 34,1$, df = 1, p < 0,001, V = 0,4		$\chi^2 = 4,2$, df = 1, p = 0,04, V = 0,15		$\chi^2 = 5$, df = 1, p = 0,025, V = 0,15			

Источник: П-2019; П-2020.

работодателя. Также очевидно, что работодатель существенно экономит расходы на фонд оплаты труда, не платя налоги за неофициально трудоустроенного работника, и тем самым удешевляет стоимость рабочей силы. Но, помимо этого, он перекладывает свои социальные обязательства по отношению к работнику на общество. Несмотря на то что

Таблица 7

Неформальные выплаты в зависимости от отрасли и формы договора

(в % по строке)

Вопрос: «Приходилось ли вам получать деньги в конверте за труд?»	Группы работников	Систематически, такая у нас оплата труда	Иногда	Никогда не получали	Статистический критерий, У Крамера
Промышленность	Работники с БД	5	30,4	64,6	$\chi^2 = 33,8$, df = 2, p < 0,001, V = 0,39
	Работники без ТД	33	31,6	35,1	
Сельское хозяйство	Работники с БД	4,3	15,2	80,4	$\chi^2 = 35,4$, df = 2, p < 0,001, V = 0,39
	Работники без ТД	28,6	28,6	42,9	
Строительство	Работники с БД	9	40	50	$\chi^2 = 74,4$, df = 2, p < 0,001, V = 0,6
	Работники без ТД	66	13	21	
Транспорт	Работники с БД	20	31	49	$\chi^2 = 16,3$, df = 2, p < 0,001, V = 0,3
	Работники без ТД	47	15	38	
Торговля, бытовое обслуживание	Работники с БД	10	28	62	$\chi^2 = 67,1$, df = 2, p < 0,001, V = 0,55
	Работники без ТД	62	8	31	
Всего	Работники с БД	9,8	28,9	61,3	
	Работники без ТД	47,3	19,2	33,5	

Источник: П-2019; П-2020.

за работника не поступает никаких налоговых отчислений, он все равно будет получать социальную пенсию, его будут лечить по ОМС, а его дети будут ходить в школу, но оплачивать эти услуги будут другие.

Мы предполагаем, что прекарная занятость, создаваемая вследствие стремления работодателя снизить фонд оплаты труда и переложить социальные обязательства на общество, лучше всего описывается понятием ренты как *формы получения дохода без трудовой деятельности*. Т.е. прекарная занятость выгодна работодателю, но это выгода извлекается не из труда работника, а из привилегированного положения работодателя как «создателя рабочих мест», и это уже не экономические отношения, а отношения власти. Понятие «рента» раньше в основном отождествлялось с земельной рентой. В настоящее время оно дополнено и подразумевает любой доход, вытекающий из привилегированного положения рентополучателя⁵. Бывают ренты – образовательные, политические, экономические, рента за талант и т.д. В данной работе мы придерживаемся определения ренты, которое включает «материальные и иные блага, которые получают индивиды,

⁵ Мы не разделяем тезиса, нерелевантного, на наш взгляд, действительности, о том, что любое богатство создается трудом (трудовая теория стоимости). Доход или прибыль извлекается не только из изъятия прибавочной стоимости, как неоплачиваемого труда работника, но и из того места в социальной структуре общества, которое занимает субъект. У одного субъекта прав и/или привилегий/власти больше, чем у другого. Это создает возможность извлечения ренты, или дохода от своей позиции, в нашем случае – работодателя (подробнее о рентоориентированном классовом анализе см.: [Подходы..., 2019: 177–223]).

социальные группы и даже отдельные общества вследствие занятия выгодной позиции в социально-политической структуре. Эта позиция позволяет обращать другие социальные позиции, а также природные и иные ресурсы в **дары природы**» (выделено авт.) [Фишман и др., 2019: 25]. Под «дарами природы» здесь понимается то, что берется даром, без трудовой деятельности. Мы полагаем, что работодатель, по сути, берет ренту с общества за то, что он обеспечивает работой людей. Такое положение дел ухудшает положение всего общества. Государство вследствие недополучения налогов вынуждено, во-первых, сокращать свои социальные обязательства, что приводит к деконструкции модели социального государства, во-вторых, увеличивать налоги, чтобы покрыть расходы, что приводит к увеличению неформальной экономики и опять-таки к уменьшению налоговой базы государства. Помимо этого, снижение фонда оплаты труда вследствие отсутствия формального трудоустройства сотрудников удешевляет себестоимость выпускаемой продукции, а это позволяет успешней конкурировать данным компаниям на рынке и принуждает других рыночных агентов использовать подобные методы, так как работать «по-белому» не выгодно. Поэтому мы предполагаем, что в целом количество прекариев будет расти, так как их распространение оказывается экономически целесообразным для работодателя, а риски осуществления теневой деятельности не превосходят ее преимуществ.

По нашим данным, в среднем около половины работающих неофициально систематически получают зарплату «в конверте», что в пять раз выше, чем среди их формально трудоустроенных коллег (табл. 7). Для работника это означает отсутствие трудовой пенсии в будущем, для общества – необходимость находить дополнительные ресурсы для жизнеобеспечения такого работника, для работодателя – конкурентное преимущество. То есть прекарное состояние работника ведет к плохим жизненным условиям в настоящем и нестабильности в будущем, а работодателя делает богаче и соответственно укрепляет его положение. На наш взгляд, более релевантно складывающуюся ситуацию описывает теория классовых отношений, где положение одного класса определяется через положение другого класса, а господствующий класс создает и увеличивает класс подчиненный.

Выводы. Мы выявили, что для работников, занятых без оформления трудового договора, характерно более продолжительное рабочее время, чем для официально трудоустроенных работников. Помимо этого, прекарии лишены доступа к социальным гарантиям, расходы на которые работодатель просто не закладывает в общий фонд оплаты труда, а перекладывает на общество и соответственно извлекает больший доход. Этот доход основан не на трудовой деятельности работника, а на привилегированном положении работодателя. Такие отношения мы описываем как ренту. Расплачиваются за эту ренту и прекарий, и все общество. Класс прекариев создается и расширяется классом работодателей, и таким образом релевантной теорией для описания этих процессов является теория классовых отношений. Очевидно, что процесс прекаризации рабочей силы имеет негативные последствия как для работников, так и для большинства населения страны. Однако здесь стоит оговориться, что прекаризация негативна не для всего общества, есть группы, которые выигрывают от этого процесса. Мы предполагаем, что если бы этот процесс нес ухудшение труда и жизни всем, то скорее всего он не получал бы распространения. Прекаризация выгодна прежде всего для предпринимателей-работодателей, а также немногочисленных высокообразованных слоев профессионалов-фрилансеров. Именно эти слои распространяют прекаризацию трудовой сферы. Таким образом, она имеет в своей основе социальную природу и является социальным явлением. Для легитимизации процесса прекаризации ее очень часто выдают за следствие технического прогресса и изменений форм организации труда. Т.е. предпринимаются попытки лишить субъектности процесс прекаризации. На наш взгляд, здесь происходит перестановка причины со следствием, когда технологическое развитие выдается за причину изменения социальных отношений, хотя на самом деле все наоборот. Социальные отношения являются причиной технологических новаций, работодатели стремятся снизить издержки на заработную плату и поэтому вводят инновации, т.е. предприниматели прекаризуют рабочую силу с помощью инноваций. Помимо этого, прекаризация зависит не только от технологий,

описанная нами выше рента работодателя не имеет ничего общего с технологическим развитием, а является следствием избегания уплаты налогов. Мы предполагаем, что здесь стоит говорить о новой фазе развития капитализма, при которой идет целенаправленное снижение институциональных ограничений на выполнение основной функции капиталистического предприятия – извлечение прибыли. Новые технологии – лишь одно из средств снятия этих ограничений. Именно следствием такого этапа развития капитализма и являются появление и рост нового социального класса – прекариата, положение которого показано в этой статье через характеристики рабочего времени и социальной эксклюзии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Анисимов Р.И. Прекаризованная занятость в России: опыт определения основных индикаторов // Социологические исследования. 2019. № 9. С. 64–72. DOI: 10.31857/S013216250006652-0.
- Капелюшников Р.И. Введение к книге «Российский рынок труда: адаптация без реструктуризации» // Экономическая социология. 2001. Том 2. № 2. С. 5–22.
- Кученкова А.В. Прекаризация занятости: к методологии и методам измерения // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2019. Т. 19. № 1. С. 134–143. DOI: 10.22363/2313-2272-2019-19-1-134-143.
- Кученкова А.В. Прекаризация занятости и субъективное благополучие работников разных возрастных групп // Социологический журнал. 2022. Том 28. № 1. С. 101–120. DOI: <https://doi.org/10.19181/socjour.2022.28.1.8840EDN:FSNBZJ>.
- Неустойчивая занятость в Российской Федерации: теория и методология выявления, оценивание и вектор сокращения / Под ред. В.Н. Бобкова. М.: КНОРУС, 2018.
- Подходы к классовому анализу: коллективная монография / Под ред. Э.О. Райта. Киев: Институт социологии НАН Украины, 2019.
- Попов А.В. От прекарной занятости к прекариату // Социологические исследования. 2020. № 6. С. 155–160. DOI: 10.31857/S013216250009300-3.
- Попов А.В., Соловьева Т.С. Прекаризация занятости: анализ научного дискурса о сущности и векторах измерения // Социологические исследования. 2020. № 9. С. 103–113. DOI: 10.31857/S013216250009618-2.
- Прекариат: становление нового класса: (коллективная монография) / Под ред. Ж.Т. Тощенко. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2020.
- Прекарная занятость: истоки, критерии, особенности / Под ред. Ж.Т. Тощенко. М.: Весь Мир, 2021.
- Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс. М.: Маргинем Пресс, 2014.
- Тощенко Ж.Т. Общие и специфические критерии прекарной занятости (опыт эмпирического анализа) // Социологические исследования. 2020. № 9. С. 90–102. DOI: 10.31857/S013216250009905-8.
- Фишман Л.Г., Мартыанов В.С., Давыдов Д.А. Рентное общество: в тени труда, капитала и демократии. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019.
- Шевченко И.О. Занятость в научной сфере в гендерном контексте // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2021. № 1 (ч. 2). С. 218–230. DOI: 10.28995/2073-6401-2021-1-218-230.
- Юрасов И.А., Танина М.А., Юдина В.А., Кузнецова Е.В. Состояние и тенденции развития теневого рынка услуг в эпоху пандемии COVID-19 в России // Вестник университета. 2021. № 8. С. 97–106. DOI: 10.26425/1816-4277-2021-8-97-106.
- Jørgensen M. Precariat – What it Is and Isn't – Towards an Understanding of What it Does // Critical Sociology. 2016. No. 42 (7–8). P. 959–974. DOI: 10.1177/0896920515608925.
- Livanos I., Tzika E. Precarious employment in Greece: economic crisis, labour market flexibilisation, and vulnerable workers / Hellenic Observatory Discussion Papers on Greece and Southeast Europe. 2022. Paper № 171. URL: http://eprints.lse.ac.uk/115058/1/GreeSE_171.pdf (дата обращения: 15.04.22).
- Melin H., Blom R. Precarity in Different Worlds of Social Classes // The New Social Division. Making and Unmaking Precariousness. London: Palgrave Macmillan, 2015. DOI: 10.1057/9781137509352.
- Mikołajczak P. Determinants of precarious employment in social enterprises in Central and Eastern Europe // Journal of Business Research. 2022. Vol. 146. P. 398–408. DOI <https://doi.org/10.1016/j.jbusres.2022.03.085>.
- Wright E. O. Is the precariat a class? // Global Labour Journal. 2016. No. 7 (2). P. 123–135. DOI: 10.15173/glj.v7i2.258.

Статья поступила: 28.06.22. Финальная версия: 14.09.22. Принята к публикации: 21.09.22.

WORKING HOURS AND SOCIAL GUARANTEES OF THE PRECARIAT (A COMPARATIVE ANALYSIS)

ANISIMOV R.I.

Russian State University for the Humanities, Russia

Roman I. ANISIMOV, Cand. Sci. (Sociol.), Dean of the Faculty of Sociology, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia (ranisimov@list.ru).

Acknowledgements. The article is written with the support Russian Science Foundation Grant № 18-18-00024.

Abstract. The article is devoted to a comparative analysis of the working hours of the core of the precariat – informally employed workers with employees registered on the terms of an indefinite contract. Based on empirical research data, it has been revealed that precariats have longer working hours, which is presumably compensated by higher wages of low-skilled groups of precariats. However, in addition to longer working hours, the precariat, unlike officially employed employees, is excluded from the system of social guarantees. This social exclusion qualitatively distinguishes the precariat from other employees. The employer, extracting additional income from the precarious state of the employee shifts social obligations towards the latter to society. The author of the article believes that the most relevant term denoting this situation is the concept of “rent” – as the extraction of income without labor activity. The process of rent extraction by the employer on the one hand and the precarization of the worker on the other hand has a social nature and characterizes a new stage of capitalism, in which there is a purposeful removal of institutional restrictions on the fulfillment of the main function of capitalism – profit-making.

Keywords: working time, precariat, employer, employee, social exclusion, rent, capitalism.

REFERENCES

- Anisimov R.I. (2019) Precarious employment in Russia: specifying major indicators. *Sotsiologicheskie Issledovaniia* [Sociological Studies]. No. 9: 64–72. DOI: 10.31857/S013216250006652-0. (In Russ.)
- Bobkov V.N. ed. (2018) *Unstable Employment in Russian Federation: Theory and Methodology of Identification, Evaluation and Reduction*. Moscow: KNORUS. (In Russ.)
- Jørgensen M. (2016) Precariat – What it Is and Isn’t – Towards an Understanding of What it Does. *Critical Sociology*. No. 42 (7–8): 959–974. DOI: 10.1177/0896920515608925.
- Kapelyushnikov R. (2001) Russian Labour Market: Adaptation without Restructuring. *Ekonomicheskaya sociologiya* [Journal of Economic Sociology]. Vol. 2. No. 2: 5–22. (In Russ.)
- Kuchenkova A.V. (2019) Precarious employment: Methodology of measurement *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Sociologiya* [RUDN Journal of Sociology]. Vol. 19. No. 1: 134–143. DOI: 10.22363/2313-2272-2019-19-1-134-143. (In Russ.)
- Kuchenkova A.V. (2022) Employment Precarization and Subjective Well-Being of Employees in Different Age Groups. *Sotsiologicheskii Zhurnal* [Sociological Journal]. Vol. 28. No. 1: 101–120. DOI: <https://doi.org/10.19181/socjour.2022.28.1.8840>. (In Russ.)
- Livanos I., Tzika E. (2022) Precarious employment in Greece: economic crisis, labour market flexibilisation, and vulnerable workers in: *Hellenic Observatory Discussion Papers on Greece and Southeast Europe*. Paper № 171. URL: http://eprints.lse.ac.uk/115058/1/GreeSE_171.pdf (accessed 05.06.22).
- Melin H., Blom R. (2015) Precarity in Different Worlds of Social Classes in: *The New Social Division. Making and Unmaking Precariousness*. London: Palgrave Macmillan. DOI: 10.1057/9781137509352.
- Mikołajczak P (2022) Determinants of precarious employment in social enterprises in Central and Eastern Europe. *Journal of Business Research*. Vol. 146: 398–408. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jbusres.2022.03.085>.
- Popov A. (2020) From precarious employment to the precariat. *Sotsiologicheskie Issledovaniia* [Sociological Studies]. No. 6: 155–160. DOI: 10.31857/S013216250009300-3. (In Russ.)
- Popov A., Soloveva T. (2020) Employment precarization: an analysis of academic discourse on the essence and ways of measuring. *Sotsiologicheskie Issledovaniia* [Sociological Studies]. No. 9: 103–103. DOI: 10.31857/S013216250009618-2. (In Russ.)
- Shevchenko I.O. (2021) Employment in science: Gender Context. *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series*, No. 1 (part 2): 218–230, DOI: 10.28995/2073-6401-2021-1-218-230. (In Russ.)

- Standing G. (2014) *The Precariat. The new dangerous class*. Moscow: Ad marginem press. (In Russ.)
- Toschenko Zh. (2020) General and specific criteria for precarious employment: empirical analysis. *Sotsiologicheskie Issledovaniia* [Sociological Studies]. No. 9: 90–102. DOI: 10.31857/S013216250009905-8. (In Russ.)
- Toschenko Zh. ed. (2020) *Precariat: The emergence of a new class (collective monograph)*. Moscow: Center for Social Forecasting and Marketing publ. (In Russ.)
- Toschenko Zh. (ed.) (2021) *Precarious employment: beginnings, criteria, features*. Moscow: Ves' Mir. (In Russ.)
- Wright E.O. (2016) Is the precariat a class? *Global Labour Journal*. No. 7 (2): 123–135. DOI: 10.15173/glj.V7i2.258.
- Wright E.O. (ed.) (2019) *Approaches to class analysis*. Kyiv: Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Ukraine. (In Russ.)
- Yurasov I.A., Tanina M.A., Yudina V.A., Kuznetsova E.V. (2021) The state and development trends of the informal services market in the Russia in the era of the COVID-19 pandemic. *Vestnik universiteta*. No. 8: 97–106. DOI: 10.26425/1816-4277-2021-8-97-106. (In Russ.)
- Fishman L.G., Mart'yanov V.S., Davydov D.A. (2019) *Rental society: in the shadow of labor, capital and democracy*. Moscow: HSE Publishing House. (In Russ.)

Received: 28.06.22. Final version: 14.09.22. Accepted: 21.09.22.

© 2022 г.

Е.Р. ЯРСКАЯ-СМИРНОВА, В.Н. ЯРСКАЯ-СМИРНОВА

ЖИЗНЕННЫЙ МИР ПОМОГАЮЩЕЙ ПРОФЕССИИ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ: ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ СИМВОЛИЧЕСКИХ ГРАНИЦ

ЯРСКАЯ-СМИРНОВА Елена Ростиславовна – доктор социологических наук, профессор, заведующая Международной лабораторией исследований социальной интеграции, Научно-исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия (elena.iarskaia@gmail.com; eiaarskaia@hse.ru); ЯРСКАЯ-СМИРНОВА Валентина Николаевна – доктор философских наук, профессор, директор Научно-образовательного регионального центра мониторинговых исследований, Саратовский государственный технический университет имени Ю.А. Гагарина, Саратов, Россия (yarskayasmirnovavn@sstu.ru).

Аннотация. В статье представлены теоретические ракурсы рассмотрения символических границ в практике помогающей профессии, раскрытые и интерпретированные на основе анализа интервью с социальными работниками и маломобильными получателями услуг в трех российских городах. Авторы рассматривают уровни и свойства символических границ в отношениях, складывающихся в практике повседневности социальной работы под влиянием вызовов пандемии, когда усложняются противоречия повседневной практики, растут риски и уязвимость участников взаимодействий. Показано, что конструирование символических границ становится практической задачей, которую решают в своей трудовой рутине работники социальных служб. Жизненный мир социальных работников рассмотрен в триединстве представлений, опыта и средовых условий, рассматриваются реакции работников социальных служб на основные вызовы в период пандемии: рост барьеров в контактной и удаленной работе; противоречивость организационных нововведений; новые риски в условиях растущих потребностей и уязвимости клиентов; риски выгорания, управление эмоциями и стрессом. Показано, что изменения символических границ, ведущие к нарушению целостности профессиональной идентичности, требуют особых усилий «пограничной работы». По результатам анализа интервью выделено несколько типов пограничной работы: кристаллизация, закрытие, страдание, компромисс, нарушение, творчество.

Ключевые слова: символические границы • помогающая профессия • пандемия • социальная работа • пограничная работа • социальная реальность • повседневность • жизненный мир • интервью • клиенты

DOI: 10.31857/S013216250021064-3

Пандемия коронавируса COVID-19 потрясла человечество, унеся жизни около 15 млн человек и пошатнув здоровье сотен миллионов (ВОЗ, 2022), снизила уровень благополучия людей во всем мире [Bathina et al., 2021; Giuntella et al., 2021]. Разрушив прежнюю, она стала новой социальной реальностью [Pfister, 2020]. Многообразные ее эффекты давали о себе знать на разных уровнях – в социальных институтах, действиях государства, общества и социальных групп. Социологические и междисциплинарные исследования пандемии выявляли изменения социального настроения, тенденции сплочения и разобщения, способы совладания людей с испытаниями. Социальная реальность пандемии несла повышенные риски социального

исключения отдельных групп [Галкин, 2021], противоречия новых норм и разрывы социальной ткани [Neville et al., 2021]. Критическая аналитика рассматривала недостатки различных систем социальной политики, происходило переосмысление социальной справедливости, приращение рефлексии политических режимов и институтов. Неравная транспортная доступность и перебои с транспортными услугами в этот период усугубили социальные разрывы, сокращая мобильность социально уязвимых групп населения и тем самым затрудняя получение медицинской помощи [Wang et al., 2021].

Важную роль в это время сыграли различные институты социальной заботы: сложившиеся и новые формы деятельности, проводимой муниципальными социальными службами и благотворительными фондами, некоммерческими профессиональными сервисами и волонтерами, семейно-родственные и соседские практики самопомощи [Ярская-Смирнова, Ярская-Смирнова, 2021]. Социальные работники во время пандемии COVID-19 были подвержены высоким рискам¹ из-за контакта с различными группами нуждающихся в помощи, что влияло на их жизнестойкость, вызывало эмоциональное выгорание, вторичную травму и снижало устойчивость на работе [Rutter, Banks, 2021; Ratzon et al., 2022]. Повседневная социальная реальность в условиях нового «нормального чрезвычайного положения» [Golightley, Holloway, 2020] начала перестраиваться под новые правила, при том что многие хронические проблемы продолжали оставаться в центре внимания работников социальных служб, но не все из них могли быть решены ввиду новых ограничений. Исследователи указывают на «управление неопределенностью» как ключевой концепт анализа интервью с социальными работниками при обсуждении рисков контактной работы, согласования границ работа/дом, личной устойчивости и адаптации к новым практикам [Kingstone et al., 2022].

В социальной работе существует множество символических границ. В литературе обсуждаются те, что отделяют социальную работу от смежных видов занятий [Abbott, 1995], закладывают основы профессиональной идентичности и межпрофессиональных отношений [Oliver, 2013]. Проводятся исследования разнообразных разделений и определений внутри профессии: между рабочим и свободным временем, общим и личным пространством, профессиональными и личными отношениями социальных работников [Cooper, 2012; Kapelj, 2022; Clewellyn, 1998; O'Leary et al., 2015; Oliver, 2013; Reamer, 2003; Trimberger, 2012]. Подчеркивается, что жесткие границы в отношениях между работником и клиентом были привнесены в профессию из медицины, а с развитием профессиональной идентичности социальной работы ее этос и границы стали пониматься с учетом разнообразных взаимосвязей, инклюзивно и динамично [O'Leary et al., 2013].

Границы не только разделяют, они определяют, т.е. задают пределы, расчерчивают, тем самым упорядочивают для нас окружающий мир. Если определения различных характеристик объектов или действий ведут к неравному распределению ресурсов, такие границы называют социальными [Lamont, Molnár, 2002]. С одной стороны, символические границы – это социальные факты, оказывающие на людей внешнее воздействие. Они могут измеряться в физических единицах, быть ощутимыми или нематериальными; складываться в определенных условиях, воплощаться в действиях и осмысливаться как правила и инструменты контроля за их выполнением. С другой стороны, символические границы являются продуктом социальной деятельности, причем иногда люди сопротивляются принятым определениям и пересматривают их. Иными словами, это социальные конструируемые.

Говоря о профессии, мы находим множество разнообразных правил: в нормативных документах, этических кодексах, а также в народной мудрости – *tacit knowledge*, т.е. в неформальных, неписаных законах, которые созданы в организации или в результате договоренностей с клиентами [Ярская-Смирнова, Романов, 2006; Zeira, Rosen, 2000]. То, как создаются,

¹ См.: UNICEF 2020. Безопасность и благополучие работников социальных служб во время реагирования на пандемию COVID-19. Рекомендуемые действия. URL: <https://www.unicef.org/ukraine/media/7046/file/SSW%20safety%20in%20COVID%20RUS.pdf>; IFSW (2020). Этические проблемы для социальных работников во время COVID-19: глобальная перспектива. URL: <https://www.ifsw.org/ethical-challenges-for-social-workers-during-covid-19-a-global-perspective> (дата обращения: 09.10.2022).

отстаиваются, нарушаются или укрепляются разнообразные определения и правила, в литературе называют *boundary work*, т.е. процессом социального конструирования границ [Llewellyn, 1998]. Процесс конструирования границ рассматривается в феноменологическом дискурсе о жизненном мире профессий и профессиональных групп, которые, по словам Э. Хьюза, способны «порождать социальные правила и санкции и становиться непроницаемыми для попыток посторонних их контролировать» (цит. по: [Николаев, 2012: 67]).

В этом исследовании нас интересует, как происходило конструирование символических границ в жизненном мире социальной работы в период пандемии. Жизненный мир этого рода занятий мы предлагаем рассмотреть с опорой на идеи социологии жизни [Тощенко, 2011]. Здесь социальная реальность понимается как взаимосвязь между микромиром человеческого опыта, межличностных отношений и интерпретаций субъективных смыслов, с одной стороны, и миром социальных фактов, воплощенных в социальных условиях и институтах, в которых протекает повседневная деятельность помогающих специалистов, – с другой. Жизненный мир можно раскрыть через единство представлений, поведения и средовых условий [Тощенко, 2015]. В этом подходе интегрируются перспективы изучения мотивов и действий социальных акторов на микроуровне, отсылающие к антропологии профессий [Романов, Ярская-Смирнова, 2009], и анализа средовых условий, который перекликается с критической экологией профессий [Абрамов, Ярская-Смирнова, 2017].

Под символическими границами мы будем понимать официальные и негласные правила, регулирующие разделение труда, деятельность социальных работников, их взаимоотношения с клиентами, упорядочивающие пространство и время их повседневного опыта. Формирование символических границ становится практической задачей, которую решают в своей трудовой рутине работники социальных служб в условиях пандемической травматизации [Pfister, 2020]. В каких обстоятельствах и форматах конструируются такие регламенты, к каким эффектам приводит их институционализация и нарушения в условиях пандемии? Как меняются эти правила, какие инструменты при этом используются? Эмпирическую базу исследования составили интервью с 27 сотрудниками социальных служб и 23 клиентами, собранные летом 2021 г. в Казани, Саратове и Томске².

Говоря о разных элементах концептуальной рамки «сознание-поведение-среда», мы понимаем их единство в жизненном мире [Тощенко, 2015]. Мы рассмотрим уровни формирования символических границ, проинтерпретируем то, какими свойствами их наделяют повседневные акторы – социальные работники; обсудим способы осуществления «пограничной работы».

Период пандемии обострил проблемы опекаемых клиентов, в частности, среди получателей услуг из числа пожилых людей, а также детей и взрослых с опытом инвалидности, членов их семей, усложнил возникающие в этой практике дилеммы и запустил рефлексивную работу по реинтерпретации границ. В нашем исследовании социальные работники рассказывали нам о своем опыте проживания вызовов пандемии, делились своей рефлексией меняющегося порядка, представлениями о правилах, с которыми имели дело в повседневной практике оказания услуг. Все эти вызовы возникали в результате сдвига или разрыва символических границ, нередко они вели к нарушению целостности профессиональной идентичности, требуя «пограничной работы». Как же реагировали социальные работники на эти вызовы, как рефлексировали и что предпринимали? Дальнейшее обсуждение мы построим по типам вызовов и соответствующим ответным реакциям работников социальных служб.

Рост барьеров в отношениях с клиентами. Во время пандемии социальные работники, с одной стороны, испытывали стрессы, схожие с состоянием многих их клиентов, а с другой

² При обращении к высказываниям информантов в тексте используются следующие сокращения: ИНеСР – интервью с работниками муниципальных социальных служб, ИНеСРадм – интервью с администраторами муниципальных социальных служб, ИНеНКО – интервью с социальными работниками или волонтерами некоммерческих организаций, ИНеНКОадм – интервью с администраторами некоммерческих организаций, ИНеМ – интервью с маломобильными клиентами социальных сервисов: людьми с инвалидностью, родителями детей с инвалидностью и пожилыми гражданами.

стороны, подвергались повышенным рискам. Некоторым сотрудникам социальных служб приходилось прерывать свою занятость, поскольку они сами оказывались на карантине по болезни, а также должны были выполнять обязанности по уходу за своими детьми или пожилыми родственниками.

В период пандемии доверие клиентов к социальным работникам становилось хрупким. Страхи подпитывали недоверие, обвинения в адрес практиков. Ранее в их коммуникации, с одной стороны, отмечалась формальная грань между представителем социальной службы и клиентом, а с другой – эти контакты характеризовались как теплые и надежные. Клиенты нередко наделяли такие связи символическим значением родственных, семейных. В ситуации пандемии эти границы, выступающие одновременно соединяющими и разделяющими линиями отношений, становились ломкими и тонкими. Рост страхов и утрата доверия со стороны клиентов воплощались в барьерах при взаимодействии с социальными работниками.

В нарративах высвечиваются эмоциональные переживания, панические состояния, обвинительные модальности, с которыми сталкивались работники: «...у этих бабушек началась паника: “Не приходите ко мне, ничего мне не приносите, ничего мне не давайте”, и негатив тоже был, потому что бабушка эта с утра поехала, допустим, в поликлинику, общалась там с пятью старушками в очереди, а потом заболела... Ну, пандемия, да? А потом: “Вот, меня заразили соцработники”. Вот, бывало такое» (И34СР). Нередко социальные работники испытывали двойную стигматизацию – не только их клиенты, но и их собственные семьи видели в них потенциальных разносчиков вируса.

На эти вызовы система социальных служб реагировала несколькими способами. С увеличением числа нуждающихся и при скудеющих ресурсах работникам приходилось выделять наиболее уязвимых получателей услуг, т.е. проводить дополнительную дифференциацию. Кроме того, внедрялись технологии удаленной работы, а также был введен целый ряд ограничений, предпринимались усилия по безопасности сотрудников.

Виртуальные социальные услуги: пределы возможностей. В условиях карантина с его жесткими ограничениями возникали новые возможности коммуникации. Получатели услуг рассказывали о том, как они осваивали новые технологии. Некоторые преуспели в этом, иные продолжали пользоваться помощью социальных работников. Тем самым они раздвигали границы коммуникативного пространства, расширяли пределы своих возможностей. Например, многие получатели услуг впервые освоили портал «Госуслуги». Для этого вначале необходима была помощь и консультация социальных работников, цифровая грамотность постепенно росла: «...вроде как бы нормально, освоились, коды эти всякие отправляли» (И10М). Многие столь высоко оценили эти новые возможности, что видели «огромный плюс в том, что наступила пандемия» (И26М). Пусть и снизились возможности общения, но теперь людям с инвалидностью и родителям детей-инвалидов уже не нужно было ехать за справками по освидетельствованию, все можно было найти на портале «Госуслуги», получить необходимую документацию: «Возможно, было бы побольше контактов, если бы не ковид, а здесь – достаточно позвонить, продиктовать» (И8М).

Развитие виртуальных технологий социального обслуживания способствовало основательному перерисованию символических границ, определяющих профессиональную идентичность практиков. Если раньше работники помогали своим подопечным заполнять бумаги, ходили вместе с ними или вместо них в офисы государственных услуг, то теперь должны были обучить своих клиентов пользоваться электронными сервисами. Однако виртуальная социальная работа имела целый ряд ограничений.

То, что пандемия ознаменовала ускорение цифровизации социальной сферы, считается известным фактом. Однако переход на электронные системы коммуникации был неравномерным. Сама система социальных служб также должна была научиться пользоваться цифровыми технологиями, но произошло это не сразу и не везде. Цифровой разрыв характеризует неравенство в оснащенности социальных служб в различных регионах и населенных пунктах электронной техникой и технологиями, неодинаковой степени готовности к такому переходу среди разных категорий клиентов. В интервью упоминалось о трудностях, которые испытывали

пожилые руководители и сотрудники, не имеющие опыта работы с онлайн-сервисами, мобильными приложениями. Дополнительное обучение по использованию онлайн-технологий проводилось, но далеко не во всех регионах, социальных службах.

Аналогичные свидетельства можно найти в зарубежных публикациях о работе социальных служб, там многим социальным работникам тоже пришлось быстро осваивать и внедрять виртуальные социальные услуги на практике, несмотря на недостаточную подготовку людей и зачастую недоступность технологий [Aschcroft, 2022]. При этом практически сразу стало понятно, что не все виды услуг можно перенести в виртуальную реальность, например, психологические консультации, работу со сложными случаями внутрисемейных конфликтов, пренебрежения или жестокого обращения с детьми, насилия.

В ряде организаций нам говорили об успехах: удалось укрепить свою базу, расширить объем и перечень услуг, внедрить новые услуги по коммуникации, активизации индивидов и сообществ. Среди них, например, – программа «Новые старшие», которая призвана через онлайн-технологии выявить, мотивировать и поддержать лидеров небольших, локальных сообществ старшего поколения.

В ходе исследования мы услышали и рассказы о том, что виртуальные технологии могли наносить определенный вред как работникам, так и получателям услуг, и прежде всего тем, чья медиаграмотность невысока. Здесь речь шла о рисках киберпреступности, о вреде для зрения и физического самочувствия в целом ввиду резкого ограничения подвижности. Групповые чаты, в особенности широко используемые мессенджеры WhatsApp, не могли гарантировать конфиденциальность. Нам рассказывали, что в групповые чаты клиентов могли включаться под псевдонимом администраторы социальных служб.

Прямую социальную помощь нельзя было заменить онлайн-коммуникациями. Понимая это, сотрудники некоммерческих организаций продолжали аутич-работу по доставке питания бездомным даже в условиях жестких ограничений, изолирующих социальных помощников от нуждающихся в период карантина. Социальные службы не смогли охватить всех нуждающихся, система не справлялась, и в это время большую роль сыграли негосударственные социальные сервисы, волонтерские выездные бригады, доставлявшие нуждающимся продукты питания и другие базовые услуги.

Удаленная работа, предоставляя инновационные решения для некоторых услуг, не могла восполнить потребности в живом общении. По свидетельствам информантов, в периоды изоляции многие получатели услуг, особенно одиноко проживающие пожилые граждане, испытывали сильный стресс от изоляции. Родители детей с инвалидностью оказались без насыщенных занятий по развитию, реабилитационных услуг. Дети и взрослые с ментальными особенностями не могли одновременно привыкнуть к новым правилам, они не узнавали и боялись специалистов в масках, не могли держаться на большой дистанции. Личные же встречи, в свою очередь, увеличивали риски как для работников, так и для клиентов, и опасения росли с обеих сторон.

Новые риски контактной работы. Сотрудники социальных служб столкнулись с противоречиями. Требования обеспечения их безопасности выполнялись далеко не полностью: в социальных сервисах не хватало средств индивидуальной защиты. Потребности уязвимых групп в обеспечении самым необходимым быстро увеличивались, при этом контакты с клиентами становились невозможными. Социальные работники реагировали на эти вызовы в нескольких направлениях: во-первых, использовали требования режима изоляции для поиска способов максимально безопасного контакта, во-вторых, успокаивая своих подопечных и поощряя в них оптимизм, в-третьих, сокращая физическую дистанцию в обход новых регламентов. В интервью встречаются лейтмотивы опосредованной, пограничной коммуникации: общались «через дверь», «через пакет», «через дверную щёлку (или глазок)», «через конверт», «через дезинфекцию», «через обработку», «через камеру» (имеется в виду камера в ноутбуке или телефоне). Для многих клиентов мир стал полностью опосредован контактами с социальным работником. В пандемию, как никогда раньше, границы между социальным работником и клиентом, между жизненным пространством клиента и внешним миром стали материальными.

Многие из упомянутых материальных границ существовали и раньше. Но в ситуации пандемии они стали прочнее и острее.

Материализация границ – это один из объективных смыслов дистанции и создания у клиентов ее субъективного восприятия как временного неудобства: «Я старалась, чтобы пандемия вообще не отражалась на их жизни... что это просто небольшие трудности. Нужно просто пережить. Поэтому я пока не могу зайти к вам на кухню. Или пройти в зал, как раньше... Главное – объяснять всё и улыбаться, сохранять спокойствие. Самое главное – поддержка и добрые, тёплые слова. Конечно, когда сняли ограничения, все стало получше. Бабушка могла передвигаться из комнаты в комнату, а я уже стояла в коридоре, то есть мы сохраняли дистанцию, но при этом могли нормально общаться» (И17СР). Комфортные прежде зоны жилого пространства наделялись новыми символическими свойствами, становясь промежуточными, непривычными и небезопасными. Усилиями социального работника человеческие отношения, наполняющие эти пограничные зоны, свою эмоциональную температуру не меняли: «Мои отношения с ними всегда тёплые. Пандемия не внесла изменений в эту сферу» (И17СР). Тем самым работники конструировали пространственно-временные границы образа пандемии у своих клиентов, помогая совладать со стрессом.

Потребности в сокращении физических границ и ценность близости, в том числе и телесной, нередко росли в ответ на потребности людей, остро ощутивших одиночество в период изоляции: «Я стараюсь держать эмоционально ровные отношения с подопечными. У меня есть одна бабушка. Ей очень важны объятия. Когда я прихожу, она говорит: “Я тебя буду обнимать”. А пандемия лишает такой возможности. Но когда я приходила, она дотрагивалась [до меня] и говорила, что теперь хоть жить хочется. Но в пандемию приходилось обнимать только морально» (И17СР). Одновременно росли и риски.

То, что пандемия повысила риски социальных работников, – известный во всем мире факт (см., напр.: [Ashcroft et al., 2021]). И в этом играла роль возрастающая проницаемость границ между практиками и получателями услуг: «...у нее температура была под сорок, и сил у нее не было... И когда я на следующий день пришла, я принесла ей бульон куриный, чтобы хотя бы она что-то поела, из дома. ... И вызвала еще раз врача. [И потом] мне сообщили, что у нее тест положительный, что ее забирают в больницу» (И19СР). Хрупкий баланс потребностей клиента и безопасности работника в этом примере, как во многих других, характерен для социальной работы как сферы высокого риска в период пандемии.

Противоречивость организационных нововведений. Интервью с руководителями социальных служб показывают высокую скорость технологизации процессов. В некоторых из них говорится о новых цепочках, алгоритмах, рецептах, порядках, схемах, «скриптах», новых регламентах, фиксируемых и тиражируемых технологиях, в том числе технологиях управления. Вместе с тем лидеры организаций упоминают о конфликтующих порядках: с одной стороны, ужесточаются нормативы, дистанции и границы, с другой стороны, работники и руководители организаций жертвуют своим личным временем, дистанцией, личным пространством. Те организации, которые открывали у себя горячую линию, часто работали в режиме 24/7, что не могло не вызвать эмоционального и физического выгорания сотрудников. Пик звонков, нередко с высоким эмоциональным накалом, часто приходился на вечернее и даже на ночное время.

Работа в опасных условиях, сопряженная с увеличением нагрузки и необходимостью адаптировать свои правила и иметь дело с нестабильным эмоциональным состоянием своих уязвимых клиентов, вела к повышенному риску профессионального выгорания и других форм стресса. Реагируя на растущие запросы своих подопечных, работники принимали на себя дополнительные риски и, следовательно, должны были устанавливать границы ради безопасности и баланса в отношениях. Одни социальные работники четко следовали инструкциям и ограничивали рискованное взаимодействие, насколько это было возможно. Другие шли на всевозможные компромиссы и договоренности, нарушение правил.

Практический опыт, чувство ответственности и эмпатия позволяли социальным работникам пересмотреть свои представления о жесткости организационных регламентов и раскрыть возможности более гибких правил, которые помогают сохранить и защитить человеческое

достоинство тех людей, которые в этом нуждаются [Kapelj, 2022]. Ценность безопасности в пандемию осознавалась всеми, но с появлением новых запретов обнаруживались и обходные пути. Во многих случаях правила не были формализованы – соответствующие решения принимались на каждом уровне индивидуально. Пространственные метафоры в разговорах об отношениях в социальной работе переплетались с темпоральными, границы ощущались текучими, дистанции изменчивыми, и эти изменения требовали постоянной рефлексии.

Выгорание и управление стрессом. В ситуации пандемии особенно важными стали задачи управления собственными эмоциями и забота о себе. Пандемическая социальная реальность работников социальных служб была пронизана высокой нагрузкой и стрессами, что нередко создавало угрозу выгорания для тех, кто трудился на передовой [Aschcroft, 2022]. Высокое напряжение как физического, так и эмоционального труда связано с высокой степенью неопределенности, свойственной такой работе [Chan et al., 2020].

Социальные работники рассказывали в интервью о тех страхах, которые испытывали, опасностях, которым подвергались, о своей низкой защищенности, о том, как они переживали выгорание и психотравмы из-за того, что вокруг них было много болезней и смертей. Острые переживания накладывались на физическое переутомление из-за растущего дисбаланса жизни и работы. В некоторых ситуациях единственным решением был выход из общения, закрытие и кристаллизация границ. Эти техники совладания с вызовами, нестандартными запросами получателей услуг, неуправляемыми и нестабильными в эмоциональном плане клиентами помогали работникам установить или реконструировать, усилить или нащупать границы внутри собственной жизни.

Некоторые шли на жертвы, пренебрегая границами между личным и рабочим временем, пытаясь балансировать между рисками и безопасностью. Другие искали способы восстановления, сохранения себя, переключаясь на другие дела, проводя рефлекссию своей практики: *«Я перезагружаюсь, – рассказывает сотрудница КСЦОН. – Я себе дала слово домой приходить и не думать вот об этих ситуациях... Читаю, с ребенком много гуляю, а потом ночью просыпаюсь и пишу дневник [смеется]. ... я со стороны как бы себя вижу тогда ... и понимаю, что сделала так, что сделала не так»* (I34CP).

Еще одна информантка использует выражение «закрыться в своей раковине», но это ей удается с трудом, восстановление сил затруднено. Лавируя между функциями заботы в публичном и приватном пространствах своей жизни, она старается хотя бы на один день прятаться от всех: *«Чтобы потом все хорошо, нормально было. Я могу рутинными домашними делами заниматься. Но не слушать, главное, ничего. Мне за неделю так хватает телефонных звонков подопечных, что я могу не брать трубку в выходные. Потом я к маме захожу, выслушаю, что там Мясников – этот доктор на Первом канале сказал. Приходится слушать, а мне иногда спрятаться [хочется]. А потом понедельник – расходишься как-то...»* (I18CP). В нарративе звучит страдание, ощущается истощение сил.

Здесь была бы уместна коллегиальная сеть контактов, как, например, в Италии, где была запущена онлайн-инициатива групп взаимопомощи, с оказанием разнообразной поддержки: практической, организационной, методологической, этической, психологической [Cabiati, 2021]. В наших интервью есть свидетельства не только страхов и стигматизации, но и растущей эмпатии и взаимопонимания с получателями услуг в новой пандемической реальности. В ходе анализа выявился «поворот» к перерисовке границ личного и социального пространства, развитию новых солидарностей, новых форм поддержки и сплочения. Одна информантка энергично включилась, «буквально вклинилась в работу» по организации благотворительной помощи родителям детей с инвалидностью (I28M). Многие рассказывали о взаимовыручке, например, соседи по очереди выходили в магазин, договариваясь сразу для всего этажа или даже нескольких квартир подъезда, чтобы минимизировать выходы из дома (I21CP).

В доме у подопечных творческое отношение социальным работникам жизненно необходимо. Наши собеседники рассказывают об индивидуальном подходе, что помогает соблюдать баланс между и благополучием клиента, с одной стороны, и собственным благополучием – с другой: *«С каждым надо знать, можно ли пошутить. Но и шутка должна быть в рамках.*

Даже есть различия в одежде. Я к кому-то могу в платье прийти, а к кому-то только в костюме пострже плюс защитный халат. Есть у меня и бахилы, и шапочка, перчатки, маска» (И17СР). Этот сюжет со сменой образа, переодеванием – символический ресурс, позволяющий строить и укреплять отношения, достигать взаимопонимания.

Справиться со своими задачами работникам помогает чувство юмора и эмоциональный раппорт с клиентами: «Я им постоянно говорю одну поговорку: “Главное до ста лет дожить, там будет проще” [смеется]. С одной стороны, они понимают, что это работа, а с другой – я стараюсь человечно относиться. А один мужчина просил, чтобы я нашла ему невесту. Ему, кстати, 90 лет. Я ему говорила, что мы не брачное агентство и этого сделать не сможем... Он тогда стал шутить, что я к нему тогда перееду жить. Говорит, вот закончится пандемия, вернешься к детям. А [сейчас] я тебя буду кормить, будет отдельная комната. А ты мне будешь рассказывать истории. Это все шуточки, конечно, были. Я ему сказала: “Ну что вы. У меня же дети”. А он мне: “Так я же у тебя самый главный (ребенок)”. Посмеялись, как говорится, и все» (И17СР). Обращение к юмору позволяет снижать стресс и совладать с неопределенностью, налаживать конструктивное взаимодействие с требовательными пожилыми людьми. Исследователи из Шотландии, рассмотрев, как этот прием использовался на практике в период пандемии, полагают, что надлежащее использование юмора может занять достойное место в профессиональных навыках социальных работников [Fogarty, Elliot, 2020].

Зарубежные специалисты также проявляли творческие приемы, например, ввиду закрытия офиса некоторые встречались с клиентами на открытом воздухе, где они могли поговорить лично о волнующих проблемах [Aschcroft, 2022]. Благодаря рефреймингу и переопределению символических границ работникам удавалось извлекать профессиональные уроки даже из самых тяжелых и травмирующих событий. Один из выводов исследования Международной федерации социальных работников касается гибкости: самим решать, следовать ли принятым национальным или организационным правилам, процедурам, рекомендациям или действовать на профессиональное усмотрение в таких стрессовых условиях, когда существующие правила кажутся неподходящими, запутанными или недостаточными (см. сноску 1, IFSW, 2020). Главным остается созидание и поддержание доверительных и эмпатийных – пусть опосредованных средствами индивидуальной защиты, материальными барьерами и виртуальными технологиями – отношений с пользователями услуг.

Выводы. В период пандемии социальные службы вводили новые ограничения, и с ростом регламентации деятельность этих сервисов стала дистанцироваться от граждан. Но в своей повседневной практике социальные работники вели эмоциональную работу, сближаясь с клиентами, создавали новые регламенты, причем эти символические границы подчас превращались в линии коммуникации в обход официальных границ.

Пограничная работа выражалась в соблюдении регламентов или кристаллизации границ. Менее жесткие варианты состояли в частичном нарушении правил, поиске компромиссов и творческих подходах. Некоторые виды такой работы были связаны с эмоциональным переживанием, доставляя практикам страдания, моральную и физическую усталость. Переопределение и формирование новых границ стали частью их рабочей рутины, помогая справиться с неопределенностью. В этой новой социальной реальности актуализировались и стали более востребованными самоорганизация и различные формы сплочения. Одни обращались к творчеству и юмору для балансировки и гибкости границ, другие использовали возможность удалиться в свою нишу, лавируя между функциями заботы в публичном и приватном пространствах их жизненного мира. Рассмотренные механизмы рефлексивной и эмоциональной практической социальной работы показывают роль символических границ не только в углублении разрывов и различий, но и в развитии коммуникации и координации в условиях, созданных вызовами пандемии. Понимание того, как социальные работники разрабатывают и интерпретируют свои профессиональные границы, может повысить эффективность подготовки специалистов и деятельности социальных сервисов, способствуя минимизации вреда прежде всего для получателей услуг и для всех участников взаимодействия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абрамов Р.Н., Ярская-Смирнова Е.Р. Ретроспектива российского и советского профессионализма в оптике критической экологии // Мир России: Социология, этнология. 2017. Т. 26. № 2. С. 103–127.
- Галкин К.А. Социальное исключение пожилых людей в сельской местности в период пандемии COVID-19 в Республике Карелия // Вестник Института социологии. 2021. Том 12. № 4. С. 193–210. DOI: 10.19181/vis.2021.12.4.760.
- Николаев В.Г. Социология занятий и профессий Эверетта Хьюза: забытый интеллектуальный ресурс // Антропология профессий: границы занятости в эпоху нестабильности / Под ред. П. Романова, Е. Ярской-Смирновой. М.: Вариант, ЦСПГИ, 2012. С. 59–74.
- Романов П.В., Ярская-Смирнова Е.Р. Мир профессий: пересмотр аналитических перспектив // Социологические исследования. 2009. № 8. С. 25–35.
- Тощенко Ж.Т. Социология жизни как концепция исследования социальной реальности // Философские науки. 2011. № 4. С. 26–43.
- Тощенко Ж.Т. Социология жизни как теоретическая концепция // Социологические исследования. 2015. № 1. С. 106–116.
- Ярская-Смирнова Е.Р., Романов П.В. Феноменология профессионализма: практическое знание в социальной работе // Человек. Сообщество. Управление. 2006. № 2. С. 35–51.
- Ярская-Смирнова Е.Р., Ярская В.Н. Маломобильные горожане как получатели и субъекты социальной помощи в период пандемии COVID-19: по данным социологического опроса // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2021. № 63. С. 145–152. DOI: 10.17223/1998863X/63/14.
- Abbott A. Boundaries of Social Work or Social Work of Boundaries? // The Social Service Review. 1995. No. 69(4). P. 545–562.
- Ashcroft R., Sur D., Greenblatt A., Donahue P. The Impact of the COVID-19 Pandemic on Social Workers at the Frontline: A Survey of Canadian Social Workers // The British Journal of Social Work. 2022. No. 52(3). P. 1724–1746.
- Cabiati E. Social workers helping each other during the COVID-19 pandemic: Online mutual support groups // International Social Work. 2021. No. 64(5). P. 676–688. DOI: 10.1177/0020872820975447.
- Chan C.K., Vickers T., Barnard A. Meaning through caregiving: a qualitative study of the experiences of informal carers // The British Journal of Social Work. 2020. No. 50(3). P. 682–700. DOI: 10.1093/bjsw/bcz039.
- Cooper F. Professional Boundaries in Social Work and Social Care: A Practical Guide to Understanding, Maintaining and Managing your Professional Boundaries. Jessica Kingsley Publishers, 2012.
- Fogarty M., Elliot D.L. The Role of Humour in the Social Care Professions: An Exploratory Study // The British Journal of Social Work. 2020. Vol. 50. No. 3. P. 778–796. DOI: 10.1093/bjsw/bcz027.
- Golightley M., Holloway M. Social Work in the Time of the COVID-19 Pandemic: All in This Together? // British Journal of Social Work. 2020. No. 50(3). P. 637–641. DOI: 10.1093/bjsw/bcaa036.
- Kapeli A. Professional Boundaries that Promote Dignity and Rights in Social Work Practice // Ethics and Social Welfare. 2022. URL: <https://api.crossref.org/v1/works/https://doi.org/10.1080/17496535.2022.2033396>. DOI: 10.1080/17496535.2022.2033396.
- Kingstone T., Campbell P., Andras A., Nixon K., Mallen Ch., Dikomitis L., the Q-COVID-19 Group. Exploring the Impact of the First Wave of COVID-19 on Social Work Practice: A Qualitative Study in England // The British Journal of Social Work. 2022. No. 52(4). P. 2043–2062. DOI: 10.1093/bjsw/bcab166.
- Lamont M., Molnár V. The Study of Boundaries in the Social Sciences // Annual Review of Sociology. 2002. No. 28. P. 167–195. DOI: 10.1146/annurev.soc.28.110601.141107.
- Llewellyn S. Boundary work: Costing and caring in the social services // Accounting, Organizations and Society. 1998. No. 23(1). P. 23–47. DOI: 10.1016/S0361-3682(96)00036-0.
- O’Leary P., Tsui M.-S., Ruch G. The Boundaries of the Social Work Relationship Revisited: Towards a Connected, Inclusive and Dynamic Conceptualisation // British Journal of Social Work. 2012. No.43(1). P. 135–153. DOI: 10.1093/bjsw/bcr181.
- Oliver C. Social Workers as Boundary Spanners: Reframing our Professional Identity for Interprofessional Practice // Social Work Education. 2013. No. 32(6). P. 773–784. DOI: 10.1080/02615479.2013.765401.
- Pfister S.M. Despite social scientists increasingly achieving media presence when it comes to the secondary effects of the Corona crisis, both the crisis management and the public discourse on the Corona pandemic itself are still dominated by bio-medical perspectives // European Sociologist. 2020. No. 45 (1). Pandemic (im)Possibilities. URL: <https://www.europeansociology.org/european-sociologist/issue/45/discussion/f172f619-bb73-4d07-a6c5-8c31cc6dec83>
- Ratzon A., Farhi M., Ratzon N., Adini B. Resilience at Work, Burnout, Secondary Trauma, and Compassion Satisfaction of Social Workers Amidst the COVID-19 Pandemic // International Journal of Environmental Research and Public Health. 2022. No. 19. P. 1–14. DOI: 10.3390/ijerph19095500.

- Reamer F.G. Boundary Issues in Social Work: Managing Dual Relationships // *Social Work*. 2003. No. 48 (1). P. 121–133. DOI: 10.1093/sw/48.1.121.
- Rutter N., Banks S. Rethinking Rights, Responsibilities and Risks: Ethical Challenges for UK Social Workers during Covid-19, Birmingham, BASW. 2021.
- Trimberger G.E. An Exploration of the Development of Professional Boundaries // *Journal of Social Work Values and Ethics*. 2012. No. 9 (2). P. 68–75.
- Zeira A., Rosen A. Unraveling “tacit knowledge”: What social workers do and why they do it // *Social Service Review*. 2000. No. 74(1). P. 103–123.

Статья поступила: 06.07.22. Финальная версия: 10.10.22. Принята к публикации: 20.10.22.

THE LIFE WORLD OF A HELPING PROFESSION IN THE PANDEMIC: RETHINKING OF SYMBOLIC BOUNDARIES

IARSKAIA-SMIRNOVA E.R.*, YARSKAYA-SMIRNOVA V.N.**

*National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia, **Yuri Gagarin State Technical University of Saratov, Russia

Elena R. IARSKAIA-SMIRNOVA, Doc. Sci. (Sociol.), Prof., Head of International Laboratory of Social Integration Research, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia (elena.iarskaia@gmail.com; eiarskaia@hse.ru); Valentina N. YARSKAYA-SMIRNOVA, Doc. Sci. (Philos.), Prof., Yuri Gagarin State Technical University of Saratov, Saratov, Russia (yarskayasmirnovavn@sstu.ru).

Acknowledgements. The research was supported by the Russian Science Foundation, project No. 18-18-00321-П.

Abstract. The article presents the results of a qualitative study of symbolic boundaries in social work during the COVID-19 pandemic revealed and interpreted in the narrative interviews with practitioners and service users in three Russian cities. The authors consider features of symbolic boundaries in relationships developing in the everyday life of social work under the influence of the pandemic challenges, when contradictions in everyday practice become more complicated, while risks and vulnerability of communication with the clients increase. It is demonstrated that the construction of symbolic boundaries becomes a practical task that social service workers solve in their work routine. The life world of social workers is considered in the triangle of views, experience, and environmental conditions. Social workers' responses to the main challenges during the pandemic are considered: the growing barriers in contact and remote work; inconsistency of organizational innovations; new risks in the face of growing needs and vulnerability of clients; burnout risks, emotion and stress management. It is shown that changes in symbolic boundaries, leading to a violation of professional identity integrity, require special efforts in boundary work. According to the results of the interview analysis, several types of boundary work are identified: crystallization, closure, suffering, compromise, violation, creativity.

Keywords: symbolic borders, helping profession, pandemic, social work, boundary work, social reality, everyday life, life world, interviews, service users.

REFERENCES

- Abbott A. (1995) Boundaries of Social Work or Social Work of Boundaries? *The Social Service Review*. Vol. 69. No. 4: 545–562.
- Abramov R., Iarskaia-Smirnova E. (2017) Retrospective of Russian and Soviet professionalism in the optics of critical ecology. *Mir Rossii*. Vol. 26. No. 2: 103–127.
- Ashcroft R., Sur D., Greenblatt A., Donahue P. (2022) The Impact of the COVID-19 Pandemic on Social Workers at the Frontline: A Survey of Canadian Social Workers. *The British Journal of Social Work*. Vol. 52. No. 3: 1724–1746.
- Cabiati E. (2021) Social workers helping each other during the COVID-19 pandemic: Online mutual support groups. *International Social Work*. Vol. 64. No. 5: 676–688. DOI: 10.1177/0020872820975447.
- Chan C.K., Vickers T., Barnard A. (2020) Meaning through caregiving: a qualitative study of the experiences of informal carers. *The British Journal of Social Work*. Vol. 50. No. 3: 682–700. DOI: 10.1093/bjsw/bcz039.

- Cooper F. (2012) *Professional Boundaries in Social Work and Social Care: A Practical Guide to Understanding, Maintaining and Managing your Professional Boundaries*. Jessica Kingsley Publishers.
- Fogarty M., Elliot D.L. (2020) The Role of Humour in the Social Care Professions: An Exploratory Study. *The British Journal of Social Work*. Vol. 50. No. 3: 778–796. DOI: 10.1093/bjsw/bcz027.
- Galkin K.A. (2021) Social exclusion of older people in rural areas during the COVID-19 pandemic in the Republic of Karelia. *Vestnik Instituta Sotsiologii*. Vol. 12. No. 4: 193–210. (In Russ.)
- Golightley M., Holloway M. (2020) Social Work in the Time of the COVID-19 Pandemic: All in This Together? *British Journal of Social Work*. No. 50 (3): 637–641. DOI: 10.1093/bjsw/bcaa036.
- Iarskaia-Smirnova E.R., Romanov P.V. (2006) The phenomenology of professionalism: practical knowledge in social work. *Person. Community. Management*. No. 2: 35–51. (In Russ.)
- Kapelj A. (2022) Professional Boundaries that Promote Dignity and Rights in Social Work Practice. *Ethics and Social Welfare*. URL: www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/17496535.2022.2033396. DOI: 10.1080/17496535.2022.2033396.
- Kingstone T., Campbell P., Andras A., Nixon K., Mallen Ch., Dikomititis L., the Q-COVID-19 Group. (2022) Exploring the Impact of the First Wave of COVID-19 on Social Work Practice: A Qualitative Study in England. *The British Journal of Social Work*. No. 52 (4): 2043–2062. DOI: 10.1093/bjsw/bcab166.
- Lamont M., Molnár V. (2002) The Study of Boundaries in the Social Sciences. *Annual Review of Sociology*. No. 28: 167–195. DOI: 10.1146/annurev.soc.28.110601.141107.
- Llewellyn S. (1998) Boundary work: Costing and caring in the social services. *Accounting, Organizations and Society*. 1998. No. 23(1): 23–47. DOI: 10.1016/S0361-3682(96)00036-0.
- Nikolaev V.G. (2012) Sociology of occupations and professions of Everett Hughes: a forgotten intellectual resource. In: *Anthropology of professions: borders of employment in times of instability*. Edited by P. Romanov, E. Iarskaia-Smirnova. Moscow: Variant, CSPGS: 59–74. (In Russ.)
- O’Leary P., Tsui M.-S., Ruch G. (2012) The Boundaries of the Social Work Relationship Revisited: Towards a Connected, Inclusive and Dynamic Conceptualisation. *British Journal of Social Work*. No. 43(1): 135–153. DOI: 10.1093/bjsw/bcr181.
- Oliver C. (2013) Social Workers as Boundary Spanners: Reframing our Professional Identity for Interprofessional Practice. *Social Work Education*. Vol. 32. No. 6: 773–784. DOI: 10.1080/02615479.2013.765401.
- Pfister S.M. (2020) Theorising – The Social Definition of the Corona Pandemic. *The European Sociologist*. Issue 45.1. Pandemic (im)Possibilities. URL: <https://www.europeansociology.org/european-sociologist/issue/45/discussion/f172f619-bb73-4d07-a6c5-8c31cc6dec83>
- Ratzon A., Farhi M., Ratzon N., Adini B. (2022) Resilience at Work, Burnout, Secondary Trauma, and Compassion Satisfaction of Social Workers Amidst the COVID-19 Pandemic. *International Journal of Environmental Research and Public Health*. No.19: 1–14. DOI: 10.3390/ijerph19095500.
- Reamer F.G. Boundary Issues in Social Work: Managing Dual Relationships. *Social Work*. 2003. Vol. 48. No. 1: 121–133. DOI: 10.1093/sw/48.1.121.
- Romanov P., Iarskaia-Smirnova E. (2009) World of professions: revision of analytic perspectives. *Sociological Research*. No. 8: 25–35. (In Russ.)
- Rutter N., Banks S. (2021) Rethinking Rights, Responsibilities and Risks: Ethical Challenges for UK Social Workers during Covid-19, Birmingham, BASW.
- Toshchenko J.T. (2011) Sociology of life as a concept of social reality research. *Philosophical studies*. No. 4: 26–43. (In Russ.)
- Toshchenko J.T. (2015) Sociology of life as a theoretical concept. *Sotsiologicheskie Issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 1: 106–116. (In Russ.)
- Trimberger G.E. (2012) An Exploration of the Development of Professional Boundaries. *Journal of Social Work Values and Ethics*. 2012. Vol. 9. No. 2: 68–75.
- Yarskaya V., Iarskaia-Smirnova E. (2021) Low-mobility urban groups as beneficiaries and actors of social support during the COVID-19 pandemic: the results of a sociological survey. *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 2021. No. 63: 145–152. DOI: 10.17223/1998863X/63/14. (In Russ.)
- Zeira A., Rosen A. (2000) Unraveling “tacit knowledge”: What social workers do and why they do it. *Social Service Review*. 2000. Vol. 74. No. 1: 103–123.

© 2022 г.

И.В. ОБРАЗЦОВ

«НЕСОКРУШИМАЯ И ЛЕГЕНДАРНАЯ» НА ЗАКАТЕ СОВЕТСКОЙ ЭПОХИ

ОБРАЗЦОВ Игорь Владимирович – доктор социологических наук, заведующий социологической лабораторией, профессор кафедры социологии Московского государственного лингвистического университета (igorobraztsov@rambler.ru).

Аннотация. Вооруженные силы СССР как один из столпов политического режима и гарантов обеспечения военной безопасности к концу 1980-х гг. испытывали на себе все последствия деформации советской общественно-политической системы и нуждались в реформировании. Ключевыми проблемами в дискуссиях о военной реформе выступали вопросы оптимизации численности вооруженных сил до пределов «разумной достаточности», их профессионализации и устранения политического контроля со стороны правящей партии. И если сокращение численности армии и флота ослабляло бремя экономической нагрузки, а комплектование воинских формирований военнослужащими на принципах добровольчества устраняло проблему «дедовщины», то департизация и деполитизация силовых структур размывали основания их «советской» сущности. На основе анализа малоизвестных результатов социологических исследований 1989–1991 гг. в статье предпринят поиск ответа на вопрос, почему попытки сделать вооруженные силы «последним оплотом советской государственности» оказались безуспешными.

Ключевые слова: армия • вооруженные силы • распад Советского Союза • социальные проблемы • военная реформа • военная социология

DOI: 10.31857/S013216250021401-4

Введение. На протяжении почти 70-летней истории существования Советского Союза его вооруженные силы (ВС) олицетворяли собой военную мощь государства, обеспечивая защиту его суверенитета и территориальной целостности не только от внешних, но в определенные периоды и от внутренних угроз. Пожалуй, самыми драматичными и противоречивыми стали 1988–1992 гг. их функционирования (см. российские публикации: [Путч, 1991; Пихоя, Соколов, 2008; История современной, 2008; Распад СССР, 2009–2016; Цыганок, 2012; Медведев, 2015] и работы зарубежных авторов: [Rumer, 1991; Odom, 1998; Reese, 2000; Higham, Kagan, 2002; Zubok, 2007]). Однако с социологической точки зрения период распада СССР и его институтов если и проанализирован [Социология перестройки, 1990; Грушин, 2001–2006; Докторов и др., 2014], то с явными пробелами, касающимися ВС.

Исследователи процессов распада военных институтов [Самойлов, 2005; Михайленок, 2006; и др.] констатируют «высокий уровень боевой готовности» советских ВС и «здоровое политико-моральное состояние» всех категорий военнослужащих вплоть до фактического развала СССР. «Историческая роль Вооруженных сил СССР, их организованность, идеологизированность и обученность были причиной того, что военные более негативно, чем остальная часть населения, восприняли развал того самого государства, которое они были призваны защищать. “Служу Советскому Союзу!” – для офицерского корпуса, да и для рядового состава вооруженных сил были не просто слова, это была суть их

мировоззрения, убеждений, за которой стояла готовность действовать, оборонять свое Отечество» [Михайленок, 2006: 151]. Эти оценки в определенной мере совпадают с выводами представителей высшего военно-политического руководства СА и ВМФ [Советские вооруженные..., 1988; Макаров, 2010; Язов, 2011]. Но в реальности ситуация, видимо, выглядела не столь однозначной.

Как представляется, одним из немногих источников¹ объективированной информации об этом периоде функционирования советских ВС могли бы послужить результаты проводившихся в войсках социологических исследований. Но надо учитывать, что, несмотря на продекларированную в конце 1980-х гг. демократизацию общественных отношений и формальную открытость силовых структур, массовые опросы военнослужащих по-прежнему были недоступны для социологических институтов и центров. Такими возможностями в тот период (и в последующие годы – вплоть до настоящего времени) обладали только специализированные подразделения в структуре ВС. Результаты исследований «социологов в униформе» если и не носили гриф «для служебного пользования», то в открытой печати публиковались крайне редко и фрагментарно. В этой связи определенный интерес представляют материалы из архива Центра военно-социологических, психологических и правовых исследований ВС РФ (ЦВСППИ)², как опубликованные [Соловьев, Образцов, 1997]³, так и не введенные в научный обиход.

В статье на основе этих данных предпринята попытка проанализировать настроения и мнения различных категорий военнослужащих в последние годы существования ВС СССР с целью получения ответов на ряд дискуссионных вопросов. Какую поддержку у кадровых военнослужащих имели основные идеи военной реформы, связанные с профессионализацией и деполитизацией ВС? Какие проблемы терзали армию и флот в последние годы их существования? Как воспринимался военнослужащими процесс расставания единой армии по «национальным квартирам»? Почему ВС не смогли стать «последним оплотом советской государственности»?

Идеи и издержки военной реформы. Перестроечные процессы сделали достоянием общественности многие ранее «закрытые» для публичного обсуждения темы, в т.ч. связанные с военными расходами СССР⁴ и проблемами функционирования ВС. Наиболее остро эта тематика обсуждалась на страницах многотиражных еженедельных изданий «Аргументы и факты» и «Огонек». Ее лейтмотивом выступала мысль, что все хронические проблемы ВС СССР от борьбы с неуставными взаимоотношениями («дедовщиной») до повышения престижа военной службы и обеспечения социальной защищенности военнослужащих и членов их семей могут быть решены только в ходе военной реформы. Ее итогом должна стать

¹ Важным источником информации также служат данные военных архивов (в частности, фонд Главного политического управления СА и ВМФ), содержащие регулярные доклады политорганов о «политико-моральном состоянии» военнослужащих, однако идеологическая ангажированность их содержания и, главное, закрытый доступ к этим документам затрудняют их использование в научной работе.

² По состоянию на январь 1995 г. архив ЦВСППИ вместе с результатами исследований предыдущих исследовательских подразделений Главного политического управления СА и ВМФ (Центра изучения общественного мнения военнослужащих и Центра исследований социальных и психологических проблем (ЦИСПП)) за период 1987–1994 гг. включал более 250 исследовательских проектов. Руководство Главного управления воспитательной работы ВС РФ не видело в этих данных никакой ценности и отдало распоряжение об их уничтожении. Автору, в тот период – штатному сотруднику этого центра, вместе с коллегой С.С. Соловьевым удалось часть этих материалов систематизировать, обработать и сохранить.

³ Наиболее интересные фрагменты «спасенных» данных (по 75 исследовательским проектам) были опубликованы отдельным изданием [Соловьев, Образцов, 1997] тиражом в 100 экз., сразу сделавшим его библиографической редкостью. В 1998 г. эта книга стала победителем Всеармейского конкурса на лучшую военно-научную работу Министерства обороны РФ.

⁴ Расходы на оборону в 1989 г. составляли 77,3 млрд руб., или 15,6% от госбюджета СССР. К 1995 г. удельный вес военных расходов подлежал сокращению в 1,5–2 раза (Правда. 1989, 11 июня).

политически неангажированная профессиональная армия, формируемая на принципах добровольчества по примеру большинства современных западных ВС.

Острота развернувшихся дискуссий, часто выходявшая за рамки конструктивной критики и превращавшаяся в шельмование ВС, вынудила официальных представителей военной элиты высказать свою позицию. Советник М.С. Горбачева по военным вопросам Маршал Советского Союза С.Ф. Ахромеев в открытом письме главному редактору «Огонька» В.А. Коротичу изложил ведомственную точку зрения, в которой, по сути, отверг все предлагаемые изменения: «Нам нужна крупная⁵ сильная современная армия, основанная на всеобщей воинской обязанности, позволяющей иметь большие резервы на случай агрессии, сохраняющая партийное руководство и политорганы» [Ахромеев, 1989: 7]. Это вызвало появление на страницах журнала множества откликов офицеров, выразивших принципиальное несогласие с позицией маршала⁶. В публичное обсуждение проблем реформирования ВС в статусе народных депутатов СССР и РСФСР, а также в качестве представителей общественно-политических организаций, ориентированных на военную аудиторию, активно включились кадровые военнослужащие, в большинстве своем офицеры-политработники.

В итоге дискуссий на свет появились два проекта военной реформы: первый, разработанный Министерством обороны СССР, содержал «косметические» корректировки, но не предполагал кардинальных изменений; второй – альтернативный, предложенный группой народных депутатов СССР, предлагал появление профессиональной и деполитизированной армии. Их обсуждение продемонстрировало поляризацию мнений офицерского состава⁷: 53% затруднилась отдать предпочтение какому-либо из вариантов военной реформы; проект Министерства обороны СССР поддержал лишь каждый пятый офицер (18%), а вариант группы народных депутатов СССР – 29%. Ожидаемо всеобщую поддержку получило положение о главной функции ВС в виде «защиты Отечества от внешней агрессии и предотвращения войны» (96%) в противовес функциям, связанным с обеспечением законности и предотвращением массовых беспорядков, участием в уборке урожая и т.д. Для этого, по мнению 67% офицеров, нужна была армия «уровня оборонной достаточности». Большинство кадровых военнослужащих (60%) поддерживали идею создания профессиональной армии. По их мнению, введение принципа добровольчества способствовало бы повышению уровня боевой подготовки войск и воинской дисциплины. При этом 35% опрошенных выступали за полный перевод армии на профессиональную основу, 45% рассматривали смешанный вариант ее комплектования (частично по контракту, частично по призыву). К сожалению, данные этого исследования не были учтены при разработке концепции военной реформы⁸.

Помимо профессионализации армии, ключевым элементом ее реформирования выступал вопрос о политическом контроле над ней. Эпоха безраздельного господства КПСС над силовыми структурами через систему интегрированного в них партийно-политического аппарата подходила к концу. Сначала изменение формулировки шестой статьи

⁵ В апреле 1989 г. в Лондоне М.С. Горбачев впервые публично назвал численность ВС СССР – 4258 тыс. человек. В результате одностороннего сокращения на 500 тыс. чел. к 1 января 1991 г. они должны были иметь численность 3760 тыс. чел.

⁶ Огонек. 1990. № 1 и № 3.

⁷ Опрос проведен сотрудниками ЦИСПП в июле 1990 г. в местах дислокации воинских частей и военно-учебных заведений на территории шести военных округов и Северного флота. Опрошено 1069 офицеров, представлявших все виды ВС и рода войск.

⁸ Предложение о направлении результатов исследования в Комитет Верховного Совета СССР по вопросам обороны и государственной безопасности для учета мнения кадровых военнослужащих в законотворческой деятельности не получило одобрения руководства ГлавПУ СА и ВМФ. Кроме того, были высказаны неудовлетворенность полученными данными, а также сомнения в их объективности, особенно в части, касающейся оценок офицерами проекта военной реформы, предложенного Министерством обороны СССР. Дальнейшая исследовательская работа по данной тематике оказалась свернута [Соловьев, Образцов, 1997: 123].

Таблица 1

**Характер отношения кадровых военнослужащих к перспективам функционирования
в СА и ВМФ военно-политических органов и их новым функциям,
по должностным категориям офицерского состава, %**

Показатели (вопросы)	Варианты ответов	Должностные категории офицерского состава			
		командный	политический	инженерно- технический	тыловой
Перспективы военно-политических органов в СА и ВМФ	Упразднение	46	4	51	56
	Реформирование	41	91	41	33
	Затруднились ответить	13	5	8	11
Функция проведения в ВС государственной политики в области обороны и безопасности СССР	Поддерживаю	50	89	53	60
	Не поддерживаю	38	10	36	29
	Затруднились ответить	12	1	11	11
Функция воспитания у военнослужащих патриотизма, готовности к защите Родины	Поддерживаю	66	88	62	54
	Не поддерживаю	24	8	27	26
	Затруднились ответить	10	4	11	20
Функция обеспечения социально-правовой защищенности военнослужащих и членов их семей	Поддерживаю	67	95	69	74
	Не поддерживаю	27	2	24	21
	Затруднились ответить	6	3	7	5

Составлено по: [Соловьев, Образцов, 1997: 141–143].

Конституции СССР поставило КПСС в один ряд с «другими политическими партиями, а также профсоюзными, молодежными иными общественными организациями и массовыми движениями»⁹ и привело к *департизации* военных институтов. Затем решение о преобразовании политических органов в «военно-политические органы проведения государственной политики в области обороны и безопасности СССР, воспитания и социальной защиты военнослужащих»¹⁰ запустило процесс *деполитизации* армии.

Решения о реформировании политических структур запаздывали. Согласно данным исследования¹¹, в апреле 1990 г. за их упразднение выступали 59% офицеров, хотя после июльских решений XXVIII съезда КПСС о реформировании политорганов в силовых структурах, а затем и соответствующего Указа Президента СССР число «ликвидаторов» снизилось до 42%. Мнения офицерского состава как о будущем самих политорганов, так и о поддержке их обновляемых функций оказались поляризованными в зависимости от особенностей взаимодействия каждой из должностных категорий с представителями партийно-политического аппарата в ходе служебной деятельности (табл. 1).

⁹ Закон СССР от 14 марта 1990 г. № 1360-1 «Об учреждении поста Президента СССР и внесении изменений и дополнений в Конституцию (Основной закон) СССР».

¹⁰ Указ Президента СССР от 3 сентября 1990 г. № УП 665 «О реформировании политических органов Вооруженных Сил СССР, войск Комитета государственной безопасности СССР, Внутренних войск Министерства внутренних дел СССР и Железнодорожных войск». URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_17133.htm (дата обращения: 07.07.2022).

¹¹ Опрос проведен по всеармейской выборке в сентябре – октябре 1990 г. сотрудниками ЦИСПП на территории шести военных округов, Московского округа ПВО, Балтийского и Северного флотов. Опрошено 1130 офицеров, представлявших все виды ВС и рода войск.

В конечном счете «деполитизация» ВС СССР свелась к формальным изменениям функционала военно-политических органов, которые осуществляли свою деятельность вплоть до августа 1991 г.¹², обеспечивая лояльность военнослужащих не правящей партии, а военно-политическому руководству страны.

Единые вооруженные силы vs национальные республиканские армии. На момент распада Советского Союза его ВС, комплектовавшиеся личным составом по экстерриториальному принципу, были дислоцированы на территории 15 союзных республик. Часть войсковых группировок, военных баз и объектов находились за пределами территории СССР.

21 декабря 1991 г. главами 11-ти союзных республик – учредителей СНГ был подписан протокол о возложении командования ВС СССР «до их реформирования» на министра обороны СССР маршала авиации Евгения Шапошникова¹³ (с 14.02.1992 г. – Главнокомандующий Объединенными Вооруженными Силами СНГ (ОВС))¹⁴. Это «реформирование» пока еще единых ВС по сути означало легитимацию уже начавшегося процесса их растаскивания по «национальным квартирам». «Парад суверенитетов» союзных республик в 1988–1990 гг. и провозглашение их независимости (подтверждения самостоятельного государственного статуса) в 1990–1991 гг. неизбежно привели к принятию решений о создании национальных ВС: самыми первыми были Латвия (23.08.1991) и Украина (24.08.1991), самыми последними – Казахстан (07.05.1992), Россия (07.05.1992)¹⁵, Киргизия (29.05.1992) и Таджикистан (23.02.1993).

Хотя фактический раздел ВС СССР в соответствии с межгосударственными соглашениями начался во второй половине 1992 г., дискуссии о необходимости сохранения единых ВС или создания национальных воинских формирований активно развернулись в СМИ еще в предыдущие годы. Констатируя итоги данной полемики, заместитель председателя Государственного комитета РФ по оборонным вопросам В.Н. Лопатин отмечал: «Удалось создать стойкое мнение о необходимости и возможности сохранения единой армии в прежнем виде. Хотя это – очередной миф. Крушение тоталитарной системы неизбежно ведет к распаду и ее военной организации. Мировая история не знает примеров, когда бы несколько государств имели единую армию. И любой эксперимент по обеспечению единства армии в этой ситуации является попыткой сохранить условия для возврата к прежней системе... приближает к развязке по югославскому варианту»¹⁶ [Лопатин, 1992].

Вместе с тем исследования¹⁷ в войсках демонстрировали желание большинства военнослужащих (68%) сохранить единые «общесоюзные» вооруженные силы. Только 15% поддерживали «союзно-республиканский» вариант их существования (единые силы ядерного сдерживания и республиканские силы общего назначения) и 17% выступали за создание армий союзными республиками. Мнение респондентов было дифференцировано

¹² 29 августа 1991 г. Главное военно-политическое управление СА и ВМФ было расформировано, а военно-политические органы упразднены. На их основе образованы структуры «по работе с личным составом», должностной статус работников которых был понижен с заместительского звена до «помощников командира». 12 января 1994 г. образовано Управление воспитательной работы МО РФ, а соответствующие структуры получили наименование «органов воспитательной работы» с возвращением их работникам прежнего должностного статуса. В 2018 г. им вновь возвращено наименование «военно-политических органов» ВС РФ.

¹³ Единый реестр правовых актов и других документов Содружества Независимых Государств. URL: <http://cis.minsk.by/reestr2/doc/3412#text> (дата обращения: 07.07.2022).

¹⁴ Там же. URL: <http://cis.minsk.by/reestr2/doc/3423#text> (дата обращения: 07.07.2022).

¹⁵ Указ Президента РФ от 16.03.1992 г. № 252 «О Министерстве обороны Российской Федерации и Вооруженных Силах Российской Федерации»; Указ Президента РФ от 07.05.1992 г. № 466 «О создании Вооруженных Сил Российской Федерации».

¹⁶ Лопатин В.Н. Защитит ли Красная армия Белый дом // Известия. 1992. 13 февраля.

¹⁷ Опрос проведен по всеармейской выборке в период с 11 по 16 февраля 1991 г. сотрудниками ЦИСПП на территории восьми военных округов, Западной группы войск, Балтийского и Тихоокеанского флотов. Опрошено 1460 военнослужащих всех категорий, представлявших все виды ВС и рода войск.

Таблица 2

**Характер отношения военнослужащих к перспективам (формам)
построения вооруженных сил, %**

Категории респондентов	Общесоюзные ВС	Союзно-республиканские ВС	Республиканские ВС
В целом по выборке	68	15	17
Старшие офицеры	85	11	4
Младшие офицеры	70	22	8
Прапорщики (мичманы)	77	18	5
Солдаты и сержанты	60	11	29
Русские	70	22	8
Украинцы	61	16	23
Белорусы	89	–	11
Национальности Средней Азии*	65	25	10

Примечание. *Данные по представителям других национальностей нерепрезентативны.

Составлено по: [Соловьев, Образцов, 1997: 170–171].

по категориям военнослужащих и по их национальной принадлежности (табл. 2). Ожидаемо больше всего сторонников единых ВС было среди старших офицеров, система ценностей которых сформировалась в советский период. Среди приверженцев «союзно-республиканского» и «республиканского» вариантов преобладали военнослужащие срочной службы, желавшие исполнять воинский долг на территории своих национальных республик. Выступление большинства военнослужащих за сохранение единства армии коррелировало с их позицией о сохранении СССР: 73% выразили поддержку, 12% выступили против при 15% не определившихся.

Процесс раздела находившихся на территории союзных республик военного имущества и боевой техники не везде происходил «безболезненно». В Закавказском военном округе он принял наиболее драматические формы¹⁸: наличие в регионе армяно-азербайджанского (Нагорно-Карабахского) конфликта породило проблему «наемничества»; были случаи¹⁹ перехода в конце 1991 – начале 1992 г. некоторых кадровых военнослужащих в национальные вооруженные формирования Армении и Азербайджана²⁰ для участия в боевых действиях за материальное вознаграждение. Следует отметить, что это происходило в условиях отсутствия каких-либо правовых оснований²¹. По мнению

¹⁸ Только в течение 1992 г. в Грузии было зафиксировано 288 случаев вооруженных нападений на военные городки, караулы, колонны машин, военнослужащих, в Армении – 42, в Азербайджане – 87. При этом в Грузии погибло 30, в Армении – 64 и в Азербайджане – 11 военнослужащих. В марте 1992 г. при выводе из Степанакерта (Нагорный Карабах) 366-го гвардейского мотострелкового полка потери составили: 2 убитых, 10 раненых, 180 чел. пропали без вести. Вся боевая техника была уничтожена на месте или захвачена боевиками (Армия. 1993. № 14).

¹⁹ В июле 1992 г. сотрудниками ЦИСПП в форме индивидуальных бесед было проинтервьюировано 120 офицеров и прапорщиков в Закавказском военном округе, а также 150 офицеров, прибывших для поступления в военные академии г. Москвы из частей и соединений Закавказского, Туркестанского и Одесского военных округов, на территории которых имели место факты «наемничества».

²⁰ Острый дефицит собственных офицерских кадров в национальных воинских формированиях и необходимость привлечения в них кадровых военнослужащих были обусловлены незначительным числом представителей неславянских этносов в офицерском корпусе ВС СССР: азербайджанцев – 1,1%, армян – 0,8%, грузин – 0,6% и др.

²¹ Решение Совета министров обороны государств СНГ «О порядке взаимного перевода военнослужащих Вооруженных Сил государств Содружества» принято 3 сентября 1992 г. От его подписания отказались представители оборонных ведомств Украины, Туркменистана и Молдовы.

экспертов, «наемничество» как явление, имевшее эпизодический характер, в случае обострения социально-экономических проблем кадровых военнослужащих и членов их семей могло принять массовый характер. К счастью, процесс раздела единых ВС в итоге произошел не по югославскому сценарию, в чём немалая заслуга советских офицеров.

Под грузом проблем. Помимо появления новых вызовов в виде падения престижа военной службы, снижения уровня социальной защищенности кадровых военнослужащих и членов их семей, ослабления партийного контроля и сокращения численности войск, на рубеже 1980–1990-х гг. обострился и целый ряд «традиционных» для ВС СССР проблем. Обозначим лишь одну из них, носившую застарелый характер и имевшую деструктивные последствия для функционирования военной организации, – неуставные взаимоотношения среди военнослужащих срочной службы (НУВ). НУВ или «дедовщина» (флотский вариант – «годковщина») как система организованного психологического и физического насилия старослужащих над молодыми воинами во многом являлась первопричиной как суицидальных происшествий, так и ежегодной гибели до 4 тыс. военнослужащих срочной службы, 6 тыс. случаев дезертирства и уклонений от военной службы, десятков тысяч увечий [Армия и общество, 1990: 427].

В условиях гласности общественность отреагировала на информацию о «дедовщине» появлением правозащитных организаций «Движение “Солдатские матери России”» (1990 г.) и «Комитет солдатских матерей России» (1991 г.). Военное руководство, как и в прежние годы, ограничилось ссылками на низкое качество призывных контингентов, получающих на гражданке «опыт дедовщины» и привносящих его в армейскую среду.

Между тем эта проблема носила системный характер – институт младших командиров (сержантский и старшинский состав) с конца 1960-х гг. (по другим данным – и ранее) постепенно утрачивал регулятивно-управленческую функцию в низшем звене военной иерархии. При молчаливом согласии (точнее, несогласии брать на себя это бремя) офицерского состава эта функция постепенно перешла к неформальному институту старослужащих. В результате иерархия «организованного беспорядка» функционировала во всех воинских подразделениях независимо от вида ВС, рода войск и мест дислокации воинских частей²². Меры «борьбы» и «профилактики» если и давали эффект, то только кратковременный, потому что на месте разрушенных неформальных структур должен был быть воссоздан эффективный (а не номинальный) институт младших командиров, чего, к сожалению, не происходило. Не случайно поэтому большинство офицеров, поддерживая идею профессионализации армии, ее воплощение связывали, прежде всего, с формированием профессионального сержантского состава, способного осуществлять управление воинскими коллективами в первичном звене. Живучесть «дедовщины» была основана на ее способности к самовоспроизводимости. Парадоксально, но самой заинтересованной стороной ее существования была категория бесправных молодых солдат, обладавшая возможностями повышения своего статуса по мере прохождения службы – гарантированным переходом из «касты» унижаемых в привилегированную группу унижающих.

Устояв под воздействием мер «искоренения» и «профилактики», «дедовщина» практически стала утрачивать свою роль, когда воинские коллективы стали более национациональны²³. Тогда ее функции стали переходить к «землячеству» – также иерархизированной системе, основанной на преобладающем влиянии (по численным параметрам и/или агрессивному поведению) конкретной этнической группы военнослужащих. Во многих родах войск «землячество» окончательно вытеснило «дедовщину». В этом случае

²² Этой «болезнью» страдали практически все армии стран Варшавского договора за исключением Национальной народной армии ГДР, в которой исторически роль унтер-офицерского состава была необычайно высока и эффективна.

²³ В связи с демографической ситуацией в стране доля молодежи из республик Средней Азии, Северного Кавказа и Закавказья в призывном контингенте постоянно возрастала, изменяя национальный состав ВС. Весной 1989 г. в ВС СССР насчитывалось более 125 тыс. воинов, слабо владеющих русским языком, – в полтора раза больше, чем осенью 1988 г., и в 12 раз – чем 20 лет назад.

Таблица 3

Динамика отношения призывников и молодых воинов к военной службе 1975–1990 гг., %

Характер суждений о военной службе	1975 (N = 1500 призывники)	1986 (N = 1500 призывники)	1990 (N = 1015 призывники/ молодые воины)
Иду служить (служу) с интересом, понимая необходимость и важность выполнения воинского долга	78	63	41/12
Интереса к службе не испытываю, хотя понимаю необходимость и важность выполнения воинского долга	20	30	39/67
Служба, военное дело не привлекают вообще	2	3	18/16
Другие суждения	–	4	2/5

Источник: [Соловьев, Образцов, 1997: 123].

«унижаемая» группа, как правило, состояла из военнослужащих славянских национальностей, а «унижающая», чаще всего, – из представителей этносов Северного Кавказа, Закавказья и Средней Азии.

Многие конфликты в воинских коллективах возникали на почве межнациональных отношений: так, в 1989 г. с ними было связано до 20% всех преступлений, от 40 до 70% – грубых нарушений воинской дисциплины, практически каждый второй случай неуставных взаимоотношений (в Сухопутных войсках – 61%). Две трети преступлений на почве неуставных взаимоотношений совершались военнослужащими из числа представителей народов Средней Азии и Закавказья; среди пострадавших от глумлений и издевательств – в основном русские, украинцы и белорусы (на их долю приходилось более 80% самоубийств)²⁴.

Страх «дедовщины» и «землячества» стал одной из главных причин снижения престижа военной службы в глазах призывников (табл. 3).

В этих условиях должностные лица суточного наряда, назначаемого в каждой воинской части, не всегда могли эффективно выполнять свои обязанности по поддержанию внутреннего контроля над состоянием дел в подразделениях и своевременному принятию мер по предупреждению правонарушений, особенно в ночное время и в выходные дни. Повсеместно ему в помощь появился неформальный институт «ответственных» из числа офицерского состава, которые были вынуждены в свободное время поочередно присутствовать в своих подразделениях, контролируя поведение военнослужащих срочной службы, т.е. по существу вынужденно принимая на себя функции по-прежнему номинально существовавшего (но фактически не работавшего) сержантского состава. Это привело к большим нагрузкам на офицерский состав, для которого понятие «свободного времени» практически перестало существовать, «служба – дни и ночи» превратилась в повседневную реальность. Согласно данным исследования²⁵, 68% офицеров отмечали перегрузки на службе и неупорядоченность рабочего дня и отдыха, 75% – несоответствие денежного содержания служебным трудозатратам, 53% демонстрировали разочарование в общественной ценности и полезности воинского труда. Обычным явлением стала средняя продолжительность рабочего дня по 11–12 часов. Только 4% опрошенных тогда офицеров и прапорщиков имели два, а 41% – один выходной день в неделю, остальные же 55% использовали от одного до трех выходных дней в месяц или вообще их не имели.

²⁴ Армия. 1991. № 19.

²⁵ Опрос проведен по всероссийской выборке в марте-апреле 1990 г. сотрудниками ЦИСПП в 12-ти военных округах, на Северном флоте и Амурской военной флотилии. Опрошено 754 офицера и прапорщика (мичмана), 992 курсанта военно-учебных заведений всех видов ВС и родов войск.

Ситуация с «землячеством», как и в случае с «дедовщиной», разрешилась помимо воли руководства ВС. К началу 1990-х гг. проблемы «землячества» стали отходить в прошлое в связи со срывом призывов в национальных республиках²⁶. Обнаружился некомплект личного состава: «В солдатские караулы ходят офицеры и прапорщики, части и подразделения укомплектованы солдатами на 20–40% от штата, не имеют профессиональных младших командиров и приближаются по своему составу к мононациональным» [Лопатин, 1992]. Дедовщина вернулась в казармы и кубрики. Сокращение в последующие годы сроков службы по призыву сначала до 1,5 года, а потом до года изъяло из неформальной иерархии промежуточные звенья, сделав ее более жесткой (молодой воин – старослужащий). Это явление унаследовали некоторые национальные ВС, выросшие из «советской шинели», в которых не была проведена профессионализация сержантского состава.

Почему армия не стала «последним оплотом советской государственности». Столкнувшись на рубеже 1980–1990-х гг. с новыми вызовами в общественной сфере, союзные и республиканские партийно-советские руководители оказались неспособны эффективно решать их ни политическими методами, ни с помощью сил охраны правопорядка. Самый эффективный инструмент «разрешения» возникавших проблем они увидели в использовании армейских частей и соединений, с согласия союзного центра активно привлекая их к выполнению нехарактерной для них внутренней функции.

Видимо, члены КГЧП, осуществившие 19 августа 1991 г. ввод в Москву войсковых соединений²⁷, действовали в логике именно таких представлений. Большинство аналитиков с этим связывают провал «путча»: «тбилисский, бакинский и вильнюсский “синдромы”, когда армия использовалась, но была подвергнута хуле за то, что было поднято оружие против “мирного населения”, затрудняли и даже делали практически невозможным ее привлечение для активных действий в Москве... армия, кроме ВДВ, явно не поддержала ГКЧП» [Цыганок, 2012: 84, 88]. «Ни офицерский состав, ни солдаты не были психологически подготовлены к действиям в столице страны против *русскоязычного* [выделено мною. – Прим. И.О.]²⁸ населения» [Путч, 1991: 245].

Вместе с тем данные экспресс-опроса около 500 военнослужащих, проведенного офицерами ЦИСП²⁹ в Москве 19–20 августа 1991 г., свидетельствовали об отсутствии среди них единства как в поддержке ГКЧП, так и в отношении к провозглашенным «путчистами» целям. Большинство (53%) выразили свою поддержку, 29% в такой поддержке отказали, 18% затруднились выразить свою позицию. Уровень поддержки ГКЧП и его целей, как и характер испытываемых в тот период чувств, оказались дифференцированными среди разных категорий военнослужащих (табл. 4).

На фоне поддержки ГКЧП большей частью младших офицеров и военнослужащих срочной службы бросается в глаза повышенное чувство тревожности, определенный консерватизм и сдержанность в оценках целей и действий ГКЧП со стороны старших офицеров, на которых лежал основной груз ответственности за принимаемые решения.

²⁶ В 1985 г. было зарегистрировано 830 случаев уклонения от службы в армии, за это осуждено 230 человек. В 1990 г. отказников насчитывалось около 30 тыс., осуждено судом 29. Начиная с весны 1990 г. в большинстве союзных республик призывные кампании начали саботироваться на республиканском уровне.

²⁷ По приказу министра обороны СССР маршала Советского Союза Д.Т. Язова в Москву были выдвинуты полки Таманской мотострелковой и Кантемировской танковой дивизий в составе 362 танков, 140 боевых машин пехоты, 148 бронетранспортеров, 430 тяжелых армейских грузовиков, 3809 человек личного состава, а также Тульская воздушно-десантная дивизия, не считая подразделений МВД и КГБ [Пихоя, Соколов, 2008: 375–376].

²⁸ По логике авторов, видимо, «русскоязычный» состав российской столицы явился главным сдерживающим (психологическим) фактором отказа военнослужащих применять оружие против мирного населения, который «отсутствовал» в Тбилиси, Баку и Вильнюсе в предшествующие годы.

²⁹ Отчетные и аналитические материалы по данному исследованию подготовлены не были, часть исходных данных оказалась утрачена. Удалось восстановить массив данных на 256 респондентов, в этой связи возможная относительная ошибка выборки может превышать 5%.

Таблица 4

**Характер отношения различных категорий военнослужащих к деятельности ГКЧП,
% опрошенных в Москве 19–20 августа 1991 г.**

Вопросы	Варианты ответов	Категории военнослужащих			
		старшие офицеры	младшие офицеры	прапорщики	солдаты и сержанты
Преобладающие в настоящее время чувства	Удовлетворение	17	28	–	19
	Сомнение	17	36	86	44
	Тревога	58	32	14	36
	Другие чувства	8	4	–	1
Отношение к созданию ГКЧП	Поддерживают	36	52	25	59
	Не поддерживают	48	33	63	21
	Затруднились ответить	16	15	12	20
Оценка необходимости создания ГКЧП	Есть необходимость	56	44	25	57
	Нет необходимости	24	22	50	20
	Затруднились ответить	20	34	25	23
Одобрение содержания целей ГКЧП	Одобрят полностью	56	69	25	43
	Одобрят частично	28	27	25	34
	Не одобряют	16	4	38	9
	Затруднились ответить	–	–	12	14
Оценка первых шагов ГКЧП по выводу страны из кризиса	Положительная	36	56	37	67
	Отрицательная	28	22	63	22
	Затруднились ответить	36	22	–	11
Уверенность в том, что ГКЧП сможет вывести страну из кризиса	Уверены полностью	32	50	12	45
	Уверены частично	8	31	50	33
	Не уверены	48	19	38	12
	Затруднились ответить	12	–	–	10

Составлено по: [Соловьев, Образцов, 1997: 200–201].

Видимо, подобные настроения преобладали и среди высшего командного состава, который проявил сдержанность в отдаче приказов на применение военной силы в отношении протестующих. Определенная поддержка большей частью военнослужащих ГКЧП и его целей во многом была основана на доминирующей идее *сохранения единого государства* (но не КПСС и возврата ее к власти), признаки распада которого угадывались в происходящих событиях.

Ввиду отсутствия репрезентативных данных по ВС сложно строить предположения, каков в целом был уровень поддержки ГКЧП военнослужащими. Но даже далеко не полные данные по Московскому гарнизону свидетельствовали, с одной стороны, об отсутствии единой позиции военнослужащих, с другой – о сохранении управляемости воинских подразделений и частей в условиях дисфункциональности других государственных институтов. Поэтому вывод, что армия «однозначно не поддержала ГКЧП», основанный на неприменении войсками военной силы против населения столицы (при отсутствии такого приказа) и единичном факте перехода на сторону защитников Белого дома танкового

подразделения под руководством офицера (а не самостоятельно), вряд ли можно считать обоснованным. Войска повиновались приказам – сначала о вводе в столицу, затем о возвращении в пункты постоянной дислокации. Как повиновались они им в октябре 1993 г., когда танки той же Кантемировской дивизии вели обстрел Белого дома.

Закключение. В рассматриваемый период армия априори не могла спасти ни советскую государственность, ни саму себя от уже начавшегося развала. Цепь неотвратимых событий под воздействием целого ряда объективных и субъективных факторов, главный из которых был связан с демократизацией общественной жизни, привела к утрате КПСС руководящей роли и к отстранению ее от управления государством. Это означало изъятие из некогда монолитной *партийно-советской системы* ключевого элемента в виде жесткой вертикали *партийного руководства*, во многом подминавшего под себя и подменявшего собой исполнительные органы советской власти. Поэтому когда контроль и руководство со стороны КПСС сначала ослабли, а затем исчезли, то советские исполнительные органы оказались не в состоянии эффективно функционировать, адекватно реагируя на новые вызовы. Это запустило процесс распада единого государства и его институтов.

В условиях ВС партийное руководство, вступая в противоречие с принципами единоначалия, трансформировалось в функцию партийного контроля (надзора). Но и после департизации и деполитизации ВС политаппарат продолжил выполнение задач по обеспечению лояльности военнослужащих правящему режиму, потеряв при этом основополагающие элементы «партийности» и «советскости». Другими словами, армия, перестав быть советской идеологически, уже не могла спасти советскую (социалистическую) государственность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Грушин Б.А. Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения: очерки массового сознания россиян времен Хрущева, Брежнева, Горбачева и Ельцина: В 4-х кн. М.: Прогресс-Традиция, 2001–2006.
- Докторов Б.З., Ослон А.А., Петренко Е.С. Эпоха Ельцина: мнения россиян: социологические очерки. М.: Директ-Медиа, 2014.
- Макаров В.И. В Генеральном штабе на разломе эпох, 1990–2008: Воспоминания. М.: Кучково поле, 2010.
- Медведев Р.М. Советский Союз. Последние годы жизни. М.: Время, 2015.
- Михайленок О.М. Государство и армия в России. 19–20 века. М.: ИС РАН, 2006.
- Пихоя Р.Г., Соколов А.К. История современной России: кризис коммунистической власти в СССР и рождение новой России, конец 1970-х – 1991 гг. М.: РОССПЭН, 2008.
- Путч [19–21 авг. 1991 г.]: Хроника тревожных дней: Сб. / Ред. Э.В. Расшивалова, Н.С. Серегин. М.: Прогресс, 1991.
- Распад СССР: документы и факты (1986–1992 гг.). Сб. документов: в 2 т. / Общ. ред. С.М. Шахрай. М.: Волтерс Клувер. Т. 1. 2009; Т. 2. 2016.
- Самойлов В.И. Актуальные проблемы реформирования военной организации российского общества. М.: ИСПИ РАН, 2005.
- Советские Вооруженные Силы на страже мира и социализма / Под общ. ред. А.И. Сорокина. М.: Наука, 1988.
- Соловьев С.С., Образцов И.В. Российская армия от Афганистана до Чечни: Социологический анализ. М.: Нац. ин-т им. Екатерины Великой, 1997.
- Социология перестройки / Отв. ред. В.А. Ядов. М.: Наука, 1990.
- Цыганок А.Д. Военные под российским флагом: русский взгляд, 1991–1993. М.: АИРО-XXI, 2012.
- Язов Д. Август 1991. Где была армия. М.: Эксмо, 2011.
- Higham R., Kagan F. (eds) The Military History of the Soviet Union. New York: Palgrave, 2002.
- Odom W.E. The Collapse of the Soviet Military. New Haven, CT: Yale University Press, 1998.
- Reese R.R. The Soviet Military Experience: A History of the Soviet Army, 1917–1991. London: Routledge, 2000.
- Rumer B.E. The End of Monolith. The Politics and Military Reform in the Soviet Armed Forces. Santa Monica, CA: The RAND Corporation, 1991.
- Zubok V.M. A Failed Empire: the Soviet Union in the Cold War from Stalin to Gorbachev. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 2007.

Статья поступила: 25.07.22. Финальная версия: 25.09.22. Принята к публикации: 26.09.22.

THE "INDESTRUCTIBLE AND LEGENDARY" ARMY AT THE END OF THE SOVIET ERA

OBRAZTSOV I.V.

Moscow State Linguistic University, Russia

Igor V. OBRAZTSOV, Dr. Sci. (Sociol.), Prof., the Department of Sociology, Head of Sociological Laboratory, Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia (igorobraztsov@rambler.ru).

Abstract. The Armed Forces were a pillar of the USSR political regime and the military security. By the end of its existence, they experienced all the consequences of the soviet socio-political system deformation and needed to be reformed. The key issues in discussions about military reform were the optimization of the armed forces size to the limits of "reasonable sufficiency", their professionalization and elimination of political control by the ruling party. And if the reduction in Army and Navy Forces weakened the economic burden, and the recruitment of military formations on the principles of volunteerism eliminated the problem of "dedovshchina" ("hazing"), then the depoliticization and depoliticization of power structures broke the soviet basic ideologies. Based on the analysis of relatively unknown results of sociological studies, the author aims at finding why the attempts to make the armed forces "the last stronghold of Soviet statehood" failed.

Keywords: the collapse of the Soviet Union, armed forces, army, military reform, military sociology, social problems.

REFERENCES

- Doctorov B.Z., Oslon A.A., Petrenko E.S. (2014) *Yeltsin's Era: Opinions of Russians: Sociological Essays*. Moscow: Direct Media. (In Russ.)
- Grushin B.A. (2001–2006) *Four lives of Russia in the Mirror of Public Opinion Polls: Essays on the Mass Consciousness of Russians in the Times of Khrushchev, Brezhnev, Gorbachev and Yeltsin*. In 4 books. Moscow: Progress-Traditsiia. (In Russ.)
- Higham R., Kagan F., eds. (2002) *The Military History of the Soviet Union*. New York: Palgrave.
- Makarov V.I. (2010) *At the General Staff at the Eras Breakup, 1990–2008: Memories*. Moscow: Kuchkovo Pole. (In Russ.)
- Medvedev R.M. (2015) *Soviet Union. Last Years of Life*. Moscow: Vremia. (In Russ.)
- Mikhailionok O.M. (2006) *The State and the Army in Russia. 19–21 centuries*. Moscow: IS RAN. (In Russ.)
- Odom W.E. (1998) *The Collapse of the Soviet Military*. New Haven, CT: Yale University Press.
- Pikhoia R.G., Sokolov A.K. (2008) *The history of modern Russia: the crisis of communist power in the USSR and the birth of the new Russia, late 1970s–1991s*. Moscow: ROSSPEN. (In Russ.)
- Rastvalova E.V., Seregin N.S. (eds) (1991) *Putch [Aug 19–21. 1991]: Chronicle of Anxiety Days: Collection*. Moscow: Progress. (In Russ.)
- Reese R.R. (2000) *The Soviet Military Experience: A History of the Soviet Army, 1917–1991*. London: Routledge.
- Rumer B.E. (1991) *The End of Monolith. The Politics and Military Reform in the Soviet Armed Forces*. Santa Monica, CA: The RAND Corporation.
- Samoilov V.I. (2005) *Actual Problems of Reforming the Military Organization of Russian Society*. Moscow: ISPI RAN. (In Russ.)
- Shakhrai S.M. (ed.) (2009–2016) *The Collapse of the USSR: Documents and Facts (1986–1992)*. 2 vols. Moscow: Volters Curtaur. (In Russ.)
- Soloviev S.S., Obraztsov I.V. (1997) *Russian Army from Afghanistan to Chechnya: Sociological Analysis*. Moscow: Nats. in-t imeni Ekateriny Velikoi. (In Russ.)
- Sorokin A.I. (ed.) (1988) *Soviet Armed Forces Guarding Peace and Socialism*. Moscow: Nauka. (In Russ.)
- Tsyganok A.D. (2012) *The Military Under the Russian Flag: Russian View, 1991–1993*. Moscow: Airo-XXI. (In Russ.)
- Yadov V.A. (ed.) (1990) *Sociology of Perestroika*. Moscow: Nauka. (In Russ.)
- Yazov D.T. (2011) *August 1991. Where Was the Army*. Moscow: Exmo. (In Russ.)
- Zubok V.M. (2007) *A Failed Empire: the Soviet Union in the Cold War from Stalin to Gorbachev*. Chapel Hill: University of North Carolina Press.

Received: 25.07.22. Final version: 25.09.22. Accepted: 26.09.22.

© 2022 г.

Н.С. ЧЕРНЫШЁВА, ЧЖАН ЮЙСИНЬ

МОЛОДЕЖНАЯ МИГРАЦИЯ В РОССИИ: ОБЗОР ДИСКУССИЙ

ЧЕРНЫШЁВА Наталья Сергеевна – стажер-исследователь (nchernisheva@hse.ru); ЧЖАН Юйсинь – стажер-исследователь (Yuchzhan_1@edu.hse.ru). Оба – Центр молодежных исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Россия.

Аннотация. Представлен обзор дискуссий российских ученых о внутренней молодежной миграции. Даны статистические данные о возрастном и образовательном составе внутренних мигрантов, описаны виды и причины молодежной миграции. Рассмотрена специфика применения теории выталкивающих и притягивающих факторов миграции (push and pull factors). Обсуждаются сильные и слабые стороны научных дискуссий об установках и намерениях, о чувстве места для миграционных планов.

Ключевые слова: миграция молодежи • образовательная миграция • внутренняя миграция • факторы миграции • миграционные установки • миграционные намерения • чувство места

DOI: 10.31857/S013216250018919-3

Введение. Молодежь – наиболее ориентированная на миграцию часть населения, несмотря на небольшой или отсутствующий миграционный опыт, служащий значимой предпосылкой миграционной подвижности [Рыбаковский и др., 2019: 6]. Это подтверждают данные Росстата последних трех лет – пики миграционной активности среди трудоспособного населения России приходятся на возрастные группы 20–24 и 30–34 лет (рис.).

В российской культуре нормативный сценарий взросления имеет следующую последовательность событий: «получение образования – работа – отпуск по уходу за ребенком – работа» [Тындик, Митрофанова, 2014: 155]. Необходимость к определенному возрасту закрепиться территориально интенсифицирует накопление миграционного опыта в периоды жизни, связанные с самоопределением. Выбор места обучения, удовлетворенность условиями новой среды, определение карьерной траектории и поиск подходящих условий труда – ключевые стимулы принятия миграционных решений. С 2012 г. объемы образовательной и трудовой миграции внутри России были почти одинаковыми. В 2014–2015 гг. число респондентов, отметивших в качестве причины миграции получение образования, стало больше, чем в связи с работой. В 2016 г., несмотря на значительное сокращение числа трудовой и образовательной миграции внутри страны, эта тенденция сохранилась, но с 2017 г. преимущество получили причины, связанные с работой. В 2020 г. оба вида миграции в России достигли минимума, но по данным 2021 г. число и трудовых, и образовательных мигрантов вновь начало возрастать.

Статья написана в рамках проекта Центра молодежных исследований НИУ ВШЭ (Санкт-Петербург) «Выбор жизненных стратегий талантливой молодежью и её роль в повышении конкурентоспособности российских регионов как ответ на глобальные вызовы “утечки мозгов”». Исследование выполнено за счет гранта РНФ № 21-18-00122.

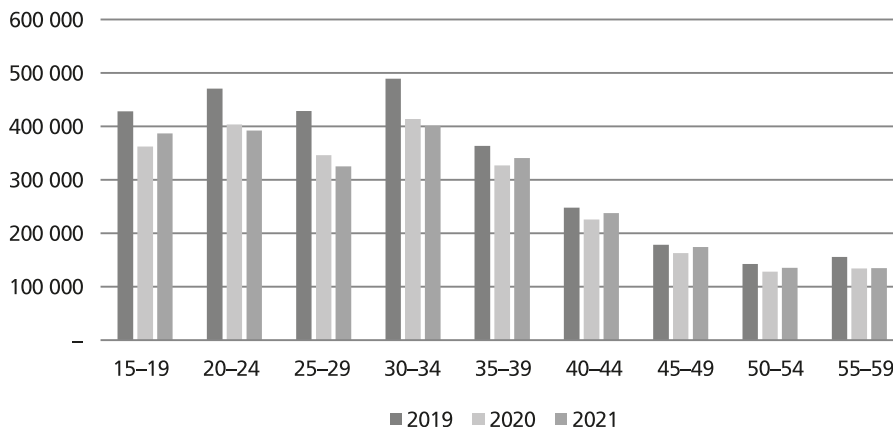

Рис. Число прибывших граждан в пределах России по возрастным группам, чел.

Источник: данные Росстата по численности и миграции населения Российской Федерации 2019–2021 гг. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13283>

Изменения на рынке труда и в образовательной инфраструктуре из-за пандемии COVID-19 оказали влияние на привлекательность регионов. Значимые образовательные ресурсы сосредоточены в крупных региональных центрах России, что делает их местами притяжения молодежи из периферии. Хотя образовательная миграция в России имеет центростремительный характер [Мкртчян, 2017: 226], интеграция дистанционных технологий в процессы обучения и рост массовых открытых онлайн-курсов выводит образовательные учреждения на новый уровень конкуренции. В то же время возможности дистанционной работы позволяют претендовать на более высокие заработные платы без миграционных усилий.

В современных исследованиях миграции доминирует изучение экономических факторов и учет (на основании данных переписи населения) уровня привлекательных регионов. В статье приведены основные дискуссии о миграции российских исследователей с целью демонстрации разнообразия теоретических подходов к пониманию причин молодежной миграции.

Виды молодежной миграции. Исследователи в первую очередь обращаются к изучению образовательной миграции. Этот термин понимается широко и описывает территориальные перемещения, имеющие целью повышение профессиональной квалификации любого уровня [Замотин, 2016: 81]. Принято считать, что наиболее значимой причиной является поступление в училища и вузы после завершения школьного образования [Карачурина, Флоринская, 2019: 82–83]. Данные Росстата также показывают, что среди участников такой мобильности большинство имеет среднее общее и основное общее образование¹. Учитывая эти обстоятельства, российские исследователи предлагают называть ее «учебной миграцией» [Замотин, 2016: 81]. В общем понимании это временное перемещение для академической подготовки, по завершении которой выпускники должны возвращаться к предыдущему месту проживания [Санникова, 2015: 19]. Однако доля возвратной миграции обладателей вузовских дипломов в средние и малые города невелика и сложно поддается даже приблизительной оценке [Карачурина, Флоринская, 2019: 87]. Более того, такая мобильность часто оценивается молодыми людьми как вынужденная, продиктованная наличием в родном городе или поселении собственного жилья или семьи. В ином

¹ Федеральная служба государственной статистики. Численность и миграция населения Российской Федерации. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13283> (дата обращения: 16.08.2022).

случае, как показывают исследования, возвращение в место исхода считается экономически нецелесообразным [Варшавская, Чудиновских, 2014: 57]. Таким образом, учебная миграция в России часто носит некомпенсируемый характер [Санникова, 2015: 19], и город, где студенты получают профессиональное образование, становится местом дальнейшего трудоустройства или транзитом в другие города и страны.

Другой вид молодежной миграции – послевузовская, в рамках которой намерения переехать в другую локацию формируются в студенческие годы и могут не совпадать с последующим миграционным поведением. Исследователи разводят понятия миграционной подвижности и миграционной мобильности: первая определяет миграционные события в жизни человека, наличие и разнообразие которых положительно связаны с готовностью к миграции, вторая подразумевает совокупность психологических свойств личности, формирующих способность человека мигрировать [Рыбаковский и др., 2019: 5–6]. Они создают условия потенциальной миграции, однако ее индикаторы всегда завышены по подсчетам исследователей в 2–3 раза в сравнении с их реализацией [Иванова, 2015: 68].

Замечено, что уровень миграционных намерений студентов по мере обучения изменяется вместе с регуляторами социального поведения личности. Например, к пятому курсу миграционные намерения утрачивают характер смысложизненных ориентаций и становятся частью стратегии для отдельных видов деятельности [Кузнецова, 2020: 193]. Функциональный характер миграционных намерений выпускников вузов выражается в характеристиках регионов, на которые молодежь ориентируется при принятии решений: условия рынка труда и экономического развития региона (ВРП), стоимость проживания, культурная среда и уровень жизни [Антосик, Ивашина, 2021: 117]. Отдельные исследования показывают, что такие экономические факторы, как порядок заработных плат и безработицы, не столь значимы для молодежи, как возможность найти работу в соответствии с полученной квалификацией [Москвина, 2019: 115]. Желание занимать должность в соответствии с полученным образованием и готовность к конкуренции выражается в предпочтении выпускниками вузов инновационного региона с развитой системой образования, что позволяет исследователям говорить о мотивации молодежи продолжать обучение, совмещая его с работой [там же: 113]. Наиболее благоприятным временем реализации миграционных намерений вчерашних студентов считаются первые два года после окончания вуза [Муращенкова, 2021: 27].

Выталкивающие и притягивающие факторы миграции. Объяснение миграционным процессам дает популярная теория «push and pull»-факторов (Ли Э., 1965), согласно которой решения о смене места пребывания принимаются в результате взвешивания затрат и выгод, связанных с переездом [Raghuram, 2013: 143]. Осмысленная разница между местом отъезда и местом прибытия становится движущей силой миграции с целью приумножения личного капитала. Характеризуя типы этих капиталов, исследователи выделяют соответствующие выталкивающие и притягивающие факторы миграции: экономические и социальные. Именно эти два направления принято считать основными, поскольку их содержание отражает базовые противоречия между потребностями людей и возможностью их удовлетворения на территории проживания [Иванова, 2015: 68]. Тем не менее в последнее время большое значение уделяется исследованию культурных факторов, также способных объяснять миграционное поведение. В российских исследованиях отдельно выделяется два типа факторов, связанных с безопасностью: политические и экологические. В контексте экономического потенциала миграции к выталкивающим факторам относят неразвитую экономику городов и регионов, узость предложений на рынке труда, отсутствие поддержки бизнеса [Фофанова, Сычев, 2019; Симонян, 2017; Мкртчян, 2017]. При этом зачастую не выталкивающие факторы экономического развития собственного региона становятся причиной миграции, а притягивающие экономические факторы другой территории. Представления о потенциальном уровне жизни в другой локации складываются не из объективных данных, а благодаря субъективным представлениям, приобретенным через доступные социальные контакты и информационные ресурсы [Шворина,

Фалейчик, 2018: 492]. Культурные факторы включают в себя доступ к разнообразному досугу и обретают ту же значимость, что и экономические, когда речь идет о малых городах и селах, где жизнь не может быть такой же разносторонней, как в региональных центрах [Мкртчян, 2017: 232].

В последнее время российские авторы критикуют доминирование экономических факторов, так как улучшение качества жизни сегодня рассматривается не только и столько как повышение зарплаты после смены места жительства, сколько в результате приобретения (или сохранения) социального и культурного капиталов. Так, большей привлекательностью для молодежи могут обладать регионы, обладающие совокупностью культурных, социальных, политических и экологических преимуществ, но не представляющих конкуренции с точки зрения экономического развития [Фофанова, Сычев, 2019: 773]. Снижение объяснительной способности экономических показателей может объясняться уменьшением межрегиональной дифференциации [Вакуленко, 2019: 127].

Также исследователи выделяют содействующие факторы, усиливающие или ослабляющие связь между переменными. Например, миграционный опыт и уровень адаптационных способностей. К сдерживающим факторам принято относить неэкономические, сугубо субъективные оценки значимости окружающей среды [Кузнецова, 2013: 36], которые с трудом поддаются рационализации участниками исследования и кодированию для опросов учеными. Оценить привязанность к месту жительства и силу ее связи с миграционным поведением – серьезная методологическая задача.

Отметим особенности данной дискуссии. Во-первых, вызывает сомнение объяснительная способность рационального подхода к обоснованию решений, связанных со сменой места жительства. Во-вторых, в теории «push and pull»-факторов именно финансовые затраты и выгоды становятся драйверами миграции, и эта экономическая гегемония упрощает понимание человеческой мотивации. Экономические факторы легче поддаются кодированию при составлении анкет и рационализации при анализе собственных намерений информантов, и их преобладание в результатах исследований объясняет не то, как принимаются решения о миграции, а как они трактуются участниками миграционных процессов. В-третьих, исследования факторов миграции не учитывают мотивацию, которую невозможно выделить в отдельные категории или отнести к уже имеющимся. Таким образом, логика данного теоретического подхода ограничивает его содержательные возможности. Еще одной критической стороной дискуссии о «push and pull»-факторах является отсутствие понимания различий между миграционными установками и намерениями: здесь оценивается именно принятие решений о миграции, вне зависимости от их дальнейшей реализации.

Миграционные установки и намерения. Анализ связей между установками и намерениями демонстрирует механизмы перехода от планирования миграции к ее реализации. Миграционные установки, которые также называют «настроениями», выражают эмоциональный уровень личности, совокупность ее черт и оценок, создающих фон для дальнейшего принятия решений [Зайков и др., 2018: 234]. Миграционные намерения обладают когнитивным характером и описывают планы, имеющие рациональную структуру. Их иногда понимают как часть миграционных установок, выраженную в практических действиях. Так, под установками имеют в виду желания, связанные с переездом, а под намерениями – готовность к совершению необходимых шагов для достижения цели [Кузнецова, 2013: 39–40]. Не все люди, имеющие миграционные установки, реализуют их в дальнейшем: желание уехать можно назвать стремлением к благополучию, часто остающимся только стремлением [Симонян, 2017: 318]. Большое значение имеет выявление связей между установками, намерениями и реальным поведением, а также демографических характеристик, которые оказывают влияние на силу этих связей [Рочева, Варшавер, 2020: 299–300].

На формирование миграционных установок влияет география места жительства человека и его семьи. Близость региональных или федеральных центров позволяет осуществить смену места жительства с наименьшими финансовыми и социальными потерями.

В малых городах и селах миграционные установки будут выше, чем в более крупных населенных пунктах, даже при большой удаленности от территории-реципиента [Карачурина, Флоринская, 2019: 83]. Исследователи отмечают, что миграционные намерения сельской молодежи редко ограничиваются переселением в ближайший город: приобретение опыта адаптации к новой среде стимулирует дальнейшие перемещения в поисках лучших условий [Симонян, 2017: 321]. Образовательные миграции из села в ближайший город захватывают большой возрастной диапазон молодежи, поскольку здесь образовательной ступенью после школы чаще выступают среднепрофессиональные образовательные учреждения. Для жителей сел и малых городов миграционные установки и намерения имеют коллективный характер: переезд выпускника школы является семейным решением, поэтому здесь большое значение имеет изучение влияния домохозяйств на принятие решения об отъезде и дальнейшем невозвращении как долгосрочной жизненной стратегии [Мкртчян, 2017: 239]. В целом, не только для сельских миграций существует связь между коллективным миграционным опытом и миграционными установками конкретного человека. Дети, чьи родители сами не являются коренными жителями, имеют более высокие миграционные установки и намерения. Кроме того, наличие в окружении людей с миграционным бэкграундом также создает условия для возникновения соответствующих установок [Кузнецова, 2012: 63].

Кроме таких объективных показателей, как география места жительства и миграционный опыт семьи и окружения, важно измерение психологических установок, связанных с формированием миграционных намерений. Для моделирования миграционной мобильности на основании изучения связей между психологическими и миграционными установками в российских исследованиях используют теорию базовых индивидуальных ценностей Ш. Шварца (1992). Уточненные им и коллегами 19 ценностей, группируемые в круговой мотивационный континуум метаценностей «сохранение», «открытость изменениям», «самоутверждение» и «самоопределение» [Шварц и др., 2012: 50], могут стимулировать или сдерживать формирование миграционных установок. В.А. Москвина, анализируя региональную послевузовскую миграцию, выявила, что «самоопределение» и «самоутверждение» как ценности, отражающие мотивы «идеализма» и «материализма», имеют положительную связь с наличием миграционных намерений у выпускников [Москвина, 2019: 89], а значит, могут являться миграционными установками. К психологическим факторам миграционных установок также относят разные типы идентичностей, среди которых для изучения эмиграции наибольшее значение имеет гражданская идентичность [Муращенкова, 2021: 29]. Необходимо обращать внимание и на гражданскую и этническую идентичность для анализа миграционных процессов внутри страны, так как современное развитие локальной гражданственности способствует формированию привязанности к территории проживания, а этнический характер многих регионов России может породить субпатриотические настроения у их жителей.

Таким образом, миграционные установки являются интегральной характеристикой, содержащей в себе как когнитивные оценки своего положения на территории проживания, так и социально-психологические черты личности, включающие в себя социально-политические установки, ценности и особенности мотивации [Иванова, 2015: 71]. Чтобы определить, могут ли миграционные установки быть воплощены в миграционных намерениях, исследователи выясняют аспекты миграционных планов в перспективе ближайших пяти лет. Их серьезность определяется сроками планируемой миграции и принимаемых для этого мер [Зайков и др., 2018: 239].

По нашему мнению, основной проблемой данной дискуссии является не прикладной характер полученных данных. Кроме того, для выявления связи между миграционными установками, намерениями и действиями необходимо проводить лонгитюдные исследования, ограниченные сложностью метода. Данную дискуссию часто сочетают с анализом «push and pull»-факторов для обращения к аффективным механизмам принятия решений. Тем не менее сочетание этих исследовательских подходов чаще приводит к теоретической путанице и объяснению «намерений» наличием выталкивающих и притягивающих факторов.

Связь чувства места и миграционных планов. Эта дискуссия имеет не столь продолжительную историю, но затрагивает многие дисциплины, включая психологию, географию и социологию. Актуальность данного феномена обусловлена растущей мобильностью населения, ослабляющей связь человека и территории. Критика оппозиции между мобильностью и территорией приводит к переосмыслению концепта «места», смещая фокус с географической точки на совокупность социальных связей, имеющих свое территориальное измерение [Bolotova, Karaseva, 2017: 78]. «Место» в значении пространства жизни наполняется личностными смыслами когнитивного и аффективного характера, формирующимися под влиянием социального окружения и его сравнения с другими местами [Кузнецова, 2013: 40]. Совокупность этих значений, оценок и связанного с ними уровня удовлетворенности называют «чувством места», а привязанность к обусловленным местом чувствам и памяти о значимых социальных событиях – «чувством принадлежности» [Самошкина, 2008: 46]. Объединение идентификации с социальными группами, определенной территорией, а также созданной в процессе их взаимодействия социально-культурной памятью определяет территориальную идентичность человека [Правоторова, Кондратьева, 2018: 71]. Российские исследователи выделяют несколько видов территориальной идентичности: городскую, региональную, а также связанную с определенным природным ландшафтом.

Марко Лалли (1992) описал два подхода к исследованию территориальной идентичности: феноменологический, где первичен эмоциональный опыт, связанный с конкретной территорией, и позитивистский, для которого значение места связано с рациональными оценками условий жизни [Самошкина, 2008: 46]. В рамках первого подхода проводятся исследования эмоционального коллективно-разделяемого опыта восприятия территории (длительность проживания, природные характеристики и вовлеченность в традиционные для местности формы жизнеобеспечения) [Gavrilova, 2017: 40]. Такие неэкономические способы обоснования комфортности жизни значимы для объяснения причин возвратной миграции молодыми людьми, так как именно эмоциональная связь с местом исхода и переживания становятся причиной репатриации [Bolotova, Karaseva, 2017: 92]. Второй подход предполагает большую рациональность и потенциальный конфликт между чувством места и мобильностью субъекта. Здесь чувство места может возникнуть по отношению к малознакомой территории, оцениваемой на когнитивном уровне как наиболее подходящая, а на эмоциональном – как наиболее привлекательная для проживания. Субъективная оценка большего соответствия другого места собственному пониманию комфорта создает условия построения отношений не с актуальным местом проживания, а с планируемым. В этом случае сформированное чувство места становится катализатором миграции, а не ее сдерживающим фактором [Кузнецова, 2013: 36].

Исследования чувства места и его связи с миграционными планами в России чаще реализуются в качественной методологии и проявляют большую чуткость к индивидуальным биографиям участников. Немалая часть исследований территориальных идентичностей посвящена разработке методик для формирования городской идентичности с целью брендинга территории и удержания человеческого капитала. Так, чувство места приобретает характер товарно-денежной единицы и становится механизмом привлечения людей. Многообразие терминов в наименовании идентичности, связанной с местом (территориальная, средовая, идентичность с местом [Правоторова, Кондратьева, 2018: 71]), а также отсутствие методологического единства в рамках дискуссии о чувстве места указывает на сложность и новизну предмета исследования.

Выводы. Российские исследователи молодежной миграции в большей степени заинтересованы в рациональных подходах к объяснению принятия решений о смене места жительства. Так, наиболее развитой и разносторонней является дискуссия о выталкивающих и притягивающих факторах миграции. Исследователи «push and pull»-факторов делают выводы о главенствующей позиции экономических причин миграции. В связи с этим наибольшей привлекательностью для мигрантов обладают территории, предоставляющие большие возможности для высокооплачиваемого труда и открытия собственного бизнеса. Тем не менее

в российской практике сильна критика экономической гегемонии в объяснении миграционных планов молодежи: совокупность неэкономических факторов получает все большую значимость для принятия решений. Интересными направлениями исследований молодежной миграции в России являются дискуссии о миграционных установках и намерениях, а также о чувстве места. Однако обе эти дискуссии часто используются вместе с теорией «push and pull»-факторов. С помощью этих подходов исследователи дополняют рациональные миграционные стратегии анализом аффективных составляющих принятия решений. Однако, применяя эти дискуссии, исследователи часто допускают терминологическую путаницу и встречают методологические трудности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Антосик Л.В., Ивашина Н.В. Факторы и направления межрегиональной миграции выпускников вузов в России // Вопросы образования. 2021. № 2. С. 107–125. DOI: 10.17323/1814-9545-2021-2-107-125.
- Вакуленко Е.С. Мотивы внутренней миграции населения в России: что изменилось в последние годы? // Прикладная эконометрика. 2019. Т. 55. № 3. С. 113–138. DOI: 10.24411/1993-7601-2019-10013.
- Варшавская Е.Я., Чудиновских О.С. Миграционные планы выпускников региональных вузов России // Вестник московского университета. Сер. 6. Экономика. 2014. № 3. С. 36–58.
- Зайков К.С., Каторин И.В., Тамицкий А.М. Миграционные установки студентов, обучающихся по образовательным программам высшего образования арктической направленности // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11. № 3. С. 230–247. DOI: 10.15838/esc.2018.3.57.15.
- Замотин М.П. Образовательная миграция в миграционных исследованиях российских авторов // Дискурс. 2016. № 5. С. 77–86. DOI: 10.32603/2412-8562-2016-0-5-77-86.
- Иванова Е.И. Социальный вектор миграционной подвижности россиян // Социологические исследования. 2015. № 11. С. 66–73.
- Карачурина Л.Б., Флоринская Ю.Ф. Миграционные намерения выпускников школ малых и средних городов России // Вестник московского университета. Сер. 5. География. 2019. № 6. С. 82–89. DOI: 10.17323/demreview.v3i4.3205.
- Кузнецова С.А. Возможности изучения миграционных намерений в социальной психологии // Вестник РУДН. Сер. Психология и педагогика. 2012. № 3. С. 60–65.
- Кузнецова С.А. Миграционные установки как предмет социально-психологических исследований // Социальная психология и общество. 2013. № 4. С. 34–45.
- Кузнецова С.А. Территориальное самоопределение магданских студентов на разных этапах обучения в вузе // Социальная психология и общество. 2020. Т. 11. № 4. С. 182–197. DOI: 10.17759/sps.2020110413.
- Мкртчян Н.В. Миграция молодежи из малых городов России // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2017. № 1. С. 225–242. DOI: 10.14515/monitoring.2017.1.15.
- Москвина В.А. Моделирование межрегиональной мобильности выпускников вузов в России // Прикладная эконометрика. 2019. Т. 56. № 4. С. 99–122. DOI: 10.24411/1993-7601-2019-10019.
- Муращенкова Н.В. Психологические факторы эмиграционных намерений молодежи: обзор зарубежных исследований // Вестник РУДН: Психология и педагогика. 2021. Т. 18. № 1. С. 25–41. DOI: 10.22363/2313-1683-2021-18-1-25-41.
- Правоторова А.А., Кондратьева У.Г. Теоретические основания исследования городской идентичности // Творчество и современность. 2018. Т. 6. № 2. С. 69–79.
- Рочева А.Л., Варшавер Е.А. Миграционные намерения молодежи с миграционным бэкграундом и без: российский случай // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3. С. 295–334. DOI: 10.14515/monitoring.2020.3.1632.
- Рыбаковский Л.Л., Кожевникова Н.И., Маевский Д.П. Миграционная подвижность населения и её изменение // Народонаселение. 2019. № 2. С. 4–16.
- Самошкина И.С. Территориальная идентичность как предмет социально-психологического исследования // Вестник РГГУ. Сер. Психология. Педагогика. Образование. 2008. № 3. С. 43–53.
- Санникова О.В. Некомпенсируемая образовательная миграция как проблема развития российского региона // Теория и практика общественного развития. 2015. № 24. С. 19–21.
- Симонян Р.Х. Миграционные настроения российской молодежи: региональный аспект // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2017. № 6. С. 313–326. DOI: 10.14515/monitoring.2017.6.16.

- Тындик А.О., Митрофанова Е.С. Социально-экономическое поведение индивида в зеркале концепции жизненного пути // Мониторинг. 2014. Т. 121. № 3. С. 146–158. DOI: 10.14515/monitoring.2014.3.10.
- Фофанова К.В., Сычев А.А. Факторы миграционной привлекательности провинциального города (на примере г. Саранска) // Регионоведение. 2019. Т. 27. № 4. С. 756–778. DOI: 10.15507/2413-1407.108.027.201904.756-778.
- Шварц Ш., Бутенко Т.П., Седова Д.С., Липатова А.С. Уточненная теория базовых индивидуальных ценностей: применение в России // Психология. Журнал высшей школы экономики. 2012. Т. 9. № 2. С. 43–70.
- Шворина К.В., Фалейчик Л.М. Основные тренды миграционной мобильности населения регионов Сибирского и Дальневосточного федеральных округов // Экономика региона. 2018. Т. 14 (2). С. 485–501. DOI: 10.17059/2018-2-12.
- Юдина Т.Н. О социологическом анализе миграционных процессов // Социологические исследования. 2002. № 10. С. 102–109.
- Bolotova A., Karaseva A., Vasilyeva V. (2017) Mobility and sense of place among youth in the Russian Arctic // *Sibirica*. Vol. 16. No. 3. P. 77–123.
- Gavrilova K. (2017) Temporal dimension of attitudes toward infrastructure and opportunities for relocation from the northern town: The case of Kamchatskii Krai // *Sibirica*. Vol. 16. No. 3. P. 35–56.

Статья поступила: 24.02.22. Финальная версия: 01.08.22. Принята к публикации: 26.09.22.

APPROACHES TO THE STUDYING YOUTH MIGRATION IN RUSSIA: REVIEWING DISCUSSIONS

CHERNYSHEVA N.S.*, ZHANG YUXIN*

*National Research University "Higher School of Economics", Russia

Natalia S. CHERNYSHEVA, Trainee Researcher (nchernisheva@hse.ru); ZHANG Yuxin, Trainee Researcher (Yuchzhan_1@edu.hse.ru). Both – the Center for Youth Studies, National Research University "Higher School of Economics", St. Petersburg, Russia.

Acknowledgements. The article was written within the framework of the project of the HSE Youth Research Center (St. Petersburg) "The choice of life strategies by talented youth and its role in increasing the competitiveness of Russian regions as a response to global challenges of 'brain drain'". The research was carried out at the expense of the grant of the Russian Science Foundation No. 21-18-00122.

Abstract. An overview of the Russian scientific discussion on internal youth migration is offered. The first part contains statistical data on the age and educational composition of internal migrants, describes the types and main causes of youth migration. The second part analyzes discussions of Russian researchers about youth migration: attitudes and intentions, sense of place for migration plans. Specifics of the application of the theory of push and pull factors of migration (push and pull factors) are considered, the strengths and weaknesses of discussions about youth migration, opportunities for their more effective use in practice are presented.

Keywords: youth migration, educational migration, internal migration, migration factors, migration attitudes, migration intentions, sense of place, brain drain.

REFERENCES

- Antosik L.V., Ivashina N.V. (2021) Factors and Routes of Interregional Migration of University Graduates in Russia. *Voprosy obrazovaniya* [Educational Studies Moscow]. No. 2: 107–125. DOI: 10.17323/1814-9545-2021-2-107-125. (In Russ.)
- Bolotova A., Karaseva A., Vasilyeva V. (2017) Mobility and sense of place among youth in the Russian Arctic. *Sibirica*. Vol. 16. No. 3: 77–123. DOI: 10.3167/sib.2017.160305.
- Fofanova K.V., Sychev A.A. (2019) Factors in Migration Attractiveness of a Provincial City: The Case Study of the City of Saransk. *Regionologiya* [Regionology]. Vol. 27. No. 4: 756–778. DOI: 10.15507/2413-1407.108.027.201904.756-778. (In Russ.)
- Gavrilova K. (2017) Temporal dimension of attitudes toward infrastructure and opportunities for relocation from the northern town: The case of Kamchatskii Krai. *Sibirica*. Vol. 16. No. 3: 35–56. DOI: 10.3167/sib.2017.160303.

- Ivanova E.I. (2015) Social Vector of Migration Mobility of Russians. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 11: 66–73. (In Russ.)
- Karachurina L.B., Florinskaya Y.F. (2019) Migration intentions of school graduates in small and midsize towns of Russia. *Vestnik MGU. Ser. 5. Geografiya* [Moscow University Bulletin]. No. 6: 82–89. (In Russ.)
- Kuznetsova S.A. (2012) Possibilities of Study of Migratory Intentions in Social Psychology. *Vestnik RUDN. Ser. Psihologiya i pedagogika* [RUDN Journal of Psychology and Pedagogics]. No. 3: 60–65. (In Russ.)
- Kuznetsova S.A. (2013) Migration Attitudes as the Subject of Social Psychological Research. *Social'naya psihologiya i obshchestvo* [Social Psychology and Society]. Vol. 4. No. 4: 34–45. (In Russ.)
- Kuznetsova S.A. (2020) Territorial Self-Determination of Magadan Students at Different Stages of Education in the University. *Social'naya psihologiya i obshchestvo* [Social Psychology and Society]. Vol. 11. No. 4: 182–197. DOI: 10.17759/sps.2020110413. (In Russ.)
- Mkrtchan N.V. (2017) The youth migration from small towns in Russia. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i social'nye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]. No. 1: 225–242. DOI: 10.14515/monitoring.2017.1.15. (In Russ.)
- Moskvina V. (2019) Modelling interregional mobility of university graduates in Russia. *Prikladnaya ekonometrika* [Applied Econometrics]. Vol. 56. No. 4: 99–122. DOI: 10.24411/1993-7601-2019-10019. (In Russ.)
- Murashchenkova N.V. (2021). Psychological Factors of Youth Emigration Intentions: A Review of International Studies. *Vestnik RUDN. Ser. Psihologiya i pedagogika* [RUDN Journal of Psychology and Pedagogics]. Vol. 18. No. 1: 25–41. DOI 10.22363/2313-1683-2021-18-1-25-41. (In Russ.)
- Pravotorova A.A., Kondratieva U.G. (2018) Theoretical Foundations of the Investigation of Urban Identity. *Творчество и современность* [Creativity and modernity]. Vol. 6. No. 2: 69–79. (In Russ.)
- Rocheva A.L., Varshaver E.A. (2020) Migration Intentions of Youth with and without Migrant Backgrounds: a Russian Case. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i social'nye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]. No. 3: 295–334. DOI: 10.14515/monitoring.2020.3.1632. (In Russ.)
- Rybakovsky L.L., Mayevsky D.P., Kozhevnikova N.I. (2019) Migration mobility of population and its measurement. *Narodonaselenie* [Population]. No. 2: 4–16. (In Russ.)
- Samoshkina I.S. (2008) Territorial Identity as a Social-Psychological Research Subject. *Vesnik RGGU* [Bulletin of the Russian State University for the Humanities]. No. 3: 43–53. (In Russ.)
- Sannikova O.V. (2015) Uncompensated Educational Migration as a Problem of Development of a Russian Region. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* [Theory and practice of social development]. No. 24: 19–21. (In Russ.)
- Schwartz S., Butenko T.P., Sedova D.S., Lipatova A.S. (2012) A Refined Theory of Basic Individual Values: Application in Russia. *Psihologiya. Zhurnal vysshey shkoly ekonomiki* [Psychology. Journal of the Higher School of Economics]. Vol. 9. No. 1: 43–70. (In Russ.)
- Shvorina K.V., Faleychik L.M. (2018) Main Directions of Migration Mobility of the Population in the Siberian and Far Eastern Federal Districts. *Ekonomika regiona* [Economy of Region]. Vol. 14. No. 2: 485–201. DOI: 10.17059/2018-2-12. (In Russ.)
- Simonyan R.H. Migration attitudes of Russian youth: a regional dimension. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i social'nye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]. No. 6: 313–326. DOI: 10.14515/monitoring.2017.6.16. (In Russ.)
- Tyndik A.O., Mitrofanova E.S. (2014) Social and Economic Behavior of People in the Perspective of the Life Course Concept. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i social'nye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]. No. 3: 146–158. DOI: 10.14515/monitoring.2014.3.10. (In Russ.)
- Vakulenko E. (2019) Motives for internal migration in Russia: What has changed in recent years? *Prikladnaya ekonometrika* [Applied Econometrics]. Vol. 55: 113–138. DOI: 10.24411/1993-76012019-10013. (In Russ.)
- Varshavskaya E.Y., Chudinovskikh O.S. (2014) Migration intentions of graduates of Russia's. *Vestnik moskovskogo universiteta. Ser. 6. Ekonomika*. [Moscow University Economics Bulletin]. No. 3: 36–58. (In Russ.)
- Zaikov K.S., Katorin I.V., Tamitskii A.M. (2018) Migration Attitudes of the Students Enrolled in Arctic-Focused Higher Education Programs. *Ekonomicheskie i social'nye peremeny: fakty, tendencii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast]. Vol. 11. No. 3: 230–247. DOI: 10.15838/esc.2018.3.57.15. (In Russ.)
- Zamotin M.P. (2016) Educational Migration in Migratory Research of Russian Authors. *Diskurs* [Discourse]. No. 5: 77–86. DOI: 10.32603/2412-8562-2016-0-5-77-86. (In Russ.)

© 2022 г.

И.Б. НАЗАРОВА

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРЕДПРИЯТИЯ: ЗАПРОС НА ПОДДЕРЖКУ

НАЗАРОВА Инна Борисовна – кандидат социологических наук, доктор экономических наук, заведующая лабораторией исследований здоровья населения и системы здравоохранения Института социально-экономических проблем народонаселения ФНИСЦ РАН, Москва, Россия (inna-nazarova@mail.ru).

Аннотация. На данных опроса 359 руководителей социальных предприятий (2022) анализируются потребности предпринимателей во внешней поддержке. Установлено, что в 2021–2022 гг. более 4/5 из них получали какую-либо поддержку от крупных бизнес-организаций, государственных и негосударственных некоммерческих фондов и т.д. Наиболее значимой для руководителей социальных предприятий представляется помощь государства – безвозмездные финансовые ресурсы на осуществление основной деятельности организации, налоговые льготы и субсидии отдельных социально значимых программ. Социальные предприниматели сильно нуждаются также в поддержке крупного бизнеса (почти 2/3 респондентов): они хотели бы получить инвестиции в свои проекты, помощь в продвижении продукции на рынок, льготные кредиты. Факторный анализ подтвердил важность всех видов государственной поддержки, и только социальные предприятия, связанные с инноватикой, больше заинтересованы в поддержке крупного бизнеса и некоммерческих фондов.

Ключевые слова: социальное предпринимательство • социальные предприниматели • государственная поддержка

DOI: 10.31857/S013216250020401-4

Постановка исследовательской задачи. Социальное предпринимательство в отличие от обычного бизнеса ориентировано не на прибыль, а на социальный эффект, на оказание помощи людям [Thompson, 2002]. Социальные предприятия решают социально значимые проблемы, которые не решают другие участники рынка или государство [Mair, Marti, 2006], в некоторых случаях точнее и эффективнее, чем государство [Кригер, Алекперов, 2014].

Социальные предприятия (СП) начали создаваться в России относительно недавно: в соответствии с Реестром МСП¹ в начале 2022 г. функционировали 6594 СП, половина которых открыты в 2016 г., остальные позже. Лидером по числу социальных предприятий является Московская область (8,6% от всех по России), но по соотношению числа этих предприятий и численности населения (всего лишь 4 предприятия на 100 тыс. населения) этот регион относится скорее к отстающим, а наиболее активными по их созданию являются Ненецкий АО (на 100 тыс. – 63,8 предприятия) и Камчатский край (соответственно 42,3 предприятия). Социальные инициативы характерны в первую очередь для городов, лишь 12,6% СП действуют в сельских поселениях. Наиболее распространена

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и БРФФИ в рамках научного проекта № 20-511-00047.

¹ Единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства АО «Корпорация «МСП». URL: <https://ofd.nalog.ru/index.html> (дата обращения: 20.12.2021).

образовательная деятельность СП (26,4% всех зарегистрированных СП), а также их деятельность в сфере здравоохранения и социальных услуг (26,0%).

Поскольку СП функционируют в рыночной экономике, в их деятельности необходимо соединение социального назначения организации с характеристиками обычного бизнеса – с предпринимательским новаторством и с достижением, как минимум, устойчивой самоокупаемости [Московская, Соболева, 2016; Социальное предпринимательство..., 2011]. Поскольку СП генерируют положительные экстерналии (как и, например, обычные образовательные и медицинские организации), они вправе рассчитывать на поддержку других социальных субъектов. К сожалению, получают ее они далеко не всегда.

В 2019 г. Россия поднялась по характеристикам развития социального предпринимательства на 23-е место в рейтинге стран мира. Эксперты установили, что социальным предпринимателям России стало несколько легче продавать свою продукцию или услуги обществу и бизнесу, однако сложнее получить финансовую и нефинансовую поддержку. В целом условия развития СП в современной России были оценены как недостаточные [The best countries, 2019]. Только в 2019 г. в России были приняты поправки к Закону о развитии малого и среднего предпринимательства, впервые вводящие в законодательное поле понятия «социальное предпринимательство» и «социальное предприятие» (ФЗ № 245 от 26.07.2019), что дает возможность организовать поддержку социальных предпринимателей и оптимизировать их налогообложение. Для этого необходимо узнать потребности социальных предпринимателей во внешней поддержке. Именно это и будет далее анализироваться на материалах проведенного в начале 2022 г. онлайн-опроса 359 руководителей социальных предприятий из разных российских регионов².

Поддержка социального предпринимательства. Большинство опрошенных социальных предпринимателей (79,7%) считали, что СП – это, прежде всего, бизнес, хотя и особого рода. Вместе с тем руководители отмечали необходимость поддержки для социального предпринимательства. Речь идет, прежде всего, о финансовой поддержке и взаимовыгодном партнерстве: наиболее важным считается доступ к благотворительным средствам (87,3%) и к финансированию со стороны государства (65,8%). Большинство (80,6%) подчеркнули важность партнерства с крупным бизнесом. Только половина опрошенных считали, что социальные предприятия должны сами зарабатывать средства для своей деятельности.

За последние два года тот или иной вид поддержки от государства, бизнеса или специальных фондов³ получили подавляющее большинство (81,6%) вошедших в выборку СП. В частности, от Центра «Мой бизнес» финансовую и/или нефинансовую поддержку в 2021 г. получили 54,3% социальных предпринимателей, от центров инноваций социальной сферы – 40,9%. Почти каждый пятый (18,7%) из руководителей пользовался поддержкой государственных или негосударственных некоммерческих фондов. В то же время более половины предпринимателей не пользовались поддержкой некоммерческих фондов, поскольку не знают об их работе в своем регионе (52,7%), 20,9% опрошенных не удалось

² Поскольку социальные предприниматели (как и предприниматели вообще) – труднодоступные респонденты, изучаемая выборка не репрезентативна, но в ней присутствуют СП в соответствии со структурой их видов деятельности и распространенности в регионах России (согласно Реестру МСП в Едином реестре Федеральной налоговой службы по состоянию на февраль 2022 г.). Среди респондентов – 31,5% мужчин и 68,5% женщин, большинство (86,4%) имеет высшее образование, 5% – ученую степень. Почти половина руководителей (45,4%) оформлены в качестве индивидуальных предпринимателей, другая часть предприятий (48,2%) являются обществами с ограниченной ответственностью. Исследования проведены Центром социального предпринимательства и социальных инноваций Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

³ Например, к государственным фондам относятся Президентский фонд культурных инициатив, а также региональные фонды, учрежденные органами власти, и др. К негосударственным некоммерческим фондам относятся Фонд региональных социальных программ «Наше будущее», Фонд «Навстречу переменам», другие региональные общественные и частные некоммерческие фонды, оказывающие поддержку коммерческим и некоммерческим организациям.

Таблица 1

Значимость разных видов помощи для руководителей СП
(наивысшая оценка – 5 баллов)

Формы поддержки	Доля получателей, %	Средняя оценка
<i>Поддержка со стороны государства</i>		
– субсидии, гранты, другие безвозмездные финансовые ресурсы на осуществление основной деятельности организации	73,3	4,61
– налоговые льготы	63,5	4,39
– субсидирование отдельных социально значимых программ	56,8	4,35
– безвозмездная помощь в продвижении продукции/услуг на рынок, субсидирование затрат на рекламу	52,4	4,19
– льготы или гарантии возврата средств крупному бизнесу, направляющему инвестиции в социальное предпринимательство	40,4	3,85
– бесплатные консультации	39,6	3,77
– профессиональное обучение/тренинги сотрудников	36,8	3,81
– содействие поиску партнеров в коммерческом секторе	36,5	3,79
– инвестиции в инновационные проекты	33,7	3,76
– содействие поиску партнеров в некоммерческом секторе, среди фондов	32,3	3,69
– льготные кредиты	38,2	3,65
<i>Поддержка/сотрудничество с крупным бизнесом</i>	45,1	4,46
<i>Поддержка со стороны некоммерческих фондов</i>	33,7	4,50

добиться поддержки этих фондов, а 16,8% отмечали, что им доступна только возмездная помощь фондов, в которой они не заинтересованы.

За последние два года поддержку от какой-либо более крупной бизнес-организации получали только 23,4% обследованных предпринимателей. Одни из них смогли получить от крупного бизнеса финансовую поддержку (10,6%), другие – помощь в продвижении продукции на рынок (7,0%). В то же время треть (30,8%) даже не обращались за помощью к крупному бизнесу, поскольку он не присутствует в их регионе или недоступен (17,0%), либо потому, что крупный бизнес, по их мнению, вообще не заинтересован сотрудничать с социальными предпринимателями (29,1%). При этом очень многие социальные предприниматели нуждаются в поддержке крупного бизнеса (65,2%): они хотели бы получить от него инвестиции в новые проекты (40,2%), помощь в продвижении продукции на рынок (38,4%), возможность арендовать помещение со скидкой (31,7%), льготные кредиты (21,1%).

Наиболее высоко руководители оценивали такие виды помощи от государства, как финансовую помощь (73,3%), налоговые льготы (63,5%) и субсидирование отдельных социально значимых программ (56,8) (табл. 1). В то же время сотрудничество с крупным бизнесом и поддержка некоммерческих фондов получили более высокие средние оценки значимости, чем почти все виды господдержки.

Для лучшего понимания взаимосвязи характеристик-переменных, описывающих разные виды помощи, необходимой социальным предпринимателям, предпринят факторный анализ (табл. 2). В результате получены три новые переменные (факторы), которые были использованы в последующем корреляционном анализе⁴. Первые два фактора демонстрируют потребность социального предпринимателя в поддержке только государством, третий – в поддержке в основном со стороны крупного бизнеса и некоммерческих фондов.

Фактор 1 – «Потребность во всех видах поддержки от государства». Ось данного фактора объединяет переменные, описывающие важность трех основных видов поддержки

⁴ В описании результатов использованы значения коэффициентов более 0,3 и на уровне значимости 0,001.

Таблица 2

Факторная структура оценок видов помощи социальным предприятиям⁵

Переменные: типы поддержки	Факторы		
	1	2	3
<i>Поддержка со стороны государства</i>			
– субсидии, гранты, другие безвозмездные финансовые ресурсы на осуществление основной деятельности организации		0,833	
– налоговые льготы		0,736	
– субсидирование отдельных социально значимых программ		0,650	
– безвозмездная помощь в продвижении продукции/услуг на рынок, субсидирование затрат на рекламу	0,508		
– льготы или гарантии возврата средств крупному бизнесу, направляющему инвестиции в социальное предпринимательство	0,498	0,404	
– бесплатные консультации	0,711		
– профессиональное обучение/тренинги сотрудников	0,632		
– содействие поиску партнеров в коммерческом секторе	0,704	0,339	
– инвестиции в инновационные проекты	0,534		0,316
– содействие поиску партнеров в некоммерческом секторе, среди фондов	0,751	0,308	
– льготные кредиты	0,618		
<i>Поддержка/сотрудничество с крупным бизнесом</i>			0,731
<i>Поддержка со стороны некоммерческих фондов</i>			0,691

со стороны государства: финансовую, консультационную и поиск партнеров. У данного фактора нет связи с основными характеристиками предприятия или руководителя социального предприятия. Виды поддержки, проявившие себя в этом факторе, важны всем типам СП независимо от вида их экономической деятельности.

Фактор 2 – «Потребность в выборочной поддержке государства» – демонстрирует ориентацию на более выборочную поддержку со стороны государства. Корреляция данного фактора с другими переменными показывает связь СП с городами-миллионниками, с наличием опыта работы с крупным бизнесом и другими организациями.

Фактор 3 – «Потребность в сотрудничестве с крупным бизнесом и некоммерческими фондами». Основную нагрузку здесь несут переменные, показывающие высокую оценку сотрудничества с крупным бизнесом и некоммерческими фондами, в то время как со стороны государства руководителю СП важно получать поддержку только в качестве инвестиций в инновационные проекты. Корреляционный анализ позволяет говорить о наличии у таких предпринимателей опыта работы с бизнесом. Присутствует также связь работы предприятий с социальной группой «семья с детьми».

Выводы. Вошедшие в выборку руководители СП почти единодушно отмечают важность и недостаток поддержки со стороны государства, прежде всего финансовой. Им необходима интеллектуальная и консультационная поддержка, доступ к новым знаниям и технологиям. Для российского социального предпринимательства важна также поддержка и сотрудничество с крупным бизнесом, который мог бы привлекать инициативных предпринимателей к участию в собственных социальных проектах.

Как показал факторный анализ, в современной России действует три основные группы СП:

1) предприятия, руководители которых нуждаются главным образом в финансовой поддержке и обучении, пока мало знают о возможных видах поддержки и партнерствах;

⁵ Повернутая матрица компонентов (метод выделения факторов: метод главных компонент). Метод вращения: варимакс с нормализацией Кайзера. Вращение сошлось за 5 итераций. Три фактора объясняют 53,3% информации.

2) предприятия, имеющие опыт поучения множества видов поддержки и работы с крупным бизнесом, для них важна партнерская поддержка, они готовы участвовать в конкурсных мероприятиях за поддержку социально значимых проектов;

3) инновационные предприятия, работающие преимущественно с крупным бизнесом и некоммерческими фондами, нацеленные на выпуск инновационных продуктов и услуг.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ [REFERENCES]

- Кригер М., Алекперов В. Социальные предприниматели – инновационная опора государства // Эксперт. 2014. № 26. С. 8–10. [Kriger M., Alekperov V. (2014) Social entrepreneurs – innovative support of the state. *Ekspert* [Expert]. No. 26: 8–10. (In Russ.)]
- Московская А.А., Соболева И.В. Социальное предпринимательство в системе социальной политики: мировой опыт и перспективы России // *Forecasting problems*. 2016. Т. 27. № 6. С. 103–111. [Moskovskaya A.A., Soboleva I.V. (2016) Social entrepreneurship in the system of social policy: world experience and prospects for Russia. *Forecasting problems*. Vol. 27. No. 6: 103–111. (In Russ.)]
- Социальное предпринимательство в России и в мире: практика и исследования / Отв. ред. А.А. Москвская. М.: НИУ ВШЭ, 2011. [Social entrepreneurship in Russia and in the world: practice and research. (2011) Ed. by A.A. Moskovskaya. Moscow: NIU VSHE. (In Russ.)]
- Mair J., Marti I. (2006) Social entrepreneurship research: a source of explanation, prediction, and delight. *Journal of World Business*. Vol. 41. No. 1: 36–44.
- The best countries to be a social entrepreneur. Thomson Reuters Foundation. URL: <https://poll2019.trust.org/> (accessed: 10.05.2022).
- Thompson J.L. (2002) The world of the social entrepreneur. *The International Journal of Public Sector Management*. Vol. 15 (2): 412–431.

Статья поступила: 30.05.22. Финальная версия: 02.10.22. Принята к публикации: 03.10.22.

SOCIAL ENTERPRISES: DEMAND FOR SUPPORT

NAZAROVA I.B.

Institute of Socio-Economic Studies of Population of FCTAS RAS, Russia

Inna B. NAZAROVA, Dr. Sci. (Econ.), Institute of Socio-Economic Studies of Population of FCTAS RAS, Moscow, Russia (inna-nazarova@mail.ru).

Acknowledgements. The reported study was funded by RFBR and BRFFR, project number 20-511-00047.

Abstract. The study is based on a survey of 359 social entrepreneurs. In 2021–2022, 81,6% of social entrepreneurs received some kind of support, including from a large business organization (23,4%), state or non-state non-profit foundations (18,7%). The most significant for social enterprises is the assistance that the state can provide; first, these are subsidies, grants, other gratuitous financial resources for implementing the main activities of the organization (73,3%), tax benefits (63,5%), and subsidies for socially significant programs (56,8%). Social entrepreneurs need the support of large businesses (65,2%), would like to receive investments in new projects (40,2%), assistance in promoting products to the market (38,4%), preferential loans (21,1%). Only 10,6% of social enterprises were able to receive financial support from large businesses, 7,0 – assistance in promoting products to the market. Also, to receive investments in new projects, rent premises at a discount, use the property of a large organization (14,8%). The reasons why social enterprises do not enjoy business support differ: 30,9% of social entrepreneurs explain this by the absence of large companies in their region; 17% consider large companies inaccessible to contacts; 29,1% of social entrepreneurs are sure that big business is not interested in cooperation with them, because they have nothing to offer. Factor analysis showed importance for most enterprises of all types of support from the state. For social entrepreneurship, producing an innovative product and providing innovative services, support from large businesses and non-profit foundations is more important.

Keywords: social entrepreneurship, social entrepreneurs, state support.

Received: 30.05.22. Final version: 02.10.22. Accepted: 03.10.22.

Ю.Ю. БЕЛОВА, П.А. КОРОТКОВ, И.М. ФАДЕЕВА

ФАКТОРЫ РИСКА ПРИОБЩЕНИЯ К НАРКОТИКАМ (на примере Республики Мордовия)

БЕЛОВА Юлия Юрьевна – кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник института прикладных политических исследований, научный сотрудник лаборатории экономико-социологических исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва, Россия (ybelova@hse.ru); КОРОТКОВ Петр Анатольевич – кандидат экономических наук, доцент кафедры транспортно-технологических машин Поволжского государственного технологического университета, Йошкар-Ола, Россия (korotp@bk.ru); ФАДЕЕВА Ирина Михайловна – доктор социологических наук, заведующая Центром анализа и прогноза развития научно-технологического комплекса Российского научно-исследовательского института экономики, политики и права в научно-технической сфере, Москва, Россия (fadeeva5@yandex.ru).

Аннотация. Анализируются результаты социологических опросов 2017–2020 гг. в Республике Мордовия (N = 2001) для выявления факторов риска вовлеченности населения в потребление наркотиков. Разработана типология населения 14–60 лет исходя из восприятия близости к потребителям наркотиков и их воспринимаемой доступности. Выявлены социально-демографические характеристики, влияющие на принадлежность к разным сегментам. Обнаружено, что факторами принадлежности к кластеру высокого риска наркопотребления являются мужской пол и статус студента колледжа/техникума.

Ключевые слова: наркомания • социальная близость к потребителям наркотиков • воспринимаемая доступность наркотиков

DOI: 10.31857/S013216250023037-3

Большинство статистических показателей здравоохранения, характеризующих наркотическую ситуацию в России и в российских регионах, указывает в последние годы на ее стабилизацию и даже улучшение. В то же время правоохранительными органами она оценивается как «напряженная» и «тяжелая» (в зависимости от региона)¹. Противоречивость наркотической ситуации в России обуславливается статистическими манипуляциями с показателями смертности от отравлений наркотиками и изменением контингента наркозависимых: возросло количество лиц с сочетанным потреблением наркотических веществ из разных химических групп, появились новые латентные формы наркопотребления, проникающие в повседневную жизнь.

Согласно официальным показателям здравоохранения, за 2015–2019 гг. заболеваемость расстройствами, связанными с употреблением наркотиков, сократилась в РФ на 26,5% [Киржанова и др., 2020: 27]. Непрерывное снижение численности состоящих на учете с диагнозом «наркомания» происходит в РФ с 2013 г., в Республике Мордовия (РМ) – с 2015 г. С 2016 г. в России фиксируется сокращение поставленных на учет в связи с употреблением наркотиков с вредными последствиями. Однако в РМ коэффициент взятых на профилактический учет и состоящих на нем в 2018 г. выше, чем в Приволжском

Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ и темы НИР «Мониторинг наркоситуации в Республике Мордовия». Благодарим В.Н. Мотькина (к. социол. н., Научный центр социально-экономического мониторинга, г. Саранск) за организацию и участие в сборе и первичной обработке эмпирической базы исследования.

¹ Доклад о наркоситуации в РФ в 2020 году (выдержка). М.: Государственный антинаркотический комитет, 2021. URL: <https://media.mvd.ru/files/embed/2175467> (дата обращения 26.05.2022); Мониторинг наркоситуации в Республике Мордовия за 2020 г. Доклад. Саранск: ИЦСЭМ, 2021. URL: https://adm-saransk.ru/about/departament-of-social-policy/Antinarkotiki/Doc/Monitoring_narkosituacii_2020.pdf (дата обращения: 26.05.2022).

федеральном округе и России в целом². Смертность в стране от обусловленных наркомагией психических и поведенческих расстройств показала с 2016 г. рост за счет горожан; среди сельских жителей этот параметр показывал снижение³.

Как видим, региональные тенденции, связанные с наркотической ситуацией, могут негативно отличаться от общероссийских и характеризоваться как тревожные. РМ относится к регионам с более опасной наркоситуацией, чем в России в целом, что обуславливает необходимость ее изучения.

Методология исследования. С учетом латентных форм потребления наркотиков, теряющих маргинальный статус и проникающих в повседневную жизнь [Позднякова, 2019: 87], людьми переосмысливается оценка их потребления в ближайшем окружении. В 2010–2012 гг. только 40% опрошенных подростков отметили, что стараются не иметь среди знакомых потребителей наркотиков [Рыбакова, 2017: 110]. Тенденция к усилению толерантности к потреблению наркотиков друзьями и знакомыми имеет устойчивый характер и обеспечивается за счет социальной сети распространения наркотиков, где друзья и знакомые становятся посредниками между потребителями и продавцами. Более того, около половины потребителей впервые пробуют наркотики по предложению друзей, с которыми они встречаются после учебы и работы [Шереги, Арефьев, 2020: 50, 54].

При таких тенденциях социальная близость к потребителям психоактивных веществ предсказывает вероятность потребления наркотиков: чем она теснее, тем выше риск [Ennett et al., 2006]. В концепции «социального предложения» [Coomber, Moyle, 2014] показано, что оно создается через взаимодействие с друзьями и знакомыми, которые не контактируют с «собственно наркодилерами». Употребление наркотиков «значимыми другими», наряду с восприятием легкости их получения, повышают вероятность приобщения к ним [Ikoh et al., 2019]. Окружение, употребляющее наркотики, облегчает и доступ к психоактивным веществам [Schaeffer, 2009: 135]. Таким образом, наряду с близостью к потребителям наркотиков, важно принимать во внимание воспринимаемую их доступность. При этом в отличие от «фактической» доступности наркотиков, которая достоверно не может быть известна, их «воспринимаемая» доступность – более важный предиктор потребления наркотиков [Smart, 1977].

Целью данной работы является построение типологии населения РМ в возрасте 14–60 лет по параметрам, обуславливающим риски наркотизации (восприятию близости к потребителям наркотиков и их предполагаемой доступности) и выявление социально-демографических факторов, повышающих эти риски. Эмпирическую основу исследования составляют данные ежегодного мониторинга наркоситуации в РМ, проведенного Научным центром социально-экономического мониторинга в 2017–2020 гг. Отбор респондентов в каждом году производился с помощью многоступенчатой квотной выборки (пол, возраст и место проживания – город/село), рассчитанной на основе данных государственной статистики о населении Республики Мордовия, затем выполнено простое объединение многолетних данных по респондентам за 2017–2020 гг. в одном массиве. Это правомерно, поскольку изучаемые характеристики относительно стабильны. Суммарная выборка ($N = 2001$) обрабатывалась как однородный массив данных.

С помощью переменной близости к потребителям наркотиков (вопрос: «Знакомы ли вы с людьми, употребляющими наркотики?») проверялась гипотеза, что наличие в сетях социальных отношений потребителей наркотиков увеличивает риск приобщения к ним. Анализ показал, что 9% опрошенных имеют в ближайшем окружении знакомых, употребляющих наркотики. Таковых в четыре раза больше среди городских жителей, чем среди

² Здравоохранение в России. М.: Росстат, 2019. С. 46, 77, прил. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Zdravoohran-2019.pdf> (дата обращения: 26.05.2022).

³ Демографический ежегодник России. М.: Росстат, 2019. С. 138, 148, 171. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Dem_ejegod-2019.pdf (дата обращения: 26.05.2022).

жителей села, в 2,5 раза больше среди молодых взрослых (18–39 лет), чем среди других возрастных групп, гендерные различия практически отсутствуют.

Субъективная доступность наркотиков измеряется переменной ответов респондентов на вопрос: «Трудно ли сегодня достать наркотики?» Анализ распределения по данной переменной показывает, что 83,8% респондентов считают наркотики легкодоступными («сравнительно легко» – 60,4%, «очень легко» – 23,4%). Среди них городских жителей в 2,4 раза больше, чем сельских (59 против 25%).

Выбранные переменные, отражающие восприятие наркотизации окружения и доступности наркотиков, позволяют выделить группы населения РМ по потенциальному риску приобщения к ним. Для этого на первом шаге производится кластерный анализ респондентов с использованием иерархической процедуры метода Уорда, а на втором шаге – кластерный анализ методом К-средних. Оценка влияния тех или иных факторов на попадание респондентов в конкретный кластер осуществляется с помощью мультиномиальной логистической регрессии. В качестве зависимой переменной выступает принадлежность к кластеру (эталонная категория – один из кластеров). Независимые переменные – социально-демографические факторы: пол, возраст, уровень образования, место жительства (тип населенного пункта).

Результаты и обсуждение. Анализ позволил выделить три кластера, три группы респондентов, которые статистически значимо различаются по изучаемым переменным.

В первый кластер (15,5% суммарной выборки) вошли респонденты, не знакомые с людьми, употребляющими наркотики, и считающие, что их трудно достать. В него попали в почти равных долях мужчины (57%) и женщины (43%) из города (59%) и села (41%). Кластер состоит в первую очередь из молодежи 18–29 лет (28%), он равномерно наполнен представителями более старших возрастных когорт 30–60 лет (в среднем по 22% на возрастную группу). У 46% представителей кластера высшее образование, у 31% – среднее профобразование. Данная группа жителей РМ по отношению к вероятности потребления наркотиков составляет кластер «низкого риска».

Второй, самый многочисленный, кластер (77% от всей выборки) представлен респондентами, не знающими наркопотребителей, но полагающими, что достать наркотики сравнительно легко. В нем поровну представлены мужчины и женщины преимущественно из города (70%) с аналогичным первому кластеру распределением по возрасту. Наиболее распространено высшее (54%) и среднее профессиональное (26%) образование. Данный кластер является «промежуточным».

В третий, наиболее важный, кластер (7,5% выборки) попали респонденты, которые знают много людей, употребляющих наркотики, и думают, что достать наркотики сравнительно легко. В нем доминируют мужчины (60%) преимущественно из города (71%) в возрасте 18–29 лет (41%) с высшим (46%) и средним профессиональным (28%) образованием. Наиболее распространенное социально-профессиональное положение – служащие (25%), студенты колледжа/техникума (23%) и рабочие (21%). Представители данной группы образуют кластер «высокого риска».

Полученные данные согласуются с тем, что в России потребителями наркотиков являются чаще мужчины [Позднякова, 2019: 85; Шереги, Арефьев, 2020: 26] и люди в возрасте 18–29 лет [Позднякова, 2019: 85]. В то же время полученные результаты отличаются от других выводов о большей доле потребителей наркотиков среди рабочих, лиц со средним специальным, чем с высшим образованием [Позднякова, Брюно, 2019: 125], среди студентов вузов, чем учащихся техникумов и колледжей [Шереги, Арефьев, 2020: 32–33].

Итак, важными социально-демографическими факторами, влияющими на принадлежность к кластеру в зависимости от риска потребления наркотиков, являются пол, возраст и социально-профессиональное положение (табл.). По результатам регрессионного анализа мужчины вероятнее женщин имеют отношение к кластерам низкого и высокого риска. Возможно, это говорит о размывании гендерных границ в приобщении к наркотикам. Проживание в городской местности ожидаемо негативно влияет на вероятность быть

Таблица

Результаты регрессионного анализа

Независимые переменные	Зависимая переменная (опорная категория – Кластер 2)	
	Кластер 1 (низкий риск)	Кластер 3 (высокий риск)
<i>Пол (опорная категория – женщины)</i>		
Мужчины	0,222*	0,390**
<i>Местоположение (опорная категория – сельская местность)</i>		
Городская местность	-0,447***	0,029
<i>Социально-профессиональное положение (опорная категория – незанятый)</i>		
Школьник	0,319	0,294
Студент колледжа (техникума)	-0,183	0,797**
Студент вуза	0,004	0,571
Рабочий	0,088	-0,075
Служащий	-0,245	-0,047
Руководитель отдела, подразделения, организации	-0,400	-0,382

включенными в кластер «низкого риска» вследствие более развитой городской инфраструктурой незаконного наркооборота [Galea et al., 2005]. В кластер «высокого риска» вероятнее всего попадают студенты колледжа/техникума. Данный результат регрессионного анализа особенно интересен тем, что описательная статистика показала преобладание в группе высокого риска не студентов колледжа/техникума, а служащих.

Выводы. Результаты исследования с использованием методов кластерного и регрессионного анализа показали, что попадание в кластер «низкого риска» (отсутствие знакомых потребителей наркотиков, воспринимаемая их труднодоступность) преимущественно обеспечивается за счет сельских жителей и мужчин. Большинство населения РМ относится к промежуточной группе, где при отсутствии знакомых потребителей наркотиков признается легкодоступность наркотических веществ. В ней больше доля служащих и существенно больше городских жителей. Кластер «высокого риска» (знакомых с потребителями наркотиков и считающих их легкодоступными) с большим отрывом составляет образованная молодежь в возрасте 18–29 лет, мужчины и городские жители.

Общий вывод: на попадание в группу высокого риска потребления наркотиков в наибольшей степени влияют мужской пол и статус студента колледжа/техникума. Преимуществом избранной модели, в отличие от метода описательной статистики, которым чаще всего ограничиваются отечественные исследователи, являются предсказательные возможности относительно наркотизации населения в условиях ее возрастающей латентности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ [REFERENCES]

- Киржанова В.В., Григорова Н.И., Бобков Е.Н., Киржанов В.Н., Сидорюк О.В. Деятельность наркологической службы в РФ в 2018–2019 годах: аналитический обзор. М.: ФГБУ «НМИЦПН им. В.П. Сербского» Минздрава РФ, 2020. [Kirzhanova V.V., Grigorova N.I., Bobkov E.N., Kirzhanov V.N., Sidoryuk O.V. (2020) *Activity of the narcological service in Russia in 2018–2019: An analytical review*. Moscow: SNMRCPN. (In Russ.)]
- Позднякова М.Е. Новая наркоситуация в России // Вестник РФФИ. Гуманитарные и общественные науки. 2019. № 2. С. 77–89. [Pozdnyakova M.E. (2019) New drug situation in Russia. *Vestnik RFFI. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki* [RFB Journal. Humanities & social sciences]. No. 2: 77–89. (In Russ.)]
- Позднякова М.Е., Брюно В.В. Распространённость употребления наркотических средств среди работающего населения как форма дезадаптационного процесса. Ч. 1 // Социологическая наука и социальная практика. 2019. Т. 7. № 3 (27). С. 120–135. [Pozdnyakova M.E., Bryuno V.V. (2019) Prevalence of drug use among the working population as a form of disadaptation process.

- P.I. *Sociologicheskaya nauka i social'naya praktika* [Sociological science and social practice]. Vol. 7. No. 3: 120–135. (In Russ.)
- Рыбакова Л.Н. Контролируемое потребление наркотиков и проблемы социальных коммуникаций // *Дискурс*. 2017. Т. 12. № 10. С. 105–120. [Rybakova L.N. (2017) Controlled consumption of drugs and problems of social communications. *Diskurs* [Discourse]. Vol. 12. No. 10: 105–120. (In Russ.)]
- Шереги Ф.Э., Арефьев А.Л. Социология девиации. Наркоситуация в молодежной среде. М.: Юрайт, 2020. [Sheregi F.E., Aref'ev A.L. (2020) *Sociology of deviation. Drug situation in the youth environment*. Moscow: Yurayt. (In Russ.)]
- Coomber R., Moyle L. (2014) Beyond drug dealing: Developing and extending the concept of 'social supply' of illicit drugs to 'minimally commercial supply'. *Drugs: education, prevention and policy*. Vol. 21. No. 2: 157–164.
- Ennett S.T., Bauman K.E., Hussong A., Faris R., Foshee V.A., Cai L., DuRant R.H. (2006) The peer context of adolescent substance use: Findings from social network analysis. *Journal of research on adolescence*. Vol. 16. No. 2: 159–186.
- Galea S., Rudenstine S., Vlahov D. (2005) Drug use, misuse, and the urban environment. *Drug and alcohol review*. Vol. 24. No. 2: 127–136.
- Ikoh M.U., Smah S.O., Okwanya I., Clement U.A., Aposhi Z.A. (2019) Factors affecting entry into drug abuse among youths in Lafia metropolis: implications on security. *Sage open*. Vol. 9. No. 1.
- Schaeffer C.M., Chang R., Henggeler S.W. (2009) Responding to use of illicit drugs. In: K. Geldard (ed.) *Practical interventions for young people at risk*. Thousand Oaks, CA: Sage.
- Smart R.G. (1977) Perceived availability and the use of drugs. *Bulletin on Narcotics*. Vol. 29. No. 4: 59–63.

Статья поступила: 06.06.22. Финальная версия: 27.09.22. Принята к публикации: 28.09.22.

RISK FACTORS FOR DRUG ADDICTION (THE CASE OF MORDOVIA REPUBLIC)

BELOVA Yu.Yu.*, KOROTKOV P.A.***, FADEEVA I.M.***

*National Research University "Higher School of Economics", Russia; **Volga State University of Technology, Russia; ***Russian Research Institute of Economics, Politics and Law in Science and Technology, Russia

Yulia Yu. BELOVA, Cand. Sci. (Soc.), Leading Research Fellow, Institute for Applied Political Studies, National Research University "Higher School of Economics", Moscow, Russia (ybelova@hse.ru); Peter A. KOROTKOV, Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor, Department of Transport and Technological Machines, Volga State University of Technology, Yoshkar-Ola, Russia (korotp@bk.ru); Irina M. FADEEVA, Dr. Sci. (Soc.), Department Head, Center for analyze and foresight of Science and Technology development Industrial Policy, Russian Research Institute of Economics, Politics and Law in Science and Technology, Moscow, Russia (fadeeva5@yandex.ru).

Acknowledgements. This article results from a research project implemented as part of the Basic Research Program at the National Research University Higher School of Economics (HSE University) and the research project "Monitoring of the drug situation in the Republic of Mordovia" at the Scientific Centre of Social and Economic Monitoring. We thank V.N. Motkin (Ph.D. in Sociology, Scientific Center for Social and Economic Monitoring, Saransk, Russia) for organization and participation in the collection and primary processing of the empirical database of the study.

Abstract. The aim of the study is to construct a typology of the population of the Republic of Mordovia according to the indicators that determine the risks of drug addiction (perception of proximity to drug users and perception of drug availability). The first stage is using cluster analysis. The second aspect of the goal is to identify socio-demographic factors that affect belonging to the types found (regression analysis). The results of the analysis revealed three groups of the population of the Republic of Mordovia aged from 14 to 60 years: a "low-risk" cluster, an "intermediate" cluster, and a "high-risk" cluster. At the second stage, the socio-demographic characteristics of the groups are found out. Men are more likely to include into the cluster of low-risk and high-risk drug use. Getting into a low-risk cluster is more influenced by living in rural areas.

Keywords: drug addiction, social, perceived available.

Received: 06.06.22. Final version: 27.09.22. Accepted: 28.09.22.

К.А. ГАЛКИН

СТРАТЕГИИ ЗДОРОВЬЕСБЕРЕЖЕНИЯ ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ ПОСЛЕ ПАНДЕМИИ (НА ПРИМЕРЕ СЕЛ РЕСПУБЛИКИ КАРЕЛИЯ)

ГАЛКИН Константин Александрович – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Социологического института РАН – филиала ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия (Kgalkin1989@mail.ru).

Аннотация. В статье рассматриваются особенности практик здоровьесбережения пожилых людей, проживающих в сельской местности и перенесших COVID-19. Эмпирической базой исследования выступают полуструктурированные интервью в трех деревнях юго-востока Республики Карелия с проблемами развития инфраструктуры. Выделенные при анализе интервью практики образуют своеобразный континуум – от самолечения до обращения за помощью местного сообщества, соседей, медиков, к которым имелся доступ. В исследовании определены три основные стратегии здоровьесбережения пожилых людей. Названы факторы, влияющие на формирование этих стратегий.

Ключевые слова: пожилые люди • сельская местность • практики • сельская медицина • пандемия COVID-19 • стратегии здоровьесбережения

DOI: 10.31857/S013216250019668-7

Особенностью коронавирусной инфекции с начала эпидемии COVID-19 выступает отчетливо фиксируемый сдвиг в сторону высокого риска смертности в старших возрастных группах [Парфенова, 2020; Голубев и др., 2020]. Ситуацию усугубляет недоступность медицинской помощи, например, в сельской местности, отсутствие там квалифицированных специалистов [Бабурин, 2002; Галкин, 2020]. Немаловажный фактор роста заболеваемости – снижение иммунитета пожилых людей [Boreskie et al., 2020].

В статье анализируются доступность сельской медицины для лечения COVID-19 и стратегии здоровьесбережения пожилых людей, обусловленные особенностью пандемии COVID-19.

Исследование проводилось с апреля 2020 г. по январь 2021 г. во время всплесков коронавируса в регионе. Информанты – пожилые люди, которые перенесли коронавирус и были выписаны из больниц ($N = 20$). Исследование проводилось в трех деревнях на юге и юго-востоке республики с инфраструктурным дефицитом. В этих сельских поселениях не было централизованного водоснабжения и канализации, отсутствовали ФАПы и амбулатории, ближайшая аптека находилась на расстоянии 15 и 10 км.

В рамках полуструктурированных интервью с пожилыми людьми фиксировались особенности жизни в сельской местности, а также истории их лечения от COVID-19, выполнения профилактических процедур. Сбор интервью осуществлялся в методологии феноменологического подхода. В задачи интервьюера входило исследование особенностей повседневных практик пожилых людей после перенесенного COVID-19.

При анализе нарративов практик и особенностей здоровьесбережения пожилых людей были выделены три основные стратегии.

Стратегия самолечения была характерна в основном для людей старшего возраста, которые практически не доверяли сельской медицине и возможностям предоставляемого ею лечения. Они отмечали удаленность аптек, отсутствие квалифицированных медработников и возможности своевременно получить необходимую медицинскую помощь. Примечательно, что в рамках стратегии самолечения пожилые люди старались как можно дольше следовать терапии, которую они некогда получали стационарно или амбулаторно

в медучреждениях. За медицинской помощью они обращались в редких случаях резкого ухудшения самочувствия и хронических заболеваний, обострившихся на фоне COVID-19. «Я знаю, что тут, как и в городе, в районной поликлинике, рассчитывать на какую-либо помощь в целом-то и не приходится. Следовательно, нам нужно и необходимо хоть как-то решать вопросы своего лечения. Вот и приходится лечиться, я вам скажу, по старой схеме, а по старой схеме – это как? Я, допустим, храню все предыдущие рецепты, которые были ранее выписаны в больнице, и вот, используя эти рецепты, я пытаюсь лечиться хоть как-то, хоть как-то стараться себя поддерживать витаминами. Потому что после ковида здоровье сразу пошатнулось и практически не восстанавливается. Вот это и есть ключевая проблема, как я думаю, этого в целом довольно ужасного заболевания» (ж., 78, село, Карелия).

Проблема сельской инфраструктуры задает трудности с получением необходимой медицинской помощи для адептов стратегии самолечения. Например, географическая удаленность аптек и ФАПов вынуждает запасаться лекарствами, самостоятельно решать проблемы со здоровьем. Люди нередко обращаются к народным или семейным методам лечения и профилактики, чтобы минимизировать возможность обострения хронических заболеваний на фоне COVID-19. «Я знаю, что есть куча лекарств, в общем-то, как и куча таблеток, чтобы вот так, быстро, раз – и ты вылечила ковид. Но вопрос-то все равно остается один, и он все равно остается нерешенным, так как все же необходимо делать так, чтобы быстро вылечиться, быстро поправиться. Это сложно, часто очень трудно, если ты пожилой человек, и еще труднее, если ты проживаешь здесь, в сельской местности, где, надо сказать честно, практически все нормальное лечение недоступно. Вот тут и приходится в итоге импровизировать и искать различные замены, думать о побочных эффектах тех или иных лекарств, да и в целом думать, как относительно быстро и без вреда для здоровья возможно избавиться от болей. Вот поэтому мне и приходится что есть с огорода, ту же малину и другие травы, использовать для того, чтобы самой себе помочь, чтобы не ждать помощи извне: из поликлиники, от соседей или родственников. Стараюсь сама лечиться и беречься. Самое главное – это просто беречься после этой заразы хорошо и за собой, коль ты одна, присматривать» (ж., 68, село, Карелия).

Таким образом, лечение и профилактика сводятся к регулярным осмотрам и назначению лекарств, но при этом отсутствуют возможности проведения комплексных исследований, таких как КТ или МРТ легких, и лечения современными медицинскими препаратами.

Приверженцы стратегии самолечения оценивали ситуацию в сельской местности с COVID-19 как безвыходную. Для того, чтобы поддерживать и лечить себя, а также способствовать необходимой реабилитации, им приходилось прибегать к использованию собственных ресурсов, знаний и полученных в клинике рецептов.

Стратегия обращения за помощью характерна в основном для тех пожилых людей, которые ощущали резкие ухудшения самочувствия, что вынуждало их обращаться за медицинской помощью. «Поле ковида я практически постоянно испытываю различные серьезные сложности со здоровьем, постоянно какие-то трудности возникают. И это понятное дело. В принципе можно было бы в город съездить и к другим врачам обратиться, хотя бы к платным, но все равно обо-то в город и не наездишься. Вот поэтому мне и приходится в итоге самостоятельно вызывать местных врачей. И какими бы они ни были низкоквалифицированными, а все равно обращаться к ним, если хочешь жить, надо, надо лечиться в целом» (м., 70, село, Карелия).

Приверженцы данной стратегии нередко отмечали несостоятельность и некачественность медицинских услуг в сельской местности. Однако необходимость быстро получить помощь медиков при ухудшении самочувствия, вызванного COVID-19, в данном случае играла важную роль. «Жить захочешь – и пойдешь к любому, будешь помощь просить. Как по-другому, как иначе в принципе? Верно, никак. Причем если раньше я жила и вообще не обращала внимание в целом на здешнюю сельскую медицину (просто знала, что она где-то там существует, и не более того), то теперь не так. Вот на прошлой неделе я обнаружила у себя в легких пусть и незначительные, но хрипы. Я сразу же обращалась за помощью, и по-другому в принципе никак, потому что такова ситуация, такие проблемы, которые возникают. Что тут возможно поделать? Придется идти туда, что есть здесь, в селе» (ж., 69, село, Карелия).

Стратегия обращения за заботой к местному сообществу – срединная стратегия, находящаяся между стратегией самолечения, которая определена как осмысленное предпочтение и нежелание обращаться за помощью к сельским врачам, и стратегией относительного доверия сельским врачам – обращения за помощью. Ситуация с COVID-19 создает для пожилых людей условия, которые, с одной стороны, связаны с возрастающими потребностями в заботе. Если они проживают отдельно, то подобные потребности не могут быть компенсированы родственниками. С другой стороны, ситуация перенесенной коронавирусной инфекции задает контекст, когда пожилым приходится прибегать к публичной заботе, в основном местного сообщества. Ключевой целью подобных обращений выступает именно регуляция ситуации, обусловленной коронавирусом, а также возможность получить альтернативную сельской медицине помощь, которая, как правило, доступна только в рамках взаимодействий в локальном сообществе сел. *«Надежда сейчас мало на кого. Но я не знала, что и ко мне может эта зараза привязаться. А она привязалась, и я переболела ей в итоге. Сейчас я скажу, что если бы не соседи, то и не знаю, как бы выживала. Только они, соседи, помогают и, можно сказать, спасают меня во всем. Мне необходимо специальное лекарство, а так как этого лекарства нет, то приходится ездить за ним. Вот я и прошу соседей, потому что никто, кроме них, и помочь не может. Но это хорошо, что соседи все примерно одной возрастной категории, хорошо, что долго их просить не нужно: достаточно быстро могут помочь»* (ж., 69, село, Карелия).

Важнейшей при оказании такой заботы выступает помощь с лекарствами. Не менее значима психологическая помощь при обострении хронического заболевания, а также в ситуациях, когда необходимы экстренная помощь и советы относительно лечения. *«Все время теперь, как наступило это заболевание, живешь как на вулкане и не знаешь в принципе, что делать. Часто даже не знаешь, как правильно с ним справиться. Хорошо, что у нас соседка тоже старичье: сама перенесла ковид и вот недавно выбралась, а лучше сказать, выкарабкалась из ковида. Так вот, мы к ней и обращаемся. В итоге я решаю какие-то свои проблемы, советы от нее получаю, как это лечить, как с тем справляться. И ей тоже хорошо, она от меня тоже и про рецепты необходимые узнает, и про то, как правильно заболевания лечить. В общем, все довольные обоюдно. Получается, что мы легко и, самое главное, сами, относительно без врачей что-то можем решить без проблем. Это как раз и хорошо – разобраться во всем»* (ж., 76, село, Карелия).

В целом, важность поддержки, обращений к соседскому сообществу для пожилых людей высока.

Подводя итоги, отметим, что стратегии здоровьесбережения пожилых людей после перенесенного заболевания связаны обычно не с необходимостью реабилитации и лечения последствий от заболевания, а с сельскими контекстами, которые задает сельская жизнь, способствующая тому, что пожилые люди пытаются найти возможности для реализации и поиска необходимых способов лечения. Важен потенциал локального сообщества сел и прежних знаний, наличия рецептов и назначенных лекарств, которые характерны для стратегии самолечения и стратегии обращения за помощью к местному сообществу. В разных стратегиях существуют абсолютно разные оценки успешности возможностей сельской медицины в лечении COVID-19. При этом, как правило, потенциал сельской медицины для лечения коронавирусной инфекции в основном воспринимался и описывался пожилыми людьми как барьерный, и, следовательно, привычная повседневность изменялась и трансформировалась, а пожилые люди искали новые способы, новые практики лечения самого заболевания и минимизации проблем со здоровьем, которые вызывала болезнь, хотя ресурсы сельской местности, как и возможности сельской медицины, для этого были предельно ограничены. Локальная сцена жизни пожилых людей, которые перенесли COVID-19 и проживают в сельской местности, характеризуется рядом болезненных изменений, которые, по мнению информантов, неизбежны в позднем возрасте и выступают ответами на усугубляющиеся условия здоровья.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бабурин В.Л. Эволюция российских пространств: от Большого взрыва до наших дней. М.: УРСС, 2002.
- Голубев А.Г., Сидоренко А.В. Теория и практика старения в условиях пандемии COVID-19 // Успехи геронтологии. 2020. Т. 33. № 2. С. 397–408.
- Галкин К.А. Режимы заботы и самозаботы при отдельном проживании пожилых людей в периферийных поселениях // Социологические исследования. 2020. № 9. С. 70–78.
- Парфенова О.А. Самоизоляция пожилых в городе во время пандемии COVID-19 (на примере Санкт-Петербурга) // Успехи геронтологии. 2020. Т. 33. № 6. С. 1027–1031.
- Boreskie K.F., Boreskie P.E., Melady D. Age is just a number – and so is frailty: Strategies to inform resource allocation during the COVID-19 pandemic // *Canadina Journal of Emerg. Med.* 2020. Vol. 22. No. 4: 411–413.

Статья поступила: 12.04.22. Финальная версия: 18.07.22. Принята к публикации: 02.09.22.

HEALTH-SAVING STRATEGIES OF OLDER PEOPLE AFTER THE PANDEMIC (THE CASE OF VILLAGES IN THE REPUBLIC OF KARELIA)

GALKIN K.A.

Sociological Institute of FCTAS RAS, Russia

Konstantin A. GALKIN, *Cand. Sci. (Sociol.)*, Senior Research Fellow, Sociological Institute of FCTAS RAS, St. Petersburg, Russia (Kgalkin1989@mail.ru).

Abstract. The article discusses the features of health-saving practices of older people who have suffered COVID-19 and live in rural areas. The research focuses on everyday practices and their social projections in the context of the life of older people in such areas. The factors influencing the formation of various health-saving strategies of the elders are described. The most dangerous for all health-saving strategies of the older after COVID-19 are: infrastructural difficulties, problems associated with the development of rural medicine, lacking support, communications in the local community. The researchers focus on the specific experiences of the older people and how they describe in narratives changing practices and requests for medical help or for the help from the local community after the COVID-19.

The empirical basis of the study is semi-structured interviews collected in three villages in the south-east of the Republic of Karelia with an infrastructure deficit and infrastructure development problems. The strategies outlined in the study form a kind of continuum from the transition to self-medication practices and the use of self-medication by older people, which differ depending on what kind of help older people resorted to, starting from the help of the local community and ending with medical care available in rural areas.

Keywords: older people in rural areas, practices of older people, rural medicine, COVID-19 pandemic, health-saving strategies.

REFERENCES

- Baburin V.L. (2002) *Evolution of Russian spaces: from the Big Bang to the present day*: Moscow: URSS. (In Russ.)
- Boreskie K.F., Boreskie P.E., Melady D. (2020) Age is just a number – and so is frailty: Strategies to inform resource allocation during the COVID-19 pandemic. *Canadina Journal of Emerg. Med.* Vol. 22. No. 4: 411–413.
- Galkin K.A. (2020) Modes of care and self-care when older people live separately in peripheral settlements. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological studies]. No. 9: 70–78. (In Russ.)
- Golubev A.G., Sidorenko A.V. (2020) Theory and practice of aging in the conditions of the COVID-19 pandemic. *Uspekhi gerontologii* [Successes of gerontology]. No. 33: 397–408. (In Russ.)
- Parfenova O.A. (2020) Self-isolation of the older in the city during the COVID-19 pandemic (the case of St. Petersburg). *Uspekhi gerontologii* [Successes of gerontology]. No. 33: 1027–1031. (In Russ.)

Received: 12.04.22. Final version: 18.07.22. Accepted: 02.09.22.

© 2022 г.

УПРАВЛЕНИЕ В ЦИФРОВОМ ОБЩЕСТВЕ (по материалам круглого стола)

Круглый стол «Научные подходы к исследованию управленческих процессов в ходе формирования цифровых обществ» состоялся 25 апреля 2022 г. Организаторами выступили Центр социологии управления и социальных технологий Института социологии ФНИСЦ РАН, журнал «Социологические исследования», исследовательский комитет «Социология цифрового общества» РОС. Обсуждались актуальные теоретико-методологические вопросы: (1) в чем суть социологических подходов в исследованиях цифрового общества; (2) каковы возможности и ограничения ключевых теоретико-методологических подходов к изучению процессов цифровизации; (3) в чем особенности функционирования управленческих систем и каким должно быть управление в цифровом обществе?

В приветственном слове чл.-корр. РАН **Ж.Т. Тощенко** отметил важность и актуальность поднимаемых вопросов не только для социологии и смежных дисциплин, но и для высшего образования, в котором сегодня должны быть сформированы специальные образовательные дисциплины и программы, позволяющие изучать особенности перехода и становления цифрового общества, но и иметь в теоретическом и методологическом арсенале соответствующие концепции, объясняющие теории и методы познания гибридного (цифровизирующегося) общества.

Мейнстримом стал доклад проф. **Л.А. Василенко** (РАНХиГС) и проф. **Н.Н. Мещеряковой** (ТГУ), подготовленный на основе материалов коллективной монографии «Социология цифрового общества» (Томск: ТПУ, 2021). Авторы, исследуя феномены информационного, цифрового общества, приходят к выводу, что ресурс классической социологии с ее арсеналом теорий и методов должен быть модернизирован для новой задачи – познания гибридной социальности цифрового общества в рамках эмерджентной эволюции трансформационных процессов перехода от постиндустриального общества к его цифровому и постцифровому этапам, как завершающих эти процессы. Докладчики предложили рассмотреть теоретические и методологические основы социологии цифрового общества с позиции цивилизационного подхода. Опорной методологической платформой стал потенциал исследований Н.И. Лапина, О.Н. Яницкого, А.В. Тихонова, Т.М. Дридзе и др. Однако главное значение отводится методологии и методам изучения сложности цифрового общества на разных его уровнях (от микро- до мегауровня), а именно модели фрактальной модификации (Л.А. Колесникова) и модели организационной трансформации (Ф. Глазла, Б. Ливехуда). Авторами был представлен адаптированный вариант названных подходов к описанию каждого уровня сложности, напоминающий, как отметил далее в своем выступлении дискуснтант проф. **В.И. Игнатъев** (НГТУ), «каркас» моделей, позволяющих в социальной реальности цифрового общества отслеживать этапы его становления.

На возможностях и ограничениях теоретико-методологических подходов к изучению процессов цифровизации остановилась во второй части доклада **Н.Н. Мещерякова** (ТГУ). Она отметила, что исследователи сегодня недостаточно уделяют внимания разработкам и подходам, позволяющим интерпретировать большие данные. Они, по сути, оторваны от системных инструментальных наработок, позволяющих не только объяснять виртуальное поведение пользователей, но и проследить при помощи big data рецепцию онлайн-феноменов в офлайне.

Дискуссионную часть открыл проф. **В.Г. Буданов** (ИФ РАН), заострив внимание на проблеме субъектности в цифровом обществе, характеризующейся симбиотическим единством виртуальной и реальной жизни. В процессе цифровизации экономик, по мнению дискуссанта, за счет автоматизации труда высвобождаются человеческие ресурсы, и, несмотря на предлагаемые достойные денежные пособия, происходит разложение личностей, так как они оказываются выключенными из процесса социализации, не умеют жить в коллективе, теряют жизненные цели. Цифровая реальность позволяет создавать новые общности в социальных сетях, дает человеку возможность участвовать в них, но при этом культурный код размывается, сохраняется гибридность присутствия, происходит смешение реальной и виртуальной жизни, формируется мультисубъектность. Мы переходим к аватарам, которые формируют системы-реплики, получают часть прав человека. Происходит формирование автономных интеллектуальных систем, выстраиваются нейронные сети. И здесь мы сталкиваемся с проблемой утраты субъектности. Таким образом, проблема современной этики заключается в вызове цифровой среды свободе общественного развития, и это требует рефлексии.

Проф. **Г.Л. Тульчинский** (НИУ ВШЭ) обратился к проблеме изменения коммуникативной модели в цифровом обществе. Если традиционная модель носила нормативный характер, происходили отбор и фильтрация социально значимой информации, то в настоящий момент репрезентируются личные смыслы – эмоционально окрашенные оценки и переживания. Информационное пространство становится перенасыщенным. Нарушается баланс между правами и ответственностью, и это требует регуляции. Назрела необходимость институционализации комплексной гуманитарной экспертизы внедрения технологий.

В.И. Игнатьев (НГТУ) справедливо заметил, что докладчики, развертывая набор инструментов для изучения феноменов цифрового общества, пока не в полной мере смогли создать переходные понятия и семантические конструкции, которые бы позволили перевести язык общенаучных понятий на язык социологии. Были предложены только отдельные варианты: смысловые единицы, социальная система, коммуникационные связи, отбор образов, посреднические институты, культурные формы, внутренние правила взаимодействия и др. Однако они смогли своевременно выделить предмет социологии цифрового общества и представить действительно оригинальную специфику подхода к интерпретации эмпирических данных о процессе цифровизации.

В.С. Богданов (ИС ФНИСЦ РАН) перевел дискуссию в плоскость управленческих проблем, обратив внимание на особенности функционирования управленческих систем в цифровом обществе, предложил рассматривать и изучать цифровизацию как процесс, механизм, а также средство для перехода постиндустриального общества в свою завершающую стадию – цифрового общества. Докладчик отметил важность постановки научных вопросов, затронутых всеми авторами. Каким образом в современном цифровизирующемся обществе изменяются особенности передачи социального и культурного опыта, способы производства, а также характер властно-управленческих отношений? Какой сценарий сегодня актуализирован для развития цифровой цивилизации (негативный – сугубо технократический, или позитивный – т.е. социально-детерминистский или контекстуальный)? Кто является главным субъектом, определяющим сценарий развития цифровой цивилизации – национальные государства или транснациональные корпорации? Какие причинно-следственные и инструментальные механизмы цифрового общества отвечают за конституирование в качестве нормы явления социального беспорядка, социальной аномии (как противоположность социальной солидарности по Э. Дюркгейму), «нормальной аномии» (С.А. Кравченко), которые можно обозначить как совокупность уязвимостей, дисфункций для социума, возникающих в виде побочных эффектов инновационной деятельности, а также от гибридной рационально-прагматической деятельности человека? Как развенчать при помощи социальных и гуманитарных наук мифы о перспективности использования цифровых технологий как самодостаточных технико-технологических

средств достижения социальной справедливости и гармоничных социальных отношений? Все вопросы остаются открытыми в настоящий момент.

Сегодня требуется поворот от «цифрового регулирования» на принципах технократической обратной связи к действительно «умному управлению», а именно, поворот к стратегии социально ориентированного управления. В связи с этим на фоне технократической модернизации назревает запрос на социально-контекстуальное проникновение в проблему сращивания социальных и инфотехнологических практик в процессе цифровизации управления на принципах обратной связи.

Завершая работу круглого стола и подводя его итоги, выступила **В.А. Шилова** (ИС ФНИСЦ РАН), предложив развести понятия социологии цифрового общества, отрасли социологии, направленной на исследование процессов цифровизации и цифровой социологии, связанной с процессом цифровизации самой социологии как науки. В связи с развитием цифрового пространства возникают новые научные проблемы и намечаются исследовательские пути их решения. Процесс расширения технологических возможностей, позволяющих накапливать большие данные, приводит к ожиданию от научного сообщества новых методологических и методических решений по их обработке. Дискуссия показала, насколько по-разному в научном сообществе трактуются ключевые понятия. Необходимо развивать понятийный аппарат социологии цифрового общества и переходить к выработке общих понятийных конструктов. Требуется больше внимания уделять ключевым социологическим понятиям, таким как мобильность, стратификация, неравенство с точки зрения воздействия на них новых факторов, связанных с цифровыми трансформациями общества. Важно не только изучение процессов коммуникации с искусственным интеллектом, но и участие социологов в их разработке.

В.А. ШИЛОВА, В.С. БОГДАНОВ

ШИЛОВА Валентина Александровна, к. социол. н., вед. науч. сотр. (vshilova@yandex.ru); БОГДАНОВ Владимир Сергеевич, к. социол. н., ст. науч. сотр. (valarf@mail.ru). Оба – Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

GOVERNANCE IN A DIGITAL SOCIETY (based on the materials of the round table)

DOI: 10.31857/S013216250021653-1

Valentina A. SHILOVA, Cand. Sci. (Sociol.), Senior researcher (vshilova@yandex.ru); Vladimir S. BOGDANOV, Cand. Sci. (Sociol.), Senior researcher (valarf@mail.ru). Both – Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia.

О КРИЗИСЕ СОЦИАЛЬНОГО ПОРЯДКА В СПОРТЕ

Весной – летом 2022 г. научное и экспертное сообщества обсуждали изъяны социального порядка в спорте и предрекли неизбежность перемен. Когда в марте 2020 г. глава МОК рекомендовал временно отстранить Россию от участия в мировом спорте, международные федерации начали следовать этому совету. Изгнание из олимпийского «царства» привело к экзистенциальному кризису спортивной отрасли России, поставив основы её существования под вопрос. Взаимосвязь внутрироссийского и мирового спорта оказалась лейтмотивом целой серии научных дискуссий.

В апреле 2022 г. в РГГУ состоялся круглый стол «Новые тренды в социологии спорта» (организаторы **Л.Н. Вдовиченко**, **Н.В. Романовский**) в рамках XXIII теоретико-методологической конференции «Жизнь интеллигенции, открытая новизне и участию в решении жизненных проблем». К проблеме международных санкций прямо адресовались доклады **М.Е. Родионовой** (ФУ при Правительстве РФ) и **А.В. Кыласова** (РЭУ им. Плеханова), обсуждавшие связь мировой политики и спорта, а также влияние феномена «культуры отмены» на кризис. Актуальные тренды в спорте массового участия **А.С. Адельфинский** (МГТУ им. Баумана) объяснил как часть процесса «американизации» просоциальной модели, характерной для европейского спорта. Фитнес-бум 2010-х гг. в России охватил представителей высокодоходных групп, а коммерциализация спорта сделала многие виды экономически недоступными для широких слоёв населения. В ходе обсуждения возник вопрос: можно ли рассматривать открытые к новизне и увлечённых спортом «джентри» (успешных профессионалов, бизнесменов, стейкхолдеров программы «Лидеры России») как интеллигенцию, готовую к участию в решении жизненных проблем? Пересечение докладов **М.Ю. Миловановой** (РГГУ) о продвижении гендерного равенства и **В. Редькина** (РЭУ им. Плеханова, Латвия) о допинге в силовых видах спорта стимулировало интересное обсуждение социальных норм и стандартов. Согласно свежим трендам мирового спорта, трансгендерным женщинам уже не требуется полного редизайна тела, достаточно социального самоопределения. При этом использование гормонов для трансгендеров является легальным, хотя для обычных атлетов подобные средства стигматизированы.

23 мая 2022 г. в рамках XII Грушинский международной социологической конференции во ВЦИОМ состоялся круглый стол «Спорт в условиях глобальной разбалансировки: возможна ли пересборка “правил игры”?» (модератор **А.Ю. Николаев**), на котором обсуждалась возможность социального конструирования альтернативы текущему миропорядку. Большинство функционеров не осознали грядущей длительной изоляции от мирового спорта, но опасаются подобных перемен, поэтому сама постановка вопроса о пересборке чрезвычайно актуальна, отметил **А.В. Кондрашов** (Eurosport). Выход из МОК к новому олимпизму – предложение **А.В. Кыласова** (РЭУ им. Плеханова). Оценив первые альтернативные турниры в России как «нулевые» по уровню интереса широкой аудитории, он призвал к глокализации – созданию таких локальных событий, которые смогут обрести международную известность. Причём признание претензий МОК на владение наименованиями «олимпиада» и «олимпийский», по его мнению, утратило прежний смысл.

«Сколько нам нужно спорта, и какого спорта?» – задал вопрос в своем выступлении **С.В. Алтухов** (НИУ ВШЭ). Докладчик обозначил проблемные точки: значение МОК как ресурсного «солнца» для олимпийских федераций, привилегированное место США в распределении доходов МОК, верховенство мнений международных спортивных организаций над интересами большинства стран, а также подчеркнул необходимость инвентаризации спорта внутри России.

Международный спорт был многополярным, напомнил **А.С. Адельфинский** (МГТУ им. Баумана) и указал на успешного конкурента Игр МОК первой половины XX в., Олимпиады Социалистического рабочего спортивного интернационала. Эти мегасобытия не пережили Вторую мировую войну, во многом из-за «правого разворота» СССР в спортивной сфере. Однако, забыв националистическое прошлое миропорядка под эгидой

МОК, отечественный спорт в итоге стал его «придатком». Реинкарнацией «левого» идеала спорта стали соревнования массового участия: марафоны, триатлоны, велогонки. А социальным изъяном оказались коммерциализация и рост недоступности, что дополнило перечень старых проблем спорта России.

Доклады сопровождало активное обсуждение. Спортивным федерациям в олимпийских видах не интересны ни журналисты, ни собственные чемпионаты как медиапродукт, ведь расходы покрывает субсидия МОК, подтвердил **Е.А. Слюсаренко** (Матч+). Ещё в 1950-х гг. отечественный футбол был самоокупаем и содержал другие виды спорта, перемены произошли как следствие вступления СССР в олимпийское движение, отметил **Ю.Ю. Петрунин** (МГУ). Вопрос об элементах сакрального в «новом олимпизме» поставил **И.Л. Бирюков** (АГПУ, Армавир), а **О.В. Кильдюшов** (НИУ ВШЭ) наметил дискурсивные и институциональные контуры постглобального спорта. Общий вывод дискуссии: выход из-под санкций международного спорта возможен через пересборку неидеального социального порядка в спорте России.

12 июля 2022 г. в НИУ ВШЭ прошла дискуссия «Спортивная индустрия в условиях трансформации экономики», собравшая отраслевых управленцев и экспертов (организаторы: ВШЮА, Ассоциация менеджеров). Главная тема обсуждения – влияние мировых санкций на спортивную индустрию. Ряд выступлений наглядно отразили «шок» слова прежнего миропорядка для экосистемы профессионально-элитного спорта России. Исследование социального состава руководства спортивных федераций стран БРИКС презентовал **С.В. Алтухов** (НИУ ВШЭ). Он отметил наличие культурных отличий и явное расхождение с универсально-предписываемыми «западно-центричными» принципами управления. **Д.Л. Кузнецов** (НИУ ВШЭ) озвучил идею покупки лояльности и выстраивания многополярного мира в спорте, подразумевающего параллельные федерации. Обсуждался также вопрос социального прославления героев спорта, затронутый **Е.А. Истягиной-Елисейевой** (Музей спорта). Ряд спикеров ратовали за создание атлетов-героев, другие отметили проблему превращения детей в бизнес-проекты родителей, «мотивированных героями» с итоговым негативным исходом.

Резюмировать вышеизложенные дискуссии уместно репликой **В.И. Маршева** (МГУ), дискуссанта круглого стола ВЦИОМ, который в связи с актуальностью темы призвал продолжить обсуждение на следующей конференции, предложив вопросы: почему нужна эта пересборка? Кто должен и может осуществлять её? Какие ресурсы нужны для этого? Каковы будут последствия этой пересборки в первую очередь в России?

А.С. АДЕЛЬФИНСКИЙ

АДЕЛЬФИНСКИЙ Андрей Станиславович, к. экон. н., доц., Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана, Москва, Россия (adelfi@mail.ru).

ABOUT THE CRISIS OF THE SOCIAL ORDER IN SPORT

DOI: 10.31857/S013216250021167-6

Andrey S. ADELFINSKY, Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof., Bauman Moscow State Technical University, Moscow, Russia (adelfi@mail.ru).

МИР ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В НОВОЙ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Свой 100-летний юбилей Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (ИМБТ СО РАН) отметил организацией международной научной конференции «Мир Центральной Азии – V», прошедшей в Улан-Удэ 30 июня – 2 июля 2022 г. Соорганизаторами конференции выступили Министерство науки и высшего образования РФ, Российская академия наук, Сибирское отделение Российской академии наук, Правительство Республики Бурятия, Государственная корпорация «Ростех», Фонд «История Отечества» и предприятие «Аквабур».

Новые геополитические условия актуализируют ориентацию на сотрудничество России со странами Азиатско-Тихоокеанского региона. Традиционно тесные связи с Монголией и Китаем получили новый импульс развития, в том числе и в научной сфере. Анализ особенностей социальных, этносоциальных, социокультурных процессов в трансграничном регионе позволяет прогнозировать основные направления их дальнейшего развития и перспективного планирования. Количественный состав и география участников конференции отражают характер сложившихся научных связей института: 452 доклада, представленные учеными из девяти стран – России, Монголии, Китая, Японии, Индии, Германии, Казахстана, Киргизии, Эстонии. На пленарном заседании прозвучали доклады акад. РАН **Б.В. Базарова**, акад. РАН **В.А. Крюкова**, проф. **А.К. Аликберова**, акад. МАН **Ц. Батбаяра**, акад. РАН **Н.Н. Крадина**.

Секционные заседания были распределены по 11 направлениям. Поскольку социологическая наука сыграла важную роль в становлении ИМБТ СО РАН, собралась представительная социологическая секция «Социальные изменения и стратификационные процессы в Центральной Азии», обсуждавшая важные проблемы и процессы на основе статистических данных и социологических материалов.

Доклад **З.Т. Голенковой** (ИС ФНИСЦ РАН) был посвящен модернизации социальной структуры в условиях глобализации: переход к современным, подвижным формам структурирования, множественной разнонаправленной мобильности, появлению новых социальных общностей. Анализ проблем институционального регулирования в ситуации цивилизационного кризиса и влияния трудовой миграции на социальную структуру Центрально-Азиатского региона прозвучал в докладах **Ю.В. Попкова** (ИФП СО РАН) и **Е.А. Назаровой** (МГИМО).

Большой интерес вызвал блок докладов, посвященных характеристикам социальных изменений, произошедших в Монголии: стратификационным процессам в монгольском обществе, трансформации образования, культуры и быта; становления политической культуры населения; распространения неформальной занятости; направлениям трудовой миграции монголов. Эти и ряд других вопросов были отражены в докладах отечественных и зарубежных ученых: **Бямбахишиг Пүрэвсүрэнэ**, **Цэвээн Цэцэнбилэг**, **Жаргалсайхан Пүрэвханда**, **Ойдов Хатанболда** и акад. МАН **Гэлэгпил Чулуунбаатара** (все – ИФ МАН, Монголия), **А.В. Винокуровой**, **А.Ю. Ардальяновой** (обе – ДВФУ), проф. **Монхбат Оролмаа** (МонГУ, Монголия), **Д.Д. Бадараева** (ИМБТ СО РАН).

Доклады **Э.К. Бийжановой** (ИС ФНИСЦ РАН), **И.В. Калининой** (ИКАРП ДВО РАН, Биробиджан), **В.Г. Жалсановой** (ИМБТ СО РАН) и **Е.Ю. Башкуевой** (БНЦ СО РАН) осветили различные направления взаимодействия и сотрудничества России и Монголии. В сравнительном аспекте обсуждались особенности социальных процессов в трансграничье, социально-экономические трансформации приграничья, а также отдельные проблемы работы сферы здравоохранения.

Социальные процессы в республиках РФ (потенциальная трудовая мобильность, трудовая занятость населения Тывы и Башкортостана; этносоциальная стратификация в регионах Сибири, миграционные процессы и деятельность гастарбайтеров в Бурятии) были

проанализированы в докладах **Ю.В. Голиусовой**, **Т.Г. Анисимовой** (обе – ИС ФНИСЦ РАН), **Е.В. Петровой** (ИМБТ СО РАН), **Ю.Г. Бюраевой** (БНЦ СО РАН, Улан-Удэ), **П.К. Варнавского** (ИМБТ СО РАН) и **А. Д.-Б. Самба** (ИС ФНИСЦ РАН). Некоторые аспекты качества жизни, сохранения бурятского языка в Бурятии, проблемы сохранения хакасского языка и уменьшение распространения социальных болезней в моногородах Хакасии рассматривались в докладах **Д.Б. Дугаржаповой** (БНЦ СО РАН), **Б.Ж. Цыбденовой** (ВСГИК), **И.В. Чанковой**, **Н.Г. Канзычаковой** (обе – ХНИИЯЛИ).

Особенности функционирования этнических сетей и институтов, структур здравоохранения в регионах Северной Азии, урбанизационные процессы в приграничных регионах Дальнего Востока, кадровый потенциал, развитие туризма этническими тувинцами в КНР обсуждались в выступлениях **С.И. Ивановой** (БИП СО РАН), **А.С. Бреславского**, **Е.В. Нолева** (оба – ИМБТ СО РАН), **А.А. Килик** (ТИГПСЭИ).

Понимание основных проблем в истории и культуре Центральной Азии позволило наметить важные контуры междисциплинарного сотрудничества институтов Российской академии наук, а также зарубежных исследовательских центров с целью развития научной дискуссии в рамках социологической науки.

Е.В. ПЕТРОВА, И.Г. АКТАМОВ

ПЕТРОВА Елена Викторовна, д. социол. н., доц., вед. науч. сотр. (elenapet_05@mail.ru); АКТАМОВ Иннокентий Галималаевич, к. пед. н., д. филос. (PhD), зав. лабораторией «Центр переводов с восточных языков» (aktamov13@gmail.com). Оба – Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Улан-Удэ, Россия.

THE WORLD OF CENTRAL ASIA IN A NEW GEOPOLITICAL REALITY

DOI: 10.31857/S013216250021402-5

Elena V. PETROVA, Dr. Sci. (Sociol.), Assoc. Prof., Leading Researcher (elenapet_05@mail.ru); Innokentii G. AKTAMOV, Cand. Sci. (Education), PhD, Head of the Center for Oriental Languages Translation (aktamov13@gmail.com). Both – Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of SB RAS, Ulan-Ude, Russia.

Размышления над новой книгой

© 2022 г.

Л.А. БЕЛЯЕВА

ШАНСЫ И РИСКИ КАК КРИТЕРИИ СОЦИАЛЬНОЙ СТРАТИФИКАЦИИ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

БЕЛЯЕВА Людмила Александровна – доктор социологических наук, и. о. руководителя Центра изучения социокультурных изменений, Институт философии РАН, Москва, Россия (bela46@mail).

Аннотация. Обсуждаются основные идеи коллективной монографии, подготовленной под руководством Н.Е. Тихоновой. Исследование основано на методологии М. Вебера, предложившего использовать понятия позитивной и негативной привилегированности для анализа социальной стратификации общества. Богатый эмпирический материал позволил авторам выявить основные факторы, обуславливающие неравенство возможностей массовых групп населения в России. Отмечается, что предложенный многомерный анализ подтвердил устойчивость срединного массового слоя в количественном отношении и по объему располагаемых им жизненных шансов и рисков, несмотря на изменения экономического курса и текущие кризисы.

Ключевые слова: социальная стратификация • позитивная и негативная привилегированность • иерархия • социальный слой • шансы • риски

DOI: 10.31857/S013216250021522-7

Коллективная монография [Общество неравных возможностей..., 2022] представляет собой редкий для социологии в нашей стране тип комплексного исследования социального структурирования современного российского общества, репрезентирующего подавляющее большинство населения России за исключением представителей социального дна и верхнего элитного слоя. Эти два исключения составляют не более 5–10% общей численности населения и, конечно, требуют специального подхода для определения места в социальной структуре общества. Исследуются глубинные изменения/застой в обществе с опорой на количественные и качественные трансформации в производственных отношениях, культурно-бытовой сфере, ценностных ориентациях и поведенческих стереотипах людей, которые поддержкой или отторжением предлагаемых к реализации действий властей определяют направления эволюции общества.

Концептуальным основанием для проведения анализа авторы выбрали теоретические взгляды М. Вебера на социальную структуру и стратификацию общества как иерархию жизненных шансов и рисков, которыми обладают члены общества. Использованы такие понятия, как позитивная привилегированность и негативная привилегированность. Последняя не совсем привычно звучит на русском языке, так как привилегии – это полученные субъектом общественных отношений преимущества, льготы, которые недоступны остальным членам общества. Воспринимать их со знаком минус, как негативные, довольно сложно. Но это замечание на полях, использование этих понятий в работе М. Вебера [Weber, 1978] делает его, безусловно, легитимным.

В качестве агрегированных показателей социального положения использован ряд признаков, условно объединенных в четыре группы: 1) сфера экономической безопасности и благосостояния; 2) ситуация на работе; 3) доступность образования и медицинской помощи, т.е. возможность сохранения и наращивания своего человеческого потенциала; 4) особенности текущего потребления и досуговых возможностей человека. Каждая группа включает позитивные и негативные показатели привилегированности и используется для выделения страт в вертикальной иерархии. Насколько известно, ранее позитивная и негативная привилегированность не использовалась в качестве показателя дифференциации в российских исследованиях.

Следует признать, что выбор показателей и их операционализация диктуются возможностями используемых эмпирических баз. В наших исследованиях применялись другие показатели социальных различий, включенные в базы мониторинговых опросов, проводимых Центром изучения социокультурных изменений Института философии РАН. Выявленные тенденции социального расслоения близки к результатам группы Н.Е. Тихоновой, но получена более дробная социальная градация и динамика в условиях более длительного и турбулентного периода – 1990–2015 гг. [Беляева, 2022]. В рецензируемой книге эмпирические базы включали исследования по программе РМЭЗ НИУ ВШЭ и Института социологии РАН за период с 2014 г. по январь 2021 г. Достоинствами исследования является тщательность анализа, корректность обращения с данными, проверка достоверности полученных выводов на массивах разных лет, математическое сопровождение проекта. Методологическая и методическая убедительность подтверждается вновь выявленным в исследовании фактом, что социальная стратификация российского общества обладает высокой степенью устойчивости с середины второго десятилетия XXI в., срединный массовый слой при всех изменениях экономического курса и текущих кризисах остается в пределах небольших колебаний как в количественном отношении, так и по объему располагаемых им жизненных шансов и рисков. Этот массовый слой населения сохраняет свою устойчивость в контексте неравенства возможностей в экономических и внеэкономических сферах.

Отметим, что применение разных вариантов многомерного подхода к анализу социальной стратификации общества как целого имеет своих немногочисленных исследователей только в постсоветский период (Л.А. Гордон, Л.А. Беляева, О.И. Шкаратан, В.В. Радаев, В.И. Ильин, А.Ш. Жвиташвили). Также в последние годы опубликованы работы авторов настоящей монографии, которые разрабатывали эту тему в рамках своего исследовательского проекта, завершившегося данной публикацией. Справедливости ради нужно сказать, что многомерная классификация населения страны в целом в постсоветский период не могла опереться на исследовательские практики советского времени, что неудивительно в ситуации, когда провозглашалась идеология построения социально однородного общества, в котором стираются социальные различия, а признать их глубину было бы идеологической ошибкой. Такие различия были бы выявлены при добросовестном социологическом эмпирическом анализе. Вместе с тем социальное расслоение внутри отдельных групп общества, преимущественно рабочего класса и крестьянства, анализировалось с использованием многомерного подхода, но это были единичные, пионерские для советской социологии работы [Гордон, 1971, 1985; Арутюнян, 1971 и др.].

Но вернемся к рецензируемой монографии. В основе классификации – реальные возможности и особенности жизни людей, раскрываемые при помощи набора эмпирических показателей, при этом положение в рыночной системе хозяйства рассматривалось как результирующее объяснение имеющихся социальных различий. Здесь, мне кажется, авторы упустили возможность проследить интересный социальный феномен – как рыночные отношения повлияли на формирование социальных неравенств, которые особенно рельефно проявляются в регионах разного уровня модернизированности (например, в Москве и в периферийных и дотационных регионах), в поселениях разного типа. Устранившись от анализа влияния рыночных отношений, авторы определили, что главными факторами обладания позитивной привилегированностью являются среднедушевые

доходы выше двух медиан доходного распределения по стране, рождение в семьях, где у родителей высшее образование, собственный высокий уровень образования и проживание в Москве. В подобных группах существуют минимальные шансы на негативную привилегированность. Последняя характеризует в основном лиц со среднестатистическими доходами менее 0,75 медианы, имеющих только начальное профессиональное образование (с. 58–59). Отмечу, что по многочисленным исследованиям культурный капитал в виде высшего образования высоко оценивается в современном российском обществе во всех возрастных когортах и по этому показателю отмечается восходящая социальная мобильность современной российской молодежи по сравнению с их родителями за исключением семей, где оба родителя не имеют среднего образования и относятся к самому бедному слою общества. Молодежь рассматривает образование как практически единственный реальный шанс преуспеть в жизни в условиях ограниченного доступа к таким ресурсам, как собственность и власть.

Использование комплекса отмеченных четырех групп показателей позволило построить Индекс жизненных шансов и рисков и выделить три страты в основной массе населения: высшую с преобладанием позитивной привилегированности, среднюю, отражающую социальную норму, и нижнюю с доминированием негативной привилегированности. Характеристики этих страт позволили сделать нетривиальные выводы относительно того, носителями какой привилегированности – негативной или позитивной – являются их участники. В частности, показано, что широко распространенное мнение о материальной нуждаемости семей вследствие их иждивенческой нагрузки весьма неоднозначно. Взрослые иждивенцы действительно переводят семью в статус негативной привилегированности, тогда как нагрузка несовершеннолетними детьми сопровождается позитивной привилегированностью, закрепляя распространяющееся в обществе представление о благополучной полной семье с детьми.

Исследование вновь подтвердило, что такое преимущество, как здоровье, является одним из главных факторов вхождения в верхний слой массовой группы населения. Было убедительно показано, что даже для лиц пенсионного возраста с хорошим здоровьем нормой является обладание позитивной привилегированностью и попадание в верхний слой. «Пенсионеры из разных страт принципиально отличались по доле тех, кто оценивал свое здоровье как плохое (в верхней, средней и нижней стратах таких оказалось 14,3%, 27,8% и 44,5% соответственно)» (с. 77). В целом состоянию здоровья массовых слоев и низким оценкам структур здравоохранения в стране уделено много места в монографии. Эти проблемы рассмотрены как одно из главных условий и факторов сохранения и наращивания человеческого потенциала. Этим подтверждается выдвинутый тезис, что зоны благополучия и неблагополучия формируются не только экономическими, но и неэкономическими аспектами жизни населения. При этом позитивная привилегированность в экономической сфере оказывается сопряжена и с большими возможностями в отношении других, неэкономических сторон жизни, включая социальные контакты и общение (с. 87).

Территориальные аспекты распространения экономической позитивной и негативной привилегированности выстроились в данном исследовании в комбинацию, выявляющую необходимые корректировки в социальной политике государства. Показано, что большие экономические возможности купировать негативные последствия экономических шоков, использовать социальную инфраструктуру имеет население столиц и крупных городов, антиподом им выступают жители сельских населенных пунктов, не имеющие запаса экономических ресурсов и достаточного объема социальных услуг, по которым они находятся в зоне депривации и рисков. Но при рассмотрении всего комплекса позитивной привилегированности центры субъектов РФ опережают обе столицы. В итоге по Индексу жизненных шансов и рисков, как и по всем показателям позитивной и негативной привилегированности в отдельности, населенные пункты разделяются на три группы: столицы и особенно центры субъектов РФ, жители которых чаще других россиян находятся в зоне позитивной привилегированности; остальные города, для которых позитивная

и негативная привилегированность в целом скорее скомпенсированы, а также сельская местность, для жителей которой характерна широкая распространенность деприваций и рисков с превалированием негативной привилегированности. Соответственно выстроилась и иерархия социальных слоев в поселениях разного типа. В столицах доля верхней страты превышала долю нижней в два раза, а на селе доля нижней страты почти в четыре раза была больше доли верхней. Характерно, что такие соотношения обладают высокой стабильностью в течение многих лет, неудивительна в связи с этим устойчивая мобильность населения из сельских в городские поселения. В монографии убедительно показано, что большая доля нижнего социального слоя на селе требует повышенного внимания, поскольку она на более чем 50% состоит из неработающих пенсионеров и на 25% из трудоспособных людей с низкой квалификацией. Значительная часть среди них – сельская молодежь, часто их удел стать прекариями и не претендовать на повышение социального статуса. Отсутствие же эффективных социальных и экономических институтов, которые могли бы противодействовать этим негативным тенденциям, способствует дальнейшему росту социальных неравенств, его пролонгации и в будущем.

Интересный аспект социальных неравенств был затронут в монографии в связи с анализом социально-психологического самочувствия представителей трех социальных страт. Большинство представителей верхней страты настроены позитивно, в основном довольны своей жизнью и своим статусом. Представители нижней страты, напротив, в массе своей не могут охарактеризовать как хороший не только свой статус в обществе, но и свою жизнь в целом, а нормой их жизни с точки зрения типичного для них социально-психологического состояния выступают негативные чувства – тревога, раздражение, озлобленность, агрессия. Средняя страта занимает промежуточное положение – с одной стороны, ее представители имеют скорее позитивное социально-психологическое состояние, а с другой – они в массе своей не считают хорошим ни свой статус в обществе, ни свою жизнь в целом (с. 268). По нашим исследованиям, верхняя страта может быть дифференцирована по выполнению управленческих и собственнических функций и функций квалифицированных специалистов. В ее составе предприниматели и собственники предприятий дают самые высокие оценки всех сторон своей жизни и являются безоговорочными сторонниками рыночной экономики, тогда как специалисты имеют более низкие показатели удовлетворенности своим положением и более критичны по отношению к процессам в экономике и стране в целом.

В монографии рассматривается самоидентификация представителей трех страт по близости к европейским ценностям. В современный период противостояния цивилизаций мнение наиболее профессиональной и успешной части общества желательно учитывать при выборе путей дальнейшего развития России. Среди представителей верхней страты выходцы из семей, где родители имели высшее образование и были на верхних социальных позициях, менее половины – 48%, не идентифицируют себя с европейцами, тогда как среди тех, кто поставил своих родителей на нижние позиции, не считают себя европейцами уже 64%. Здесь, думаю, имеет значение не только социальное происхождение, но и внутренняя ориентация потомственных представителей верхней страты на европейский образ жизни.

Характеристики верхней социальной страты, полученные в данном исследовании, выделяют ее среди других россиян по большей приверженности установкам некомформизма, особенно среди молодежи до 30 лет, меньшим распространением солидаристских установок, стигматизмом по отношению к бедным. Одновременно для них характерен большой горизонт планирования своей жизни, внутренний локус-контроль, установка на самореализацию, отказ от патернализма. Установка на достижительность распространяется на широкий спектр социальных преимуществ – карьеру, образование, престижную работу, круг общения и т.д. Вместе с тем исследователи отмечают близость жизненных целей молодежи из разных страт, но ожидают, что наличие разных шансов для их достижения приведет к усилению разрыва между ожиданиями и реальностью и в будущем

углубит их социальные различия. Для представителей средней и особенно нижней страт характерны большая пассивность и более частый выбор неконструктивных или малоэффективных стратегий улучшения своего материального положения, например наращивание своей долговой нагрузки. Но при этом представители средней и нижней страт в основном поддерживают меритократические принципы организации оплаты труда, равенство возможностей для проявления способностей каждого человека традиционно важнее для россиян, чем равенство доходов и условий жизни. Эта особенность понимания россиянами того, как устроено общество, приемлемость его социальной неоднородности никак не противоречит пассивному поведению представителей нижней и частично средней страты в улучшении своей жизни. Причины в объективном состоянии их личных ресурсов и в несовершенстве социальной инфраструктуры и институтов общества.

Новые продуктивные перспективы для сокращения социальной дифференциации, прежде всего молодежи и лиц среднего возраста, открылись с развитием цифровизации в коммуникациях и производственных процессах. Национальная программа «Цифровая экономика России» предусматривает формирование цифровой образовательной среды и подготовку и переподготовку кадров для экономики и коммуникационной сферы с использованием цифровых технологий. Способности современной молодежи к овладению цифровыми технологиями не только на бытовом уровне, но и на уровне более высоком – в производственных условиях, в науке и т.д. – могут создать эффект повышения социального статуса молодого человека вне зависимости от его социального происхождения, материального и образовательного статуса родителей. В монографии показано, что обучение использованию цифровых технологий является наиболее распространенным способом наращивания человеческого потенциала для представителей массовых слоев населения страны. При этом чем крупнее пункт проживания, тем более активно осваиваются соответствующие практики (с. 112). Сельские и удаленные населенные пункты имеют для этого худшие условия и ограниченные рынки рабочих мест. Тем не менее развитие цифровой экономики является важным фактором сглаживания социальных различий, который зависит от совершенствования массового образования во всех типах учебных заведений и специальной подготовки и переподготовки IT-кадров. Показано, что уже в 2013–2018 гг. расширение средней страты происходило, прежде всего, за счет распространения цифровой грамотности в нижних слоях российского общества (с. 101–102). Но, замечу, существует вероятность закрепления нового вида социального неравенства, о чем предупреждают и авторы монографии.

Подводя итог размышлениям о новой книге, можно с уверенностью сказать, что использованная методология выделения позитивной и негативной привилегированности позволила выявить важные аспекты социальной дифференциации массовых групп населения России. Действительно, Россия сейчас – общество неравных возможностей, и необходимо направить усилия государства и самих граждан на смягчение такой несправедливости.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арутюнян Ю.В. Социальная структура сельского населения СССР. М.: Мысль, 1971.
- Беляева Л.А. Социальная структура российского общества: от советского периода к современности // Социокультурные исследования постсоветского транзита России / Под общей редакцией Н.И. Лапина. М.: ИФ РАН, 2022. С. 174–244.
- Гордон Л., Терехин А., Сиверцев М. Выделение социально-демографических типов методами кластер-анализа и определение их связи с типами поведения // Рабочий класс, производственный коллектив, научно-техническая революция (некоторые проблемы социальной структуры). Мат. ко II Всесоюз. конф. по проблеме: «Изменение социальной структуры советского общества». М.: АН СССР, 1971.
- Гордон Л.А., Назимова А.К. Рабочий класс СССР: тенденции и перспективы социально-экономического развития. М.: Наука, 1985.
- Общество неравных возможностей: социальная структура современной России / Под ред. Н.Е. Тихоновой. М.: Весь Мир, 2022.
- Weber M. Economy and society / Ed. by G. Roth, C. Wittich. Berkeley: University of California Press, 1978.

CHANCES AND RISKS AS CRITERIA FOR SOCIAL STRATIFICATION OF MODERN RUSSIAN SOCIETY

BELYAEVA L.A.

Institute of Philosophy of RAS, Russia

Lyudmila A. BELYAEVA, Dr. Sci. (Sociol.), Acting Head of the Center for the Study of social and cultural changes, Institute of Philosophy of RAS, Moscow, Russia (bela46@mail.ru).

Abstract. The article presents reflections on a new book prepared by a collective of authors under the guidance of Doctor of Sciences (Sociology) Natalya E. Tikhonova. The main ideas of the book are based on the methodology of Max Weber, who proposed the use of positive and negative privilege concepts to analyze the social stratification of society. The article highlights that the attractive side of the monograph is not only the use of a solid theoretical framework, but also a rich empirical material that allowed analyzing the social stratification of approximately 90% of the Russian population, excluding the upper elite layer and the bottom of the social scale. Such comprehensive studies are quite rare in modern Russia, especially since they had no analogues in Soviet times. The empirical analysis of the 2014–2021 All-Russian surveys allowed us to identify the key factors causing the inequality of opportunities among mass groups of the Russian population, as well as to reveal the perspective for the development of three mass social strata – the upper layer, which has predominantly positive privilege; the middle layer – the most massive, representing the social norm and combining positive and negative privilege; and the lower layer with the dominance of negative privilege. A comparative analysis of the data showed that the social stratification of Russian society has a fairly high degree of stability; the middle mass layer is the largest in number and accepts immigrants from both the lower and upper layers into its ranks. With all the changes in the economic course and the current crises, it remains within the limits of small fluctuations both in quantitative terms and in terms of available life chances and risks. This mass stratum of the population maintains its stability in the context of inequality of opportunities in economic and non-economic spheres. Productive perspectives for reducing social differentiation, especially among young people and middle-aged people, are opening up with the development of the digital economy and the training and retraining of IT personnel, envisaged in the national program “Digital Economy of the Russian Federation”.

Keywords: social stratification, positive and negative privilege, hierarchy, social stratum, chances, risks.

REFERENCES

- Belyaeva L.A. (2022) Social structuring of Russian society: from the Soviet period to the present. In: *Socio-cultural studies of the post-Soviet transit of Russia*. General ed. by N.I. Lapin. Moscow: IF RAS: 174–244. (In Russ.)
- Gordon L., Terekhin A., Sivertsev M. (1971) Identification of socio-demographic types by cluster analysis methods and determination of their relationship with types of behavior. In: *Working class, production team, scientific and technical revolution (some problems of social structure)*. Materials for the II All-Union Conference on the problem: “Changing the social structure of Soviet society”. Moscow: AN SSSR. (In Russ.)
- Gordon L.A., Nazimova A.K. (1985) *The working class of the USSR: trends and prospects of socio-economic development*. Moscow: Nauka. (In Russ.)
- Harutyunyan Yu.V. (1971) *The social structure of the rural population of the USSR*. Moscow: Mysl'. (In Russ.)
- Tikhonova N.E. (ed.) (2022) *Society of unequal opportunities: the social structure of Russia Today*. Moscow: Ves' mir.
- Weber M. (1978) *Economy and society*. Ed. by G. Roth, C. Wittich. Berkeley: University of California Press.

Коротко о книгах

МНОГООБРАЗИЕ РЕЛИГИОЗНЫХ ФОРМ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ / Отв. ред. В.А. Егоров. СПб.: РХГА, 2022. 248 с.

В настоящее время религия остается заметным и значимым социальным явлением, играет особую, специфическую роль в жизни человека и общества. Ранее привычная религиозная картина и религиозный ландшафт меняются, появляются новые религии и трансформируются старые. Во многом это связано с миграционными процессами, глобализацией и урбанизацией, а также другими вызовами времени и неизбежными поисками новых идентичностей.

Данная коллективная монография включает в себя научные статьи, посвященные истории и традиции религий, их религиозным, мировоззренческим и нравственно-этическим установкам, государственно-конфессиональным отношениям в прошлом и настоящем в условиях постсекулярного глобального мира, светскости государства, поликонфессиональности и многонациональности современной России.

Издание адресовано широкому кругу читателей, интересующихся феноменом религии и его проявлением в современной России.

ПАМЯТЬ О ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ ЗА ПРЕДЕЛАМИ ЕВРОПЫ / Под ред. А.И. Миллера, А.В. Соловьева. СПб.: Изд-во ЕУСПб, 2022. 264 с.

Вторая мировая война определила всю международную политику с середины XX до начала XXI века. Ее интерпретация, преимущественно через образ Великой Отечественной войны, стала этическим фундаментом всей российской политики. Отечественные представления о той переломной эпохе не совпадают с оценками и взглядами, устоявшимися в исторической памяти других стран. Европейские и американские нарративы достаточно известны в России, в том числе и в контексте жаростных споров на самом высоком политическом уровне. Незападные трактовки оставались по большей части вне поля зрения нашей читающей публики. Данная книга представляет собой первый квалифицированный обзор и анализ политики памяти о Второй мировой войне в Японии, Китае, Северной и Южной Корее, Монголии, Индии, Иране, Турции, странах арабского мира, Бразилии, Аргентине и Мексике.

Издание ориентировано на специалистов по международным отношениям, политологов, культурологов, историков и исследователей политики памяти как междисциплинарного поля.

ЦЕННОСТИ И ПОВЕДЕНИЕ: КРОСС-КУЛЬТУРНЫЙ ПОДХОД / Под ред. С. Роккас, Л. Сагив. Харьков: Гуманитарный центр, 2022. 332 с.

Авторы сборника рассматривают связи между ценностями и поведением с культуральной точки зрения. В статьях представлен обзор исследований, проведенных в разнообразных культурах, обсуждается культура как модератор взаимоотношений между ценностями и поведением. Первая часть книги посвящена определению и измерению ценностей. Во второй части исследуется содержание взаимоотношений между ценностями и поведением в разных областях жизни, включая просоциальное поведение, агрессию, поведение в организациях и формирование взаимоотношений. В третьей части рассматриваются некоторые из модулирующих процессов, которые связывают ценности с поведением. Данный сборник представляет собой результат двадцати лет исследований ценностей и поведения и предлагает новые идеи, которые имеют важные последствия как для исследований, так и для практики.

Громов Д. АУЕ. КРИМИНАЛИЗАЦИЯ МОЛОДЕЖИ И МОРАЛЬНАЯ ПАНИКА. М.: Новое литературное обозрение, 2022. 424 с.

В августе 2020 г. движение «АУЕ» было признано экстремистской организацией. В последние годы с этой загадочной аббревиатурой, которая может быть расшифрована, например, как «арестантский уклад един» или «арестантское уголовное единство», были связаны различные информационные процессы – именно они стали предметом исследования, представленного в этой книге. Автор показывает механизмы, с помощью которых явление «АУЕ» стало таким заметным медийным событием. Как слово, появившееся в информационном пространстве в 2014–2022 годах, превратилось в один из главных брендов страха перед преступностью? Какие факторы повлияли на конструирование этого бренда? И стоит ли за ним реальная проблема криминализации молодежи? Ответы на эти вопросы автор стремится найти, опираясь на концепцию моральной паники.

Иллуз Е. ПОЧЕМУ ЛЮБОВЬ УХОДИТ? СОЦИОЛОГИЯ НЕГАТИВНЫХ ОТНОШЕНИЙ. М.; Берлин: Директмедиа Паблишинг, 2022. 384 с.

В данной работе, посвященной романтическим отношениям в век интернета, автор продолжает рассказ о результатах своих исследований влияния капитализма на любовь. Свобода вступать в отношения без обязательств привела к нормализации нестабильности и неопределенности. Мужчины или женщины могут активно менять партнеров и при этом испытывать чувства неудовлетворенности или одиночества. Если раньше сексуальные отношения были стадией развития романтических отношений, то сейчас распространяются отношения, которые начинаются с секса и не предполагают развития. В своей книге социолог Ева Иллуз анализирует, что означает для общества исчезновение любви.

Ионин Л.Г. ДРАМА ЖИЗНИ МАКСА ВЕБЕРА. М.: Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2022. 384 с.

В настоящей книге главное внимание уделяется не анализу теоретического наследия Макса Вебера, а его личности. На протяжении последнего столетия этот классик социологии рассматривался как проповедник рационализма в теории и этического идеала героической аскезы, а его собственная жизнь считалась чуть ли не воплощением этого идеала. Новые исследования показали, что Макс Вебер был живым, страдающим, мятущимся человеком и его жизнь определялась не только разумом, но и страстями. Автор анализирует жизнь героя во всем богатстве ее проявлений – от политических взглядов и стремлений до глубинных психологических механизмов, диктующих часто неожиданные и не поддающиеся рациональному объяснению решения и поступки.

Жижек С. НЕБЕСА В СМЯТЕНИИ. М.: АСТ, 2022. 320 с.

По мере того как мир выходит из пандемии, в центре внимания оказываются другие кризисы: социальное неравенство, климатическая катастрофа, отчаявшиеся беженцы и нарастание напряженности в результате новой холодной войны. Неизменный мотив нашего времени – безжалостный хаос. В этих условиях, по мнению автора, необходимы международная солидарность, экономические преобразования и, прежде всего, безотлагательный коммунизм. В центре внимания его книги – Трамп и Rammstein, Amazon и COVID-19, Афганистан и Христос, Джордж Оруэлл и интернет-тролли, Ленин и литий, Байден и Европа, а также десятки других значимых феноменов, которые Жижек привлекает для радикального анализа современности.

Мортон Т. РОД ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ. СОЛИДАРНОСТЬ С НЕЧЕЛОВЕЧЕСКИМ НАРОДОМ. М.: Изд-во Института Гайдара, 2022. 368 с.

Что делает людей людьми? По мере того как наука и техника оспаривают границы между жизнью и нежизнью, органическим и неорганическим, этот старый вопрос становится необычайно своевременным. Автор книги приглашает нас взглянуть на этот философский вопрос как на глубоко политический, поскольку в наших отношениях с нечеловеческими существами мы определяем судьбу нашей человечности. Становиться человеком, утверждает автор, на самом деле означает выстраивать отношения солидарности с нечеловеческими существами для более широкого понимания реальности.

Бенанав А. АВТОМАТИЗАЦИЯ И БУДУЩЕЕ РАБОТЫ. М.: Изд-во Института Гайдара, 2022. 208 с.

Титаны Кремниевой долины, политики, технофутуристы и социальные критики едины в том, что мы живем на пороге эры стремительной технологической автоматизации, предвещающей конец привычной работы. Но насколько широко обсуждаемое «нашествие роботов» действительно объясняет кризис рабочих мест? В своей книге автор описывает структурные экономические тенденции, которые будут определять нашу рабочую жизнь на долгие годы вперед, а также критически рассматривает идею всеобщего базового дохода.

Подготовила А. ГОВОРОВА

ПАМЯТИ СВЕТЛАНЫ НИКОЛАЕВНЫ ИКОННИКОВОЙ (19.11.1930–11.10.2022)

Окончился жизненный путь Светланы Николаевны Иконниковой, на подходе к 92-летию ее не стало. Ушла еще одна значимая фигура ленинградской социологической школы, серьезный многогранный ученый, выдающийся наставник, организатор науки и сильная личность, верная идеалам шестидесятников, но сделанное Иконниковой остается с нами навсегда. Началась ее постбиография... Она оставила богатое наследие: более 400 научных работ, в том числе 12 монографий. Подготовила большое число первоклассных социологов и культурологов: под ее руководством защитили диссертации 63 кандидата и 15 докторов наук. Многие поколения студентов и аспирантов изучали культурологию по ее учебникам.

Не помню, чтобы нас кто-либо знакомил. Я пришел в социологию в конце 1960-х гг., когда социологов в Ленинграде было немного, и в той или иной степени все знали друг друга. В тогдашнем Доме политпросвета был один из центров зарождающейся социологии: регулярно проходили общегородские семинары. Все были молоды и желали как можно больше сделать в лишь создававшейся социологии. Наверное, кто-то, указав на молодую красивую женщину, сказал мне: «Это – Светлана Иконникова», обо мне кто-то, скорее всего, сказал ей: «Этот парень – математик, работает у Андрея Здравомыслова». Таких было мало, и нас запоминали.

Полтора года назад я написал небольшой текст о ней¹, в основании проведенные поиски В. Шаронова и С. Синецкого². Статья – многоплановая, и один из ее фокусов – обстоятельное рассмотрение предбиографии Иконниковой, т.е. это основательный историко-социологический анализ ее многопоколенной семьи, начиная с прапрадеда. Там же дан набросок биографии Иконниковой, которая, несомненно, привлечет внимание новых когорт историков отечественной социологии и культурологии. Траектория жизни ее родительской семьи начинается в середине XIX в., проходит по территории многих регионов России и отражает уклады жизни ряда слоев российского населения, и важно то, что как биограф-культуролог она интересовалась прошлым своего семейного клана и как личность гордилась своей семьей. Исследователь, который заинтересуется профессиональной жизнью Светланы Николаевны, автоматически погрузится в анализ становления и развития ленинградской социологической школы и в изучение судеб тех, кто стоял у ее истоков.

С.Н. Иконникова окончила философский факультет ЛГУ в 1953 г., вместе с ней учились ее ровесники, недавние выпускники школ, и более старшие, пришедшие с войны, израненные и жадные до учебы. Те, кто помоложе, были комсомольцами, среди фронтовиков были члены партии. Студенческий коллектив был сильным, честолюбивым, но успехи в учебе и высокая общественная активность заметно выделяли ее. В 1958 г. Иконникова была избрана секретарем комитета комсомола университета, по тем временам – очень высокая и ответственная социальная позиция. «Через комсомол» прошли многие создатели ленинградской социологии: В.А. Ядов был секретарем ВЛКСМ Василеостровского района Ленинграда, А.Н. Алексеев – заместителем секретаря комитета комсомола университета, А.Г. Здравомыслов – комсомольским вожаком на одной из фабрик Ленинграда,

¹ Докторов Б. Светлана Иконникова. Траектория ее предбиографии. URL: <https://proza.ru/2022/03/21/166>

² Шаронов В.И., Синецкий С.Б. Гравитационное поле С.Н. Иконниковой (биографическое исследование к 90-летию основателя культурологической школы профессора Светланы Николаевны Иконниковой) // Вестник культуры и искусств. 2020. № 4 (64). С. 15–29.

а Б.М. Фирсов, пройдя многие иерархические ступени, избирался секретарем областного комитета ВЛКСМ. И в этом факте нет ничего удивительного, комсомольцы 1940–1950-х искренне видели в комсомоле эффективный канал своего действенного участия в строительстве нового общества. По словам ровесников Иконниковой, Б.А. Грушина и Ю.А. Левады, учившихся в МГУ, они шли на философский факультет «за правдой».

Собственные исследования большинства социологов той поры начинались с изучения фрагментов социальной реальности, знакомых им «по жизни». Так, Иконникова, будучи комсомольским лидером, включилась в разработку близкой ей молодежной тематики и в 1963 г. защитила кандидатскую диссертацию «Нравственный идеал и его отношение к действительности». Изучение молодежи продолжилось: в 1974 г. выходит ее книга «Молодежь. Социологический и социально-психологический анализ» и защищается докторская диссертация «Молодежь в социальной структуре социалистического общества». В 1979 г. Иконникова становится лауреатом премии Ленинского комсомола, перед ней открывалась дорога в высшую партийную номенклатуру, но она видела свое будущее иначе: наука и преподавание.

Пройдя на философском факультете ЛГУ путь от ассистента до заместителя декана, С.Н. Иконникова в 1972 г. становится заведующей кафедрой теории и истории Ленинградского государственного института культуры. Безусловно, глядя в полувековой удаленности, можно не сомневаясь сказать – то было смелое, рискованное решение. Это теперь Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусств (СПбГУКИ) – один из ведущих в городе образовательных центров, а в начале 1970-х гг. Институт культуры не был таким, да и лишь в последние десятилетия культурология, социология и история культуры стали активно развиваться в нашей стране. И эти значительные позитивные изменения в российской культурологии и месте СПбГУКИ в образовательном пространстве города во многом – результат деятельности Светланы Николаевны и созданного ею научного коллектива. Назову лишь некоторые научные направления, разрабатывавшиеся Иконниковой и ее коллегами: социология культуры, культурология, история культурологических теорий, теория и история культуры, гуманитаризация высшего образования, философия культуры, структура культурологии как науки, историография культурологии, динамика культуры, антропология культуры.

Анализ трендов развития отечественной социологии указывает на рост внимания исследователей к проблематике социологии культуры. И здесь можно воспользоваться разработками Иконниковой категории топохрона, открывающей путь к измерению пространственно-временного континуума сложных культурологических образований. Так, А.В. Бондарев и Л.М. Мосолова в их недавней публикации отмечают, что С.Н. Иконникова еще в 1990-х годах «с присущей ей гениальной прозорливостью преддрекала, что “в будущем возникнет топографическая культурология, анализирующая генезис исторических форм культуры и архитектонику культурного пространства России и других стран”»³.

Мой опыт изучения жизненных путей людей показывает познавательную и методологическую плодотворность разделения биографии и судьбы, понятий, имеющих разную субстанциональность. Биография – это совокупность всех действий и мыслей человека, приходящихся на годы его жизни. Судьба – это комплекс всего, что предопределяет биографию человека (предбиография), наполняет его жизнь (собственно биография) и связано с ним после ее завершения (постбиография). У биографии есть начало и конец, судьба же теоретически бесконечна. Судьба – более многомерна, чем биография.

Завершилась биография С.Н. Иконниковой, начинается её постбиография и закладывается взгляд на ее судьбу. И как все это будет протекать, теперь во многом зависит от нас, ее современников.

Б.З. ДОКТОРОВ

³ Бондарев А.В., Мосолова Л.М. Научно-образовательные топосы культурологии в культурном пространстве Санкт-Петербурга // Общество. Среда. Развитие. 2021. № 3. С. 61–72.

SOCIOLOGICAL STUDIES

Monthly

2022 No. 11

CONTENTS

XXIV KHARCHEV READINGS

- 3 DUDINA V.I. Conceptualizing Social Agency in Unstable Society: Between Micro and Macro Levels
- 15 KLUPT M.A. Demographic Development in Light of the 21st Century Crises: a Theoretical Analysis

SOCIAL POLICIES. SOCIAL STRUCTURE

- 25 SUSHKO P.E. Russians' Ideas about Possible Ways of Russia's Development: Prevalence and Specificity
- 38 ZVONOVSKIY V.B., KHODYKIN A.V. Reflection of the Cultural Power of the Geopolitical Narrative in the Collective Perceptions of Russians about the Military Operation in Ukraine
- 54 BORSHCHEVSKIY G.A. "Direct Line with Vladimir Putin" in the Mirror of Sociology and Axiology
- 66 FARAKHUTDINOV Sh.F., KHAIRULLINA N.G. All-Russian Population Census 2020–2021: Censusists' Point of View

METHODOLOGY AND METHODS OF SOCIOLOGICAL STUDIES

- 74 SAVCHENKO T.N., SAMOYLENKO E.S. Social Comparison as a Factor of Subjective Well-Being

ECONOMIC SOCIOLOGY. SOCIOLOGY OF WORK

- 86 TEMNITSKIY A.L. Resource Potential of Precarious Employees in Russia
- 100 ANISIMOV R.I. Working Hours and Social Guarantees of the Precariat (a Comparative Analysis)

SOCIOLOGY OF PROFESSIONS

- 112 IARSKAIA-SMIRNOVA E.R., YARSKAYA-SMIRNOVA V.N. The Life World of a Helping Profession in the Pandemic: Rethinking of Symbolic Boundaries

MILITARY SOCIOLOGY

- 123 OBRAZTSOV I.V. The "Indestructible and Legendary" Army at the End of the Soviet Era

FIRST STEPS

- 135 CHERNYSHEVA N.S., ZHANG YUXIN. Approaches to the Studying Youth Migration in Russia: Reviewing Discussions

FACTS. COMMENTS. NOTES

- 144 NAZAROVA I.B. Social Enterprises: Demand for Support
- 149 BELOVA Yu.Yu., KOROTKOV P.A., FADEEVA I.M. Risk Factors for Drug Addiction (the Case of Mordovia Republic)
- 154 GALKIN K.A. Health-Saving Strategies of Older People after the Pandemic (the Case of Villages in Republic of Karelia)

ACADEMIC EVENTS

- 158 SHILOVA V.A., BOGDANOV V.S. Governance in a Digital Society
(based on the materials of the round table)
- 161 ADELFINISKY A.S. About the Crisis of the Social Order in Sport
- 163 PETROVA E.V., AKTAMOV I.G. The World of Central Asia in a New Geopolitical Reality

REFLECTING ON A NEW BOOK

- 165 BELYAEVA L.A. Chances and Risks as Criteria for Social Stratification of Modern Russian Society

BOOKS IN BRIEF

IN MEMORIAM

- 173 S.N. Ikonnikova

CONTENTS

NEW BOOKS IN SOCIAL SCIENCE (inside front cover)

IN THE NEXT ISSUES (back cover)

ГАУГН-ПРЕСС

«ГАУГН-ПРЕСС» осуществляет свою деятельность на базе Государственного академического университета гуманитарных наук (ГАУГН) и научно-исследовательских институтов Российской академии наук социогуманитарного профиля в рамках их сетевого взаимодействия.

КЛЮЧЕВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ

- формирование учебно-методических комплексов
- развитие научной периодики
- внедрение новых стандартов научной коммуникации

ПРИНЦИПЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

- интеграция науки и образования
- модульный характер актуализации гуманитарного знания
- сетевое взаимодействие научных и методических центров

НАУЧНАЯ И УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА

СЕТЕВАЯ ПЕРИОДИКА

По вопросам приобретения научной и учебной литературы, печатных изданий журналов Российской академии наук, а также оформления подписки на сетевую периодику обращаться по адресу press@gaugn.ru

БАКАЛАВРИАТ

Социология

МАГИСТРАТУРА

Методология и практика
социологических
исследований

АСПИРАНТУРА

Социологические науки

Социологический факультет ГАУГН — это современный образовательный и научный центр. Наши преподаватели – известные социологи с мировыми именами, авторы фундаментальных научных трудов, учебников, участники крупных российских и международных социологических форумов, члены экспертных советов при законодательных и исполнительных органах государственной власти.

Уникальность факультета заключается в том, что все предметные направления изучаются во взаимосвязи с научными проектами, проводимыми учеными Института социологии ФНИСЦ РАН.

Синтез фундаментальных научных и прикладных исследовательских направлений в области социологии позволяет готовить исследователей и аналитиков, успешно работающих в различных профессиональных областях.

5 ПРИЧИН ПОСТУПИТЬ В ГАУГН

ВЫДАЮЩИЕСЯ ПРЕПОДАВАТЕЛИ

Ученые из научно-исследовательских институтов РАН, включая академиков, членов-корреспондентов, докторов и кандидатов наук.

ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ ПОДХОД

Мы не набираем на курс более 35 человек. Преподаватель общается с каждым индивидуально, помогает в выборе вектора профессионального развития.

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

Некоторые лекции читают приглашенные специалисты из других стран. Большое внимание уделяется языковой подготовке.

УДОБСТВО

Факультеты находятся в Москве в непосредственной близости от метро. Обучение в магистратуре и аспирантуре в основном проходит в вечернее время. Подать документы можно онлайн.

СТУДЕНЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ

Студенты ГАУГН могут участвовать в многочисленных студенческих клубах («Что? Где? Когда?», Клуб политического анализа, Китайский разговорный клуб и др.).